АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES
IN THE CRIMEA

Симферополь
«Таврия», 1994

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КРЫМУ

1993 год

Council of Ministers of the Crimea

State Committee of Preservation and Usage of History and Culture Monuments

National Academy of Sciences of Ukraine

Archaeology Institute

Crimean Branch

ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES IN THE CRIMEA

1993

Simferopol

"Tavria"

1994

Совет Министров Крыма

Государственный комитет по охране и использованию памятников истории и культуры

Национальная Академия Наук Украины Институт археологии

Крымский филиал

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КРЫМУ

1993 год

Симферополь,

"Таврия"

1994

Редакционная коллегия:
И.А.Баранов,
В.А.Кутайсов (ответственный редактор),
А.Г.Литвиненко,
В.Л.Мыц

Editorial Board:
I.A.Baranov,
V.A.Kutaisov (Managing Editor),
A.G.Litvinenko,
V.L.Mytz

Археологические исследования в Крыму. 1993 год: Сб.
А 847 науч. тр.— Симферополь: Таврия, 1994.— 320 с.: ил.
ISBN 5—7780—0729—9

В книге представлены предварительные публикации результатов всех археологических исследований, проведенных на территории Крыма в 1993 году различными научными учреждениями Украины, России, Армении, Бельгии и США. Кратко охарактеризованы раскрытые архитектурно — строительные объекты, курганы, некрополи, их прогребальные сооружения, приведены наиболее интересные и важные для интерпретации и хронологии памятников находки, описаны подводные работы на прибрежном шельфе.

По итогам раскопок каждого последующего года планируется продолжение этого издания, соавторами которого являются все работающие на полуострове археологи.

Preliminary publication of the results of all archaeological researches carried out on the territory of the Crimea in 1993 by different scientific institutions of Ukraine, Russia, Armenia, Belgium and the USA is presented in this book. Discovered architectural complexes, barrows, necropolises, their burial constructions are briefly characterised, the most interesting and important finds for interpretation and chronology of monuments are given, underwater works on offshore shelf are described.

We plan to proceed publishing this edition basing on the results of each subsequent year. All archaeologists working on the peninsula are coauthors.

National Academy of Sciences of the Ukraine
Archaeology Institute Crimean Branch
2 Yaltinskaya Street Simferopol, 333007 Crimea, Ukraine
Tel.: 23-20-72

ISBN 5-7780-0729-9

© Крымский филиал Института археологии НАН Украины, 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не многие уголки на Земле могут сравниться с Крымом по многочисленности и разнообразию археологических памятников практически всех исторических эпох — от периода первоначального заселения Европы первобытным человеком и до позднего средневековья. Расположенный на стыке континентов полуостров был (и продолжает оставаться до сих пор) зоной активных контактов различных этносов и народов. Здесь сталкивались и взаимодействовали, дополняя друг друга, различные этносы: киммерийцы, скифы, тавры, древние греки, сарматы, а соприкасались политические и экономические интересы таких государств, как Херсонес, Боспорское и Позднескифское царства. Тут сменяли друг друга или сосуществовали Рим, Византия, Великая Болгария, Хазарский каганат, Киевская Русь; «сожительствовали» княжества Феодоро, итальянские колонии, Золотоордынское наместничество, Крымское ханство и Османский пашалык,а затем Россия и теперь Украина. Это неполный перечень тех этносов и государств, тесно связанных с Таврикой и так или иначе отраженных в ее историко-археологических памятниках.

В последние годы временные пределы археологии значительно расширились: если раньше ее исследования ограничивались XV в. —временем подчинения полуострова Турецкой империей, то сегодня в поле зрения археологов оказываются объекты XVIII в. и даже фортификационные сооружения и некрополи времен Крымской войны (1853—1856 гг.). В связи с этим важнейшей становится задача составления полного свода памятников столь недалекого от нас времени, относящихся, в основном, к разным народам Крыма. Ныне идет процесс возрождения их культуры и в какой-то степени быта (в том числе народностей, возвращающихся на свою родину), полуразрушенные или уничтоженные памятники прошлого восстанавливаются. В ходе этих работ нередко искажается их

первоначальный облик. В угоду сегодняшнему дню они изменяются до неузнаваемости, а порой и просто сознательно разрушаются и заменяются новоделом. Реставрацией национальных памятников (если вообще правомочно связывать те или иные из них с одним лишь конкретным этносом) занимаются, как правило, лица малокомпетентные и неквалифицированные. Все возражения против такого отношения к архитектурным объектам отвергаются с порога под видом того, что они принадлежат национально — религиозным общинам, которые якобы вправе ими распоряжаться по своему усмотрению. С культурными историческими наслоениями при этом вообще поступают как с ненужным балластом.

Раскопками предыдущих десятилетий создан огромный банк данных, отражающий различные стороны жизнедеятельности, идеологии, быта и культуры народов, проживающих на полуострове. По существу, археологические источники впервые стали использоваться не для иллюстрации нередко неполных и отрывочных исторических свидетельств, а приобрели самостоятельное значение для воссоздания объективной картины исторического развития Крыма, этнической истории полуострова и характеристики его материальной и духовной культуры.

Помимо традиционных и наиболее престижных отраслей Северо — Причерноморской археологии (каменный век, эпохи — античная, скифская, византийская и времени Великого переселения народов), новым и необходимым ее направлением является исследование памятников XV — XVIII вв. Вместе с тем мы должны признать почти полное отсутствие специалистов — в том числе из возвращающихся в Крым представителей депортированных народов — в области истории и археологии названного периода, что диктует необходимость подготовки соответствующих научных кадров, прежде всего, национальных. Обозначившийся ныне вакуум, к сожалению, создает все условия для появления лженаучных и спекулятивных изданий, разжигающих межнациональную рознь и недоверие между различными народами Крыма.

Глобальные геополитические изменения в мире и последующая за тем дестабилизация обстановки в целых регионах, ухудшение

криминогенной ситуации, перемещение огромных потоков населения и многое другое выдвигают перед археологией новые задачи, которые заставляют нас в значительной мере переакцентировать полевые исследования на выполнение первоочередных и нетерпящих отлагательства археологических работ.

В силу сказанного, нам не избежать осуществления исследования сверхмасштабного в силу охвата огромной территории, вовлеченной в активную строительную и хозяйственную деятельность, нарушившую традиционное более или менее устоявшееся природопользование. При этом продолжают негативно сказываться на состоянии многих прибрежных поселений неизбежные геоморфологические изменения крымских ландшафтов, например, вызванные трангрессией Черноморского бассейна и тектоническим движением суши. Эту работу приходится выполнять в крайне тяжелых экономических условиях, при которых финансирование археологических раскопок в необходимых размерах просто немыслимо. В подобной ситуации не следует ли строго, хотя и временно, ограничить археологические исследования ни—жеследующими задачами?

Во—первых, нужны безотлагательные спасательные работы на памятниках, активно разрушаемых в результате необратимых (по крайней мере сейчас) природных процессов, например, многокилометровой береговой абразии и оползней. От многих из приморских памятников за прошедшее столетие уже осталось менее половины или даже не более трети их площадей, а при сохранении нынешних темпов размывания клифов они скоро вообще могут исчезнуть с лица земли (нашим потомкам останется лишь сожалеть о том, что мы не сумели правильно ориентировать направление своих исследований).

Во—вторых, безусловно, необходимы так называемые охранные раскопки памятников, подверженных, к сожалению, неизбежному, а подчас и неконтролируемому антропогенному воздействию на ландшафты Крыма, особенно усиливающемуся в условиях активной урбанизации полуострова в последнее десятилетие из—за неудержимого роста новых населенных пунктов в связи с

возвращением депортированных народов, а также появлением плохо регулируемой садово – дачной застройки и хищнического освоения прибрежной рекреационной зоны, изящно именуемого «приватизацией». Главный принцип всей этой небывалой, в условиях экономического кризиса непонятной и, с точки зрения нормальной логики, неприемлемой строительной деятельности (если не сказать строительного бума) заключается в том, чтобы как можно быстрей —пока не разработано законодательство, регулирующее ее и отстаивающее интересы страны в целом, — урвать лично себе лакомый кусок крымской земли.

Настоящим бедствием для Крыма стали в последние годы и невиданные до сих пор по своим масштабам грабительские «раскопки» с единственной целью — удовлетворение спроса на антиквариат в ближнем и дальнем зарубежье. Достаточно сказать, что в каталогах многих международных аукционов без труда распознаются крымские поступления; нередко их происхождение даже указывается в аннотациях к представленным предметам. По нашим данным, только за последний год на полуострове разграблено около одной тысячи курганов, склепов, плитовых и грунтовых могил. Пройдет еще несколько лет и пока еще богатый погребальными памятниками полуостров может остаться просто без таковых, и неотъемлемой частью крымского пейзажа станут искалеченные курганы и разрытые могилы наших далеких предшественников. Остановить подобный ажиотаж возможно только чрезвычайными экстраординарными мерами, своего рода государственной программой по защите культурно – исторического наследия. Промедление в этом деле смерти подобно. Потомки бездействия нашего нам не простят.

В столь экстремальной — на грани бедствия — ситуации всем профессионалам – археологам, которым дорог Крым, следует отложить в сторону отвлеченные от реальной жизни планы и сосредоточить в ближайшие годы все усилия на спасательных раскопках древних погребальных сооружений. Ибо вернуться к этой работе спустя годы не удастся: исчезнут объекты изучения.

Археологические исследования городищ и поселений, если в этом есть необходимость, следовало бы осуществлять только тогда,

когда заранее предусмотрены реставрационные и консервационные мероприятия и, что не менее важно, организована охрана раскрываемых архитектурно — археологических памятников. С бытовавшим долгие годы и еще неизжитым чисто потребительским подходом к археологическому достоянию Крыма следует раз и навсегда покончить.

Первые шаги в охране археологического достояния Республики Крым сделаны. Ее Верховным Советом принят новый Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры». В нем устранены недочеты, делавшие безжизненными прежние одноименные Законы СССР и УССР. Кроме того, предусмотрены два органа, обеспечивающие его осуществление в области археологии. Во — первых, Государственный комитет по охране и использованию памятников истории и культуры Совета Министров Крыма, во — вторых, Комитет полевых исследований Крымского филиала Института археологии Национальной Академии Наук Украины. Участие в обоих органах опытных администраторов и специалистов — ученых, а также четкая программа, коллегиальность их совместной деятельности служат залогом того, что Закон будет выполняться как в интересах охраны памятников, так и археологической науки.

Надеемся, что краткая и оперативная публикация результатов полевых исследований 1993 г. убедит коллег в справедливости вышесказанного. Издание подобного рода предполагается сделать в дальнейшем регулярным — в качестве ежегодного подведения итогов совместных усилий всех работающих в Крыму археологов и представляемых ими учреждений.

С.Б.Адаксина, В.П.Кирилко,
А.В.Лысенко, В.Л.Мыц,
С.В.Татарцев, И.Б.Тесленко,
С.В.Семин

ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕПОСТИ АЛУСТОН

В период полевого сезона 1993 г. Горно – Крымская экспедиция КФ ИА НАН Украины (нач.экспедиции Мыц В.Л.) совместно с ГосЭрмитажем (нач. отряда Адаксина С.Б.) продолжили изучение средневекового города Алустон. Основными объектами исследования являлись: башня Ашага – Куле, прилегающие к ней фортифи – кационные сооружния, 6 помещений XIV—XV вв., участок зольника VIII—X вв., часовня и некрополь X—XVIII вв. Общая площадь раскопок в 1993 г. составила около 680 м². Мощность культурного слоя на исследуемом участке достигала 0,5—6 м.

Особый интерес (ввиду спорности датировки памятника) представляли раскопки хорошо сохранившейся до настоящего времени башни Ашага – Куле и примыкающих к ней куртин. Одним из первых обследование Алуштинской крепости провел в 1794 г. П.С.Паллас, который, осмотрев ее руины, пришел к выводу, что это генуэзская постройка. Этого же мнения придерживался и К.Келер, посетивший Алушту вместе с архитектором Е.Паскалем в 1821 г. Более подробное описание памятника сделали Ф.Дюбуа де Монпере и П.И.Кеппен. Кеппеном был опубликован и план крепости по состоянию на 1835 г. В 1886 г. В.Ф.Миллером в Алуште и ее окрестностях проводились небольшие археологические раскопки. У въезда в Алушту со стороны Симферополя им исследовано несколько позднесредневековых погребений. Миллер также отмечал на склонах Крепостной горки наличие «древних» могил. Во время археологических разведок в Алуште в 1947 г. крепость осмотрел Е.В.Веймарн. В своем дневнике от отметил наличие на поверхности только «позднего» материала, считая, что и само укрепление является «послеюстиниановской постройкой». Веймарн высказал

предположение, что ко времени Юстиниана I может быть отнесена только круглая башня (Ашага – Куле). Его поддержал О.И.Домбровский, полагавший, что«из четырех круглых башен VI в. сохранилась только одна».

Как показали раскопки 1993 г., Ашага – Куле — угловая башня генуэзской крепости XV в., замыкающая юго – восточный фланг обороны. Башня круглая, внешний диаметр ее 8—8,3 м, внутренний —3—3,2 м. Стены башни (толщиной до 2,8 м, сохранились на высоту 16 м) сложены из разномерного с лицевой подтеской камня на известковом растворе. В кладке отмечены пустоты от сантрачных конструкций. Мощность культурных отложений внутри башни достигала 6 м. При раскопках выяснилось, что большая часть заполнения башни (основную массу которого оставлял слой разрушения) образовалась в XIX в. До этого, в XVIII—XIX вв., внутреннее помещение башни использовалось, видимо, в хозяйственных целях. Слои, связанные с пожаром в башне, залегали на 0,5 м ниже уровня пола XIX в. Судя по найденным здесь оплавленным осколкам габбро – диорита температура в башне во время пожара превышала 1100 С°. В слое пожара обнаружены обугленные остатки деревянного перекрытия, среди которых найдено несколько четырехгранных в сечении гвоздей и 3 ядра от баллисты диаметром 11,4—11,6 см. Под сгоревшим перекрытием залегал слой прокаленного до красного цвета грунта мощностью 0,3 м. Пол внутреннего помещения башни, использовавшийся до пожара, открыт на глубине 5,1 м. Это слой плотного глинистого грунта с впущенными с его поверхности 5 – ю ямами для установки сосудов. Пол башни возвышался над фундаментом на 0,6 м. Фундамент сооружен в строительной траншее, вырубленной в культурных отложениях, образовавшихся до постройки башни и частично в материке. В нивелирующей подсыпке под полом башни найдена монета (татаро – генуэзский аспр г. Каффы 1420—1433 гг.), свидетельствующая о том, что башня была возведена не ранее 20—30 – х гг. XV в. Основная масса керамического материала, найденного под полом, относится к XIV—XV вв. На полу башни и в углублениях для установки сосудов найдены фрагменты красноглиняных поливных кувшинов, чаш и

тонкостенных горшков, кувшинов, орнаментированных росписью белым ангобом. Аналогичные находки происходят из закрытых комплексов Фуны второй половины — конца XV в., что позволяет связывать пожар и разрушение башни Ашага–Куле со временем захвата Алушты турками в 1475 г.

Западная часть фундамента башни перекрыла существовавшую до постройки могилу, стены которой были сложены из бута на грязи, а перекрытие состояло из тонких плит песчаника. В могиле открыто 4 перемешанных погребения. В ней найдены бронзовый перстень и шаровидная серебряная пуговица. Подобные предметы бытовали длительное время и поэтому датируются в весьма широких пределах XII—XV вв.

Кроме башни Ашага–Куле, исследовался прилегающий к ней участок территории крепости. Мощность культурных отложений достигала здесь 3 м. В пределах границ раскопа открыты участки куртин, примыкающих к башне. Южная куртина (ее ширина 2 м) прослежена на 7,3 м, восточная (шириной 1,6 м) — на 37,5 м. Между башней и восточной куртиной находился воротный проем шириной 1,85 м с порогом, сложенным из разномерного необработанного камня на известковом растворе. Впоследствии этот проем был заложен с напольной стороны стеной шириной 0,4 м (эта кладка возведена на известковом растворе). В южной части проема (у стены башни) in situ найдена железная оковка нижнего угла воротного полотна с пятой и подпятником. Подпятник крепился, видимо, в деревянном брусе, являвшемся частью порога. Ниже уровня порога открыта поверхность проезда, выложенная морской галькой. Вероятно, воротный проем был заложен после частичного разрушения куртины и башни (после XV в.).

На территории крепости (у восточной куртины) исследовано 6 помещений XIV—XV вв. Их стены сохранились фрагментарно, т.к. оказались сильно разрушенными при строительных работах XIX—XX вв. Кладки стен помещений сложены из бута на грязевом растворе и сохранились в высоту 0,2—1 м. Ширина стен 0,6—0,7 м. В двух помещениях в пол были вкопаны пифосы. Основная масса керамического материала из заполнения помещений относится к

XIV—XV вв. Это фрагменты красноглиняных поливных сосудов (чаш, тарелок, кувшинов и блюд), тонкостенных коричневоглиняных кувшинов и горшков с росписью белым ангобом. Здесь же найдены костяные поделки: гребень, рукоятка от ножа, стило в виде змеи и проч. Определенный интерес представляют находки в слое XV в. целого лепного темно – коричневого горшка и сердоликовой подвески в виде черешкового наконечника стрелы с отретушированными краями. Кроме того, здесь же найден железный проушной топор с молотковидным обухом.

Под полом помещений XIV—XV вв., на материке, залегали культурные отложения хазарского времени, представлявшие собой остатки зольника VIII—X вв., частично исследованного в раскопе № 5 между хазарской оборонительной стеной и башней Орта – Куле. В зольнике (его напластования на изучаемом участке составляли 0,5—1 м) найдены фрагменты византийской белоглиняной поливной керамики IX—X вв., красноглиняных амфор VIII—X вв., кровельной черепицы, кувшинов с плоскими ручками, сероглиняных толстостенных сосудов, орнаментированных линейно – волнистым орнаментом. Изредка здесь же встречались фрагменты ручек, стенок и венчиков ранневизантийских амфор VII—VII вв.

В 28 м к северо – востоку от башни Ашага – Куле, под полом помещения XIV—XV вв., обнаружена плитовая могила, частично перекрытая крепостной стеной. Могильная яма вырублена в материке. Северная и южная стенки сложены из разномерного бута на грязи, а западная и восточная образованы поставленными на ребро керамидами X в. В трех ярусах могилы зачищено 6 безынвентарных погребений.

В 8 м западнее башни Ашага – Куле раскопками открыты остатки одноапсидного храма с прямоугольным планом, частично разрушенного подвалом дома XX в. Стены храма сложены на известковом растворе. Сохранились на высоту 1,15 м. В длину храм прослежен на 2,25 м. Ширина его — 4,85 м. Полукруглая в плане апсида выступает на 1,4 м. Наружная ширина плеч — 0,6 и 0,8 м. Внутренняя часть храма в 1993 г. осталась неисследованной и поэтому датировать его можно только предположительно XIV—XV вв.

Вся территория, прилегающая к храму и ограниченная куртинами, представляла собой христианское кладбище. В процессе раскопок на площади 42 м^2 исследовано 28 разновременных могил с более чем 120 погребениями. В основном, это могилы с обкладкой из разномерного камня. Из них 8 были перекрыты плитами. Кроме того, исследованы 7 гробниц со стенками, сложенными на известковом растворе. Большинство могил содержало один ярус погребенных. В гробницах количество ярусов достигало 11. Среди открытых погребений преобладают детские и женские. Особенно много детских захоронений открыто с внешней стороны апсиды храма. Погребения, в основном, безынвентарные. Из найденных в могилах предметов следует отметить серебряные шаровидные пуговицы, а также бронзовые и серебряные проволочные серьги. Интересна находка в 3 ярусе могилы 36 (по общей нумерации открытых на Алустоне могил) бронзовой раннесредневековой пряжки типа «Болонья» (вторая половина VII в. (рис. 1,7)). Пряжка не датирует погребение, т.к. в заполнении яруса находился керамический материал VIII—XIV вв. Кроме того, во 2 ярусе могилы 41 найдены белоглиняная поливная чаша с росписью марганцем и светлоглиняный одноручный поливной кувшин (полива светло – зеленая) с шаровидным туловом. Подобная импортная керамика попадала в Крым из Византии на протяжении XII—XIII вв.

Из наиболее ранних могил кладбища, находящихся под полотном дороги, ведущей к крепостным воротам у башни Ашага – Куле, исследована лишь одна (могила 55). Это гробница, расположенная в створе проема ворот. Могильная яма вырублена в материке. Стенки гробницы сложены из разномерного камня на грязи с обмазкой углов известковым раствором. Юго – западная стена гробницы образована керамидой X в. Гробница была покрыта плитами из конгломерата и песчаника. В 5 ярусах могилы зачищено 9 погребений. Здесь же найден браслет из коричневого стекла диаметром 6,5 см (браслет круглый в сечении). Северо – восточный край гробницы перекрыт восточной куртиной. Можно предположить, что описанная могила синхронна могиле 27, обнаруженной под башней. Могилы, находящиеся выше поверхности проезда, были сооружены не ранее

40–х гг. XIV в., о чем свидетельствует найденная на поверхности проезда серебряная монета хорошей сохранности (дирхем, Золотая Орда, г. Крым) первых лет правления хана Узбека (1313—1339 гг.). Наиболее поздние погребения относятся, видимо, к XVII—XVIII вв. Это подтверждает находка в верхнем слое заполнения храма серебряной монеты периода первого правления Менгли–Гирея II (Крымское ханство, Бешлык, 1724—1730). Остальные 6 монет, найденные на территории кладбища, выпущены в период со второй половины XIV до первой половины XV в. Интересна находка на этом участке серебряной монеты (двойной грош) Молдавского господыря Александра I, чеканенной между 1409—1415 гг. К периоду XIV—XV вв. относится и основная масса керамического материала, найденного в заполнении могил и в слоях культурных отложений между ними.

Таким образом, исследования крепости Алустон, проведенные в 1993 г., позволили получить новые данные по исторической топографии города и уточнить время строительства ряда объектов. Материалы раскопок позволяют датировать строительство башни Ашага–Куле и примыкающих к ней куртин 20—30–х гг. XV в. Вероятно, генуэзцы возводят внешний периметр оборонительных стен и башен Алушты после 1422 г., когда для организации защиты Готии и Чембало в октябре 1422 г. правительство Каффы отпустило из казны 16460 аспров. В ноябре того же года еще большая сумма выделена для ремонта оборонительных стен и защиты Алушты. Видимо, до 20–х гг. XV в. генуэзцы ограничили свои фортификационные мероприятия ремонтом и восстановлением византийских укреплений, возведенных еще при Юстиниане I, позже используемых ими как цитадель города.

А.И.Айбабин

РАСКОПКИ У с. ЛУЧИСТОЕ

При обследовании территории раннесредневекового могильника у с. Лучистое было установлено, что под столбами декораций, возведенных для съемки телефильма, образовались в двух местах углубления. На памятнике были произведены экспедицией КО ИВ НАН Украины охранно – археологические раскопки.

На участке 1 в районе декораций заложены два шурфа. В шурфе 1 захоронения не обнаружены, в то время как в шурфе 2 зачищена могила 71 по общей нумерации.

Могила 71. Грунтовая яма (2,03 х 0,5 м) ориентирована с ю – в на с – з. Боковые стены на дне ямы в изголовье и в ногах выложены необработанными камнями. Скелет взрослого ориентирован черепом на с – з. Кости рук и ног вытянуты, а левая кисть лежала у таза. У правой височной кости найдена бронзовая серьга.На участке 2, рядом с раскопом 1991 г., разбит раскоп 10, а возле грабительской ямы у южного угла раскопа 1983 г. – раскоп 11. В раскопе 11 в борту грабительской ямы зачищена уцелевшая часть грунтовой могилы 72.

Могила 72. Грунтовая яма ориентирована с с – в на ю – з. На глубине 1,1 м обнаружены кости ног двух скелетов. Костяк 2 лежал на 0,2 м ниже костяка 1. Между стопами костяка 2 найден железный нож.

Склеп 73. Под камеру приспособлен естественный разлом в скале. В камере поверх 80 см слоя грунта найдены плоские камни, остатки кострища и кости животных. Пол камеры снивелирован слоем земли, в котором зачищены три яруса захоронений, ориентированных черепами на с – з.

Кости ног сведены вместе, кости рук взрослых и подростка из слоя 1 и взрослого из слоя 2 слегка согнуты в локтях. В слое 1 у черепа костяка 3 стоял гончарный светлоглиняный кувшин. На полу зачищено захоронение взрослого, погребенного с согнутой в локте правой рукой. Верхняя часть скелета обложена камнями. На тазу лежало кресало с кремнями.

Склеп 74. Дромос, вход и верхняя часть камеры разрушены оползнем. Нижняя часть камеры, близкая по форме трапеции, ориентирована по оси ю–в — с–з, ее размеры 2,27 х 2—2,25 м. В ю–з стене сохранилась прямоугольная закладная плита. На полу зачищены кости четырех взрослых и ребенка, погребенных головами на с–з, со слегка согнутыми в локтях руками и вытянутыми ногами. На костях скелета 1 обнаружены фрагменты кожаного ремня с «В»–образной и трапециевидной пряжками и 21 бляшкой и наконечниками поясного набора, фрагменты железных ножа и кресала. К костяку 2 относятся бусины, серебряная орлиноголовая пряжка, два серебряных браслета. На тазовых костях скелета 4 — две «В»–образные пряжки, наконечник ремня и штампованные пластины поясного набора, справа у таза —железная сабля, фрагменты двух ножей и кресала. У черепа костяка 5 — пара серег и бусы, на правой лопатке — бронзовая подвязная фибула, на кресте — пряжка с прямоугольным щитком с изображением льва.

Склеп 73 по кувшину датируется второй половиной VIII—IX вв. В склепе 74 находился поясной набор, орлиноголовая пряжка и фибула второй половины VI в., а также прямоугольная пряжка с изображением льва первой половины VII в.

Е.А.Айбабина, С.Г.Бочаров

РАБОТЫ ФЕОДОСИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

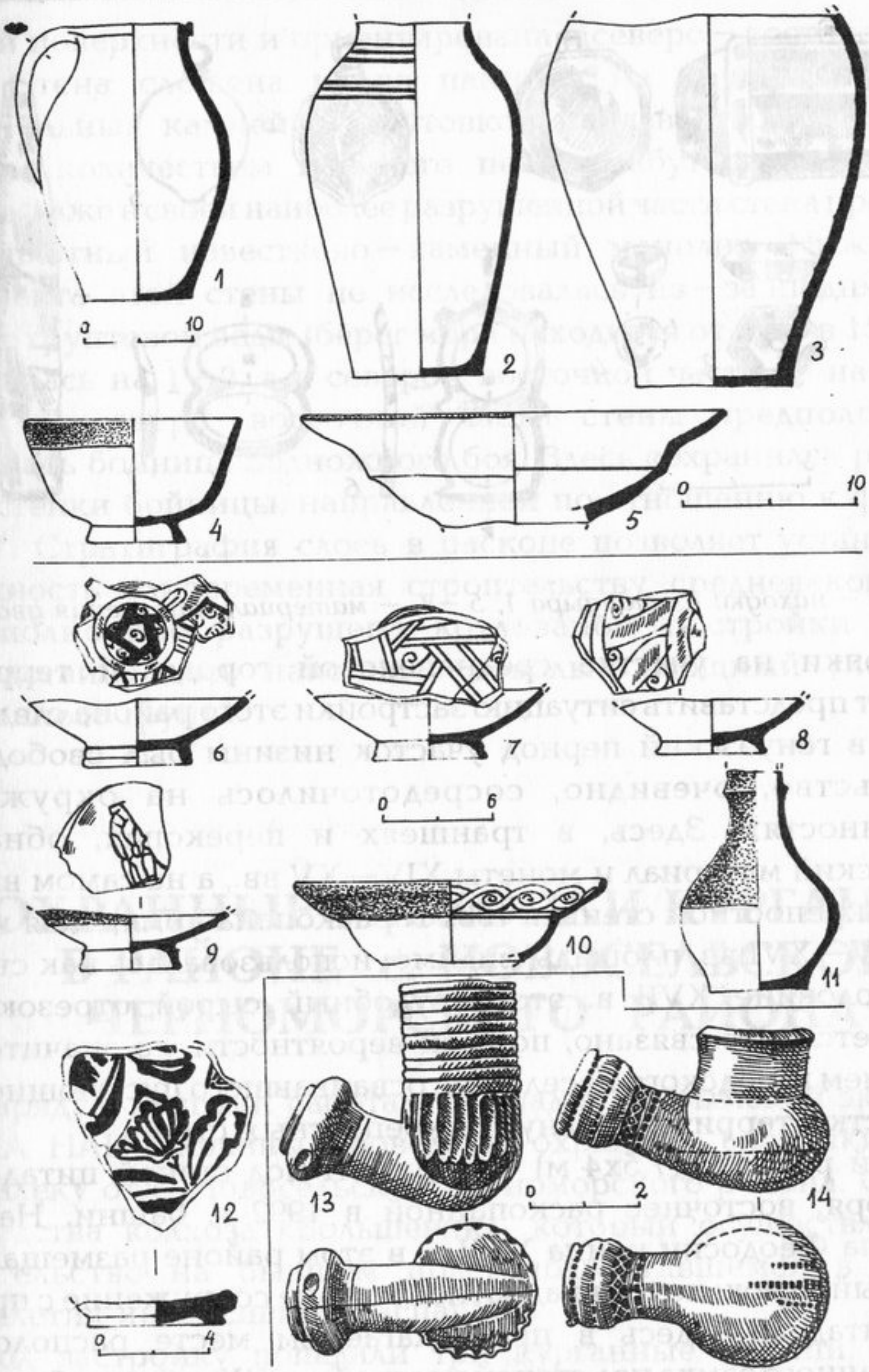
Археологические изыскания в пределах средневекового города Феодосии дают новый дополнительный материал для изучения его топографии и материальной культуры. Феодосийской экспедиции КО ИВ НАН Украины проводились охранные работы по трассе траншеи канализационного коллектора, прокладываемой по юго–восточной оконечности города. Для исследования был избран участок средневекового городища на площадке между двумя рукавами водоотводного канала к северу от церкви св. Стефана XIV в. Раскопками обнаружены строительные остатки усадьбы XVII—XVIII

вв., состоящей из трех помещений и двора. Ее стены толщиной 0,60х0,66 м сохранились в среднем на высоту 0,50 м. Они сложены из необработанного камня на глине. Их фундамент глубиной до 0,30 м сложен из такого же камня насухо.

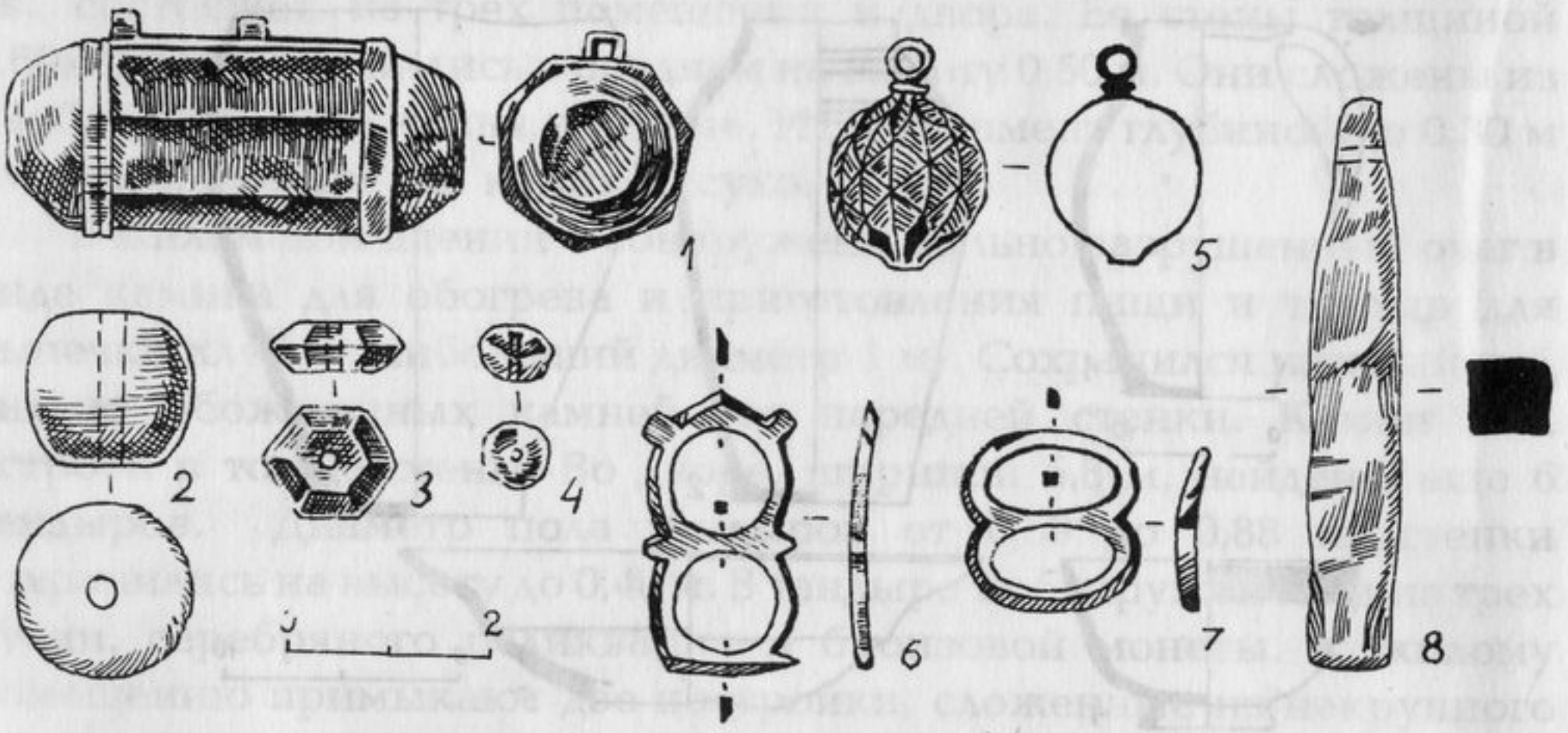
В жилом помещении 1 обнаружены сильно разрушенный очаг в виде камина для обогрева и приготовления пищи и тандыр для выпечки хлеба (наибольший диаметр 1 м). Сохранился нижний ряд сильно обожженных камней его передней стенки. Камин был устроен в толще стены. Во дворе, шириной 5,8 м, найдены еще 6 тандыров. Диаметр пола тандыров от 0,59 до 0,88 м, стенки сохранились на высоту до 0,46 м. В тандыре 1 обнаружен клад из трех бусин, серебряного реликвария и бронзовой монеты. К жилому помещению примыкают две постройки, сложенные из некрупного камня на глине с тонкими в 1—2 камня стенками толщиной 0,20—0,22 м. За северо—восточной стеной находилась мощеная улица, выложенная известняковыми плитами (0,40х0,38х0,06 м). В слое заполнения усадьбы найдено большое количество фрагментов красноглиняных сосудов с горизонтальными ручками (XVIII—XVIII вв.), поливной красноглиняной монохромной и орнаментированной посуды, мисок и кувшинов, тонкостенных кувшинов и горшков красновато—коричневой и серой глины с содержанием большого количества песка, несколько фрагментов привозной фаянсовой турецкой посуды XVII—XVIII вв., а также монеты, фрагменты резных костяных изделий, мелкие металлические предметы. Керамический комплекс слоя заполнения усадьбы однороден и предварительно датируется XVII—XVIII вв.

В помещении 1 на глубине 1,84 м от современной дневной поверхности, под помещением 1, обнаружена хозяйственная яма глубиной 1,16 м с материалом XIV—XV и XVI—XVII вв. Здесь найдена поливная керамика XIV—XV вв. с орнаментом «граффито» византийского круга идентичная керамике из раскопок генуэзских слоев Каффы, а также отличающаяся от нее декором и качеством глазури керамика XVI—XVII вв.

Перед постройкой усадьбы яма была засыпана и поверхность выровнена.

Раскоп 2, материал заполнения ямы 3 (1 – 5), ямы 1 (6 – 11), двора усадьбы (13 – 14)

1 – 4 – находки из тандыра 1; 5 –8 – материал заполнения двора.

Раскопки на участке средневековой городской территории позволяют представить ситуацию застройки этого района следующим образом: в генуэзский период участок низины был свободным, а строительство, очевидно, сосредоточилось на окружающих возвышенностях. Здесь, в траншеях и перекопах, обнаружен керамический материал и монеты XIV—XV вв., а на самом высоком участке у крепостной стены в 1981 г. раскопана армянская церковь XV в. В XV—XVI вв. площадь, видимо, использовалась как свалка. В первой половине XVII в. этот неудобный сырой отрезок земли застраивается, что связано, по всей вероятности, со значительным увеличением городского населения, осваивавшего пустующие до той поры участки территории внутри крепостных стен.

Второй раскоп (17,5х4 м) был разбит под стеной цитадели, на берегу моря, восточнее раскопанной в 1992 г. башни. На плане Н.Погодина Феодосии конца XVII в. в этом районе размещался так называемый замок: почти квадратное в плане сооружение с проемом внутрь цитадели. Здесь в предполагаемом месте расположения вышеназванного замка под стеной постройки XIX в. была обнаружена сильно разрушенная кладка средневековой, по – видимому, крепостной стены. Она находится на уровне 1,40 м от современной

дневной поверхности и ориентирована с северо – востока на юго – запад. Стена сложена в два панциря из крупных отесанных прямоугольных камней с забутовкой на известковом растворе с большим количеством морского песка. Забутовка кладки очень прочная; даже в своей наиболее разрушенной части стена представляет собой плотный известково – каменный монолит. Нижняя часть фундамента этой стены не исследовалась из – за поднявшейся в раскопе грунтовой воды (берег моря находится от него в 15 м). Стена сохранилась на 1—2, а в северо – восточной части — на 3—4 ряда кладки. В северо – восточной части стены предположительно находилась бойница подножного боя. Здесь сохранился ряд камней левой стенки бойницы, направленной по отношению к фасу стены под 40°. Стратиграфия слоев в раскопе позволяет установить, что поверхность одновременная строительству средневековой стены была полностью разрушена котлованом постройки XIX в. и впоследствии здесь накопился довольно мощный слой пере – отложенного грунта.

В.В.Анохин

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ КУРГАНОВ В РАЙОНЕ с. НОВОСЕЛЬСКОЕ ЧЕРНОМОРСКОГО РАЙОНА

Наряду с другими работами, Западно – Крымской экспедицией КФ ИА НАН Украины проведены охранные раскопки курганов неподалеку от с. Новосельское Черноморского района. Они велись на средства колхоза «Большевик», который осуществляет жилое строительство на бывшем поле, подвергавшемся в последние десятилетия интенсивной распашке.

Под застройку попадали три курганные насыпи. Они были расположены к северу от указанного выше населенного пункта, в 240 — 340 м к югу от консервного цеха колхоза, в трех километрах к западу от античного городища Калос Лимен. Курганы были размещены

в ряд — с северо – запада на юго – восток. Номера им даны с северо – запада. Расстояние между первым и вторым — 32 м; вторым и третьим — 56 м. К началу работ часть территории вокруг насыпей была уже частично застроена. Наши, предшествующие строительству наблюдения не выявили других памятников на расстоянии 2 — 2,5 км. В результате многолетних сельскохозяйственных работ насыпи первого и второго курганов были частично повреждены. Вокруг них наблюдалось большое количество известняковых камней. Последний, третий курган, имея наибольшую высоту, менее всего затронут распашкой, однако на его вершине была хорошо видна большая яма — следы от блиндажа времен последней войны.

В связи с ограниченностью средств и времени при изучении объектов была применена техника — бульдозер ДТ – 75. Он использовался для первоначального вскрытия слоя, а после окончания работ — для снятия материкового суглинка на глубину 0,3 м.

Курган 1

До начала работ насыпь 13 м в диаметре возвышалась над современной дневной поверхностью до 0,75 м. После расчистки установлено, что курган содержал 2 захоронения. Обе могилы окружал кромлех диаметром 5,20 — 5,30 м, сложенный из поставленных на ребро необработанных известняковых плит. Погребение 1 занимало центральное место, 2, судя по грабительскому перекопу, располагалось непосредственно у кромлеха. Последнее окружала площадка, вымощенная камнем. Она имела квадратные очертания, размером 7 х 7 м. Камни кромлеха лежат непосредственно на камнях упомянутой площадки или примыкают к ним. Все каменные конструкции были впущены в материковый суглинок до 0,15 — 0,20 м. Стратиграфия кургана позволяет говорить о том, что все погребальное сооружение было выполнено в один прием.

Погребение 1. Было осуществлено в грунтовой могиле с размерами ямы 2,2 х 1,8 м и глубиной 0,4 м, которая по сторонам была ограждена каменными плитами известняка, поставленными на ребро. По – видимому, это был каменный ящик, реконструируемые размеры которого 2,5 х 1,8 м. Ориентировка его основной оси —восток – запад. Захоронение разграблено в древности. Удалось собрать лишь

несколько трубчатых костей человека и четыре фрагмента херсонесских амфор.

Погребение 2. Конструкцию установить не удалось, т.к. оно практически полностью уничтожено грабительской ямой, в переотложенном грунте которой выбрано 6 фрагментов костей человека.

К сожалению, полученный материал — фрагменты амфор и кувшинов —дает очень широкую датировку — около IV—III вв. до н.э.

Курган 2

До начала исследования насыпь подвергалась сильной распашке и возвышалась над современной дневной поверхностью до 0,5 м. Диаметр — 20 м. В центре кургана под слоем дерна найдена известняковая плита округлой формы диаметром 0,80 — 0,90 м с отверстием по середине — диаметром 0,32 х 0,38 м. Край плиты частично обломан в древности. Это, несомненно, база под изваяние. Дальнейшие исследования показали, что кроме вышеописанного одного, по всей видимости, средневекового, других захоронений в кургане не было.

В западной части кургана, в 7 м от его условного центра, выявлено впускное погребение. Могильная яма овальной формы, размерами 2,0 х 0,9 м. От погребенного сохранились фрагменты трубчатых костей и фаланги пальцев. Ориентация захоронения: юз — св. Среди костей найдена полая медная заклепка с четырьмя небольшими отверстиями в шляпке. Погребение находилось в 10 — 15 см от современной поверхности и было разрушено при распашке.

Материал из насыпи представлен фрагментами гераклейских и фасосских амфор. Дату возведения данного сооружения дает найденное гераклейское клеймо конца второй — третьей четверти IV в. до н.э. с двумя полными именами фабриканта Сатириона и магистрата Аристолиса.

Нельзя не отметить, что в 1992 г. в нескольких метрах восточнее кургана 2, на вспаханном поле было обнаружено херсонесское дополнительное клеймо в виде палицы Геракла. В.И.Кац отнес этот оттиск к концу IV — первой половине III в. до н.э.

Курган 3

Высота насыпи до начала исследований 1,85 м, диаметр — 18 м. Южная и северная полы повреждены перекопом времен Великой Отечественной войны. При изучении открыто два захоронения.

Погребение 1. Расположено в 1,50 м к югу от условного центра. Это овальная яма 1,35х1,10 м, впущенная до 0,80 м в материковый суглинок. Погребенный лежал/а/ скорченно на правом боку головой на юг, руки согнуты в локтях, пальцы в районе колен. У головы находился лепной горшок , высотой 12 см, с диаметром горла — 13,3 см, дна — 7 см. Венчик оттянутый, плечи и тулово украшены орнаментом в виде вертикального ряда «П» — образных вдавлений, которые в свою очередь образуют треугольники вершиной вниз. Данный орнамент нанесен как на плечики сосуда, так и на тулово, то есть в два ряда по шесть треугольников в каждом. Придонная часть орнаментирована чередующимися горизонтальными и вертикальными соединенными между собой линиями разной величины.

Погребение 2. Расположено в 1 м к западу от погребения 1. Это овальная яма 1,40 х 1,20 м, впущенная до 0,70 м в материковый суглинок. Погребенный лежал скорченно на правом боку головой на юг. В изголовье находился лепной горшок, остатки второго сосуда в районе таза (крайне плохой сохранности).

В обеих могилах встречено небольшое количество красной охры. К северу от погребений на уровне древней дневной поверхности выявлено два скопления необработанных камней известняка. Судя по стратиграфии, оба захоронения совершены одновременно и по находящемуся в погребениях материалу относятся к катакомбной культуре.

Заканчивая описание проделанных работ, вспомним, что в двадцатых годах Л.А.Моисеев — первый исследователь Калос Лимена — в районе Караби – Алдерман (как указывается им в отчете) нашел статую скифа, которая в дальнейшем получила наименование 1 «Черноморское изваяние». Нами при опросе местных жителей выяснилось, что данная местность до Великой Отечественной войны называлась «Алдерман». Учитывая, что в районе 2 — 2,5 км других

курганных насыпей нет, можно предположить, что, возможно, найденная нами база была от изваяния скифа, найденного Л.А.Моисеевым. В таком случае, получила бы и подтверждение (находка в насыпи кургана клейма) и датировка его П.Н.Шульцем IV в. до н.э.

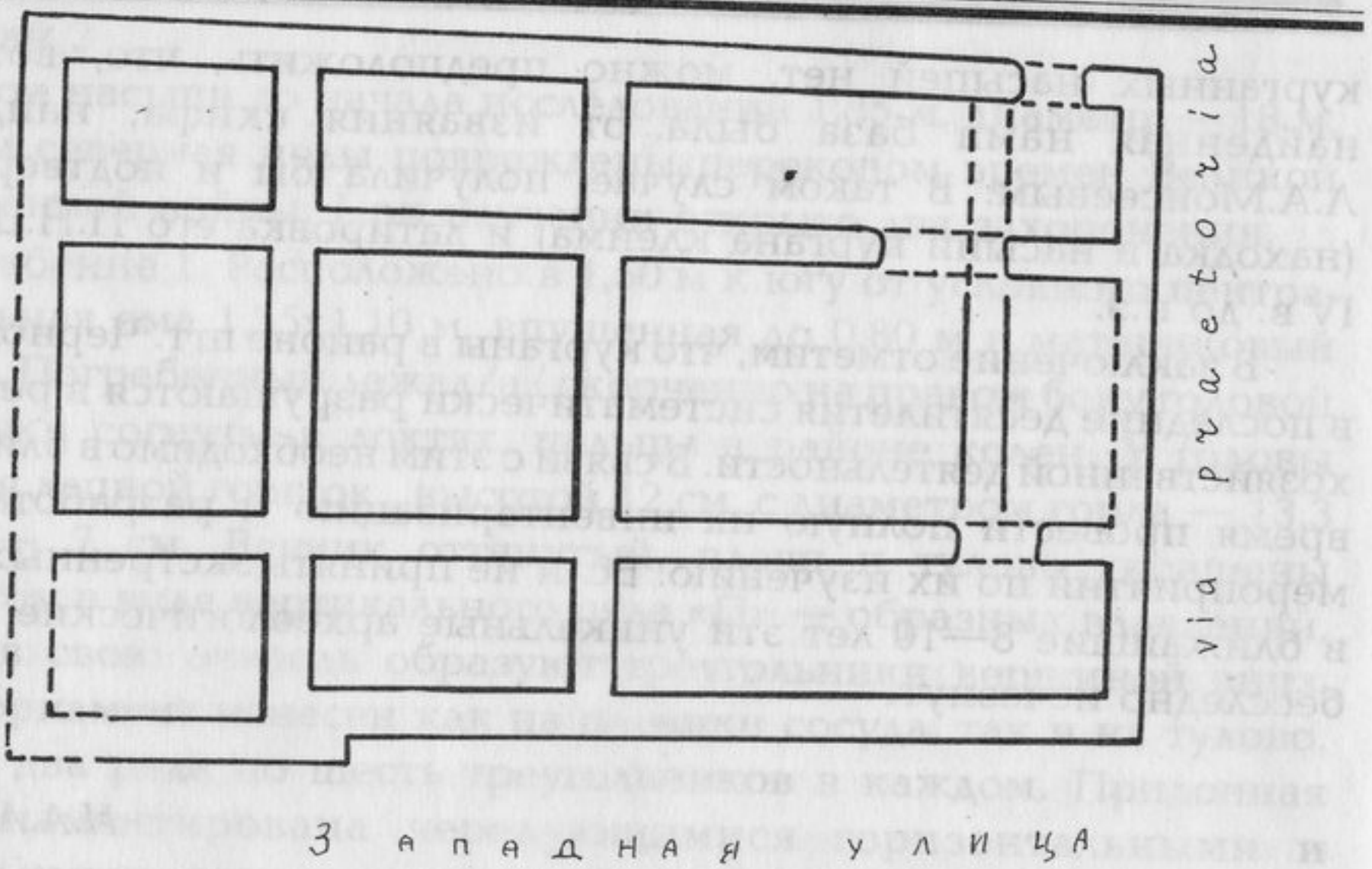
В заключение отметим, что курганы в районе пгт. Черноморское в последние десятилетия систематически разрушаются в результате хозяйственной деятельности. В связи с этим необходимо в ближайшее время провести полную их инвентаризацию и разработать план мероприятий по их изучению. Если не принять экстренных мер, то в ближайшие 8—10 лет эти уникальные археологические объекты бесследно исчезнут.

И.А.Антонова

РАСКОПКИ В ЦИТАДЕЛИ ХЕРСОНЕСА

Район, условно называемый в Херсонесе цитаделью, в отличие от других городов, например, Ольвии, где она занимала возвышенную часть территории города, размещался на самом низком участке побережья бухты. Территория цитадели площадью 90 х 45 м была присоединена к уже ранее сформировавшейся системе обороны Херсонеса. Узкая полоса побережья бухты имела сложный рельеф с сильным падением высоты к северу и востоку. Стратегические качества рельефа не способствовали успешной защите, в связи с чем территория со всех сторон была обнесена мощными стенами и башнями, включая наибольшую в Херсонесе башню XVII, обычно именуемую башней Зенона, в южном углу цитадели. Диаметр этой башни в средневековую эпоху достигал 23 м. Стремление увеличить небольшую территорию цитадели привело к двукратному переносу восточной стены на растущую с веками песчаную морскую отмель.

Раскопки цитадели проводились К.К.Косцюшко – Валюжиничем, открывшим ее защитную линию, Р.Х.Лепером, который, проведя

Схематический план претория II в. (1 строительный период)

исследование башни Зенона в 1910 г., перенес раскопки в центральную часть этого района, К.Э.Гриневичем в 1926—1927 гг., также в центральном районе. С.Ф.Стржелецкий исследовал башню Зенона в 1960—1962 гг. и провел детальное изучение 20 куртины. В.В.Борисова в 1960—х гг. открыла несколько помещений внутри цитадели. Этими раскопками было определено, что район являлся местом размещения войск легионов, составлявших херсонесскую вексилляцию во II — III вв.

Наша экспедиция начала исследование цитадели в 1969 г., затем последовал пятнадцатилетний перерыв, с 1985 г. они стали систематическими.

По западной стороне улицы, проходившей по центру цитадели и сообщавшейся с городом через калитку в 18 куртине, продолжено изучение воинских казарм, начатое раскопками В.В.Борисовой. Кроме того, в 1987 г. нами было предпринято (а теперь завершено) исследование Большого общественного комплекса общей площадью 23,5 х 22 м, состоявшего из двух симметрично размещенных монументальных прямоугольных зданий длиной в 23,5 м и шириной

каждое в 5 м. Здания, построенные друг против друга на расстоянии 10 м, образуют большой двор. С востока и запада он ограничен стенами с широкими проемами посредине. Каждое здание было разделено поперечными стенами на 4 помещения разной величины, но одинаковых с помещениями в противолежащем здании. Широкие дверные проемы вели из каждой постройки как во двор, так и на прилегающие площади. Посреди двора был круглый колодец.

Двор на востоке соединен с небольшой трехнефной базиликой. Ширина ее была равна ширине двора, а длина 12 м. Между центральной абсидой и 21 средневековой куртиной пролегала с севера на юг улица, имевшая боевое значение, поскольку она проходила вдоль оборонительной стены. Базилика была открыта К.К.Косцюшко—Валюжиничем в 1907 г., но за этот год раскопок скоропостижно скончавшийся исследователь не успел составить отчет. Однако в «Книге древностей» он записал детали архитектурного оформления храма: мраморные колонны, плиты иконостаса, мраморные плиты пола и др., что свидетельствует о достаточно богатом убранстве этой церкви. Весь архитектурный комплекс надежно датируется многочисленными находками серединой IX в.

Описанный архитектурный комплекс предварительно интер—претирован как преторий. Такое определение основывается на несомненно общественном характере здания и на известной надписи о восстановлении ворот претория херсонесским стратигом Львом Алиатом в 1059 г. Термин «преторий» в ней фигурирует традиционно как унаследованный от того времени, когда в цитадели размещались войска Херсонесской вексилляции. Допустимо и другое предположение: преторий перестал существовать, но термин сохранился как обозначение ворот, уцелевших от первых веков н.э.; ведь они несомненно должны были остаться в 21 куртине. Вместе с тем, можно предположить, что здесь размещалась администрация созданной в IX в. херсонской фемы.

В 1991—1993 гг. раскопки были сосредоточены на участке Западной улицы и территории двора — к востоку от него до 21 куртины средневекового времени. В пределах двора были открыты две разновременные постройки значительной величины, удлиненных

пропорций, которые являлись служебными зданиями претория херсонесской вексилляции. Оба здания последовательно размещались вдоль главной продольной улицы, которая вела к калитке в 18 куртине, и были обращены к ней западным фасадом. Южным фасадом они выходили на главную поперечную магистраль, которая, очевидно, являлась via practoria и должна была завершаться на востоке упомянутыми воротами. Северная сторона зданий претория была обращена к лагерному форуму, на котором в 1985 г. было раскопано большое круглое в плане святилище.

Первоначальное здание претория имело размеры 16,2 х 10 м по внешнему обмеру. Архитектурно — планировочная схема его представляла прямоугольник шириной в 5 м по внешнему обмеру, окруженный с западной, южной и восточной сторон галереями шириной около 1,5 м. Галереи были открытыми: их внешние стены представляют однорядную кладку толщиной 0,5 м из некрупного бута в 1 — 2 камня высотой. Скорее всего, они являлись подпорными для полов галерей, отделяя их от прилегающих улиц.

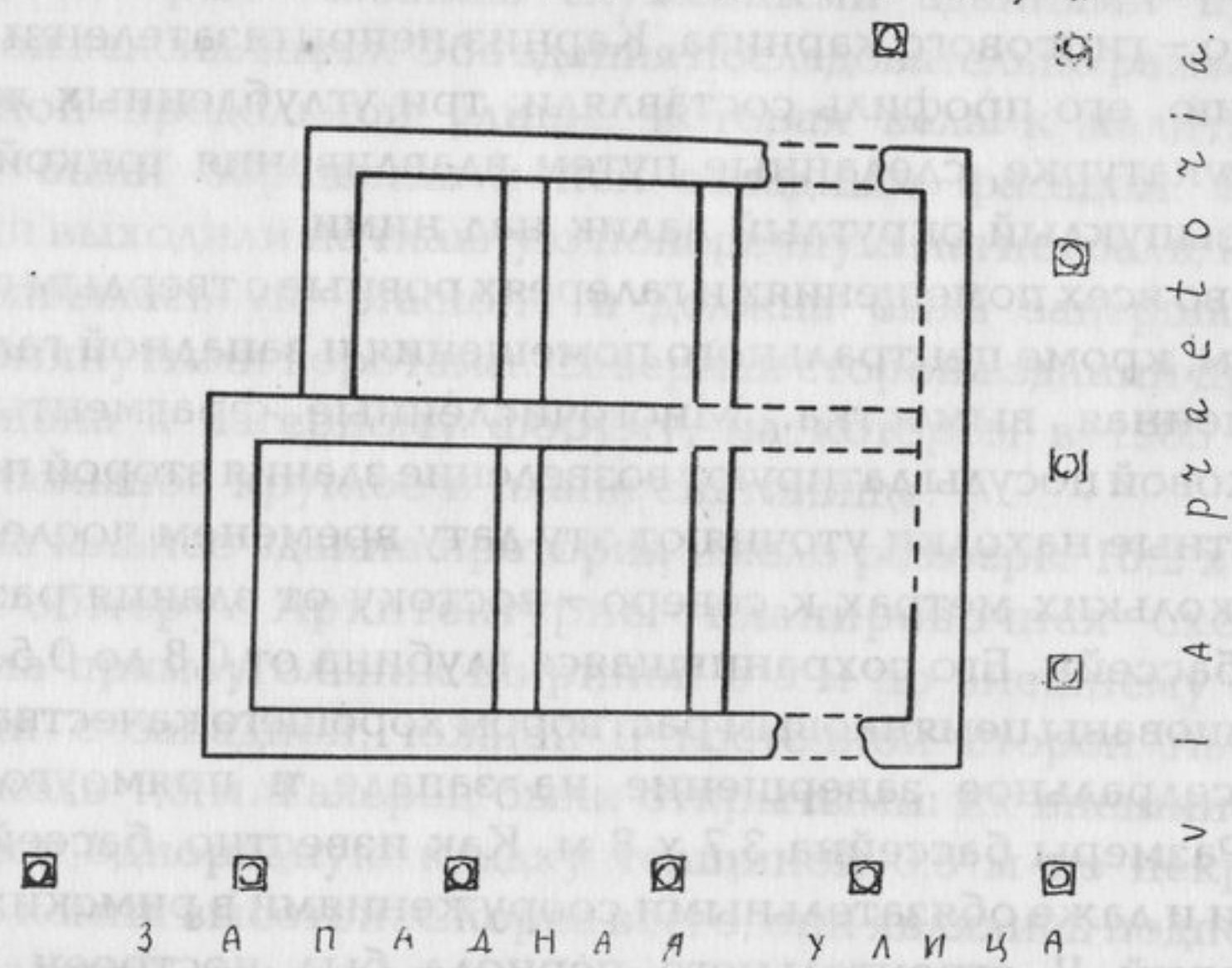
Вероятно, кровля галерей поддерживалась колоннадой, окружавшей здание со всех сторон. В северо — западном углу западной галереи, на 0,15 м выше подпорной кладки, был устроен бетонированный приемник для воды с кровли, который тремя керамическими трубами соединялся с магистральным водосточным каналом, проходившим по улице. Аналогичные устройства и на противоположной стороне улицы отводили воду от построенных там казарменных помещений. Центральная часть претория и галереи с запада и востока были разделены на три изолированных помещения. Вход прослежен только в центральное со стороны восточной галереи (судя по сохранности стен). Стены здания, сложенные из бутового камня среднего и крупного размера, имели толщину 0,6 м и сохранились на высоту 0,7 — 0,9 м. Во всех помещениях они с внутренней стороны были покрыты гладкой штукатуркой высокого качества, расписанной краской красного, розового и зеленого цветов (последний встречен в единичных фрагментах). На северной стене южного помещения штукатурный раствор белого цвета сохранился почти на всей поверхности на высоту 0,6 м от пола. Вдоль западной

и восточной стен на полу собраны многочисленные фрагменты известково — гипсового карниза. Карниз непритязателен и прост по исполнению, его профиль составляли: три углубленных желобка в сырой штукатурке, сделанные путем вдавливания тонкой круглой рейки, и выпуклый округлый валик над ними.

Полы во всех помещениях и галереях ровные с твердым глиняным покрытием, кроме центрального помещения и западной галереи, где была каменная вымостка. Многочисленные фрагменты амфор, краснолаковой посуды датируют возведение здания второй половиной II в. Монетные находки уточняют эту дату временем после 160 г.н.э.

В нескольких метрах к северо — востоку от здания размещался большой бассейн. Его сохранившаяся глубина от 0,8 до 0,5 м. Стены и дно облицованы цемянковым раствором хорошего качества. Бассейн имеет экседральное завершение на западе и прямоугольное на востоке. Размеры бассейна 3,7 х 8 м. Как известно, бассейны были обычными и даже обязательными сооружениями в римских лагерях.

Преторий II строительного периода был построен на месте первого и повторял его ориентацию. Новое здание имело 2 ряда смежных помещений — по три в каждом ряду; ширина западного ряда — 4,5 м, восточного — 3,5 м. Длина западного ряда — 12,5 м, восточного —11 м. Укороченность (восточного) ряда диктовалась необходимостью отступить от находящегося в 3 — х метрах бассейна. Стены сложены из бутового камня среднего и крупного размеров на известковом растворе. Толщина их 0,6 м. Полы новой постройки были на 0,5 —0,6 м выше предшествующих. На такую же величину поднялся уровень прилегающих улиц. Стены, сохранившиеся на высоту 0,1— 0,2 м от уровня пола, не дают возможности представить характер кладки наземной части здания. Но следует обратить внимание на крупные прямоугольные тесаные блоки, найденные в вышележащих слоях, где не было крупных построек; они могли принадлежать облицовке разрушенных стен претория. Как и предшествующее здание, новый преторий был окружен галереей, но, судя по месту северной колонны на западной улице, не с трех, а с четырех сторон. Всего in situ было найдено 6 баз колонн на стилобатах с западной, главной поперечной и восточной улиц.

Схематический план претория III в. (II строительный период)

Тесанные из известняка двухступенчатые базы ионийского ордера отличались изящными пропорциями и тщательной обработкой камня. Диаметр колонн у основания — 24 — 25 см. Кверху они немного сужались, о чем можно судить по частям их стволов, найденным в кладке более позднего большого общественного здания. Преторий второго строительного периода выстроен не позже середины III в.н.э. На эту дату указывает значительная группа краснолаковой посуды, особенно пергамские или другого малоазийского центра блюда под темнокрасным лаком, орнаментированные поясом насечек, широкий набор амфор, бытовавших в I—IV вв. Значительное число монет сужает дату, указывая на возведение здания в середине III в. Эта дата вытекает из текста найденной поблизости латинской надписи. На белой мраморной плите сохранился полный ее текст из 59 слов. В ней говорится о том, что во время правления императора Деция командир Херсонесской вексилляции центурион I Италийского легиона Ратин Сатурнин на свои средства соорудил схолу принципалов.

Несомненность общественного значения построек подчеркивает находка в этом районе на незначительном расстоянии от преториев 7 фрагментов декретов и строительных надписей II — III вв.; в их числе один из декретов, который содержит 82 строчки текста и указание числа, месяца и года его издания. В конце IV—V вв. на месте претория было построено небольшое помещение, судя по находкам тиглей, для плавки металла.

В 1993 г. на всей указанной ранее площади проводилось изучение нижележащих слоев культурно – исторических отложений. Обильно выступающие здесь грунтовые воды не позволили определить стратиграфию этих напластований на глубину более 0,5 м. В результате выяснилось, что преторию I строительного периода и казармам предшествовали здания, расположенные вдоль Западной улицы и имевшие одинаковое с ним направление стен. В помещениях казарм, в которых вход в комнату осуществлялся из узкого коридорообразного помещения, обе стены последнего перекрывались стенами казарм конца II в.н.э., свидетельствуя об однотипности планировки. Стены, предшествовавшие казармам и преторию первого строительного периода, датируются керамическими находками первой половиной — серединой II в.

Внутри храма IX в. расследованы остатки оборонительной стены эллинистического времени. Использованные в ее кладке надгробия, как и более 400 нагробий, ранее найденных в кладке оборонительных стен и башен, окружающих цитадель (башни XVI, XVII, XVIII, куртины 19, 20, 21), указывают на то, что до устройства цитадели занятая ею территория была городским кладбищем. Куртина 21 —эллинистического времени — была разобрана во II в. Часть ее кладки использована в здании терм того же времени.

Продолжение планомерного изучения цитадели потребовало в 1993 г. расширения участка раскопок на всю ее восточную часть вплоть до 21 куртины. На участке главной улицы (via practoria) в верхнем слое открыты остатки стен небольшой прямоугольной постройки (3 х 3,5 м), которая находками глазурованной посуды датируется XIV в. Стены ее поставлены на мощном слое строительного мусора и камня от разрушения более ранних строений. Дом стоял

посредине бывшей главной улицы, показывая, что старая планировка цитадели в XIV в. уже не существовала. Раскопанная постройка была единственной на участке этого времени. От дома к куртине 21 средневекового периода шел водосточный канал, который подходил к оборонительной стене. Кладок куртины на этом уровне не сохранилось.

Во втором слое на том же обширном участке (10 х 7 м), на расстоянии 1,5 м к югу от южной стены храма, также существовал лишь один дом. Его размеры 5,5 х 4,8 м. Стены двухлицевые из слегка подтесанного камня на земляном растворе, толщина их 0,9 —1,0 м. В западной стене были использованы большие тесаные плиты 0,2 х 0,95 м, возможно взятые из кладки оборонительных стен. С востока к помещению примыкал узкий коридор 1,5 — 1,6 м ширины. Внутрь основного помещения описываемого строения, после его разрушения, был встроен склеп, что хорошо прослеживается по характеру соединения стен погребальной камеры со стенами дома. Восточная стена погребальной камеры толщиной 0,75 м, двухлицевая, сложена из обработанных прямоугольных камней, приставлена к внутреннему панцирю восточной стены дома. Посредине каждой стены имелся дверной проем. Северная стена погребальной камеры однолицевая и сложена из таких же прямоугольных тесаных камней; панцирь ее отделен от внутренней поверхности стены дома небольшим слоем забутовки (0,2 — 0,25 м). Западная стена — из аналогичного камня — пристроена вплотную к стене дома. Внутренние размеры погребальной камеры 2,2 х 2,7 м. Восточная ее стена покрыта расписной штукатурной, в которую вставлена гипсовая плита, украшенная стилизованным орнаментом, глубоко прочерченным по ее поверхности. Орнамент состоял из завитков, спиралей, лучей и кружков. В середине плиты, вверху имелось небольшое круглое оконце — диаметром 16 см. Остатки круглого стекла сохранились в гипсовой раме. На земляном полу склепа в беспорядке были разбросаны сильно истлевшие кости 20 человек. Поверх захоронений в западной части камеры произведены захоронения карантинного кладбища XIX в. К западу от дома со склепом находилась большая прямоугольная яма глубиной в 0,9 м. Стенки ее, выложенные

камнем, покрыты тонким слоем извести, разводившейся в ней при строительстве склепа. На основе находок склеп датируется XIII в. К этому же времени относятся 3 захоронения на месте перед тогда уже разрушенным храмом. Одна из могил была обложена черепицами, на семи из которых была — в обратном написании — метка NOV.

Таким образом, исследованные в 1993 г. верхние слои улицы via practoria свидетельствуют о катастрофическом разрушении домов этого района в XIII в. и превращении его в кладбище. Позже тут, на слое разрушения, возникают единичные постройки.

Ф.С.Бабаян

РАСКОПКИ МОНАСТЫРЯ «СУРБ-ХАЧ»

Работы отчетного года, как и исследования предыдущих полевых сезонов, предприняты с целью получения конкретных археологических данных для реставрации и консервации архитектурного комплекса. С 10 июня по 30 декабря экспедиция Института археологии и этнографии АН Армении продолжила второй полевой сезон на армянском памятнике «Сурб — Хач».

Архитектурный комплекс состоит из хозяйственных и жилых сооружений, построенных в XIV—XIX вв.

В 1973—1980 гг. археологические исследования проводились экспедицией Института археологии АН УССР (рук. О.Домбровский, В.Сидоренко), во время которых были изучены, в частности, трапезная, внутренний двор церкви, северо — восточный угол атриума, кельи. После реставрации и археологических работ со двора и прилегающих к монастырю территорий не были вывезены земля и мусор.

Раскопанные строения за северной стеной гавита, равно как и северная и южная стены притвора, были разрушены и потеряли свой первоначальный вид. Мусором была занята левая половина здания трапезной.

На западе от монастыря находятся террасы, которые отделяются друг от друга бутовыми подпорными стенами, закрытыми строительным мусором 1,5—2,5 м толщиной. В плохом состоянии находится южный фонтан. Разбросаны все декоративные камни, часть которых бесследно исчезла.

Археологическая группа провела следующие работы.

1. Со двора церкви был вынесен накопившийся мусор. Для проведения реставрационных работ на южной стене гавита был очищен келийный двор от разрушенных камней и мусора.

2. Заложен небольшой шурф вдоль стены притвора (3х0,7х0,2). Выяснилось, что стена была возведена из больших бутовых камней на сыром глиняном материке.

3. Доследовался келийный дворик. В 1979 г. велись реставрационные работы. Археологами была обнаружена нитка водостока. Весь двор был выложен каменными плитами. Так как набравшаяся вода годами уходила в угловую келью, с этим был снят слой на глубину 70 см. Открылся каменный пол, а под ним (15 см глуб.) керамические трубы водостока, которые 16 м длиной идут до последней кельи. В отчете 1979 г. об этом пишется: «В процессе работы была обнаружена нитка водостока, проходящего через двор с запада на восток. На расстоянии 2—3 м располагаются небольшие (23х23 см) колодцы с каменной обкладкой, в которые ведут выложенные таким же, как и основная жила, трубами отводы из каждой кельи».

Раскопками никаких других колодцев не было обнаружено. Исследование показало, что водосток имеет одну жилку. Начинается из резервуара, находящегося при входе в крайнюю келью (юго — восточная часть двора). Внутренняя поверхность труб покрыта тонким слоем бледно — зеленой поливы. На месте были обнаружены обломки красноглиняных керамических чаш XVI—XVII вв., образец голубой фаянсовой посуды XIV в. Водосток был построен в XVII в. На некоторых трубах видны следы реставрации.

В юго — восточном углу кельи открылось прямоугольное каменное сооружение, соединявшееся с водостоком. Вся эта система, отсутствие окон (две бойницы) и камины, дают возможность предположить, что

келья имела хозяйственное значение. С помощью средневекового водостока временно сделан дренажный колодец с выходов по старой линии.

4. Очистительные работы велись в помещении, примыкающем к трапезной. В 1992 г. был вынесен слой строительного мусора толщиной 60 см. В этом году убран пласт земли 70 см. Открыт каменный пол. На уровне этих плит была обнаружена каменная восьмигранная база от колонны (XV в.), стоявшая не посередине, а ближе к южной стене помещения. База стоит на первом строительном слое (35 см ниже от каменного пола), который, в связи с открытием под полом водопроводной системы (15 см глубины), не раскапывался. Система начинается с монастырского фонтана, проходит через коридор, обходит всю комнату и через западную стену выходит на улицу. Снаружи под стеной был обнаружен тонко обработанный резной камень с отверстием и узким желобом. Чистая вода попадала туда, а потом по гончарным трубам скрыто поступала через дорогу на террасы. Обнаруженная система заново закрыта землей.

Очистительные работы велись в первом помещении трапезной и в подвале. Был убран строительный мусор. В помещении намечается три строительных периода слоями по 45—50 см каждый. На юго — восточном углу здания открылся каменный фундамент от какой — то постройки (1x1,30 см), вероятно, ниши для размещения посуды. На месте были найдены фрагменты венчиков и горловины керамических сосудов, обломки фаянсовых тарелок, гвозди, чугунный утюг и т.д. (XVII—XIX вв.).

5. Два небольших раскопа были заложены на второй террасе. Культурные отложения перемещены. Верхний слой представлял свалку мусора разных времен. На первом раскопе открылись остатки каких — то сооружений.

Обнаружены обломки поливных и фаянсовых керамических сосудов XII—XIV вв., орнаментированные стенки кувшинов XV в., розовоглиняные курильные и костяные трубки XVI—XVII вв., подсвечники — XVI—XVII вв., железные предметы, подковы, гвозди, железный молоток, медная монета XIX в., каменные орудия труда, обломки стеклянных сосудов.

6. Очистительные работы проводились с наружной стороны комплекса, в основном, около южной стены церкви, которая представляла из себя высокий земляной холм. Из мусора обнаружены каменный хачкар XV—XVI вв., фрагменты карнизов, капителей и других архитектурных деталей, курильные штампованные трубки, донышки керамических чаш XVI—XVII вв.

7. В 1992 г. были произведены раскопки у северной стены притвора, где в 70–х гг. было открыто несколько сообщающихся между собой жилых комнат. Одна из них не была раскопана. Из слоя первого строительного периода была извлечена медная монета XVII в. Во втором слое (граница между слоями 0,35–0,40 см) найдены (в обломках) около двух десятков керамических изделий: маленький кувшин с ручкой, два светильника, закопченные венчиками, глиняные чаши на высоком кольцевом поддоне с орнаментом, нанесенным белым ангобом, обломки поливной полихромной посуды. Весь материал датируется XIII—XIV вв. В этом сезоне завершена консервация всех семи комнат.

8. Был заложен раскоп (7x3x50) на дороге, ведущей к монастырю, 80 м от здания трапезной. Причиной тому послужила строительная планировка местности, произведенная современными строителями. На глубине 50 см открыты каменная вымостка с базой под колонну, небольшой резервуар и керамическая труба с выходом в овраг. Выбранный слой земли был насыщен остатками кровельной черепицы. Дальнейшие археологические исследования позволят установить назначение данного сооружения.

Археологические исследования Сурб–Хача связаны с реставрацией и консервацией памятника. Но они важны и для изучения культуры крымских армян, которая развивалась на основе многовековых национальных традиций, взаимодействуя с культурами тех народов, среди которых они жили. Монастырь Сурб–Хач — классический образец позднесредневекового армянского зодчества. Изучение его и всех разновременных построек поможет дать ответы на многие неразгаданные вопросы, связанные с архитектурой, строительством, водоснабжением, ремесленным производством и духовной жизнью крымских армян.

И.А.Баранов

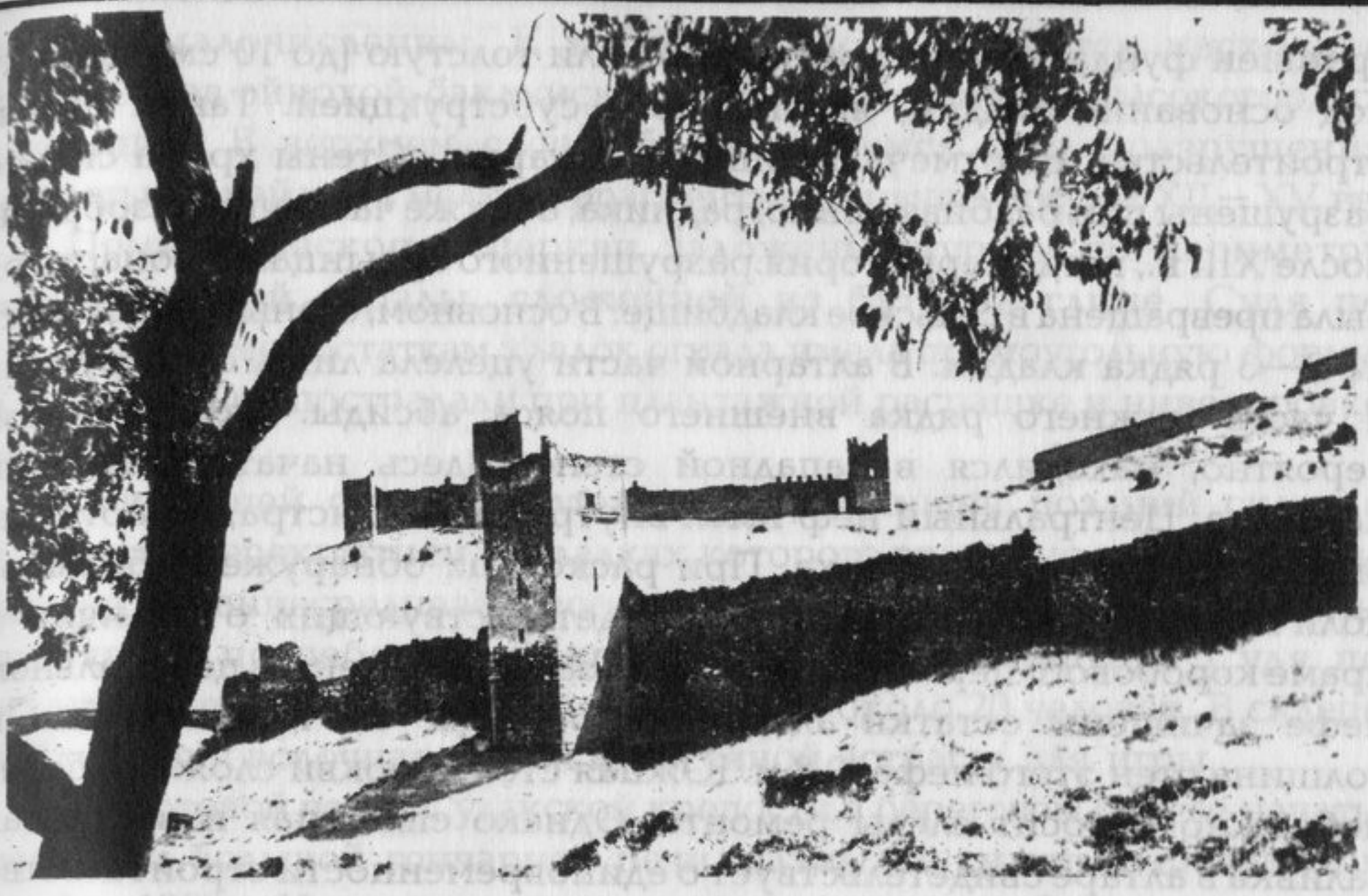
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СУГДЕИ-СОЛДАЙИ

Судакской экспедицией КФ ИА НАН Украины проводились работы на территории хазарского святилища у куртины XV на северо-восточном участке Судакской крепости, а также большого византийского монастыря на южном отроге горы Перчем. Последний являлся пригородным монастырем и входил в составу исторической застройки городской округи. Кроме того, в бухте Лимена – Судак в Новом Свете и в бухте под Судакской крепостью подводным отрядом экспедиции продолжалось изучение затопленной территории города и порта.

Хазарское святилище середины IX – первой половины X в. изучается с 1987 г. Стратиграфия памятника сложна и интересна. Культурный слой достигает модности 5 м. Особенности падения культурных горизонтов, отличающихся по цвету, плотности и характеру заполнения, позволили проследить наличие ритуальных площадок на территории зольника и доказать, что он является не просто местом сбора углей и гари с печей и кострищ, а частью большого ритуально-поминального комплекса, связанного с обнаруженным в 1985 г. хазарским элитарным некрополем с погребениями в каменных склепах. В отчетном году были зафиксированы две ритуальные площадки в восточном борту раскопа. Происходящий с их пола материал типичен для данного памятника. Он представлен многочисленными фрагментами тонкостенной кухонной посуды, сформованной на скоростном ножном круге. Горшки однотипны. Фрагменты принадлежат сосудам с яйцевидным и слегка округлым туловом, короткой шейкой и небольшими каплевидными или Т-образными венчиками. Встречены горшки с ленточными ручками и конусообразным туловом. У всех сосудов широкое дно, имеющее часто пролощенную полосу в придонной части, а также широкая плоская ручка с каннелюрами, прикрепленная заподлицо к венчику. В большом количестве обнаружены фрагменты

амфор типа «Монгана» Константинопольского производства, амфоры с отложным воротничком и высокогорлые кувшины с ленточными ручками. Почти отсутствуют амфоры причерноморского типа, что свидетельствует об их исчезновении к середине IX в. Особый интерес представляет столовая лощеная керамика. Впервые удалось обнаружить значительное количество фрагментов лощеных кувшинов с зигзагообразным врезным орнаментом и кружками в вершинах треугольников. Последние до этого встречались лишь в Херсонесе и Саркеле. Один из сосудов, изготовленный из красно — желтой глины, имеет рельефные налепы на туловище. Типологически эта керамика может быть отнесена к аланскому кругу. Среди индивидуальных находок привлекают внимание два пряслица, изготовленные из амфорных стенок с граффито. В нижней части культурного слоя, датированного серединой IX в., обнаружен каменный идол, выполненный в схематичной антропоморфной манере. Как и у найденного ранее, у этого антропоморфного изваяния отбито лицо, что свидетельствует об его обезвреживании. Датировка идолов, а также наличие в том же горизонте стенок амфор и ручки с граффито буквы глаголицы могут быть связаны с деятельностью Константина Философа и его борьбой с хазарским язычеством, а также с началом распространения славянской письменности.

В отчетном году расширен раскоп с южной части куртины XV с целью дальнейшего изучения жилого квартала XIV—XV вв., частично раскопанного в 1989—1990 гг. Расчищена хозяйственная пристройка к двухкамерному дому, открытому в 1989 г., и круглый в плане очаг. Обнаруженная на полу постройки поливная керамика подтверждает предложенную ранее датировку комплекса. Столовая поливная посуда представлена тарелками и чашами на невысоких кольцевых поддонах. Эта постройка примыкала к оборонительной стене конца XIV—XV вв., построенной генуэзцами на руинах разобранной золотоордынцами хазарской куртины. Ее подстилает слой с материалом, аналогичным зольнику, в котором найдены фрагменты высокогорлых кувшинов, амфор с отложным воротничком, амфор типа «Монгана», а также византийская белоглиняная поливная посуда IX—X вв.

Здесь же найдена медная монета Константина Багрянородного, чеканенная не ранее 945 г.

На южном склоне горы Перчем произведены охранные раскопки византийского укрепленного монастыря VII—IX вв. Раскопки были вызваны непрекращающимися грабежами плитовых могил, обнаруженных при плантажной распашке территории под виноградник. К моменту раскопок были полностью разграблены две плитовые могилы с каменными перекрытиями, а на территории храма имелись многочисленные грабительские шурфы. Человеческие кости из разрушенных погребений были разбросаны по всему склону. При зачистке остатков могил в северном борту раскопа была выявлена стена большого храма, раскопки которого в отчетном году завершить не удалось. Раскопаны два нефа: длина северного большого нефа 13,5 м при ширине 8 м (33,8 м^2), южного — 12 м при ширине 3,3 м. Стены церкви сложены из блоков белого мелкозернистого известняка на хорошем известковом растворе с наполнителем из крупного песка. Впервые в Крыму отмечен прием безфундаментного строительства крупной общественной постройки. Вместо обычной

траншеи фундамента строители сделали толстую (до 10 см) заливку под основание кладки, являющуюся субструкцией. Такой прием строительства мы отмечали лишь в Болгарии. Стены храма сильно разрушены при разбивке виноградника, а также частично разобраны после XIII в., когда территория разрушенного ордынцами монастыря была превращена в сельское кладбище. В основном, стены сохранились на 2—3 рядка кладки. В алтарной части уцелела лишь субструкция и часть нижнего рядка внешнего пояса абсиды. Вход в храм, вероятно, находился в западной стене. Здесь начаты раскопки нартекса. Центральный неф имел внутри два пилястра, на которые опиралась подпружная арка. При раскопках обнаружено большое количество клинчатых камней, свидетельствующих о наличии в храме коробового перекрытия. В 8 м от западной стены в центральном нефе зачищены остатки алтарной преграды. Ее толщина, как и толщина стен этого нефа, 0,8 м. Южная стена церкви сложена более небрежно и носит следы ремонта. Однако сплошная известковая заливка в алтаре свидетельствует о единовременности строительства центрального и южного нефов. Следов северного нефа пока не выявлено.

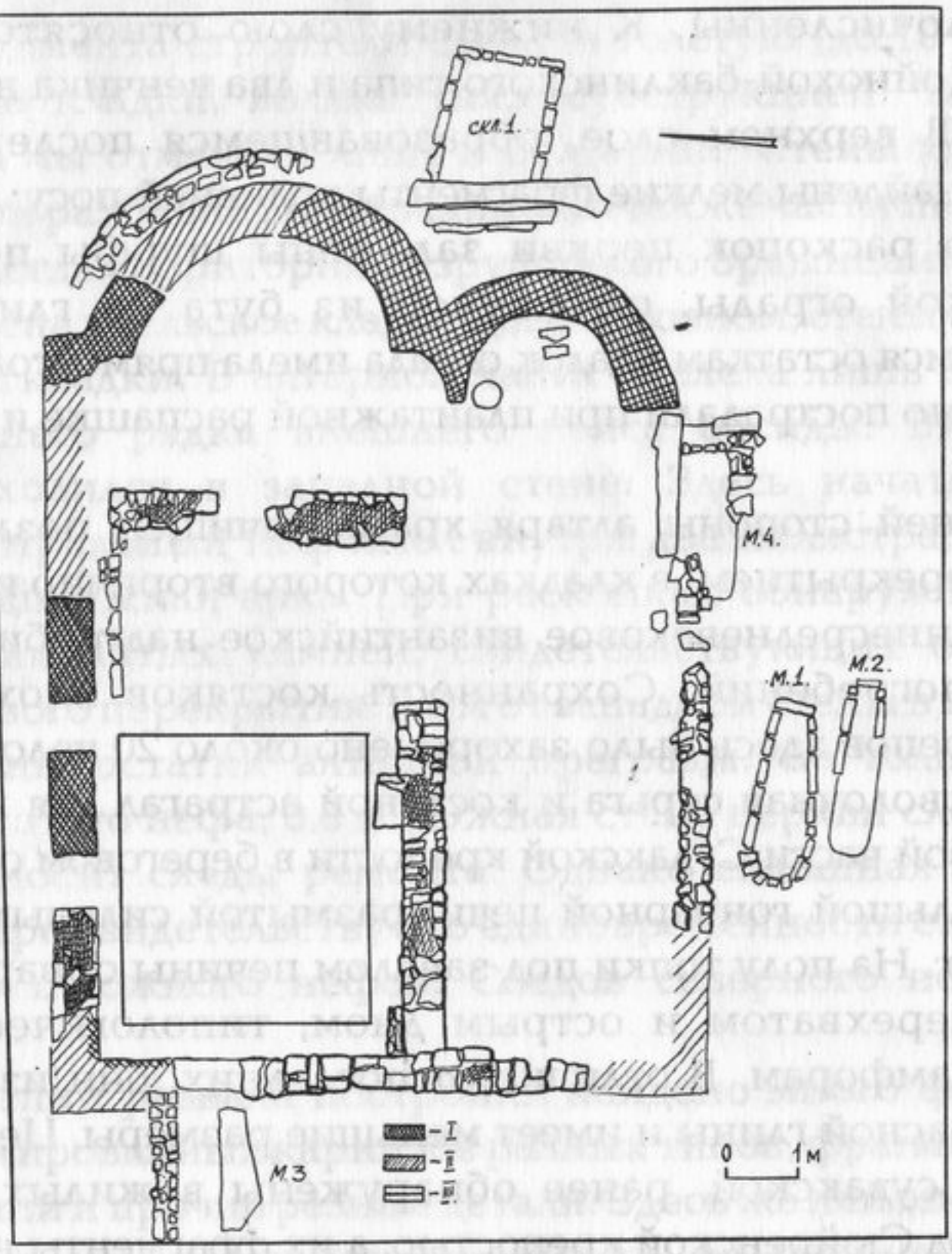
В заполнении развала постройки найдено много фрагментов и целых профилированных карнизов разных типов, фрагменты колонн, замковые камни и прочие резные детали. Здесь же найдены несколько фрагментов и два целых византийских надгробия с крестами, описанными радиусом. Такие надгробия известны на Тепсене, в Судакской крепости и в Партенитской базилике. Их принято датировать второй половиной VII—VIII вв. Крыша храма, судя по большому количеству фрагментов черепиц — керамид и калиптеров из красной глины, была черепичной. В северо — западной части постройки с внешней стороны внутри нартекса отмечено скопление фрагментов керамических труб, являющихся, возможно, свидетельством наличия здесь фонтана. На полу храма собрано значительное количество фрагментов полихромных фресок. Судя по стратиграфии, росписи синхронны строительству храма и могут быть датированы VIII—IX вв. На одном из известняковых блоков, помимо фрески, имелась греческая надпись. Находки керамики

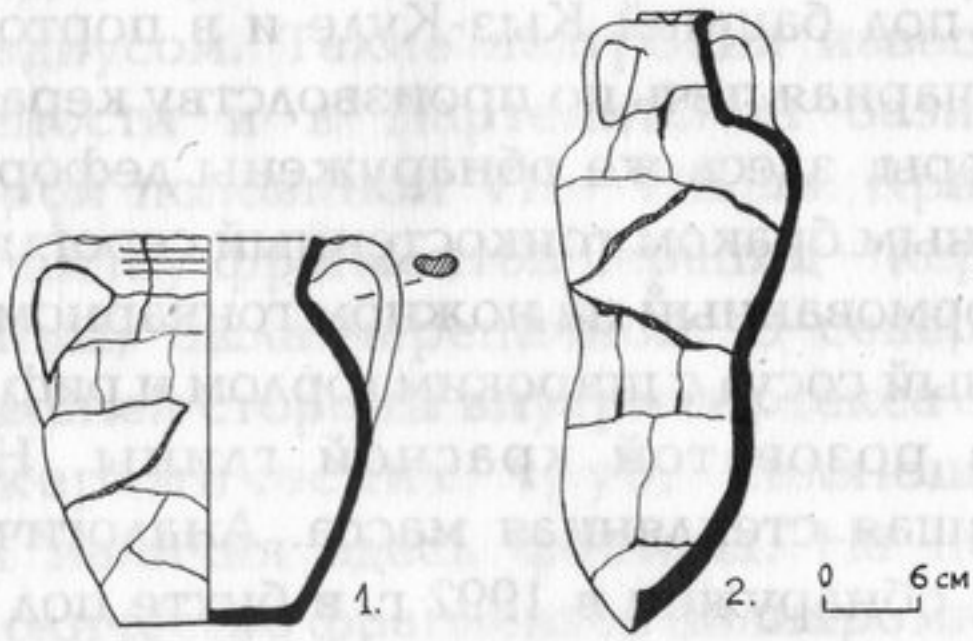
крайне малочисленны. К нижнему слою относятся несколько фрагментов ойнохой-баклинского типа и два венчика высокогорлых кувшинов. В верхнем слое, образовавшемся после разрушения монастыря, найдены мелкие фрагменты поливной посуды XII—XV вв.

Помимо раскопок церкви заложены шурфы по периметру монастырской ограды, сложенной из бута на глине. Судя по сохранившимся остаткам кладок ограда имела прямоугольную форму. Кладки сильно пострадали при плантажной распашке и нивелировке территории.

С внешней стороны алтаря храма зачищен поздний склеп с плитовым перекрытием, в кладках которого вторично использованы карниз и раннесредневековое византийское надгробие. Зачищены три яруса погребений. Сохранность костяков плохая. Судя по остаткам черепов здесь было захоронено около 20 человек. В склепе найдены проволочная серьга и костяной астрагал для игры.

В портовой части Судакской крепости в береговом обрезе начаты раскопки большой гончарной печи, размытой сильным штормом в ноябре 1992 г. На полу топки под завалом печины обнаружена целая амфора с перехватом и острым дном, типологически близкая колхидским амфорам. В отличие от последних, они изготовлена из кирпично-красной глины и имеет меньшие размеры. Целые амфоры, идентичные судакской, ранее обнаружены в жилых комплексах поселения под Сюйренской крепостью, а их фрагменты неоднократно находили в Судаке под башней Кыз-Куле и в портовой части. Эта первая в Крыму гончарная печь по производству керамической тары VII в. Помимо амфоры, здесь же обнаружены деформированный и являющийся гончарным браком тонкостенный сероглиняный горшок с двумя ручками, формованный на ножном гончарном круге, а также небольшой одноручный сосуд с широким горлом и рифленым туловом, изготовленный из розоватой красной глины. На дне сосуда сохранилась застывшая стеклянная масса. Аналогичный горшок с застывшим стеклом обнаружен в 1992 г. в бухте под горой Аю-Даг. Их находки являются первым бесспорным свидетельством существования стеклоделательного производства в Крыму в досалтовское время.

План храма VIII–IX вв. на горе Перчем. 1 – 2 – амфора и горшок из гончарной печи в портовом районе Сугдеи.

И.А.Баранов, В.В.Майко

РАСКОПКИ В ПОРТОВОМ РАЙОНЕ СУДАКСКОЙ КРЕПОСТИ

Судакская экспедиция КФ ИА НАН Украины продолжила начатые в 1985—1986 гг. археологические исследования на территории средневекового порта Сугдеи. Работы были сосредоточены на строительной площадке солярия пансионата «Львовский железнодорожник» и носили охранный характер. Исследуемая территория представляет собой треугольник, ограниченный двумя бетонными дорожками и подпорной стеной вдоль пляжа. Общая площадь раскопок составила около 270 м^2 при глубине культурного слоя до 3,5 м. Средневековые постройки на этом участке портовой слободы располагались на искусственных террасах. При этом перепад высот между домами одного хронологического периода составлял до 2 м.

Обнаружены два жилища и остатки третьего дома, перекрытого двумя печами — тандырами и почти полностью разрушенного современными строительными работами.

Дом 1 представляет собой прямоугольную в плане постройку с каменными стенами, перекрытую в северной части бетонной дорожкой. Исследованная площадь дома 26,3 м^2. Сохранность кладок плохая: большая часть стен разрушена до основания при сооружении огневых позиций времен войны. Западная стена дома длиной 7,5 м при ширине 0,75 м сохранилась на высоту нижнего рядка. Лучшей сохранности восточная стена, уцелевшая на высоту до 1,9 м. Ее длина 8,9 м при ширине 0,7 м. Она сложена в характерной для салтово — маяцких построек Крыма и Тамани технике кладки «в елку» насухо. Внутри постройки прослежен слой зеленовато — серой плотной глины с двумя прослойками печины, углей и костей животных, соответствующими двум периодам функционирования жилища. Археологический материал из этого заполнения представлен амфорами, высокогорлыми кувшинами с ленточной ручкой, кухонной и столовой посудой. Амфоры трех типов. Большая часть —

гладкостенные красноглиняные сосуды с округлым дном и небольшими ручками, прикрепленными под венчиком. Они известны в Тау–Кипчаке в комплексах второй половины VII — первой половины VIII в. Вторая группа — многочисленные фрагменты и одна почти целая амфора причерноморского типа, датируемые VIII — IX вв. Третья — единичные фрагменты амфор «с отложным воротничком», происходящие из верхнего слоя и датирующиеся второй половиной IX — XI вв. На стенках амфор всех типов имеются разнообразные граффито, среди которых встречены и тюркские тамги в виде трезуба. Помимо амфор в заполнении дома найдены фрагменты красноглиняных вьючных фляг и стенок красноглиняных пифосов.

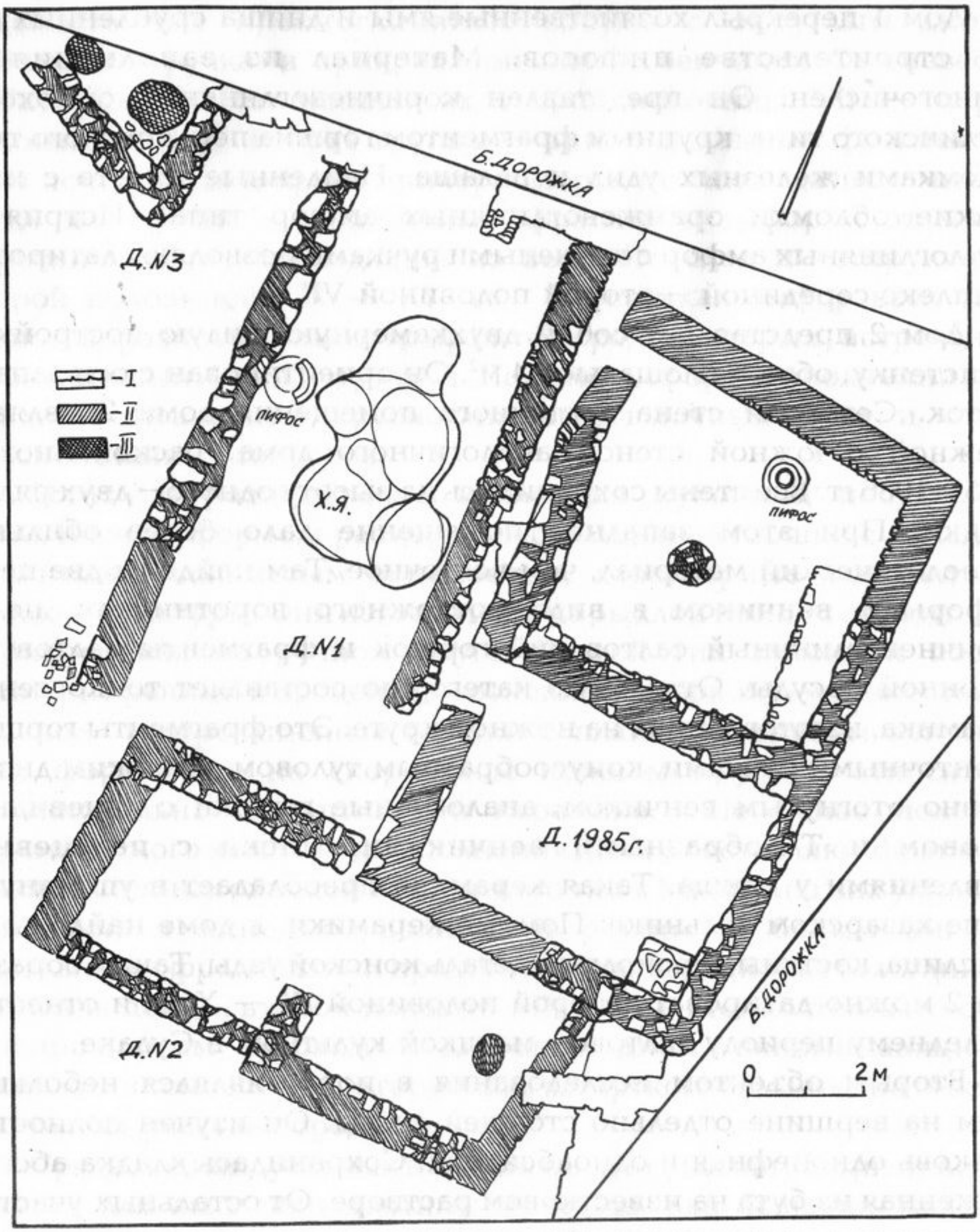
Богата и разнообразна коллекция кухонной посуды. Это различные по форме и размерам сероглиняные горшки с линейным и линейно–волнистым орнаментом, характерные для салтово–маяцкой культуры. Они изготовлены из рыхлой глины с отощителями и формованы на ручном круге. Второй тип кухонной посуды, примерно равный в процентном отношении первому — тонкостенные красно– и сероглиняные горшки с плавно отогнутым венчиком. Они формованы на скоростном ножном круге и относятся к провинциально–византийской керамике. Не менее половины керамического комплекса заполнения дома 1 составляют фрагменты красноглиняных ойнохой баклинского типа. Многие из них украшены линейной и линейно–волнистой росписью белым ангобом. Отдельными фрагментами представлена византийская белоглиняная поливная посуда второй половины IX — X в., тонкостенные сосуды с шаровидным туловом и широким дном, напоминающие по технологии тонкостенные горшки из хазарского зольника на северо–восточном участке городища.

Среди индивидуальных находок следует упомянуть три пряслица, тигелек для выплавки цветных металлов, два больших железных ножа, астрагалы с отверстиями и насечками, клык кабана с отверстием для подвешивания и пр. Керамика позволяет датировать дом 1 второй половиной VIII — X в. и связать его с салтово–маяцкой культурой.

Дом 1 перекрыл хозяйственные ямы и днища срубленных при его строительстве пифосов. Материал из заполнения ям немногочислен. Он представлен коричневоглиняной ойнохойей баклинского типа, крупным фрагментом горшка пеньковского типа, обломками железных удил и палаша. Найденные вместе с ними мелкие обломки оранжевоглиняных амфор типа «Истрия» и светлоглиняных амфор с крученными ручками позволяют датировать комплекс серединой —второй половиной VII в.

Дом 2 представляет собой двухкамерную жилую постройку — пятистенку, общей площадью 24 м². Он ориентирован с оси запад — восток. Северная стена восточного помещения дома 2 является смежной с южной стеной аналогичного дома, раскопанного в 1985—1986 гг. Все стены сохранились на высоту одного — двух рядков кладки. При этом западное помещение дало более обильный археологический материал, чем восточное. Там найдены две целые амфоры с венчиком в виде «отложного воротничка», целый коричневоглиняный салтовский горшок и фрагменты салтовской кухонной посуды. Отдельную категорию составляет тонкостенная керамика, изготовленная на ножном круге. Это фрагменты горшков с ленточными ручками, конусообразным туловом, широким дном и плавно отогнутым венчиком, аналогичные горшки с яйцевидным туловом и Т — образными венчиками, миски с пальцевыми вдавлениями у днища. Такая керамика преобладает в упомянутом выше хазарском зольнике. Помимо керамики, в доме найдены два пряслица, костяные проколки и деталь конской узды. Таким образом, дом 2 можно датировать второй половиной IX — XI в. и отнести к последнему периоду салтово — маяцкой культуры в Судаке.

Вторым объектом исследования в порту являлся небольшой храм на вершине отдельно стоящей скалы. Он изучен полностью. Церковь однонефная и одноабсидная. Сохранилась кладка абсиды, сложенная из бута на известковом растворе. От остальных участков стен остались лишь постели в скале, позволяющие реконструировать план храма. Рядом с храмом зачищены 3 плитовые, 2 грунтовые могилы и гробница, разрушенная, как и храм, блиндажом времен войны. В перекрытии плитовой могилы 2 обнаружен армянский

План жилого квартала городища Сугдеи.
I – *кладки XIV – XV вв.;* **II** – *реконструируемые участки кладок;* **III** – *очаги*

хачкар, позволяющий произвести культурно – этническую атрибуцию комплекса. Помимо этого в грунтовой могиле 1 обнаружены стеклянные и пастовые бусы, сердоликовые и коралловые подвески, четыре золотоордынские серебряные монеты второй половины XIV в. Из заполнения склепа происходит целый стеклянный стакан с сильно вогнутым дном.

В заключение следует отметить, что охранные раскопки в портовой части Сугдеи позволили изучить сильно разрушенные сооружения, позволяющие, однако, проследить историю города с эпохи раннего средневековья до его падения и выделить наиболее ранний горизонт середины — второй половины VII в., связанный с его возникновением.

Н.И.Бармина

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАНГУПСКОЙ БАЗИЛИКИ

Объектом исследования являлась базилика, расположенная на плато Мангупа. Представления об этом памятнике строились на результатах археологического доследования, а затем, когда работы внутри стен базилики были завершены, было предпринято изучение территории, прилегающей к базилике.

Местом раскопок 1993 г. стал северный участок, расположенный за стеной храма «В» и базилики. На этой территории оставались неисследованными ранние строительные остатки, открытые в 1991—1992 гг. Необходимо было также произвести вскрытие грунтовых погребений, о существовании которых стало известно в ходе раскопок прошлого года.

Вторым объектом археологического исследования стал юго – западный участок перед центральным входом в базилику. Работы начаты здесь с целью проведения сравнительного анализа с северо – западной частью площади перед базиликой, где в 1938 г. М.А.Тихановой были открыты погребальные комплексы.

Вся территория, прилегающая к базилике с севера, условно может быть поделена на три участка: северо – западный (это место работ М.А.Тихановой в 1938 г.), центральная часть (здесь раскопки производились в 1976—1990 гг.) и северо – восточный — изучается с 1991 г. От археологических изысканий 1992 г. на этой территории остались недоисследованными отдельные погребения и строительные остатки. Стратиграфия данного участка представляла собой незначительный слой дерна (0,15—0,27м); II слой — «отвалов» (его мощность колеблется от 0,25 до 1,00 м, насыщенный фрагментами строительных деталей, отдельными мозаичными кубиками и остатками фрески, битой керамики и т.д.); III слой — «разрушения» (образовался в результате гибели храма «В», завершавшего на востоке северную галерею базилики). Данный слой представлен большим развалом камня (обработанного и бутового), кусками известкового деструбированного раствора, крупными фрагментами кровельной черепицы, плинфы, обломками пифосов и амфор. Максимальная мощность каменного развала была зафиксирована в 1991 г. и достигала 0,90 — 1,20 м. Раскопки этого года показали, что дальше к северу развал камня практически сходит «на нет», и глубина его залегания составляла 0,20 — 0,25 м. Нижняя граница «слоя разрушения» перекрывала дневную поверхность, соответствующую функционированию здесь некрополя. IV слой —«погребение» представлял плотную, темно – серую структуру со значительным включением мелкого битого камня, керамики, костей животных и человека. Мощность слоя — 0,97 — 1,10 м. Особенностью этого слоя является наличие в нем двух ярусов погребений. В 1993 году были открыты два костяка.

Погребение 258 располагалось на ранних строительных остатках так называемой поперечной стенки 2 /см. ниже/. Сохранность костяка не удовлетворительная: разрушены череп, плечевой пояс, правая рука, тазовые кости. Погребение лежало на спине, с вытянутыми ногами, правая рука под прямым углом на груди, левая — тоже на груди, но почти подтянута к подбородку; ориентировано по оси базилики. Погребение — детское (девочки?), длина — 1,19 м. Вещей не обнаружено. Костяк находился в верхней границе IV слоя

и по уровню залегания соотносится со средним ярусом погребений, известных на базилике.

Погребение 259 находилось на расстоянии 4,17 м от северной стены храма «В» в нижней границе слоя погребений. Костяк, в целом, хорошей сохранности — нарушена была лицевая часть черепа. Лежал на спине, с вытянутыми ногами, левая рука, согнутая под острым углом, лежала на груди, правая — в области таза; ориентировано в оси базилики. Погребение — женское, длина — 1,45 м. При костяке была обнаружена глазчатая бусина.

В самом «слое погребений» найдены фрагменты позднеантичных стеклянных сосудов, бронзовая пряжка от мужского кожаного пояса. По уровню залегания это погребение связывается с нижним ярусом «слоя погребений».

После снятия IV слоя открыто продолжение тех строительных остатков, которые стали известны еще в 1991—1992 гг. В ходе археологических работ 1993 г. на северном участке открыто помещение, которое с запада было ограничено поперечной стенкой 1, с востока — поперечной стенкой 2, с севера — продольной стенкой 3 (назначение его пока неясно). Стены сложены по типу двухпанцирной кладки с внутренней забутовкой из мелко битого камня на известковом растворе. Ряды кладки недостаточно выравнены, камень разной величины, поэтому при возведении стен использовались крупные фрагменты керамики, черепицы, плинфы. Под устройство стен в скале выбивалось ложе; его ширина — 0,65—0,70 м. Все они сохранились на высоту одного ряда камней (продольная стена 3) или двух рядов (поперечные стены 1, 2). В их кладке использовались и хорошо обработанные блоки вторичного употребления.

Главной особенностью вновь открытого помещения является его некоторая смещенность к востоку, оно имело несколько иную ориентацию, чем базилика. Смещение к востоку составило 15°.

Для окончательного выяснения назначения этого помещения необходимо открыть внешние панцири стены 2 и стены 3, определить связь этих построек с ансамблем христианских сооружений самой базилики.

Юго – западный участок. Археологические работы на этом участке составили территорию в 32 м² с южной стороны паперти перед базиликой. Несмотря на небольшие размеры квадрата исследований, в ходе раскопок здесь получены интересные материалы, свидетельствующие о характере формирования некрополя вокруг базилики. В частности, были открыты надгробные памятники, которые своим архитектурным разнообразием дополнили наши представления о камнерезном искусстве Мангупа в XIV — XV вв. На этой площади было вскрыто 51 грунтовое погребение, которые по особенностям ориентации, уровню залегания, отдельным признакам погребального обряда очень многообразны. На этом же участке выявлено пять гробниц. Изучено только две из них, обладающие определенными особенностями (как сооружения самих гробниц, так и их заполнения).

Работы на данной территории только начаты, поэтому какие – либо обобщающие выводы преждевременны. Однако именно этот участок представляется наиболее перспективным для изучения базилики и некрополя, располагавшегося вокруг нее.

А.В.Белый

РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ КЫЗ-КЕРМЕН

Экспедиция Бахчисарайского государственного историко – культурного заповедника продолжала раскопки средневекового городища Кыз – Кермен у села Машино Бахчисарайского района. Проводилось доследование оборонительных сооружений. В раскопе вдоль лицевого панциря раскрытой ранее на всем протяжении крепостной ограды разбирались слои, соотносимые с архитектурными остатками основных хронологических строительных периодов.

В слое завала стены VIII—IX вв. найдены аналогичные обнаруженным при раскопках усадеб керамические материалы: обломки круглодонных амфор и кувшина, орнаментированного белым ангобом, изготовленных на ручном гончарном круге кухонных

горшков. Нижележащий слой разрушения стены второго строительного периода содержал немногочисленные фрагменты светлоглиняных амфор I в. до н.э. — I в.н.э., подлощенных лепных горшков и мисок. Севернее городища находится большое позднескифское поселение этого же времени, для жителей которого расположенное на мысу укрепление служило убежищем. Часть находок из второго слоя можно предварительно отнести и к более позднему времени, что, очевидно, свидетельствует об использовании убежища населением близлежащих поселений до II—III вв.н.э.

Остаткам фрагментов стены первого строительного периода хронологически соответствует суглинисто – щебенистая подсыпка конструктивного характера вдоль уцелевшей кладки внутреннего панциря. Из нее извлечены довольно выразительные фрагменты лепных горшков и мисок, в том числе чернолощеных сосудов с гребенчатым орнаментом. Подобная по способу и сюжетам орнаментации лепная керамика известна по находкам из эллинистических слоев Херсонеса, Керкинитиды и других поселений античного времени Центрального и Юго – Западного Крыма.

В раскопе на восточном фланге оборонительной линии уточнено местоположение ворот, разрушенных до основания вместе с прилегающим участком кладки куртины.

С западной стороны вход в крепость ограничивал обрывающийся к востоку уступ пласта известняков с резко выраженной бугристой поверхностью. В 5 м восточнее уступа в скале было вырублено круглое гнездо диаметром 0,4 м для столба, на котором крепилось полотно ворот. Судя по его расположению, отрезок стены с проемом входа несколько выступал вперед по отношению к трассе лицевого панциря, фланкируя подступы к воротам с напольной стороны укрепления.

Таким образом, в результате раскопок 1993 г. получены дополнительные данные для обоснования хронологии оборонительных сооружений, уточнены их конструкция и детали планировки.

В рамках комплексного подхода к изучению памятника как заповедного природно – исторического объекта в работе экспедиции принимали участие геологи В.И.Лебединский и Л.П.Кириченко.

Продолжалась топографическая съемка расположенного к северу от городища позднескифского поселения.

Белый О.Б., Неневоля И.И.

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ МУСУЛЬМАНСКОГО МОГИЛЬНИКА В г. БАХЧИСАРАЕ

Археологическая экспедиция Отдела охраны и учета памятников БИКЗ проводила охранные раскопки мусульманского поздне—средневекового могильника в 6 микрорайоне Бахчисарая. Могильник был обнаружен при прокладке водопровода, когда были полностью разрушены 8 могил.

Некрополь располагается в 2,5 км к югу от старого городского кладбища по ул. Партизанской, на довольно широком плоскогорье, постепенно понижающемся к долине реки Чурук — Су. Его территория на протяжении многих лет распахивалась, а в настоящее время активно застраивается частными домами.

Все исследованные погребения располагаются в небольшой низине с довольно мощным грунтовым слоем (на остальной территории плоскогорья под небольшим, до 20—30 см, грунтовым слоем залегает плитовый мергель). Кладбище локализуется в пределах одного—двух кварталов между земельными участками 176 и 220.

В результате проведенных охранных работ исследована 21 могила: из них 8 детских могил 2,3,6,8,13,15,16,21; 2 подростковые (?) 11, 12; 13 захоронений находились в северо—восточном секторе (раскопы А, В, Г), и 8 могил (раскопы Б) — в юго—западном.

Могилы, как правило, впущены (частично либо полностью) в материковый суглинок. На раскрытой части погребения они располагались без соблюдения рядов, на расстоянии 0,3—0,7 м друг от друга, в соответствии с рельефом: в местах, где мергель выходит близко к поверхности, — захоронения не производились, за исключением одного погребения, в раскопе В.

Все погребения подбойные, ориентированные с северо – востока на юго – запад, с сезонными отклонениями. Размеры взрослых погребений: входная яма 1,75 х 0,44 — 2,03 х 0,7 м; погребальная камера 1,75 х 0,3 — 2,40 х 0,46 м; высота свода погребальной камеры 0,29 —0,4 м. Детских: входная яма — 1,05 х 0,27 — 1,45 х 0,40 м; погребальная камера — 1,50 х 0,2 — 1,35 х 0,30 м. Глубина от современной поверхности детских 0,5—1 м, взрослых — 1,20—1,60 м.

Большинство подбоев были закрыты либо сырцовыми и земляными кирпичами, уложенными в несколько рядов (размеры 40х14х16, 36х14х10 и др.), либо деревянными поставленными вертикально брусками, высотой 0,3 — 0,5 м в сечении 3х3 — 6х6 см. У целого ряда могил следов закладов не выявлено.

По конструктивным особенностям выделяется несколько вариантов подбоев.

Вариант I (1,9,10,15,16,19). Входная яма удлиненной формы, дно наклонено в сторону подбоя и заканчивается ступенькой высотой 0,05—0,08 м. Погребальная камера в форме вытянутого овала, дно наклонено в сторону южной продольной стенки и несколько вогнуто в центральной части. Погребальная камера отделена от входной ямы закладом из сырцовых либо земляных (колыб) кирпичей, уложенных в 1—3 ряда на глиняном растворе либо без него. В некоторых могилах соблюдена перевязка швов (могилы 10,15,19).

Вариант II(14,18,20). Входная яма подпрямоугольной в плане формы, дно наклонено к подбою и заканчивается ступенькой высотой от 0,06 до 0,23 м. Погребальная камера подпрямоугольной формы закрыта закладом из глиняных (могилы 18,20) и земляных кирпичей (могила 14), уложенных в 3—4 ряда в следующем порядке: нижние 2—3 ряда лежат горизонтально на глиняном растворе с перевязкой швов, верхний ряд кирпичей поставлен на «ребро» и наклонен в сторону подбоя.

Вариант III (4,5,8,12,17). Входная яма удлиненной формы, дно ровное либо наклонено к продольной стенке входной ямы (могила 5). Оно заканчивалось ступенькой высотой от 0,06 до 0,38 м. Погребальная камера подпрямоугольной формы, дно подбоя ровное или несколько

вогнуто (могила 4). Заклад состоял из деревянных брусков цилиндрической либо квадратной формы в сечении от 0,02х0,02 до 0,06х0,06 м.

Вариант IV (7,11). Могилы прямоугольной с закругленными углами формы. Четкой границы между входной ямой и погребальной камерой нет. Дно входной ямы и подбоя находится на одном уровне. Подбой могил был закрыт деревянными брусками 3х3 см и высотой до 0,5 м.

Вариант V (3,6,21). Входная яма неправильной подпрямоугольной формы, дно ровное, у входа в подбой заканчивается ступенькой высотой от 0,03 до 0,11 м. Погребальная камера подпрямоугольной формы, дно подбоя ровное или несколько наклонено в сторону входного колодца (могила 21). Заклад не прослежен.

Вариант VI (2,13). Могилы подпрямоугольной формы с закругленными углами. Граница между входной ямой и подбоем не обозначена. Дно входной ямы на одном уровне с дном погребальной камеры, оно несколько вогнуто в центральной части. Заклад не прослежен.

Все погребенные лежат вытянуто на спине либо на правом боку, левая часть тела приподнята над дном могилы (могилы 6,3) посредством глиняной подсыпки. Руки прямые или согнуты в локтях. Ноги выпрямлены (исключение составляют погребения 5 и 17, где ноги согнуты в коленях и повернуты вправо). Все погребенные ориентированы головой на запад, юго — запад, лицевая часть черепа, как правило, повернута к югу.

В погребальных камерах и входных ямах могил 7,11,12,14 наблюдалось обилие древесных углей.

Все захоронения безынвентарные. В земляных кирпичах (могилы 9,10,14) обнаружено несколько фрагментов керамики: гончарного сосуда с зеленой поливой, светлоглиняной миски, курительной трубки. Керамический материал позволяет предварительно датировать могильник XVIII—XIX вв.

Антропологические материалы взяты в коллекцию и в настоящее время обрабатываются.

Ю.А.Виноградов

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА МИРМЕКИЙ

Многослойное античное городище Мирмекий (VI в. до н.э. — III в.н.э.), расположенное на северной оконечности Керченской бухты, в черте современного города Керчи, являлось объектом систематических исследований Боспорской экспедиции ИИМК РАН (ЛОИА АН СССР) с 1934 г. Археологические раскопки здесь были начаты выдающимся советским антиковедом В.Ф.Гайдукевичем, блестящие результаты этих работ хорошо известны в отечественной и зарубежной науке. В последние годы полевые исследования Мирмекийского отряда Боспорской экспедиции были нацелены на изучение западной части городища, где, как предполагается, возникло раннее греческое поселение и где, соответственно, ожидалось открытие наиболее ранних культурных напластований и археологических комплексов.

Эти ожидания, как известно, оправдались. С 1982 г. на всех трех раскопах, заложенных в западной части городища («П», «Р» и «С»), удалось выявить жилые и хозяйственные комплексы второй половины VI в. до н.э. Они представлены заглубленными в землю конструкциями типа полуземлянок круглой или, чаще, четырехугольной в плане формы. Приблизительно в начале V в. до н.э. полуземлянки засыпаются, и на их месте возводятся наземные здания с сырцовыми стенами на каменных цоколях, мощеными дворами, улицами с тротуарами и т. д. Только на этом этапе поселение приобретает городской облик.

В 1992 г. на раскопе «С», который вплотную приблизился к скальному выступу Карантинного мыса (мирмекийскому акрополю), была открыта целая серия ям, содержащих многочисленные материалы второй четверти VI в. до н.э. Теперь стало почти очевидным, что греческое поселение на данном месте возникло именно в это время, а не в середине столетия, как считалось ранее. Следует обратить внимание и на то, что многие из обнаруженных в ямах керамических материалов явно побывали в огне, вероятно, в пожаре. О нем же свидетельствует и слой гари, зафиксированный в различных

местах раскопа «С» над материком. Скоре всего, это событие имело место около середины VI в. до н.э.

Некоторые из ранних ям, а также слой гари перекрывались монументальной стеной (37), которая препятствовала доступу на акрополь по пологому подъему между двумя выходами скалы. В процессе раскопок сложилось впечатление, что она имела оборонительное назначение, в совокупности с остатками двух других кладок создавала конструкцию типа уступа или бастиона длиной около 4—х м (стены 37,57 и 58). Можно предположить, что эта часть мирмекийского акрополя была укреплена после пожара, но раньше перехода к массовому строительству наземных зданий, иными словами — во второй половине VI в. до н.э. Если наблюдения верны, то остается признать, что в 1992 г. при раскопках Мирмекия удалось открыть самую раннюю фортификационную систему античного времени не только на Боспоре, но и во всем Северном Причерноморье. Разумеется, это ответственнейшее заключение необходимо было проверить новыми раскопками; именно на это и были нацелены работы Мирмекийского отряда в 1993 г.

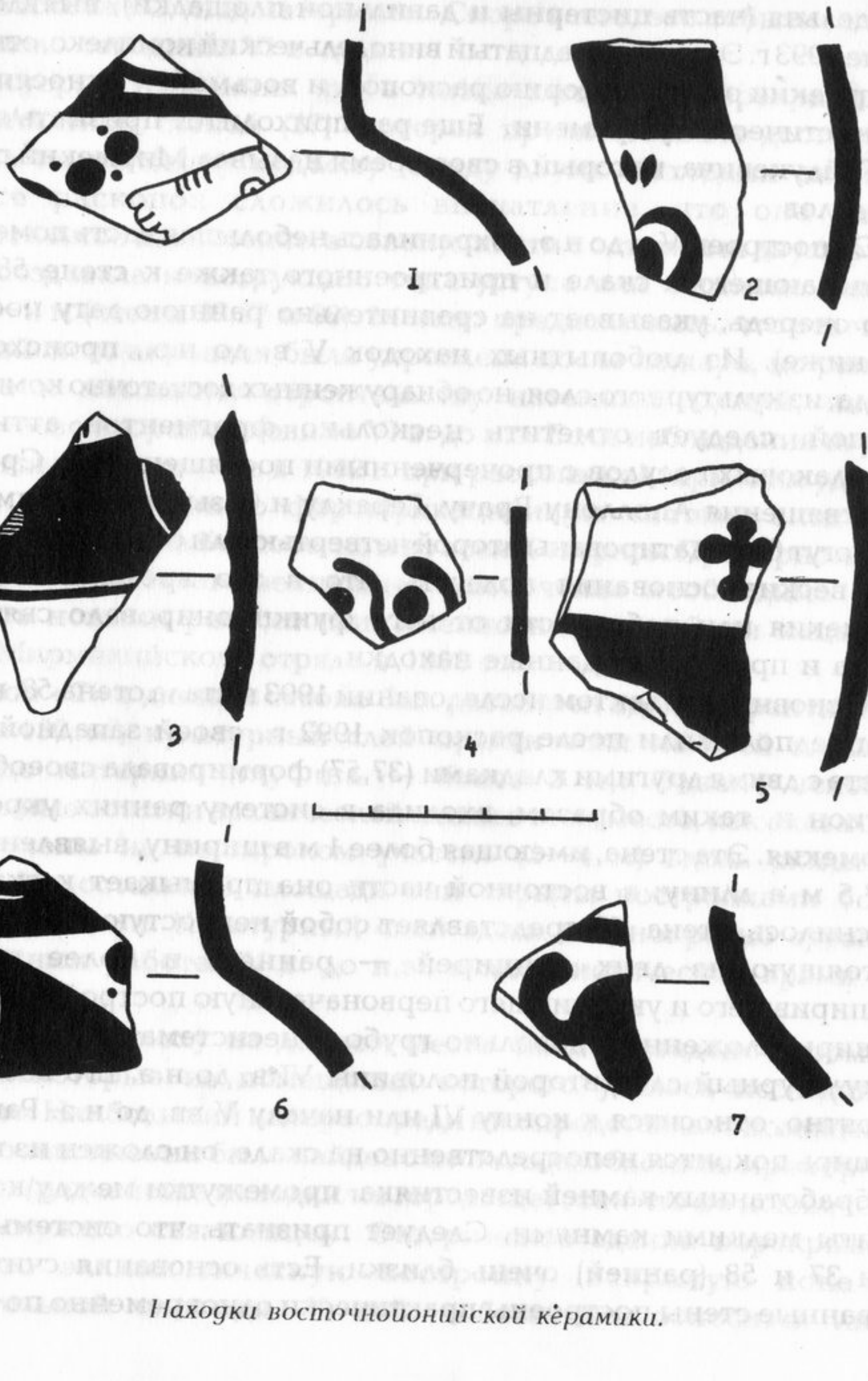
Раскоп «С» в данном сезоне был расширен вдоль Карантинного мыса на 150 м^2, культурный слой практически на всей площади вскрыт до материка (глубина — более 2 м). Однако искомые строительные остатки архаической эпохи в этом месте, как оказалось, сосредоточены на нешироком участке (2—4 м) вдоль скального выступа. На остальной площади они скрыты постройками более позднего времени. Культурный слой здесь неоднократно срезался при земляных работах V в. до н.э., в эллинистическое время и в первые века н.э.

В римскую эпоху на данном месте было возведено огромное здание, некоторые из помещений которого удалось исследовать полностью. Наибольший интерес среди них представляет помещение XVII, в его заполнении было найдено несколько обломков мраморных скульптур (редчайшие находки на городище) , так что не исключено, что оно служило святилищем. Это римское здание перекрывало какую—то эллинистическую постройку, вскрытую пока на незначительной площади. К ней, собственно, относится лишь

винодельня (часть цистерны и давильной площадки), выявленная в сезоне 1993 г. Это четырнадцатый винодельческий комплекс, открытый в Мирмекии за всю историю раскопок, и восьмой — относящийся к эллинистическому времени. Еще раз приходится признать правоту В.Ф.Гайдукевича, который в свое время называл Мирмекий городом виноделов.

От построек V в. до н.э. сохранилась небольшая часть помещения, примыкающего к скале и пристроенного также к стене 58, что, в свою очередь, указывает на сравнительно раннюю дату последней (см. ниже). Из любопытных находок V в. до н.э., происходящих, правда, из культурного слоя, но обнаруженных достаточно компактной группой, следует отметить несколько фрагментов аттических чернолаковых сосудов с прочерченными посвящениями. Среди них — посвящения Аполлону Врачу, Гераклу и безымянной нимфе. Все они могут быть датированы второй четвертью или серединой столетия. Есть веские основания полагать, что в это время на акрополе Мирмекия или поблизости от него функционировало святилище, откуда и происходят данные находки.

Основным объектом исследований 1993 г. стала стена 58, которая, как предположили после раскопок 1992 г., своей западной частью вместе с двумя другими кладками (37,57) формировала своеобразный бастион и, таким образом, входила в систему ранних укреплений Мирмекия. Эта стена, имеющая более 1 м в ширину, выявлена сейчас на 7,5 м в длину; в восточной части она примыкает к скале. Как выяснилось, стена 58 представляет собой непростую конструкцию, состоящую из двух панцирей — раннего и более позднего, расширившего и укрепившего первоначальную постройку. Поздний панцирь, сложенный довольно грубо и несистематично, поставлен на культурный слой второй половины VI в. до н.э. Его возведение, вероятно, относится к концу VI или началу V вв. до н.э. Ранний же панцирь покоится непосредственно на скале, он сложен из крупных необработанных камней известняка, промежутки между которыми забиты мелкими камнями. Следует признать, что системы кладок стен 37 и 58 (ранней) очень близки. Есть основания считать, что названные стены построены практически одновременно по единому

Находки восточноионийской кѐрамики.

плану. Датировка возведения раннего панциря может быть основана на следующем соображении: поскольку поздний панцирь подстилается культурным слоем второй половины VI в. до н.э., а он мог накопиться за время существования ранней постройки, то сама она, вероятнее всего, была возведена в пределах обозначенного хронологического отрезка. Приходится констатировать, что за два года целенаправленных раскопок не удалось выявить каких — либо фактов, которые бы противоречили высказанному предположению об укреплении мирмекийского акрополя во второй половине VI в. до н.э.

И еще одно важное обстоятельство — стена 58 в своей восточной части, как уже говорилось, примыкает к скале. В результате проведенных исследований было выяснено, что этот участок скалы имеет каменную обкладку, уложенную прямо на материке. Данная обкладка образует со стеной 58 конструкцию типа уступа или бастиона, аналогичную описанной выше, но меньших размеров (1,2 м в длину).

Как видим, своеобразие ранней фортификации, открытой в Мирмекии, заключается прежде всего в том, что укреплялся именно акрополь, а не все поселение в целом. В своей основе это была обкладка скалы, при сооружении которой строители прекрасно использовали топографические особенности местности (обрывистые скальные выступы и т.д.). В планировке всей системы явно применялся бастионный, безбашенный принцип фортификации. В высшей степени любопытно, что такая в общем совершенная система укреплений была возведена в то время, когда в домостроительстве Мирмекия господствовали заглубленные в землю конструкции, и все поселение представляло собой беспорядочное скопление полуварварских по внешнему облику построек. Не вызывает сомнения, что открытие архаической фортификации имеет принципиальное значение для изучения особенностей греческой колонизации района. Так, господствующую сейчас концепцию мирного характера освоения греками берегов Боспора Киммерийского вряд ли следует считать безусловно верной. С учетом новейших результатов в области исследования архаических памятников Боспора и сопредельных территорий она нуждается в существенной корректировке.

В заключение следует отметить, что при раскопках 1993 г. на участке «С» было обнаружено немало находок, относящихся не только ко второй, но и первой половине VI в. до н.э., в основном, второй его четверти, хотя комплексов этого времени открыто не было. Среди таких находок — фрагменты расписной восточноионийской посуды. Эти материалы позволяют предполагать, что при продолжении систематических раскопок на данном участке будут выявлены новые интересные факты о ранних этапах истории Мирмекия и шире — о закономерностях освоения греками района Восточного Крыма.

С.Ю.Внуков

РАСКОПКИ НА КАРА-ТОБЕ У г. САКИ

Отдельный Кара – Тобинский отряд Крымской археологической экспедиции МГУ и РОУ продолжил исследования на окраине г. Саки в Северо – Западном Крыму. Работы проводились на двух объектах —городище Кара – Тобе и на впервые открытом скифском бескурганном могильнике.

Всего на городище к настоящему времени открыто около 790 м^2 площади. В 1993 г. исследования велись на двух раскопах. На Центральном основное внимание уделялось раскрытию башни, обнаруженной в предыдущем году в центре поселения. Пока не ясно, входила ли она в систему каких – либо оборонительных сооружений или была чем – то вроде «донжона». В 1993 г. по верху и частично по фасаду целиком открыты ее южная и восточная стены и восточный отрезок северной стены. Это позволяет определить внешние размеры башни: запад – восток — около 13,1 м, север—юг — около 12,0 м. Они значительно превышают размеры самых крупных античных башен, известных в Северо – Западном Крыму. Вход в башню расположен в южной стене. Толщина стен 1,0—1,2 м, максимальная высота — 2,2 м.

Завершено раскрытие углового юго – восточного помещения (Б) и начато раскрытие примыкающего к нему с севера помещения Г, что

позволило определить планировку башни. Видимо, она была разделена стеной запад – восток на 2 половины — северную и южную, а они в свою очередь продольными стенами поделены на 3 помещения. Таким образом, внутри башни имелось 6 помещений.

Внешние стены башни сложены на 2 фаса с забутовкой мелким камнем на глине между ними. Внешний фас сложен насухо из разноразмерных квадров, лежащих, в основном, постелисто. Изредка встречаются тычковые перевязки. Все квадры явно вторичного использования. Об этом свидетельствует как огромный разнобой их размеров (от 0,6х0,2х0,2 до 1,8х0,8х0,7 м), так и наличие на некоторых квадрах руста и (или) прочерченных рисок. При этом рустованная поверхность далеко не всегда выходит на внешний фас, она может занимать любое положение. Встречаются и обломанные квадры.

Внутренний фас внешних стен башни сложен из обработанных и рваных некрупных камней различных размеров на глине. Среди них встречаются мелкие квадры. Заметна подтеска камней по фасу. Кладка иррегулярная и только в некоторых местах можно заметить намек на рядность.

В пределах помещения Б внутренний фас восточной стены разобран практически полностью, за исключением нижнего ряда. Это позволило подробно изучить конструкцию кладки. Подошва внешних стен не более чем на 0,1 м впущена в материковую глину.

Помещение Б по внутренним размерам 4,65х3,3 м вытянуто по оси север – юг. Его северная и отчасти западная стены разобраны (от северной сохранился только нижний ряд камней). Они сложены из рваных и подтесанных камней средних размеров на глине. Дверной проем шириной около 0,9 м находился в западной стене. В его северном торце, сохранившемся на высоту 1,4 м, зачищены вырубки для фиксации дверных запоров. В заполнении помещения Б прослеживаются не менее 3 уровней полов, разделенных слоями разрушений. Самый ранний глиняный пол намазан непосредственно на материк. Он несколько раз подновлялся. Немногочисленный материал с них можно датировать концом II — серединой I вв. до н.э. Средний уровень полов, видимо, соответствует времени существования и разгрома примыкающих к башне скифских

помещений. По материалу их следует датировать второй половиной I в. до н.э. — второй четвертью I в. н.э.

Последний жилой уровень залегает примерно на 1,5 м выше раннего пола. Судя по многочисленному материалу (в основном, лаковые миски и кувшины), он относится к середине — третьей четверти I в. н.э. Интересно, что на этом уровне был обнаружен потертый медный асс Августа, дающий terminus post quem разрушения башни, а также железная трехлопастная стрела. Данная поверхность перекрыта пылевидным слоем с редким каменным завалом. Над площадью помещения Г открыто несколько кладок самого позднего строительного периода конца I в. н.э., которые были сооружены уже после разрушения башни. К югу от башни на площади квадратов 18 и 28 снимались слои зольника, соответствующие 1 и 2 этапам существования башни и, видимо, несколько предшествующие ей. Их общая толщина до 1,1 м. На площади квадрата 18 слой был снят до материка, который залегает здесь на глубине 2,9 м от современной поверхности. Керамический материал из самых нижних напластований (амфоры, лак, клейма Родоса, Книда, Коса) дает дату, не выходящую за пределы II в. до н.э. Он отличается от даты самого раннего материала в башне — рубеж II—I вв. до н.э. В то же время здесь, как практически и на всем городище, встречаются отдельные находки IV—III вв. до н.э.

В зольнике на квадрате 18 открыта обычная для городища округлая землянка (9) со «ступенькой» вдоль стен, обложенной стоящими на ребре сырцовыми блоками.

Дата землянки — конец II — начало I в. до н.э. Из находок в ней можно отметить среднелатинскую расчлененную фибулу, датирующуюся второй половиной II — началом I в. до н.э. (Амброз, 1966, с. 13).

Перед входом в башню в слое зольника открыто полукруглое сооружение, которое состоит из стоящих на ребре в 1—2 ряда в ширину плоских камней. Диаметр сооружения — около 3,7 м. Крайние камни вплотную примыкают к южной стене башни. Все камни, видимо, были вкопаны в слой. Стратиграфически это сооружение соответствует второму периоду существования башни.

Примечательно большое количество материала второй половины I в. до н.э. – середины I в. н.э., особенно лаковой посуды, в слое зольника в полукруглом сооружении. В целом он аналогичен находкам из башни, где также значительна доля лаковых форм. Из других находок отсюда примечательны фрагменты чаши бесцветного стекла с ребристыми стенками, примитивная глиняная антропоморфная статуэтка скифского типа, несколько железных трехлопастных черешковых стрел.

На Восточном раскопе были доследованы открывшиеся ранее помещения 21 и 22, зачищена землянка 6 и начато раскрытие нового помещения 24. Стены помещений 21 и 22, расположенных в юго-западной части раскопа, были полностью разобраны в древности, и место их прохождения определялось по следам выборок. У помещения зафиксированы следы выборки западной стены, почти полностью разрушенной поздними ямами и землянкой 7. Размеры помещения 21 с севера на юг не менее 0,7 м, с запада на восток 4,8 м. Установлено, что глиняный пол помещения 21 намазан на прослойке зольника толщиной до 0,3 м, лежащей на материке. Эта прослойка, видимо, соответствует модному надматериковому зольнику Центрального раскопа. В целом по стратиграфическим данным помещение 21 можно относить к раннему скифскому строительному периоду.

Помещение 22 расположено к северо-востоку от описанного выше помещения 21. Раскрыта его северная часть с выборкой северной стены. Таким образом, размеры помещения 22: север – юг – 3,3 м, запад – восток – 5,5 м. В его центре, как и в помещении 21, зафиксированы остатки прямоугольного глиняного «столика». Материалы из помещений 21 – 22 синхронны и датируются в пределах I в до н.э.

Помещение 24 расположено в северо-западной части Восточного раскопа. Зафиксирована только его северо-восточная часть. При этом внутреннее пространство до раскрытия всей площади не зачищалось. Открыты восточная и частично северная стены помещения. Они представляют собой каменный цоколь высотой 0,3 – 0,5 м для выше лежавшей сырцовой кладки. Поверхность цоколя относительно горизонтальна. Северная стена помещения 24

сложена из мелких рваных камней. Восточная стена состоит из плоских рваных камней средних размеров, стоящих орфостатно. Для выравнивания поверхности над ними находится ряд таких же камней, уложенных постелисто. От сырцовой кладки стен сохранился только бесформенный глиняный завал, заполняющий, в основном, внутреннее пространство помещения. По стратиграфическим данным помещение 24 синхронно помещениям 21 и 22.

Землянка 6, округлая в плане диаметром около 2,6 м, расположена в восточной части раскопа. Она была зафиксирована, но не расчищена в 1990 г. Как и все раскопки на Кара-Тобе (кроме 7), она выкопана в зольнике. Вдоль стенок, как обычно, проходит земляная «ступенька» шириной 0,3—0,5 м, обложенная сырцовыми прямоугольными блоками. Судя по материалу из заполнения, сооружение датируется второй половиной I в. до н.э.

Кроме того, за сезон на городище выбрано 12 зерновых ям, использовавшихся повторно в качестве мусорных. Их размеры существенно разнятся и достигают 2,5 м (глубина) и 18 м (диаметр). Зачищены также 2 безынвентарных погребения младенцев. Одно из них находилось в светлоглиняной амфоре с двуствольными ручками.

Таким образом, результаты работ последних лет на городище Кара-Тобе позволяют предположить в качестве рабочей гипотезы следующую общую периодизацию жизни поселения.

На участках, раскрытых к настоящему времени, самые ранние слои относятся к II в. до н.э. Но, учитывая постоянно встречающийся материал IV—III вв. до н.э. (в том числе клейма Гераклеи, Синопы, Херсонеса, черный лак и т. п.), можно предположить, что место небольшого раннего поселения еще не открыто или его тонкий культурный слой и постройки были полностью уничтожены в более позднее время. Ранные наслоения, видимо, относятся к скифскому поселению додиофантового времени. Некоторые из помещений этого периода погибли в конце II в до н.э. в пожаре, что хорошо согласуется с общеисторической обстановкой Диофантовых войн.

После захвата городища греко-понтийскими войсками в его центре строится крупная башня или какое-то более сложное

оборонительное сооружение. О присутствии понтийских войск на городище свидетельствует находка здесь в 1988 г. фрагмента надписи на трофее (Виноградов, Внуков, 1989, с. 28—29). При строительстве башни культурный слой на ее площади снимается до материка, а окружающие более ранние постройки разбираются на камень. Также, видимо, разбираются какие — то монументальные греческие постройки на близлежащих поселениях. Все это заставляет вспомнить гипотезу Д.С.Раевского о локализации на Кара — Тобе древнего Евпатория (Раевский, 1968).

Греческие войска, вероятно, находились на Кара — Тобе до конца первой половины I в. до н.э. и ушли отсюда после гибели Митридата VI Евпатора. Об этом свидетельствуют находки из слоев первого разрушения башни в сочетании с данными стратиграфии слоев вне ее.

С возвращением скифов на Кара — Тобе около середины 1 в. до н.э. вокруг башни возникает довольно обширный скифский поселок, а сама она, видимо, используется в качестве цитадели. Примечательно, что по возращении какая — то часть скифского населения первоначально использовала временные сооружения — круглые «землянки». Материал из них датируется этим временем — серединой — второй половиной I в. до н.э. Этот этап жизни поселения завершается в начале второй четверти I в.н.э. полным разгромом городища и сильными пожарами во многих местах.

Следующий этап был относительно непродолжительным, и относящиеся к нему постройки плохо сохранились. Перестроенная башня продолжает функционировать. Этап завершается в третьей четверти I в.н.э. Возможно, это связано с высадкой на городище войск Плавтия Сильвана (Внуков, Коваленко, Трейстер, 1990). Косвенно в пользу присутствия здесь римлян говорит и находка редкой в Северном Причерноморье римской медной монеты в башне, в слое этого времени.

После этих событий башня разрушается, а ее стены частично разбираются. Строительные остатки последнего этапа существования городища сохранились крайне плохо и только в центральной части

городища. Они перекрывают площадь башни. Их можно датировать последней четвертью I — началом II вв.н.э.

Кроме того, на Кара – Тобе в небольшом количестве встречается средневековый материал, а также впускные погребения XI—XIII вв. Как уже сказано, экспедицией открыт бескурганный могильник, принадлежащий скифскому поселению. Он расположен в 200 м к северу от городища и в 200 м к югу от железнодорожной платформы «Техникум». Погребения открыты на южном склоне небольшого подтреугольного в плане останца коренного берега оз. Сасык, ограниченного двумя V – образно расходящимися балками. Они были зафиксированы по выходу камней на размываемой дождями тропинке, пересекающей склоны останца.

Раскопки велись сплошной площадью. Всего открыто около 52 м². Исследованы 6 погребений. Три из них (1,5,6) совершены в катакомбах (входная яма прослежена только у погребения 5) с каменными закладами входных отверстий в погребальную камеру. Погребение 4 совершено в узкой яме, а погребение 3, вероятно, в подбойной могиле (входная яма полностью размыта). О характере погребального сооружения 2 ничего не известно. Погребения 1 и 5 коллективные, остальные — одиночные.

В погребении 2 обнаружены только череп и 2 бронзовые подвески. В погребениях 1,3,4,6 захоронены дети, все на спине, головой на восток. Инвентарь в них небогат: стеклянные бусы, обработанные астрагалы, бронзовая сережка. Особенно примечателен железный перстень с сердоликовой геммой (пальмовая ветвь) из погребения 4.

Наиболее интересно погребение 5. Оно совершено в большой катакомбе, овальная входная яма которой (2,0 х 1,0 м) была плотно забита рваными камнями. Входное отверстие в камеру заложено большой плитой. В погребальной камере (2,05 х 1,5 м) зачищены остатки 7 человек — 3 мужчин и 4 женщины. Возраст погребенных —от раннего детства до 60 лет. Костяки лежали в 2 слоя. Более ранние погребения бессистемно сдвигались к дальней северной стенке камеры. 6 погребенных лежали головами на восток, седьмой (самый поздний) — головой на запад.

Материала в погребении не очень много. Это около сотни самых различных стеклянных и голубых пастовых бус, краснолаковая чаша, бронзовое височное кольцо, спиральный перстень, проволочная шейная гривна, фибула среднелатенской схемы (гладкая), железный нож, крупная пряжка, керамическое пряслице и др. Датировать погребение 5 можно I в. до н.э. — I в.н.э., вероятно, временем ближе к рубежу эр.

Антропологические определения проведены М.Веземанн и Х.Вант Хулл (Бременский университет).

А.В.Гаврилов

РАЗВЕДКИ В КИРОВСКОМ РАЙОНЕ

Осенью 1993 г. автором было начато обследование территории Кировского района с целью выявления и постановки на государственный учет новых памятников археологии. Разведки проводились на землях двух хозяйств: агрофирмы «Украина» и сельхозпредприятия «Присивашный». При осмотре ранее выявленного скифского поселения Ореховка — 1 были найдены фрагменты лепных сосудов с орнаментом из горизонтального ряда ямок, нанесенных на основание шейки, от которого вниз под углом опускаются резные линии, образующие заштрихованные треугольники. Внешняя поверхность тщательно заглажена, внутренняя — подлощена. Находки фрагментов керамики данного типа совместно с другими материалами: скребками на кремневых отщепах, фрагментами каменных полированных топоров, камнями для пращи — подтверждают наличие на поселении Ореховка — 1 более раннего слоя, относящегося к аборигенному таврскому населению.

На стоянке сезонного типа Ореховка — 2, находящейся в 0,5 км к северу от одноименного села и расположенной на восточной террасе неглубокой степной балки, был собран подъемный материал, состоящий из фрагментов венчиков лепных сосудов с налепными горизонтальными валиками в основании горла; чернолощеной

керамики с шишечковидными налепами; придонных частей сосудов с плоским дном; пряслица и ножки курильницы. Изделия из кремня представлены фрагментами наконечников дротиков, наконечником стрелы, заполированными вкладышами серпов, пластинками, скребками на пластинах и отщепах, отбойниками, значительным количеством отщепов, сколов, нуклеусов. Находки из камня представлены курантом зернотерки ладьевидной формы, терочником из диорита; фрагментом терочника из известняка, обломками булавы, полированных сверленых топоров, частей литейной формы; шарами — боласами, очевидно для метания из пращи. Найдена также костяная, круглая, плоская подвеска с тремя отверстиями в центре. Интересны изделия из бронзы: фрагменты наконечника ножа и прилезвийной части полого внутри топора — кельта; бронзовая булавка с шаровидным утолщением на конце. Такое количество подъемного материала объясняется многолетней распашкой незначительного культурного слоя стоянки. Здесь же собраны единичные находки средневековых амфор и поливной керамики. Ранний слой памятника можно отнести к белозерской культуре и датировать XII—X вв. до н.э.

В 0,5 км к востоку от с. Софиевка, на восточной террасе неглубокой балки, выявлены следы скифского стойбища. Подъемный материал представлен, в основном, венчиками и стенками лепных сосудов. По верхнему краю некоторых венчиков нанесены насечки. Найдено небольшое количество фрагментов амфорных стенок и ножек, которые могут позволить датировать стойбище IV в. до н.э. Кремневые сколы и отщепы единичны. Площадь рассеивания подъемного материала 200 х 50 м. Небольшое количество находок обусловлено тем, что незначительный культурный слой стойбища перекрыт культурными отложениями татарского селения, постройки которого выделяются на поверхности чернозема светлыми пятнами. Находки верхнего слоя представлены фрагментами зеленой, желтой, голубой поливной керамики: кувшинов и мисок; фрагментами крупных гончарных сосудов; изделиями из рога оленя. Территория памятника распахивается.

Стоянка сезонного типа выявлена у юго — западной окраины бывшего села Мучное. Расположена на западной террасе неглубокой

и широкой балки. Площадь рассеивания подъемного материала составляет 100 х 150 м. Культурный слой незначительный, распахивается, отличается от окружающего чернозема более светлым тоном. Подъемный материал представлен кремневыми нуклеусами, скребками на пластинах и отщепах, пластинками, сколами и отщепами. Лепная керамика —фрагменты стенок, придонных частей, венчиков лепных сосудов. На некоторых венчиках налепные горизонтальные валики, иногда с косыми насечками. На отдельных венчиках по краю также косые насечки. Часть залощенных стенок — с орнаментом из прочерченных врезных линий. Найдено несколько амфорных венчиков и ножек. Изделия из камня представлены шарами — боласами, фрагментами зернотерок и терочников. Собрано небольшое количество фрагментов зеленой поливной керамики, кувшинов с ребристыми стенками. В целом, данную стоянку можно отнести к белозерской культуре и датировать XII — X вв. до н.э. Однако подъемный материал свидетельствует, что данное место было обитаемо и в скифский период (IV в. до н.э.), и в позднем средневековье.

Скифское поселение Шубино — 1 выявлено в 200 метрах от одноименного села у курганной группы, состоящей из пяти насыпей различной величины. Здесь наблюдается золистое пятно диаметром около 70 м. Подъемный материал состоит из лепных сосудов и амфор, одна из ручек с синопским клеймом; фрагментов зернотерок и терочников. Обращает на себя внимание полное отсутствие среди подъемного материала бутового камня и черепицы. Мощность культурного слоя, по аналогии с поселением Ореховка — 1, может составлять в среднем 0,5—0,7 м. Поселение разрушается вспашкой.

Стоянка сезонного типа Шубино — 2 выявлена в 2 км к северо — востоку от села, на восточном склоне широкой степной балки, рядом с двумя курганами. Выделяется на фоне распаханного чернозема двумя светлыми пятнами размером 50х80 м. Культурный слой незначителен, слабо насыщен находками.

Подъемный материал представлен отщепами и сколами кремня, фрагментами стенок и венчиков лепных сосудов, на некоторых из них имеются налепные валики. Изделия из камня представлены фрагментами зернотерок, шаров — боласов. Эту стоянку также можно отнести к

белозерской культуре и датировать в пределах XII—X вв. до н.э. В 200 м к юго – востоку от с. Шубино, на поле, собрано небольшое количество фрагментов лепной керамики, кремневых скребков на пластинах и отщепах, пластинок, сколов и отщепов.

Все выявленные поселения, стоянки, стойбища тяготеют к естественным источникам воды и руслам балок. Кроме этого на территории сельхозпредприятия «Присивашный» было выявлены и обследованы 53 кургана высотой от 0,5 до 6 м, диаметром от 20 до 70 м. Почти все насыпи, за исключением тех, на которых стоят геодезические триангуляторные вышки, подвергаются регулярной распашке.

А.Г.Герцен, В.Е.Науменко,
С.А.Черныш

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МАНГУПСКОМ ПЛАТО

Совместная экспедиция СГУ и КО ИВ НАН Украины продолжала раскопки цитадели на мысе Тешкли – бурун и зальной церкви в центральной части плато, на южной окраине кварталов городища.

Мыс Тешкли – бурун.

Цитадель. В 1993 г. велись исследования у тыльной стороны северо – западной куртины цитадели (раскоп IX). Здесь выявлены два строительных комплекса:

1. Трехкамерное здание (4) с комплексом хозяйственных построек, расположенных к востоку от него (участок 1).

2. Комплекс построек, примыкающих к стене цитадели (участок 2). Условной границей между ними является улица, исследование которой было начато в 1992 г.

Участок 1 . Культурный слой достигает наибольшей мощности в южной (до 2,10 м) и в северной части участка, в яме для пифоса (до 2,65 м). В ходе исследования выявлено семь слоев. Археологический материал в них, в основном, относится к двум периодам: XIV — началу XVI и XVI — XVII вв.

Здание 4. Имеет размеры в плане 20,75 х 5,85 м. Помещение № 1 (9,10 х 5,85 м): торцовые стены образуют с продольными угол 84—87°. Помещение 2 и 3 разделены поперечной стеной, сохранившейся в длину до 1,50 м. Внутренние размеры их — 3,00 х 5,55 и 4,00 х 5,55 м. В помещении 2 на расстоянии 1,35 м от юго — западного угла выявлена плита порога (0,20 х 0,40 м) с вырубленными в ней пазами под деревянные конструкции. Главный вход в здание № 4 находится в юго — восточной стене помещения 3 (ширина дверного проема — до 0,95 м). К юго — востоку от главного входа продольные стены помещений 2, 3 образуют «дворик» (3,00 х 4,10 м). Стены возведены на поверхности материковой скалы. Кладка двухпанцирная, с забутовкой из рваного камня, на известковом растворе, сохранилась на высоту 2—6 рядов. В углах, в основании стен, использованы хорошо обработанные квадры. Ширина стен до 0,70 м. Назначение здания 4 пока остается неясным.

К востоку от здания 4 был обнаружен комплекс построек, непосредственно связанных с ним. При строительстве их учитывалось существование в этом месте естественной скальной лакуны, в которой и были размещены сооружения хозяйственного назначения и яма для пифоса, выкопанная в материковой глине желтого цвета, предназначавшаяся для установки пифоса на 1/5 его высоты. Общая высота пифоса, вероятно, достигала 2,00 х 2,10 м.

Хозяйственное помещение 1 размерами 3,10 х 2,25 м. Примыкает северо — западным углом к северо — восточной стене помещения 1 здания 4. В северо — восточном углу его находится пролом в скале, достигающий глубины до 1 м.

Яма 1 (кладка 57). Расположена напротив входа в северо — восточной стене помещения 2 здания 4. Имеет форму круга (Д — 0,66—0,68 м).

Яма 2 (кладка 64). Примыкает к северо — восточной стене хозяйственного помещения 1, имеет форму неправильного овала (2,10 х 2,60 м).

При строительстве хозяйственных построек использовалась бутовая однорядная, на глине, кладка.

Участок 2. Включает квадраты Н (5,55 х 5,20 м) и П (7,75 х 5,50 м). Между ними оставлена бровка для контроля за стратиграфией

участка. В ходе исследований выделены пять слоев. Восточной границей квадрата Н является кладка 43 (здание 6), а квадрата П — кладка № 69 (здание 7). Возможно, кладки относятся к одному зданию, но окончательный вывод можно сделать только после завершения исследований участка. Кладка — двухпанцирная из ломаного камня, с забутовкой на известковом растворе. В углах и в дверных проемах (ширина его — 1,05—1,10 м) использованы хорошо обработанные квадры. Ширина кладки — 0,52 — 0,60 м, сооружена она на скальной поверхности, с использованием нивелирующей подсыпки.

На участке начаты исследования хозяйственных ям (кладки 55 и 71), примыкающих непосредственно к крепостной стене цитадели. Диаметр их — 2,15 — 2,75 м.

Предварительно можно сделать вывод, что открытый в 1993 г. многокамерный архитектурный комплекс появился в период существования княжества Феодоро и, возможно, функционировал некоторое время после захвата города турками в конце XV — начале XVI в.

Храм «Богородицы». Работы на объекте производились в течение полевых сезонов 1992—1993 гг. Памятник расположен в центральной части Мангупского плато к западу от триангуляционного знака в верховьях балки Гамам – дере. Храм отождествляется с церковью, в которой П.С.Паллас видел в алтаре остатки росписи с изображением Богоматери. В 1992 г. после расчистки территории было заложено три квадрата: два — размерами 5,00 х 5,00 м у южной стены и 5,30 х 7,70 м — у западной. В 1993 г. исследовалось внутреннее пространство, участок перед абсидой и северной стеной, а также продолжались раскопки квадрата перед входом в храм. Размеры постройки — 11,20 х 6,20 м при толщине стен около 0,90 м. Стены сложены из рваного камня на известковом растворе, абсида облицована хорошо отесанными блоками. На гравюре художника Вебеля (1853 г.) из неизданного альбома графа А.С.Уварова видно, что церковь имела окно в центре абсиды и два окошка под крышей в южной стене. В завале встречено большое количество позднесредневековых архитектурных деталей (целых и в обломках), среди которых надгробия

разных типов. Церковь была построена на скале, поверхность которой предварительно выровнена. Тогда же был засыпан и находившийся здесь тарапан размером 1,80 х 3,14 м, оказавшийся в 2,5 м к востоку от абсиды.

Внутри храма исследованы две гробницы прямоугольной формы, вырубленные в скале. Они ориентированы по оси храма и находятся в его западной части, как и естественное углубление в скале под северной стеной, использовавшееся для захоронений. Из погребений под северной стеной происходит наперсный крест из полированной зеленой яшмы с серебряными оковками и железная звездица. Вероятно, здесь был погребен священник. Половина литого бронзового энколпиона с изображением Богоматери, скорее всего, принадлежала разрушенному погребению, существовавшему ранее на том же месте.

Солея храма сложена из крупных хорошо отесанных известняковых плит. Алтарь приподнят над уровнем солеи. Образовавшаяся ступень оформлена тесаными блоками, соединенными между собой и со скалой известковым раствором. В углублении обнаружен клад серебряных монет Девлет—Гирея (1550—1577 гг.) в количестве 111 штук. Кроме татарских монет, найдены три византийские монеты VI в.

Со всех сторон, кроме южной, церковь окружало кладбище, некоторые надгробия которого выступают на дневную поверхность. Раскопками исследованы 49 погребений. Все они совершены по обряду трупоположения, ориентация в оси храма — головой на запад, преобладающее положение рук: правая — на груди, левая — на животе.

Из инвентаря интерес представляют: половина энколпиона, аналогичная вышеупомянутому, серьга из серебряной проволоки с жемчужиной, золотая канитель, раковина каури, поздне—средневековые пуговицы из бронзы и серебра в форме шариков.

Можно сделать предварительный вывод, что храм построен в позднефеодоритское время, претерпел пожар и разграбление, затем был восстановлен и окончательно заброшен лишь в XVIII в. Вероятно, он обслуживал городской квартал в верховьях балки Гамам—дере.

Исследованные погребения связанного с храмом кладбища относятся XVI — первой половине XVII в., что указывает на существование в это время на Мангупе значительной христианской общины.

В.К.Голенко

РАБОТЫ ЮЖНО-БОСПОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Южно – Боспорская археологическая экспедиция ИА АН продолжила свои исследования на урочище Опук (городище Киммерик и его хора), расположенном в Ленинском районе Крыма.

Этот регион Керченского полуострова с начала 1950 – х гг. редко посещался археологами, поэтому основной задачей экспедиции с момента ее возникновения в 1989 г. является проведение широкомасштабных археологических разведок как в самом урочище, так и в его окрестностях, с целью составления подробной археологической карты района.

Местоположение Киммерика на основании свидетельств древних авторов локализовано И.Бларамбергом (1848), а развалины этого городища, включая цитадель и оборонительные сооружения на плато и склонах горы Опук были подробно описаны П. де Брюксом (1858). Летом 1927 г. под руководством Ю.Ю.Марти экспедиция Керченского археологического музея обследовала «городища, валы и некрополи Керченского района» и в их числе археологические памятники Черноморского побережья от оз. Элькен (Кояш, Элькен – Кояш, Кояшское) до мыса Такиль. Однако материалы этих исследований были утеряны в годы войны и судить о них можно только по краткой публикации результатов этого обследования (Марти, 1928). Также пропали материалы разведок Керченского археологического музея на побережье полуострова к востоку от горы Опук, проводившиеся в 1936 г. /Гайдукевич, 1959/. В 1947—1951 гг. исследования городища Киммерик и урочища Опук были предприняты совместной экспедицией Керченского музея и Института истории

материальной культуры АН СССР под руководством И.Б.Зеест (впоследствии экспедицией Керченского музея под руководством И.Т.Кругликовой /Кругликова, 1958/. В ходе этих работ были проведены разведки на горе Опук, обмеры цитадели и небольшие раскопки на городище Киммерик и на холме «А», расположенном на юго – восточном склоне горы. Позже, при подготовке исследования «Сельское хозяйство Боспора», И.Т.Кругликова провела многолетние широкомасштабные археологические разведки на всем Керченском полуострове, в ходе которых, в частности, были обнаружены античные поселения на северном берегу Кояшского озера и в окрестностях пос. Марьевка. Небольшие разведки на урочище Опук в 1970—1980 – х гг. проводились О.Д.Чевелевым и А.А.Масленниковым, однако последним отчетная документация представлена не была. Таким образом, можно заметить, что основное внимание исследователей привлекали, в основном, напластования городища Киммерик, строительные остатки цитадели на вершине горы Опук и отдельные объекты на ее склонах, в то время как обследование прилегающей к урочищу Опук территории фактически не проводилось.

За 1989—1993 гг. на урочище Опук, в его ближайших и дальних окрестностях (г. Кончек, окрестности Параболического гребня, район Кызаульского маяка и т.д., а также район мыса Чауда) было выявлено более 40 разнообразных археологических объектов —поселений, селищ, могильников, остатков древних инженерных сооружений и т.д., а также проведены незначительные раскопки на городище Киммерик и на его хоре. Из выявленных экспедицией памятников в первую очередь следует упомянуть остатки стоянок и погребальных сооружений догреческого населения района, античные поселения Киркояшской котловины, Чебацкой балки, побережья Кояшского и Узунларского озер, восточного склона горы Опук, прибрежной долины у Кызаульского маяка, остатки земляного вала и рва IV в. до н.э. на перешейке Узунларского и Кояшского озер, строительные остатки поселений и отдельных жилых и хозяйственных построек IV—III вв. до н.э., 1 – х вв.н.э. и раннего средневековья на южном, восточном и северном склонах Опук. Столь неожиданное обилие археологических объектов на урочище и в его окрестностях

следует объяснять не только значительной ролью Киммерика в системе обороны юго – западной части Европейского Боспора и сельскохозяйственным потенциалом этого района Керченского полуострова, но и в первую очередь тем, что урочище Опук, расположенное непосредственно на морском побережье, представляло собой прекрасное естественное убежище на одной из самых высоких возвышенностей полуострова, единственной на обширных прилегающих степных пространствах. Вероятно, с этим же обстоятельством связано и обилие на Опуке памятников раннего средневековья (поселения, селища, хутора и отдельные хозяйственные постройки, инженерные сооружения).

Эта часть Керченского полуострова до последнего времени была белым пятном на карте археологических памятников Европейского Боспора. Составление подробной археологической карты района значительно расширило источниковедческую базу исследований, что в итоге позволило нам в 1990 г. принять участие в программе АН СССР «Экология человека». По этой программе совместно со специалистами Географического факультета СГУ (А.Клюкин, Б.Вахрушев) и Никитского Ботанического Сада Академии Наук (В.Корженевский) была разработана концепция единства памятников природы и археологии некоторых регионов Крыма, обосновавшая актуальность комплексного подхода к вопросам охраны археологического наследия — памятников археологии и антропогенных ландшафтов, а также разработан проект создания на урочище Опук комплексного природно – исторического заповедника.

Подготовка пакета документации для создания заповедника и составление подробной археологической карты региона невозможно без проведения подробной топографической съемки основных территорий и наиболее крупных археологических объектов, а также без топографической фиксации и дробной топографической съемки отдельных археологических объектов и антропогенных особенностей микрорельефа. Поэтому перед экспедицией до настоящего времени стоит задача проведения масштабных топографических работ по нанесению как ранее известных археологических объектов (городище Киммерик, цитадель на плато г. Опук, поселение холм «А» и т.д.), так

и объектов, выявленных в последние годы. При активном содействии кафедры картографии Географического факультета МГУ, начиная с 1990 г., в составе экспедиции стали проходить производственную практику студенты – топографы, на долю которых выпала основная часть топографических работ.

К сожалению, при предшествующих исследованиях Киммерика были, в основном, составлены упрощенные крупномасштабные топографические схемы раскрываемых объектов. В настоящее время, после постепенного разрушения строительных остатков, определение их месторасположения без предварительных раскопок практически невозможно. Это в первую очередь относится к остаткам оборонительных сооружений Киммерика, описанных П. де Брюксом; также труднолокализуемыми оказались места разведочных раскопок на городище, произведенных Ю.Ю.Марти и обнаруженных нами только в 1992 г. Поэтому одной из основных задач стало нанесение на новые топографические подосновы с подробной фиксацией микрорельефа сохранившихся строительных остатков Киммерика и объектов городища, вскрытых предшествующими исследователями. К 1993 г. топографическая фиксация строительных остатков Киммерика была, в основном, завершена.

В 1990 г. обнаружены следы антропогенного террасирования северного склона горы Опук, под плато, с расположенной на нем цитаделью II в.н.э. Здесь были зафиксированы отдельные строительные остатки жилых и хозяйственных построек, подпорных стен террас, бытовавших с перерывами с IV в. до н.э. до VII—IX вв.н.э. Это террасирование склона несомненно составляет единое целое с комплексом самой цитадели, жизнь в которой протекала и в VII — IX вв.н.э., и с оборонительными сооружениями эллинистического времени, предшествующими ей.

В 1992 и 1993 гг. экспедиция проводила топографическую съемку поселения холм «А» и прилегающего к нему участка юго – восточного склона Опук. В целом топографическими работами к 1993 г. экспедицией были охвачены обширные участки западного (городище Киммерик), северного (террасирование склона), южного (поселение «Над источником», усадьба «Под плато») и восточного склонов горы

(оборонительная стена). Была также проведена подробная топографическая съемка плато горы Опук, цитадели и других, расположенных на плато, объектов. Кроме того, экспедицией была проведена топографическая съемка наиболее крупных археологических объектов в окрестностях Опук — поселений Кончакское, Кояшское северное, Киркояшские юго – западное, северо – западное, поселений Чебацкой балки, у Кызаульского маяка, на восточном склоне Опук, городища Казека (?) на мысе Чауда и т.д.

Проведенные в 1993 г. разведки по ряду причин ограничились лишь ближними окрестностями горы Опук и ее склонами и не дали новых ощутимых результатов. Здесь, главным образом, были обнаружены мелкие объекты — стены—загородки хозяйственных построек хуторного типа или типа кошар, относящиеся к IV—VII вв.н.э., и отдельные подтесы скал. Был произведен также дополнительный сбор подъемного материала на ранее выявленных экспедицией памятниках с целью уточнения их датировок. Так, например, на основании этого представилась возможность удревнить время возникновения поселения Чебацкое южное рубежом VI—V вв. до н.э. Памятники этого времени крайне редки и слабо изучены на Керченском полуострове. В отличие от синхронного ему поселения на холме «А» и прекрасно укрепленного природными условиями юго – восточного склона Опук, объект Чебацкое южное расположен в степной неукрепленной части побережья в устье выходящей к морскому побережью балки.

Были расчищены и укреплены, а также законсервированы как большая часть раскопов самой экспедиции, так и предшествующих исследователей (холм «А», «мукомольная мастерская» на Большом Змеином холме Киммерика). Кроме того, предпринята попытка с минимальными затратами и использованием подручных средств провести полевую консервацию, частичную реставрацию и музеефикацию одного из археологических объектов. Для проведения этих работ было выбрано поселение «Над источником», одна из построек которого, относящаяся к VII—IX вв.н.э., была частично раскопана экспедицией в 1991 г. Это поселение, расположенное на южном склоне урочища выше ныне действующего источника, было

обнаружено еще в середине XIX в. — его отдельные строительные остатки (кольцевые загоны, которые П. де Брюкс принимал за круглые башни) нанесены на схему Опука, составленную военным топографом подполковником Рябовым в 1852 г. по заданию Археологической комиссии. Экспедицией было исследовано западное помещение одного из жилых комплексов, вымостка и ряд хозяйственных пристроек.

В качестве основных подручных материалов для реставрации были выбраны местные материковые глины и песок, использование которых позволило полностью отказаться от нежелательного применения цемента. Первоначально был разобран верхний ряд кладок построек, и расчищенная поверхность кладки была укреплена раствором, сделанным экспериментальным путем. На основании полевых чертежей и фотографий разобранный верхний ряд кладки был заново выложен в аналогичной технике на укрепленном раствором теле стены и укреплен дополнительным рядом кладки, сложенным в той же технике из камней, выбранных из культурного слоя в ходе раскопок. Верхняя, контактирующая с атмосферой, часть кладки была зафиксирована стяжкой из раствора, состоящего из 3 частей песка и 1 части глины, давшего плотную корку, затрудняющую прорастание на теле стены сорниковых трав, как правило, своей мощной корневой системой разрушающих стены. Поскольку стены построек были сложны на земляном связующем растворе, имеющем иные технические характеристики, включая способность к адсорбции атмосферной влаги и иной степени сжатия при температурных перепадах, промежутки между камнями кладки были по внешним сторонам заполнены глиняным раствором и частично забутованы. Вновь выложенные ряды кладки были традиционно маркированы фрагментами керамической тары.

С целью предотвращения распада тела стены под своей тяжестью даже в условиях консервирующей засыпки и предотвращения выдавливания по основаниями стен в менее плотные слои засыпи, их фундаменты были укреплены насыпями бутового камня по всему периметру фундамента; аналогичным способом были укреплены основания бортов раскопов. Во избежание прорастания сорниковых

трав, дно раскопа было тщательно прополото и засыпано сначала слоем морского песка толщиной до 0,20 м, затем наполнительным слоем грунта из отвалов и сверху перекрыто еще одним слоем песка мощностью до 0,40 м. Во избежание разрушения бортов раскопа, их края были скошены под углом до 55° и частично укреплены камнями.

Как показал первый опыт, даже подобные простые и недорогие приемы в значительной степени улучшили визуальное восприятие памятника, которое было усилено размещением на засыпи из песка внутри раскопа отдельных массивных находок — каменного жернова, каменной ступы и отдельных архитектурных деталей из пиленого ракушечника, обнаруженных в ходе исследования памятника.

А.С.Голенцов

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ АНТИЧНОГО КУЛЬЧУКСКОГО ГОРОДИЩА И МОГИЛЬНИКА В 1989—1993 гг.

Кульчукское городище расположено на обрывистом берегу Черного моря, в 2 — х км к югу от с. Громово Черноморского района Крыма. В 1929 г. Л.А.Моисеев впервые открыл на нем развал греческой оборонительной стены. Первое описание памятника в литературе принадлежит П.Н.Шульцу (после обследования им в 1933 г. Тарханкутского побережья). Позже оно обследовалось А.Н.Щегловым, О.Д.Дашевской А.С.Голенцовым. В результате абразии южная часть поселения полностью уничтожена. Скорость разрушения культурного слоя достигает 0,20 м ежегодно. В настоящее время сохранившаяся площадь городища равна 1,4 га (100 х 140 м). Это одно из крупнейших поселений в Северо — Западном Крыму.

В 1989 г. под руководством автора сначала в составе Западно — Крымской экспедиции ИА АН УССР (начальник В.А.Кутайсов), а со следующего года самостоятельная Кульчукская экспедиция ИА АН СССР (с 1993 г. — экспедиция ИИМК РАН) начала охранные раскопки береговой части городища. За пять полевых сезонов

вскрыто около 1000 м² площади на глубину от 1,20 до 4,0 м. На поселении выявлены три исторических этапа: греческий, скифский и раннесредневековый.

Греческий этап. Открытые строительные остатки делятся на три периода. К первому относятся несколько обнаруженных на склоне в материке овальных в плане углублений — полуземлянок, более чем наполовину разрушенных абразией. Размеры сохранившихся конструкций: длина от 2,5 до 4 м, глубина — 0,35—0,70 м. Найденный в засыпи углублений материал (обломки амфор Хиоса, Фасоса, Гераклеи, Синопы, чернолаковая аттическая и простая гончарная керамика), который датируется по клеймам серединой —третьей четвертью IV в. до н.э., является пока самым ранним на городище и определяет время основания поселения.

Второй период представлен башней 2, фрагментами стен, вымостками и хозяйственными ямами. Наполовину уничтоженная абразией башня была, очевидно, квадратной в плане (9х9 м) с тремя помещениями. Полы глинобитные. Наружные двухрядные стены имели толщину 1,10 м. Внешний ряд был выложен из тесаных рустованных квадров. На одном угловом сохранилась ризка каменотеса. Башня была почти полностью разобрана еще в древности. Находки из нее датируются последней третью IV — началом III в. до н.э. Зерновые ямы грушевидные, в засыпи содержали эллинистический материал, также относящийся к последней четверти IV — началу III в. до н.э. В южной части городища на обрыве удалось проследить остатки греческого зольника — эсхара, который с запада был ограничен каменной кладкой. Южный ее конец разрушен, северный уходит в борт раскопа. Трудно теперь определить, какая часть зольника обрушилась в море. Выявленная площадь равна 10 х 12 м. Глиняный пол зольника был плотно утрамбован, в нем нами зачищены небольшие очажные ямки и большая круглая в плане яма – ботрос диаметром 1,95—2,10 м и глубиной 0,62—0,84 м. Стенки ямы прямые, обмазаны жидкой глиной и местами сильно обожжены. Яма плотно заполнена золой с большим количеством обломков жаровен, лежавших друг на друге. В золе найдены также пережженные кости животных, птиц, рыб, фрагменты столовой, в основном

чернолаковой керамики, на некоторых процарапаны граффити. На глубине 0,25 м от верхнего края ямы найдено 10 глиняных высушенных «хлебцев» круглой и овальной формы. Открытый комплекс и многочисленные находки позволяют предполагать, что нами открывается культовая площадка, возникшая не позднее последней четверти IV в. до н.э.

К третьему периоду относится раскрываемая в плане в центральной части поселения укрепленная усадьба с башней, обнесенной противотаранным поясом и оборонительными стенами по периметру херсонесского типа. При ее строительстве были использованы квадры с пиронами и рустами, взятыми из стен башни предшествующего комплекса. Усадьба возникла в первой четверти III в. до н.э. и просуществовала до захвата поселения скифами в первой половине II в. до н.э.

Скифский этап интересен фортификацией конца II — I в. до н.э. Она включает вал и ров, облицованный камнем со стороны городища. Вал опирался на оборонительную стену херсонесской усадьбы. Аналогичная фортификация ранее открыта О.Д.Дашевской на городище Беляус в 3 — х км к востоку от Кульчука. На поселении раскрываются жилищно — хозяйственные каменные постройки второй четверти II в. до н.э. — I в.н.э. Обнаружены и зачищены три круглые заглубленные в землю сооружения I в. до н.э. В одном сохранилась каменная обкладка стенки и каменная же круговая скамья, в центре — очажная ямка. Открыто пять скифских хозяйственных ям, заполненных, в основном, золой и небольшим количеством обломков лепных горшков.

Наибольший интерес вызывают глинобитные печи для обжига керамики, исследованные в южной обрывистой части городища. Печи (пока исследовано 18) круглые в плане, диаметром от 1,0 до 3 м. Вокруг обожженной глиняной площадки поставлены на ребро и слегка заглублены сырцовые кирпичи, иногда плоские камни, с легким наклоном внутрь. При зачистке оснований печей среди другого материала найдены клейменные ручки амфор Родоса, Херсонеса второй — третьей четверти II в. до н.э. В I в. до н.э. вся территория с печами была засыпана и перекрыта зольником.

В раннесредневековом тонком слое зачищены развалы каменных стен, найдены фрагменты керамики VIII — X вв.

На городище в течение всех сезонов проводятся консерва — ционно — охранные работы. Строительные остатки присыпаются, поверхности кладок перекрываются слоем жидкой глины. Для защиты берега от абразии под обрыв ссыпается отвал. В результате образовался контрфорс, поросший травой, который задерживает морские волны. Перед искусственной насыпью возникает постепенно песчаный пляж, урез воды отступает от берега.

Кульчукский могильник примыкает к городищу с севера и расположен на ежегодно распахиваемом поле. При вспашке каменные конструкции могил выбрасываются на поверхность. Под скоплением камней находится погребальное сооружение. К сожалению, уже второй год этими приметами пользуются современные грабители. В прошедшем сезоне они обнаружили и частично вскрыли две могилы. Экспедиция провела их полное исследование.

Могила 30 — греческий каменный склеп, находился на расстоянии 191 м к с — св от городища. На глубине всего 0,20 м от поверхности зачищен навал камней, вытянутый с запада на восток на 8,20 м, с юга на север — 3,40 м. Под камнями обнаружен и зачищен склеп. Он состоит из прямоугольной камеры 4,20 х 2,80 м, ориентированной широтно, и ведущего в него с запада дромоса длиной 3,60 м, ширина прохода — 0,80 м. Стены камеры сложены насухо из тесаных плит. Сохранилось до пяти рядов кладки на высоту до 1,40 м. Плиты нижних рядов кладки поставлены на ребро, камни верхних рядов уложены плашмя, с напуском и наклонно срезаны, что должно было придать плавность своду. Рухнувшая в склеп огромная плита (1,30 х 0,55 м) замыкала перекрытие. Пол мощеный. Вход был замурован каменной плитой, щели замазаны глиной.

На полу и в перекрывавшем его слое земли, начиная с уровня 0,40 м от пола, обнаружены разбросанные в беспорядке человеческие кости очень плохой сохранности, черепные крышки, челюсти — остатки 22 умерших. Найдено несколько обломков лепных плошек, стеклянные бусы. Состояние костяков и погребального инвентаря свидетельствует об его разграблении в древности, скорее всего в

гуннское время. Судя по инвентарю, в греческий склеп III в. до н.э. были вторично захоронены скифские покойники в I в. до н.э. — I в.н.э.

Могила 31 — скифский земляной склеп — состояла из двух частей: прямоугольного в плане дромоса длиной 4,10 м и шириной 0,70—0,80 м, глубиной 2,50 м. Ориентация меридиальная. В южной стене сделаны 5 ступенек. С севера к дромосу примыкает погребальная почти круглая в плане камера размерами 3,40 х 2,30 м. Свод сохранился. Его высота от пола равна 1,75 м. Камера была совершенно пуста — ни костей, ни вещей. Могила ограблена еще в древности.

Могила 33 — скифский детский подбой — обнаружена при зачистке могилы 31. На умершем ребенке 3—5 лет найдены стеклянные бусы и бараньи астрагалы с отверстиями. По времени могила относится к рубежу эр.

В.А.Горончаровский,
В.А.Хршановский

РАСКОПКИ ВЕРХНЕГО НЕКРОПОЛЯ ИЛУРАТА

В полевом сезоне 1993 г. Илуратский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН совместно с Государственным музеем истории религии С.—Петербурга проводил дальнейшие исследования верхнего некрополя Илурата, боспорского города—крепости I—III вв.н.э. (18 км к юго—западу от Керчи). При этом основные усилия были сосредоточены на вскрытии погребальных комплексов в северной части могильника, разрушенных недавними грабительскими шурфами.

Среди них можно выделить полуразрушенный каменный склеп Н—137 (2,9 х 2,06 м), расположенный в 7 м к востоку от склепа 1, обнаруженного в 1947 г. Это погребальное сооружение, ориентированное по линии северо—запад — юго—восток, впервые было ограблено еще в древности. Грабительский лаз шириной до 0,57 м выходит к северному углу склепа, где выломан значительный

кусок боковой стены. Как и другие стены, она образована ортостатами со следами грубой оттески, размеры которых могут достигать 2,39 х 1,48 х 0,18 м. Среди немногочисленных находок в заполнении заслуживают внимания фрагменты светлоглиняных амфор: типа яблоновской с двуствольными ручками типов С и D (по Д.Б.Шелову), а также краснолаковой столовой посуды I — II вв.н.э.

В северо – западной части склепа обнаружена встроенная на всю его ширину плитовая могила Н – 138 (2,06 х 0,73 м), в которой найдены фрагменты черепов мужчины в возрасте около 30 лет, девочки 12—14 лет. Еще одна плитовая могила Н – 140 (2,56 х 0,73 м) содержала остатки человеческого скелета (череп и кости стоп отсутствовали), ориентированного на запад с небольшим отклонением к северу.

Помимо этого выявлены три детские могилы: одна плитовая (Н – 139), полностью ограбленная, и две грунтовые (Н – 145, 146). Среди последних представляют интерес Н – 145 с восточной ориентацией и стандартным набором погребального инвентаря I в.н.э.: краснолаковые кувшины и чашка; бронзовые браслет, фибула и очковидная подвеска; стеклянные ребристые бусины и ромбовидная пронизь с тремя глазками.

Современными грабителями было разрушено и погребальное сооружение, до сих пор не встречавшееся на территории верхнего некрополя — земляной склеп Н – 143, находившийся на глубине 2,5 м от современной поверхности. Здесь, на полу камеры, зафиксированы следы не менее двух деревянных гробов и около 50 фрагментов раскрашенных гипсовых налепов, дающих нижнюю хронологическую границу для этого комплекса — I в.н.э.

Еще один вид доследованных сооружений верхнего некрополя —жертвенные ямы – ботросы (Н – 11, 142, 144), имеющие округлую форму диаметром 1 — 1,5 м и глубину около 1 м. Судя по всему, они были перекрыты известняковыми плитами с отверстием в центре. Одна из плит расколота грабителями и брошена в отвал, где помимо массового керамического материала обнаружен развал двух амфор II —I вв. до н.э. с двуствольными ручками: светлоглиняной и красноглиняной. Данное обстоятельство, как и ряд единичных находок на городище, позволяет, на наш взгляд, говорить о

существовании на месте Илурата поселения позднеэллинистического времени.

О.Д.Дашевская

РАБОТЫ В ЧЕРНОМОРСКОМ РАЙОНЕ КРЫМА

Донузлавская экспедиция ИА РАН совместно с Евпаторийским краеведческим музеем ведет полевые исследования в Северо–Западном Крыму, начиная с 1960 г., непрерывно. Сведения о них представлены во всех сборниках «Археологические открытия».

В 1987—1988 гг. в 2 км к юго–востоку от с. Знаменское и в 350 м восточнее городища Беляус был раскопан Беляусский курган. Высота его 1,50 м, диаметр около 30 м. Исследовано 49 погребений: 39 эпохи бронзы (девять ямных и 23 катакомбных), одно скифское IV в. до н.э. и 16 позднескифских конца II в. до н.э. — I в.н.э. Среди последних 7 выходят за пределы насыпи. Погребения эпохи бронзы были перекрыты антропоморфными и простыми плитами, в инвентарях —ладьевидная зернотерка, круглые терочники, горшки, костяные подвески. В скифском погребении — кенотафе оказались бронзовые трехлопастные стрелы, ручка чернолакового канфара; поверх могильной ямы — известняковая подставка для изваяния и череп коня. Кроме того, чернолаковая солонка была встречена в насыпи. В позднескифских погребальных ямах и подбоях, загороженных плитами, плитовых могилах обнаружены лепные сосуды, железные ножи, шилья, перстни, бронзовые браслеты, стеклянные бусы, а также(в засыпи) херсонесская монета конца IV в. до н.э. (Дева–грифон).

В 1987—1988 гг. были продолжены раскопки греческого Западно–Донузлавского городища, расположенного в 1,5 км к востоку от городища Беляус, на северном берегу западной устьевой бухты озера–залива Донузлав (начальник отряда — А.С.Голенцов). Завершены раскопки квадратной башни (сохранился цоколь)

размерами 9х9 м, имевшей два помещения с мощеными полами. Выявлена северная стена усадьбы, идущая к востоку от северо-восточного угла башни, и тщательно уложенная вымостка. Найдено множество обломков черепицы и амфор, в том числе с клеймами, преимущественно херсонесскими, а также античной посуды. Особенно интересны фрагменты терракотовой статуи (Геракл?). Находки датируются временем от середины IV по конец III в. до н.э.

Изваяние, найденное вблизи с. Красносельское.

В 1990 г. в степи на расстоянии около 5 км к востоку от с. Красносельское (бывш. Кунан), на самом высоком месте равнины (на картах — «высота 179») была поднята «каменная баба». Очевидно, в древности она стояла на одном из курганов группы, теперь почти полностью снесенной военными при бесполезных земляных работах. Изваяние (рис. 1) представляет собой фигуру воина. Нижняя часть обломана. Максимальная высота 1,04 м, толщина плиты 0,20—0,35 м. Хорошо сохранилась голова с плоским лицом и круглым затылком. Рельефом выделены прическа (шлем?), борода, глаза, нос. Обозначен вырез кафтана. Руки согнуты в локтях, правая рука держит притон. На левом боку высоким рельефом изображен горит. По левому боку и сзади проходит рельефный пояс. На передней плоскости фигуры —неясное (из-за выветривания известняка) изображение широкого меча, подвешенного справа и наклоненного влево. Изваяние типично для скифской культуры IV в. до н.э.

Ежегодно велись раскопки основного объекта экспедиции —греко-скифского городища Беляус (конец IV в. до н.э. — I в.н.э.),

расположенного в 1,5 км к юго–востоку от с. Знаменское. Новая площадь (свыше 600 кв.м) прирезана по южному, восточному и западному краям городища; параллельно доследовались различные участки.

Для греческого периода, когда поселение принадлежало к хоре Херсонеса (конец IV — середина II в. до н.э.), важнейшим явилось открытие подпорных сооружений под песком пляжа, вдоль южного края усадьбы 1. Как выяснилось, фундамент башни 1 (стоявшей на береговой террасе) защищала монументальная подпорная площадка из тесаного, с пиронами и нерегулярным рустом по фасаду, камня. Длина площадки 13 м, перед башней она выступала на 3 м, высота в древности была 3,30 м (шесть рядов блоков, из которых сохранились три ряда). К ней с востока примыкала подпорная стена длиной 23 м, укреплявшая всю остальную часть обрыва. Она сложена в основной своей части из крупных тесаных блоков и пристроена к материковому откосу посредством забутовки. В ней имеется широкий входной проем.

Восточный конец подпорной стены доходит до угла с восточной внешней стеной (180). Эта последняя идет с севера на юг, начинаясь от башни 3 и террасами спускаясь к морю. Длина ее 32 м. Южный конец разрушен морем, но немного севернее сохранившаяся высота достигает 2,30 м. Теперь мы получаем основание считать всю ограниченную данными стенами (а также — северной и западной) территорию принадлежащей одной крупной (около 1000 м^2) усадьбе с башнями 1 и 3.

Раскопаны почти все помещения вдоль восточной стены, перекрытые позднескифскими постройками.

Среди находок здесь интересен фрагмент рельефа со сценой возлияния. Под полом одного из помещений оказались четыре хозяйственные ямы. В юго–восточном углу усадьбы раскопана кладовая, в которой стояли два пифоса, оба с метками на венчиках, один с надписью на горле. Во второй половине II в. до н.э. пифосы были вторично использованы поздними скифами для свалки золы, печины, битых горшков. В слое над пифосами впервые на Беляусе найден лагинос.

Раскрыт северо – западный угол той же усадьбы. В западной стене выявлен вход с порогом из тесаного монолита. Продолжено в северном направлении раскрытие внешней западной стены (200) второго греческого периода, связанной с противотаранным поясом башни 1. Исследовались помещения как внутри первоначальной усадьбы, так и между упомянутыми двумя стенами. Все эти помещения были заселены и затем перестроены поздними скифами. Застроен был и двор усадьбы. В стене одного из скифских помещений I в.н.э. обнаружена известняковая плита — постамент статуи с трехстрочной греческой надписью III в. до н.э. — посвящением Феодора, сына Епифана, богине Гекате (издана Э.И.Соломоник: Археологія, 1992, № 1). Это — первая лапидарная посвятительная надпись, найденная в Северо – Западном Крыму. Она не только свидетельствует о культе данного божества в исследуемом регионе, но и позволяет узнать имя хозяина усадьбы 1.

На участке, находящемся непосредственно к северу от усадьбы 1 и к западу от усадьбы 2, пока выявлены только позднескифские строительные остатки (не считая незначительных средневековых). В восточной его части раскопана выложенная крупными плитами улица длиной 10 м, под нею оказалась большая (глубиной 3 м) хозяйственная яма. На западном краю начаты раскопки здания с мощными стенами фортификационного значения.

На восточном краю поселения было продолжено исследование скифских оборонительных сооружений I в. до н.э. — вала и рва, облицованных камнем, общей высотой свыше 3 м. Внешний склон рва, пологий, не имел каменной обкладки. В южном направлении, где для скифской фортификации был использован древний овраг, раскопки вала и рва завершены: далее к югу они разрушены морем. Здесь они в древности должны были достигать греческой подпорной стены, которая шла вдоль берега. К северу же продолжение работ перспективно. Здесь вал и ров идут параллельно восточной стене античной усадьбы 2.

Эта стена служила опорой для насыпи и возвышалась над нею. В целом скифские оборонительные сооружения раскрыты уже на протяжении 60 м.

В южном и западном частях городища раскопано несколько скифских хозяйственных ям со вторичным мусорным заполнением (обломки амфор, лепной и краснолаковой посуды, печина, зола, кости животных). В одной из таких ям, глубиной свыше 3 м, находящейся рядом с западной стеной усадьбы 2 и особенно насыщенной фрагментами керамики рубежа эр, обнаружено впущенное в засыпь на глубину 1,30 м и закрытое каменными плитами погребение гуннского мальчика. В инвентаре, характерном для конца IV — начала V в.н.э., находились стеклянный кубок с синими каплями, глиняный лепной кувшин, железный нож, железно – бронзовые удила, электровая серьга – калачик, пряжки серебряные, бронзовые и костяная. Это —уже второе гуннское погребение на Беляусе (первое было в греческом склепе). Гунны появились здесь после того, как скифское поселение опустело (самые последние единичные находки относятся к III в.н.э.), и добычей их стал некрополь.

В.П.Душевский

СЕЙСМОГРАВИТАЦИОННЫЕ ДЕФОРМАЦИИ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА

Археологи, исследуя разновременные (от эпохи мустье до средневековья) памятники Предгорного Крыма, нередко фиксируют в раскопках горизонты крупнообломочного материала, перекрывающие следы материальной культуры. Формирование естественных глыбовых нагромождений, как правило, объясняется сейсмическими процессами, хотя в литературе равно отсутствуют сведения как о древних так и о современных сейсмогравитационных деформациях на территории предгорья. Они не были отмечены здесь даже в период разрушительных землетрясений 1927 г.

Достоверными источниками, указывающими на сейсмогенную природу обвалов в предгорье, служат свидетельские показания очевидцев из числа местных жителей с. Малое Садовое, Залесье и

Терновка Бахчисарайского района. По их рассказам, при землетрясении в 1927 г. обрушения наблюдались в урочище Кизильник под Сюйренской крепостью, на Мангупе и в долине р. Кара – Коба.

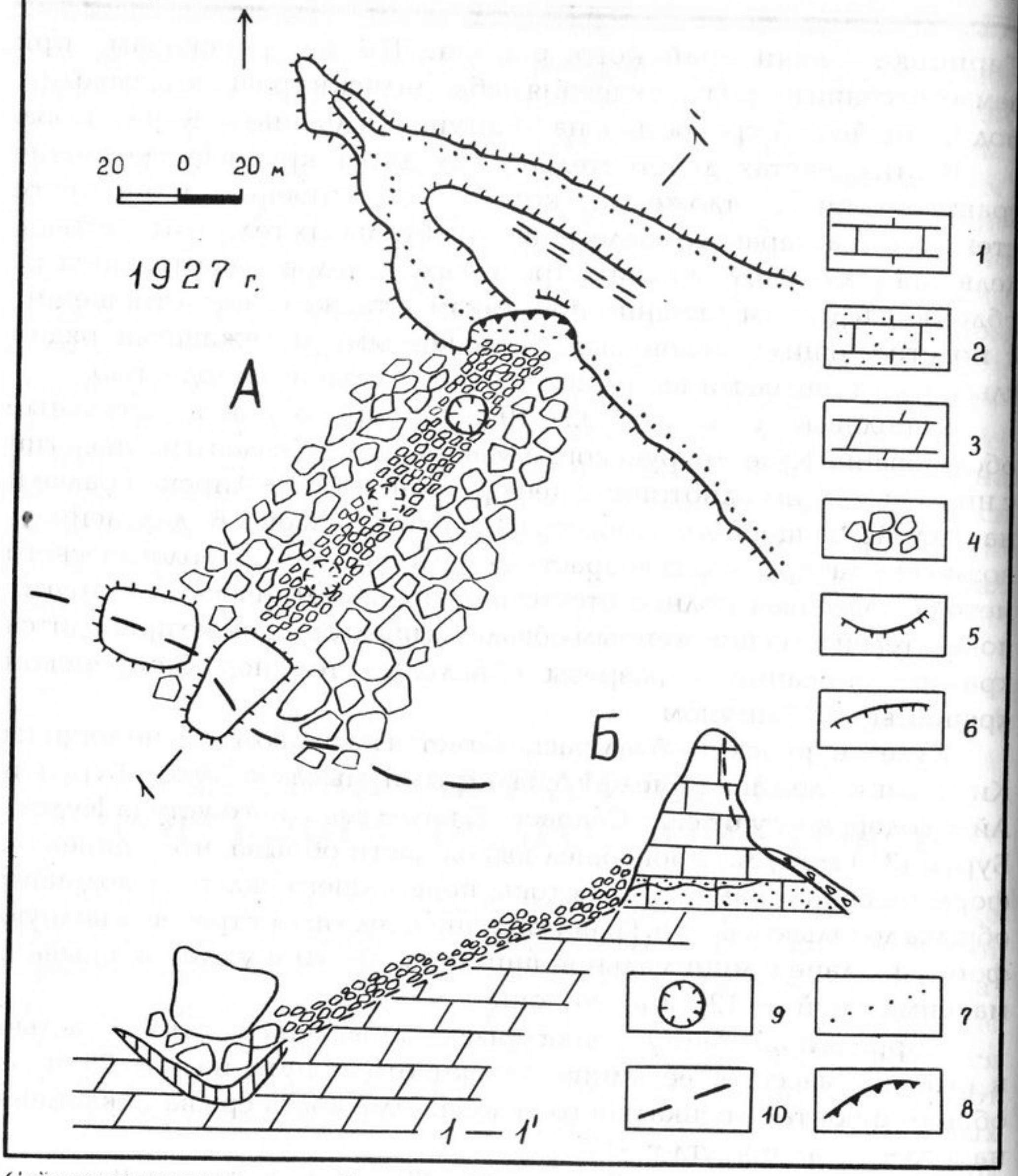
В этих местах действительно находятся крупные скопления гравитационных отложений, которые по строению и свежести стенок срыва, характеру залесенности обвальных тел, по отсутствию делювия в межглыбовых пространствах и следов выветривания на обломках и другим внешним признакам, а также взаимоотношению с подстилающими склоновыми отложениями и лежащими рядом глыбовыми навалами выделяются относительной молодостью.

В полевые сезоны 1992—1993 гг. проводились детальные обследования Куле – бурунского и Мангупского обвалов и по аналогии с ними выявлены однотипные деформации в Таш – Аирской балке и на склоне пещерного монастыря Качи – Кальон. В дальнейшем возможно датировать их возраст с использованием археологического метода. Учитывая полное отсутствие морфометрических и других показателей по сейсмогенным обвалам в предгорье, ниже приводится краткое описание и разрезы обвальных тел под Сюйренской крепостью и Мангупом.

Куле – бурунский обвал располагается на правом склоне лощины Кизильник, лежащей между скалистыми мысами Куле – Бурун и Ай – Тодор, к югу от с. М.Садовое. С юго – западного уступа Куле – Бурун (350 м н.у.м.) произошел выкол части обрыва, что привело к формированию каменного потока, пересекшего склон от подошвы обрыва до тальвега балки. Гравитационное тело имеет трапециевидную форму в плане с минимальной шириной 60—70 м у стенок срыва и максимальной — 120 м в его конце.

Коррелятная обвалу стенка срыва направлена выпуклой частью в сторону массива, ее линия бровки отодвинута на 20—25 м от общего фронта вертикального склона. Плоскость срыва наклонена на юго – запад под углом 78°.

Мощность отложений достигает 20—25 м в голове навала и снижается до 8—10 м в пределах тальвега балки. Преобладающее большинство составляют обломки с размерами 3x2, 5x2 м, а более крупные (24x11x5,5; 18x17x8 м) блоки формируют язык потока.

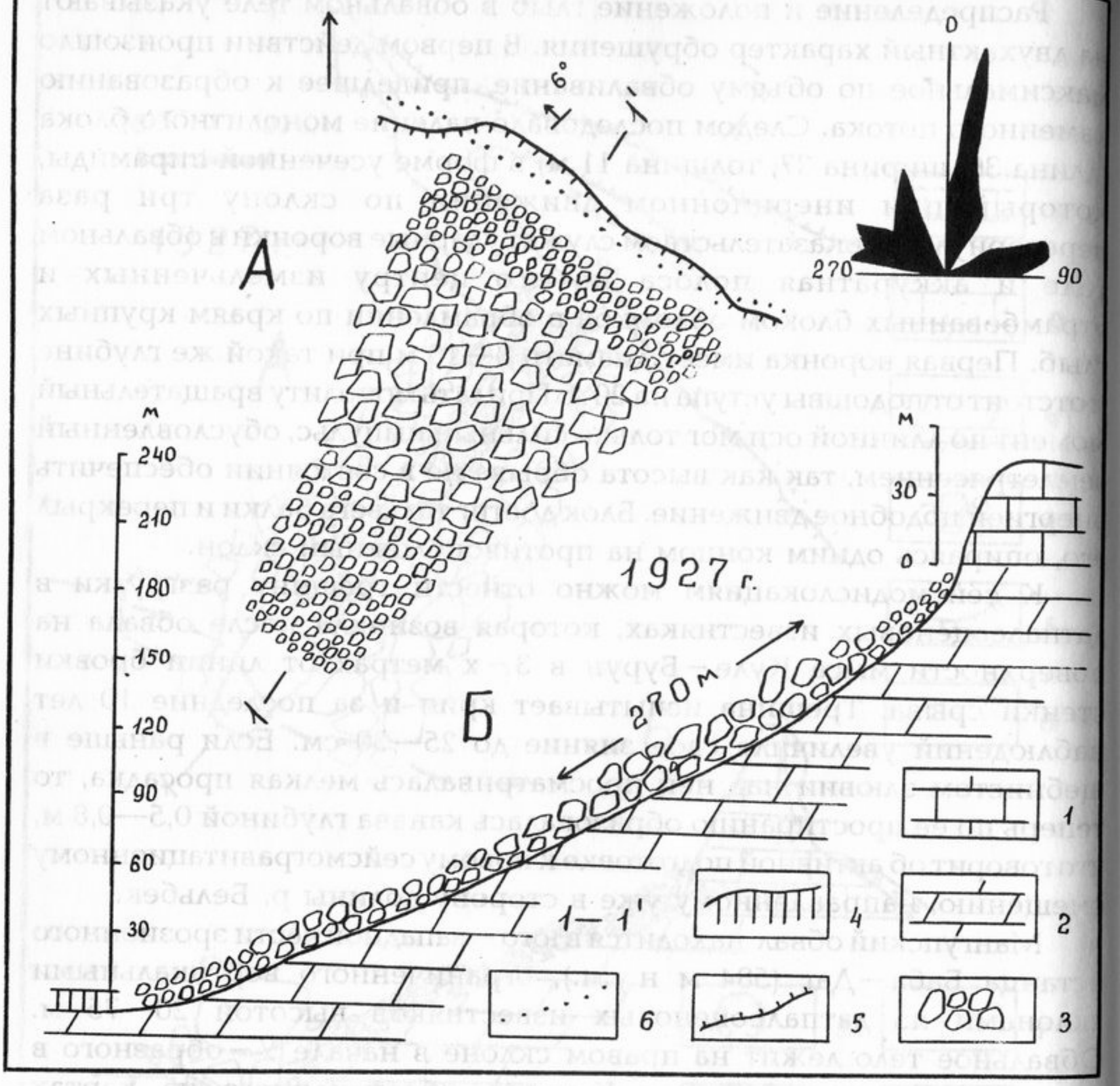
Сейсмогравитационные деформации Предгорного Крыма. Куле–бурунский обвал. (А – план; Б – профиль по линии 1 – 1') 1 – Известняки. 2 – Песчаники. 3 – Мергели .4 – Глыбы.5 – Линия бровки уступов. 6 – Структурные уступы. 7 – Подошвенная линия уступов. 8 – Граница стенки срыва обвала. 9 – Ударная воронка. 10 – Тальвег балки.

Распределение и положение глыб в обвальном теле указывают на двухактный характер обрушения. В первом действии произошло максимальное по объему обваливание, приведшее к образованию каменного потока. Следом последовало падение монолитного блока (длина 36, ширина 27, толщина 11 м) в форме усеченной пирамиды, который при инерционном движении по склону три раза перевернулся. Доказательством служат ударные воронки в обвальном теле и аккуратная полоса по его центру измельченных и утрамбованных блоком обломков в обрамлении по краям крупных глыб. Первая воронка имеет диаметр 8—10 м при такой же глубине и отстоит от подошвы уступа на 20 м. Придать монолиту вращательный момент по длинной оси мог только сильный импульс, обусловленный землетрясением, так как высота обрыва не в состоянии обеспечить энергией подобное движение. Блок достиг тальвега балки и перекрыл его, опираясь одним концом на противоположный склон.

К сейсмодислокациям можно отнести трещину разгрузки в датпалеоценовых известняках, которая возникла после обвала на поверхности мыса Куле – Бурун в 3 – х метрах от линии бровки стенки срыва. Трещина испытывает крип и за последние 10 лет наблюдений увеличила свое зияние до 25—30 см. Если раньше в щебнистом элювии над ней просматривалась мелкая просадка, то теперь по ее простиранию образовалась канава глубиной 0,5—0,8 м, что говорит об активной подготовке к новому сейсмогравитационному смещению, направленному уже в сторону долины р. Бельбек.

Мангупский обвал находится в юго – западной части эрозионного останца Баба – Даг (584 м н.у.м.), ограниченного вертикальными склонами из датпалеоценовых известняков высотой 20—75 м. Обвальное тело лежит на правом склоне в начале У – образного в сечении отрезка долины р. Каралез, обозначенного на картах Ураус – Дереси. Относительная глубина долины 240—250 м при ширине поймы в 30—40 м.

Обрушение захватило часть обрыва Мангупа длиной 130—140 м и сместило линию бровки на 10—15 м от ее первоначального положения в сторону массива. Плоскость стенки срыва падает на ЮЗ 235° под углом 70°. Площадь склона под обвальным телом

Мангупский обвал. (А — план; Б — профиль по линии 1 — 1')
1 — Известняки. 2 — Мергели. 3 — Глыбы. 4 — Суглинки. 5 — Линия бровки обрыва. 6 — Подошвенная линия уступа.

составляет 30 тыс. м². Наибольшая мощность коллювия приходится на центр занимаемой площади, где скопление представлено валообразным возвышением. По обе стороны от него и вниз по склону мощность отложений сокращается.

Морфология обвального тела, неравномерное распределение отложений вдоль и поперек склона и по простиранию подошвенной линии стенки срыва указывают на неравнозначность объемов обрушений известняков в каждой точке области сноса. Обвал собственно пришелся на центральную часть и, вероятно, увлек за собой прилегающие к нему участки обрыва. Отсюда различия в динамике обваливания. По центру обрушение носило опрокидывающий характер, и оттого скопление глыб отстоит от подошвы уступа на расстоянии 40—50 м, а по краям аккумулятивные формы занимают подобрывные площадки, что характерно для обвалов соскальзывания.

В плане обвальное тело напоминает клин с максимальной шириной в голове потока, совпадающей с длиной стенки срыва, вниз по склону ширина уменьшается до 80—70 м. В целом гравитационные отложения занимают 2/3 длины склона при его общей протяженности в 450 м.

Мангупский обвал своими размерами,занимаемой площадью, объемом, рисунком аккумулятивной формы намного превосходит соседние гравитационные скопления на этом же склоне. По внешним данным, подтверждающим его молодость, он не отличается от Куле—бурунского обвала и, подобно ему, перекрывает в голове и опирается своим языком на более старшие его по возрасту обвальные массы. Оба обрушения можно считать одновременными и отнести к сейсмогравитационным образованиям.

В то же время Мангупский превосходит по своим параметрам Куле—бурунский обвал почти в 2 раза. В этом, по—видимому, проявилась при равных геолого—геоморфологических условиях энергия рельефа — относительная высота обрывов Мангупа превышает 240 м, а мыс Куле—Бурун приподнят над балкой Кизильник всего на 110 м. Различие в 1,5 раза между высотами уступов (Мангуп — 60 м, Куле—Бурун — 40 м) отразилось на размерности обломочного материала. Куле—бурунский обвал отличается от Мангупского по количеству крупных глыб в коллювии.

Остатки подземных полостей, существовавших в основании уступов в дообвальное время, свидетельствуют об однотипности

подготовки их обрывов к процессу обрушения. Куле-бурунский обвал уничтожил обширный навес с винодавильнями XI—XII вв., фрагменты гротов сохранились в тылу аккумулятивных форм Мангупского обвала.

По аналогии с указанными обвальными телами, к сейсмогравитационным деформациям отнесен Таш—аирский обвал, расположенный в одноименной балке, впадающей справа в долину реки Качи, 2 км южнее с. Предущельное. Балка заканчивается ущельем с отвесными склонами высотой 55—60 м и шириной по их бровкам 110 м. От входа к верховью на расстоянии 140—150 м теснина перегорожена гравитационными блоками (28x20x20, 19x18x14, 14x10x6 м), выполняющими роль плотины. Наибольшая мощность отложений приходится на гребень завала и определена в 30 м. Общая площадь обвала составляет 40 тыс. м^2.

Обваливанию подвергся правый склон, о чем свидетельствует строго вертикальная плоскость срыва длиной 80—100 м. Предел стенки срыва по балке вверх совпадает с границей распространения глыб в ущелье, дальше изменяется и профиль обрыва, он приобретает сверху вниз выпукло-вогнутый облик.

Правосторонняя асимметрия поперечного профиля ущелья в пределах завала подсказывает, что обвалу предшествовало формирование эрозионного навеса на всем его протяжении. Предел роста полости в глубину определяла трещина, она же контролировала размеры обвалившегося блока.

С тыльной стороны к плотине примыкает горизонтально залегающая слоистая толща аллювиально-пролювиальных отложений, удостоверяющих существование в в ущелье в постобвальное время значительного по размерам водоема. В этом плане Таш-аирский обвал оказывается единственным в предгорье и поэтому представляет интерес время его образования.

Иное морфологическое строение имеют гравитационные скопления на склоне Качи—Кальона. В одних случаях они аккумулируются в конусообразные нагромождения, в других обвальные тела перекрывают друг друга, образуя подобие каменного потока. Объединяет их с вышерассмотренными сейсмо—

гравитационными обвалами однотипный характер подготовки уступа к обрушению. Если там сохранились фрагменты былых полостей, то здесь от каждой естественной подземной формы вниз по склону прослеживается цепочка обвальных тел разной генерации. Это свидетельствует о постоянстве обваливания во времени, а роль постоянных очагов выполняют гроты и навесы. По сохранившимся плоскостям срыва на денудационном обрыве можно говорить о последних 4—5 крупных обрушениях, которые сформировали современный облик качи – кальонской скалы. Количество обвалов соответствует числу естественных полостей, заложенных в основании уступа.

Имеющийся археологический материал и прямые и косвенные доказательства указывают на VIII, IX и X вв. — время многих обвалов в пределах Качи – Кальона, которые, вероятно, были обусловлены землетрясениями. Более точную датировку и природу обвальных явлений могут расшифровать совместные геолого – геоморфо – логические и археологические исследования.

А.И.Евтушенко

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МУСТЬЕРСКОЙ СТОЯНКИ КАБАЗИ-V

Стоянка Кабази – V расположена возле с. Малиновка Бахчисарайского района непосредственно под скальными выходами высокого куэстообразного плато по правому борту балки Калиновая, впадающей в долину р. Альмы. Стационарными исследованиями 1986 и 1990 гг. на стоянке вскрыта площадь около 30 м^2, исследовано несколько стратиграфических горизонтов залегания находок, объединенных в четыре культурных слоя по литологии отложений (Колосов, Степанчук, Чабай, 1988; Чабай, Степанчук, Евтушенко, 1991). Согласно имеющемуся культурно – хронологическому подразделению среднепалеолитических индустрий Крыма, комплексы

I, II и III культурных слоев Кабази – V относятся к старосельской фации мустье двустороннего, а индустрия IV культурного слоя, ввиду малочисленности коллекции кремневых материалов, в культурном отношении не идентифицирована /Колосов, Степанчук, Чабай, 1993/. Абсолютный возраст культурных слоев Кабази – V к настоящему времени не определен.

Необходимо отметить ряд особенностей стоянки Кабази – V. По мнению палеографа Н.П.Герасименко, работавшей на стоянке в 1992 г., отложения, вмещающие культурные остатки, образовались за сравнительно короткий интервал времени, с чем связана хорошая сохранность культурных слоев. Если I культурный слой Кабази – V частично переотложен склоновой эрозией, то большинство стратиграфических горизонтов II и III культурных слоев залегает в непотревоженном состоянии, являясь, по сути, горизонтами разновременных жилых поверхностей, что открывает перспективы для изучения пространственной структуры поселения. В то же время, характер стратиграфии стоянки очень сложен. Общее падение слоев с севера на юг (стоянка имеет южную экспозицию) под довольно большими углами предполагает в ходе дальнейших исследований открытие линз и клиньев новых культурных горизонтов между известными по результатам раскопок предыдущих лет. Хорошая сохранность фаунистических находок и, что очень важно, микрофаунистических остатков, наличие многочисленных очажных пятен позволяет проведение палеонтологических и палео – географических исследований культурных слоев, а также получение дат абсолютной хронологии методами естественных наук.

В соответствии с программой изучения среднего палеолита, в 1993 г. Крымской палеолитической экспедицией на стоянке Кабази – V были продолжены работы с целью исследования нижних горизонтов II культурный слой и верхних горизонтов III культурный слой стратиграфической позиции культурных слоев, а также получения образцов материалов для абсолютного датирования

В процессе исследований этого года были открыты и разобраны новые культурные горизонты 4 – а и 7 II культурного слоя,1 из 1 – а III культурного слоя на площади около 14 м^2, материалы которых

значительно пополнили коллекции кремневых и фаунистических находок. Изучение пространственной структуры древних жилых поверхностей позволило установить ряд особенностей распространения находок в этих горизонтах, отличающих их от структуры культурного слоя в горизонтах, исследованных в предыдущие годы. Если основная концентрация находок в 1, 2, 3, 4, 4 — а и 7 горизонтах II культурного слоя отмечалась в северной и северо — восточной частях раскопа под обнаруженной в 1990 г. тыльной стенкой скального убежища, то исследованные в 1993 г. горизонты III культурного слоя демонстрируют основную концентрацию находок, тяготеющую к подножию ступеней скального дна в южной и юго — восточной частях вскрытой раскопом стоянки.

Вновь открытые горизонты жилых поверхностей имели, как правило, мощность 2—5 см и отделялись друг от друга стерильными прослойками толщиной на разных участках от 3 до 8 см.

Горизонты 4 — а и 7 II культурного слоя демонстрируют невысокую насыщенность находками. В горизонте 4 — а прослежено небольшое очажное пятно овальной формы диаметром около 20 см. Костный уголь залегал в очажном заполнении тонкой линзой толщиной в центральной части около 1 см.

В юго — западной части вскрытого раскопом участка стоянки, под ступенью скального дна, зафиксированы остатки древней промоины, в щебнистом заполнении которой отмечена высокая концентрация кремневых и фаунистических находок. Промоина разбиралась как 8 горизонт II культурного слоя и условно разделена по характеру отложений на пять прослоек. Промоиной нарушены на этом участке раскопа горизонты 4 — а и 7 II культурного слоя, а также 1 горизонт культурного слоя. Не исключено, что в процессе дальнейших исследований удастся провести корреляцию стратиграфических прослоек 8 горизонта с ненарушенными горизонтами II и III культурных слоев.

В 1 горизонте III культурного слоя концентрация находок зафиксирована в южной и юго — восточной частях раскопа. Среди кремневых находок преобладают мелкие чешуйки, отщепы небольших размеров, пластин крайне мало. Среди орудий преобладают

однолезвийные скребла — ножи. Конвергентные скребла — ножи представлены трапециевидными, сегментовидными и пря-моугольными формами. Дорсальные острия треугольных, сегментовидных, реже листовидных очертаний. Зубчатые и выемчатые единичны. Довольно многочисленны обломки битасиальных листовидных орудий, как правило, их базальные части. Вероятно, большая часть этой группы изделий может быть отнесена к обломкам листовидных острий, целые экземпляры которых в небольшом количестве также присутствуют в коллекции.

Фаунистические находки этого горизонта представлены, главным образом, мелкими осколками раздробленных костей, зубами животных. В слое найдены несколько крупных фрагментов челюстей копытных с зубами, два из них отобраны для датировки методами электромагнитного резонанса и по радиоизотопам элементов уранового ряда.

В 1 — а горизонте III культурного слоя находки концентрируются на том же участке.

Однако в количественном отношении их значительно меньше. Типологическая структура комплекса кремневых находок в целом аналогична комплексу кремневых изделий 1 горизонта III культурного слоя. Из этого горизонта жилой поверхности отобран крупный фрагмент челюсти копытного с зубами для датировки методом электромагнитного резонанса.

2 горизонт III культурного слоя стоянки разобран на небольшом участке площадью около 7 м^2. Здесь зафиксированы два очажных пятна, одно из которых округлой формы диаметром около 20 см, с линзовидным, толщиной 1—1,5 см заполнением костным углем. Второе очажное пятно овальной формы, диаметром около 2 м, прослежено в южной части раскопа под ступенью скального дна. В линзовидном заполнении мощностью до 3,5—4 см среди костного угля отмечено скопление кремневых и костных остатков. На отдельных участках под очажным пятном фиксируется прокаливание подстилающего очаг суглинка.

Толщина прокаленного слоя — 2,5—4 см. В верхней части этой прослойки найдено несколько массивных обломков и плиток кремня,

пригодных для получения дат абсолютной хронологии TL—методом.

Результаты, полученные в полевом сезоне 1993 г., позволяют уточнить некоторые данные о характере стоянки Кабази—V, ее стратиграфии и литологии. Если ранее предполагалось, что поселение располагалось в ныне погребенном гроте, и позиция культурных слоев определялась разделяющими их древними обвалами свода, то стратиграфические наблюдения, проведенные в этом году, позволяют поставить под сомнение эти выводы. Вероятно, стоянка во время существования горизонтов жилых поверхностей II и III культурных слоев находилась под отвесной скалой на довольно крутом склоне. I культурный слой был переотложен склоновой эрозией, скорее всего с одной из ступеней сальных выходов, несколько выше его настоящего положения. Условия расположения стоянки во время существования IV культурного слоя, как и культурную принадлежность кремневого комплекса, еще предстоит выяснить. Интересен тот факт, что крутизна склона, на котором располагались жилые поверхности стоянки, тем меньше, чем стратиграфически ниже расположен горизонт. Если в верхних горизонтах II культурного слоя падение уровня жилой поверхности достигало на некоторых участках 12—15°, то в верхних горизонтах III культурного слоя оно не превышает 6—7°. Это объясняется тем, что угол падения культурных слоев задавался падающими с нависающей скалы камнями под тыльную стенку убежища.

Несколько сложнее обстоит дело с выяснением характера стоянки. В настоящее время возможно лишь предполагать ее сезонный характер. Однако это требует подтверждения дальнейшими исследованиями структуры пространственного распределения культурных остатков и данными палеонтологического анализа фаунистических находок.

С.М.Жук

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ И ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ ЯЛТЫ

В отчетном году автором проводились разведки и охранные раскопки на Южном берегу Крыма в окрестностях Ялты. В результате выявлен ряд новых памятников, относящихся к различным эпохам: от раннего палеолита до позднего средневековья включительно.

Местонахождение раннепалеолитической галечной индустрии обнаружено северо–восточнее Ялты близ г. Аю–Даг, между пионерлагерем "Артек" и пос. Краснокаменка, на территории виноградника. Высота расположения памятника над уровнем Черного моря — 120 м, площадь распространения подъемного материала — не менее 2 тыс. м^2. В рельефе этого участка местности как будто прослеживаются остатки древней морской террасы. Археологический материал, судя по его распространению на современной дневной поверхности, переотложен. Однако его совместное нахождение со значительным количеством морской гальки может свидетельствовать о его первоначальном залегании в галечниках или в самых низах континентальных отложений высокой террасы. Судя по высоте над современным уровнем моря, эта терраса предположительно может быть связана с чаудинской (гюнц–миндель?) трансгрессией Черного моря. Очевидно, возраст памятника несколько моложе времени образования террасы.

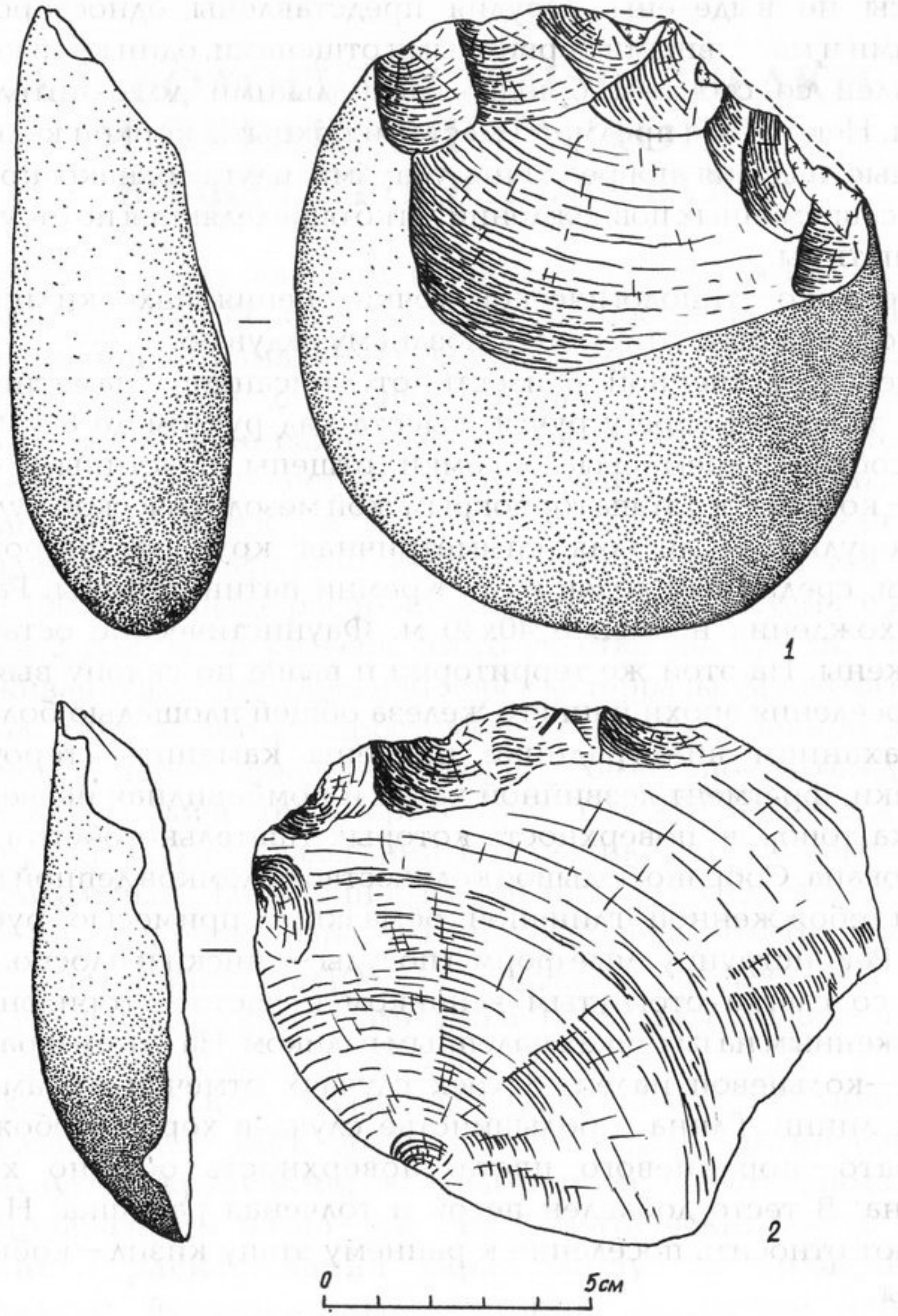
Археологический материал представлен исключительно каменными предметами: орудиями и отходами их производства. Сырьем служила крупная морская галька, преимущественно округло–уплощенной формы, из аю–дагских магматических пород. Техника первичного раскалывания характеризуется архаичностью. Преобладают бесформенные обломки, массивные первичные естественноплощадочные отщепы, в меньшем количестве представлены долечные сколы — отходы производства чопперов.

Нуклеусы не выделены. Орудия представлены односторонними чопперами и массивными первичными отщепами, один край которых подправлен со стороны брюшка несколькими дополнительными сколами. Некоторые предметы местами покрыты коркой кальцитов. Отдельные изделия повреждены ударами плуга, однако при этом участки современных повреждений легко определяются по отсутствию на них патины.

С технико – типологической точки зрения находки предва – рительно могут быть отнесены к позднему олдуваю.

В непосредственной близости от описанного памятника, на правом, западном берегу ручья (высота над руслом до 8—10 м) на пашне собраны кремневые обломки, отщепы, пластины и орудия мурзак – кобинского этапа горнокрымской мезолитической культуры. Среди орудий — низкая симметричная круторетушированная трапеция, срединный резец и др. Кремни патинированы. Размеры местонахождения не менее 40х40 м. Фаунистические остатки не обнаружены. На этой же территории и выше по склону выявлены следы поселения эпохи раннего железа общей площадью более 1 га. На вспаханном винограднике найдены каменные терочники, отбойники, фрагмент лезвийной части и ромбовидная несверленая заготовка топоров, поверхность которых тщательно оббита, но не отшлифована. Собрано большое количество обломков лепной посуды и куски обожженной глиняной обмазки с примесью рубленой соломы. Реконструируемые формы посуды — миски и плоскодонные горшки со слегка отогнутым венчиком и часто с горизонтально расположенным на плечиках налепным валиком. На одном фрагменте стенки —кольцевой налеп. В трех случаях отмечен орнамент из врезных линий. Глина в большинстве случаев хорошо обожжена, красновато – коричневого цвета, поверхность обычно хорошо заглажена. В тесто добавлен песок и толченая ракушка. Находки позволяют относить поселение к раннему этапу кизил – кобинской культуры.

Ниже по склону от поселения по подъемному материалу фиксируются следы грунтового могильника VI — начала VII в.н.э. На участке виноградника размерами около 50х100 м «пятнами»

Галечные орудия с раннепалеолитического местонахождения над Артеком.

встречаются многочисленные обломки костей погребенных из распаханных могил, фрагменты раннесредневековых амфор и краснолаковых чаш. Найдены также граненая бусина из синего прозрачного стекла, фрагментированные двупластинчатая фибула и пряжка с большим прямоугольным щитком, на котором оттиснуто стилизованное изображение хищного зверя, а также обломок щитка орлиноголовой пряжки боспорского круга. С целью выяснения степени разрушенности могильника в его северо—западной части между рядами виноградника были заложены четыре разведочных траншеи длиной от 4 до 6 м. При прохождении пахотного слоя в них, помимо обломков костей и раннесредневековой керамики, найдены фрагментированные наконечник ремня геральдической формы и браслет из круглого в сечении прута с утолщенным четырехгранным концом, оформленным в виде змеиной (?) головки. Несмотря на то что траншеи были заложены как через «пятна» находок, так и между ними, следов могильных ям в материке не зафиксировано. По—видимому, в этой части могильника все погребения уничтожены при вспашке.

Археологический поиск велся также юго—западнее Ялты, на территории пос. Гаспра. На табачных полях, расположенных на восточной окраине поселка (150—170 м н.у.м.), собран разновременный материал. К эпохе раннего энеолита относятся кремневые изделия. Среди них — плоский косоплощадочный нуклеус, отщепы и пластины, в том числе с ретушью и выемками. Орудия представлены вкладышами на сечениях пластин, низкой симметричной трапецией с заходящей на спинку ретушью, скребками концевыми и на отщепах различных форм, двусторонними симметричными наконечниками стрел в форме вытянутого треугольника со слабо вогнутым основанием и др. Многие кремни обожжены.

На пашне найдены также многочисленные фрагменты лепной керамики кизил—кобинского типа, нередко с остаткам лощения и врезным орнаментом. По—видимому, им синхронны собранные здесь же каменные терки и отбойники, фрагменты сверленых топоров, мотыги с перехватом. Эти находки свидетельствуют о

расположении здесь таврского поселения примерно середины 1 – го тысячелетия до н.э.

Кроме описанных материалов, на полях встречаются окатанные обломки позднеантичных и раннесредневековых амфор и черепицы IX—X вв.н.э., фрагменты гончарной кухонной и поливной посуды XIII—XV вв.н.э.

На поросшем смешанным лесом юго – восточном скате возвышенности 211,1 м к северо – востоку от табачных полей участок склона вблизи зафиксированного в 80 – е гг. обнажения культурного слоя с находками кизил – кобинской керамики был разбит на квадраты 2х2 м, которым дана буквенно – цифровая нумерация. При этом квадраты, раскопанные Южнобережной экспедицией в 1983 г., получили обозначения З—В, З—Г, 4—В и 4—Г. В отчетном году работы велись на квадратах 5—В и 5—Г.

Под слоем дерна толщиной 0,10—0,18 м вскрыт красновато – коричневый суглинок, в котором на глубине 0,25—0,45 м залегал с падением к востоку культурный слой мощностью 0,05—0,14 м, сильно насыщенный обломками лепной посуды, при практически полном отсутствии фаунистических остатков, с редкими древесными угольками. Непосредственно под культурным слоем в суглинке наблюдалась высокая концентрация известнякового щебня и камней.

Большинство фрагментов керамики окатаны. Она делится на две группы: кухонная и столовая. В первой реконструируются плоскодонные горшки из грубой неравномерно обожженной глины с плохо заглаженной поверхностью и отогнутым наружу венчиком, изредка с врезным орнаментом, и миски с вертикально поставленным или отогнутым наружу краем. У столовой посуды черепок на изломе обычно серо – коричневатого или почти черного цвета. Наружная поверхность черного цвета, хорошо залощена. Реконструируются формы со сравнительно узким плоским дном, раздутым туловом, высоким горлом и отогнутым венчиком, а также кубки с ручками. Эти формы орнаментированы врезными линиями, образующими геометрические фигуры, и сочетающимися с одиночными рядами ямок, реже налепами. К числу неординарных форм принадлежит цедилка в виде перевернутого усеченного конуса, вылепленная без

дна, с многочисленными сквозными отверстиями в стенках. Большинство ее фрагментов концентрировалось на квадрате 5—В, вблизи выхода материковой скалы. На этом же квадрате найдена тонкая бронзовая пластинка – заготовка неправильной формы. Кроме фрагментов посуды, встречены куски обожженной глиняной обмазки. Описанные находки предварительно датируются VI—V вв. до н.э.

На раскопанных квадратах никаких строительных остатков не обнаружено. Следует ожидать открытия остатков жилища в нескольких метрах выше, по склону от изученного участка.

На одном уровне с находками эпохи раннего железа, на поверхности горизонта насыщения красновато – коричневого суглинка известняковым обломочным материалом, найдено значительное количество мелкой, изредка крупной расколотой морской гальки. Возможно это переотложенный галечник высокой (более 200 м) морской террасы и почти синхронная ей раннепалеолитическая индустрия.

Следы еще одного таврского поселения обнаружены на левом восточном берегу небольшой горной реки, разделяющей выше по течению поселки Гаспра и Кореиз, к юго – западу от санатория «Ясная Поляна». В отвале грунта из строительного котлована найдены несколько десятков мелких фрагментов лепных сосудов, изредка с врезным орнаментом кизил – кобинского типа, разбитый терочник и девять невыразительных окатанных обломков позднеантичных амфор.

При осмотре бортов котлована культурный слой не обнаружен.

Окатанные обломки красно – и светлоглиняных амфор позднеримского времени собраны непосредственно на территории пос. Гаспра. Они извлечены из борта строительной подрезки склона над Севастопольским шоссе, напротив въезда в санаторий им. Р.Люксембург. Находки залегали достаточно компактно на глубине 1,20 м в пролювиальных накоплениях. Судя по их окатанности и характеру вмещающих их отложений, они сползли сюда с расположенной севернее ныне полностью застроенной вершины возвышенности, где, вероятно, в первые века н.э. находилось небольшое поселение.

В центральной части пос. Гаспра, на ул. Субхи, в борту строительной траншеи на глубине более 1 м зачищен обнажившийся 13-метровый отрезок стены постройки, сложенной насухо из крупного (до 0,95 м в поперечнике) рваного камня. Кладка сохранилась на высоту 1—2 камней и, вероятно, еще в древности была разобрана почти до основания. У ее западно-юго-западного конца к траншее была сделана прирезка 1 м шириной и 3 м в длину. В этом шурфе открыт угол постройки, полностью уходящей в борт, и отрезок еще одной кладки, примыкающей к углу с запада. Судя по отсутствию следов перекопов, все строительные остатки единовременны.

В шурфе прослежена следующая стратиграфия: 1. Слой асфальта, бетона и щебня — 0,30—0,40 м. 2. Рыхлый светло-коричневый суглинок дюлевиального происхождения с редкими окатанными фрагментами средневековой керамики. Граница с нижележащим слоем нечеткая, проходит на глубине около 0,65 м.

3. Серо-коричневый комковатый суглинок, перекрывающий строительные остатки. По мере углубления увеличивается его насыщенность щебнем, бутовым камнем, кусками известкового раствора, углями и черепичным боем. Похоже, это слой разрушения постройки. Содержит раковины устриц, мидий, кости животных. Керамика преимущественно IX—X и, возможно, XI в.н.э.: фрагменты толстостенных пифосов, гладкостенных и реберчатых амфор причерноморского типа, высокогорлых черносмоленых кувшинов и пр. В небольшом количестве обнаружены материалы XII—XIII вв. — фрагменты венчика поливной чаши и стенки ангобированной амфоры с рифленым туловом. В нижних горизонтах слоя разрушения найдены также керамическое пряслице биконической формы, ножка стеклянного рюмкообразного сосуда, кусок кричного железа, медный наконечник ремня и обрезки бронзовых пластин, идентичные обрезкам из нижележащего слоя жизни постройки. Вероятно, эти находки попали сюда из нижележащего слоя во время разборки постройки на камень в XII или XIII в.

4. Слой, сильно насыщенный золой, древесным углем и известковой крошкой. Он примыкает к кладкам и, вероятно, связан с жизнью постройки. Слой залегает на глубине между отметками

1,48 и 1,56 м от современной поверхности. В нем обнаружены в большом количестве обломки иногда орнаментированной волной кухонной и столовой лепной и гончарной посуды, амфор причерноморского типа, кувшина с вертикальными вмятинами на тулове, высокогорлых черносмоленых кувшинов, ойнохой и кувшина с ушком для подвешивания, расположенного ниже основной ручки; фрагменты калиптеров и керамид с массивным бортиком и водосливными валиками, иногда с рельефными буквенными метками. В целом этот комплекс можно отнести к концу IX—X вв. Из слоя происходят также раковины устриц, мидий, пател, кости животных, осколок клешни краба, накожная пластина камбалы (?), кусок речного туфа. К числу неординарных находок принадлежит обломок сильно пережженного маленького керамического тигля для плавки металла. Обнаружены также железные и бронзовые стержневидные заготовки и обрезки, сломанный в древности бронзовый пластинчатый браслет с шарнирным соединением и чеканным орнаментом. Все эти предметы свидетельствуют о расположении на этом месте в древности мастерской по производству и починке металлических изделий.

5. Мешаный желто—коричневый суглинок с редкими углями. Залегает под камнями кладки и под слоем 4 на поверхности материка и имеет мощность от нескольких сантиметров до 0,2 м. В слое содержатся редкие мелко окатанные фрагменты амфор причер—номорского типа с зональным рифлением на плечиках и кухонной посуды.

Слой предшествовал возведению постройки и относится, вероятно, к IX в.

Таким образом, установлено нахождение на территории пос. Гаспра средневекового поселения с каменными постройками, в том числе сложенными на известковом растворе и крытыми черепицей, провинциальновизантийской культуры.

По свидетельству местного жителя, несколько десятилетий назад, вблизи от места обнаружения описанной кладки по ул. Школьной, при прокладке водовода строителями было разрушено несколько древних могил, в которых ими были найдены стеклянные разноцветные бусы.

В 1993 г. от краеведа В.В.Рыбки поступило сообщение об ограблении неизвестными лицами таврского могильника, расположенного между пос. Ореанда и автомагистралью Ялта — Севастополь. При осмотре было установлено, что в разных частях могильника разграблены 4 каменных ящика. Заполнение почти полностью было удалено из камер. Охранные работы на могильнике ограничились зачисткой, переборкой грабительских отвалов и последующей засыпкой этих ящиков.

Каждый из них составлен из четырех поставленных на ребро слегка оббитых плит из местных песчаника и известняка. Покровные плиты были сняты еще в древности. Размеры по дну камер исследованных погребальных сооружений — от 0,75х0,85 до 1,07х2,05 м при глубине от 0,63 до 0,80 м. Длинной осью они ориентированы по линии восток—запад с незначительными отклонениями. В ящиках было погребено от 2—3 до 6—7 человек различной половозрастной принадлежности. Положения костяков не устанавливаются по причине ограбленности. Погребальный инвентарь обычен для таврских могильников Горного Крыма VI—V вв. до н.э.: разнообразные пронизи, перстни, браслеты, весловидные заколки и восьмерковидные бляшки из бронзы, раковины каури со сточенной спинкой, стеклянная бусина из грязно – зеленоватого полупрозрачного стекла с имитацией глазков, отдельные фрагменты лепной керамики. Изделия из железа не обнаружены.

С одним из ящиков связано погребение по обряду трупосожжения женщины в возрасте до 30 лет. Степень кремации невысокая — кости обуглились, но не деформировались. Найдена также обожженная раковина каури. Благодаря наблюдению за кремированными останками, восстанавливаются некоторые черты обряда: сожжение производилось на стороне, после чего кости и предметы погребального инвентаря собирались, очищались от углей и помещались в каменный ящик. Но тело умершего не возлагалось на погребальный костер, а огонь разводился вокруг и сверху тела, положенного, вероятно, прямо на землю. Изучение слабо сохранившихся остатков заполнения камеры позволило установить, что погребение по обряду кремации было одним из последних в

ящике, если не самым последним. Возможно, погребения по такому обряду могут служить хронологическим репером для выявления наиболее поздних таврских погребальных памятников. В связи с этим по – новому встает вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего могильники типа Ай – тодорского и Чатыр – дагского.

В будущем был бы перспективен поиск на территории могильника над Ореандой места осуществления сожжения при помощи магниторазведки.

Коллекционные находки переданы на хранение в фонды Ялтинского историко – литературного музея.

Ю.П.Зайцев

ИССЛЕДОВАНИЯ ЮЖНОГО ДВОРЦА НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

В 1989—1993 гг. Симферопольской экспедицией, а затем Симферопольским отрядом Западно – Крымской экспедицией КФ ИА НАН Украины проведены археологические исследования в южной части Неаполя скифского (к северу от так называемых центральных ворот и раскопов А, Б 1945—1950 гг.). Они были предприняты с целью максимально полного раскрытия комплекса фундаментальных сооружений эллинистического периода, частично открытого во время работ Тавро – Скифской экспедиции.

В результате этих раскопок на площади примерно 1600 м^2 выявлены объекты и сопровождающие их культурные напластования пяти горизонтов, которым, согласно общепринятой практике, присвоены буквенные обозначения.

Горизонт А. А^1 — слой времени окончательной гибели городища. По результатам всех предыдущих раскопок датирован первой половиной — серединой III в.н.э. и представляет собой чернозем, насыщенный большим количеством известняковых камней, мощностью около 0,1 — 0,3 м. Практически по всей площади раскопа

сильно нарушен перекопами нового времени. Датирующий материал: фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор типа Д, амфор с воронковидным горлом, боспорских красноглиняных, в том числе мирмекийского типа. Определенный интерес представляет закрытый керамический комплекс над землянкой 4, включавший в себя, кроме амфор упомянутых типов, самосский одноручный кувшин, лепной кувшин с горизонтальной ручкой, несколько лепных горшков и краснолаковых сосудов.

Слой A^2 датируется теми же группами керамики, но стратиграфически предшествует слою A^1 и представляет собой, в основном, однородный золистый гумус, достигающий мощности 0,1—0,4 м. Зафиксирован на всей территории раскопа, но также сильно нарушен перекопами. Синхронные ему строительные остатки представляют собой бутовые трех — и двухслойные кладки, сложенные небрежно на грязевом растворе. В северо — восточной части раскопа Б прослежены остатки небольшого здания П (кладки 36,37,47) — предположительно мегаронного типа. С востока к нему примыкало хозяйственное помещение с каменной полкой (кладки 33,34,48), а еще восточней располагался небольшой мощеный дворик, ограниченный кладками 29,30,43 и более ранней кладкой 28. Для данного горизонта (A^2) характерны детские захоронения в лепных горшках (2,4,7), в амфоре с отбитым горлом (3), в подбойной могиле (5) и грунтовой (6). Среди других объектов следует упомянуть хозяйственные ямы 1 и 2, а также яму 27, которая в черноземном заполнении содержала человеческий череп.

Горизонт В по всей площади раскопа отмечен слоем однородного золистого гумуса, местами разделенного золистыми и глинистыми прослойками. В пределах основного помещения более раннего здания Н (кладки 20—23,48) он представлял собой зольник мощностью до 1 м. В линзах рушенной глины и камня (самый нижний горизонт этого зольника) обнаружены фрагменты женской драпированной гермы из мшанкового известняка. Еще один обломок этой скульптуры — нижняя часть лица — был найден в ямке 27 у западной стены мегарона, на уровне верхнего глинобитного пола. На других участках толщина слоя зонта В не превышала 0,1 м. Объекты этого периода

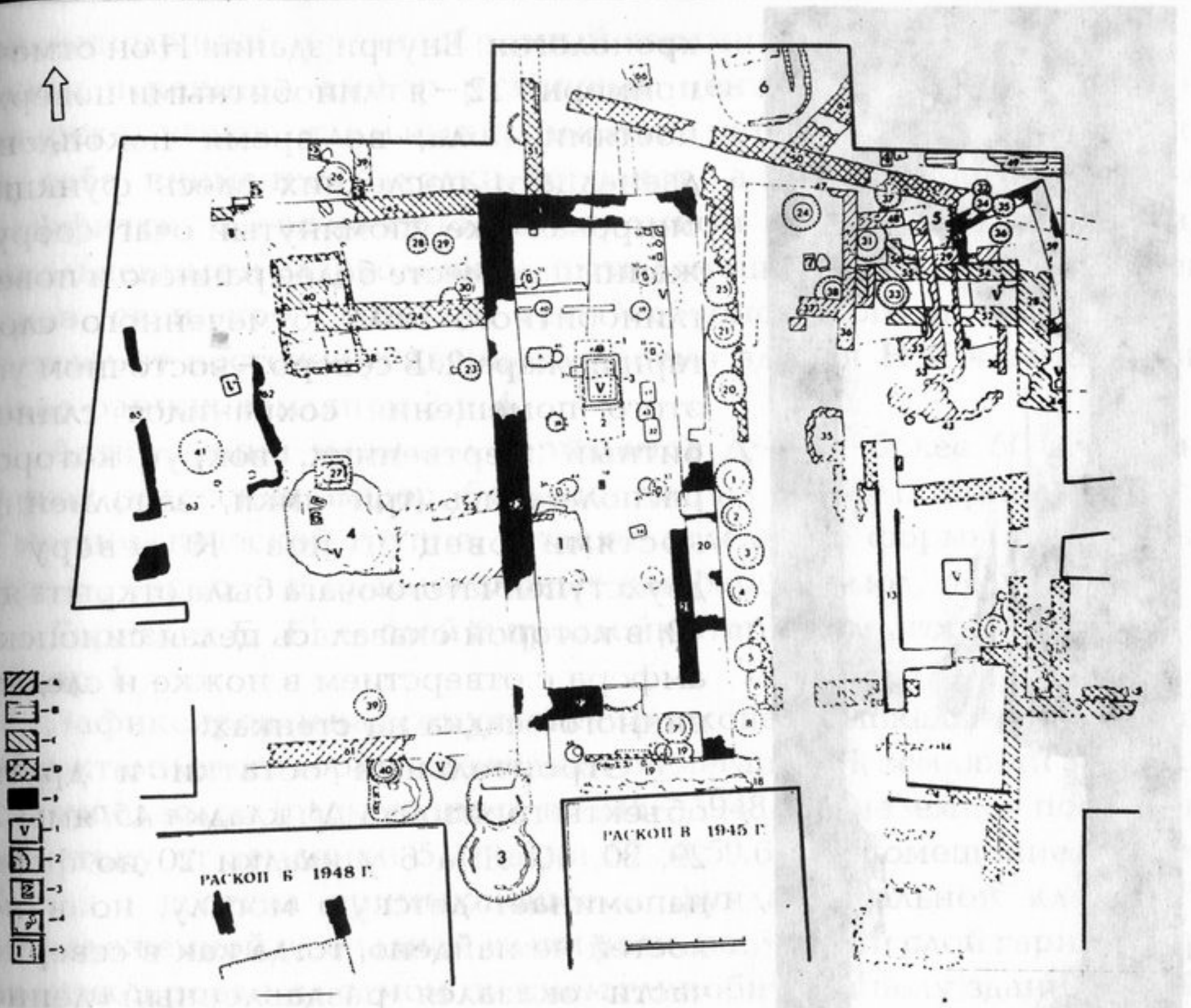
малочислены (кладки 18,49,66 и землянка 6). С другой стороны, обращает на себя внимание большое количество хозяйственных ям (18), часть из которых размещена с учетом расположения более ранних строительных остатков. Датирующий материал: фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор типов А, В и С, широкогорлых светлоглиняных с двуствольными ручками, разнообразных краснолаковых сосудов. Из гумуса этого же горизонта происходит и денарий Веспесиана 73 г.н.э. (раскопки 1950 г.).

Горизонт С представляет собой локальные участки плотного слоя золистого суглинка мощностью не более 0,03—0,15 м, с которыми связаны кладки 15,28,40,44,52,53,54,55,56, составляющие комплексы оград (?) или недостроенных сооружений. Все они выполнены из крупных и средних известняковых камней на глинистом растворе, в двухпанцирной трехслойной технике. Толщина их варьирует от 0,6 до 1,5 м, и все они непосредственно поставлены на глинистую прослойку горизонта Д', о котором будет сказано ниже. По многим признакам очевидно, что все упомянутые объекты так или иначе связаны с более ранним комплексом здания Н и примыкающих к нему оград (кладки 45,50). Внутри самого здания этот горизонт отмечен четким слоем гари пожара 4, в котором среди крупных древесных углей и золы обнаружены два керамических алтарика, железная игла и единичные фрагменты светлоглиняных амфор с двуствольными ручками. Этот слой залегал на глинобитном полу с устроенными прямоугольными ямками хозяйственного назначения (17,32,35,37), а также столбовые (31,33,36,51,60,61), в которых зафиксированы четкие отпечатки сгоревших прямоугольных в сечении сосновых брусьев. По центру здания располагался большой глинобитный очаг — столик, а между южными торцами кладок 20 и 23 была сооружена кладка в один ряд камней (19). Ее крайний западный камень представлял собой крупный обработанный блок — жертвенник с несколькими лунками и сливом. Под верхним глинобитным полом здания Н зафиксирована прослойка гари пожара 3, ниже которой —также многослойный глинобитный пол. Основной датирующий материал: фрагменты светлоглиняных амфор с двуствольными ручками, а также сильно изношенных, более ранних

производства Родоса, Самоса, Коса, довольно много обломков лепных сосудов, в том числе с налепами; фрагменты буро – и краснолаковой керамики единичны. Все они позволяют суммарно датировать данный горизонт I в. до н.э. — I в.н.э., скорее всего, в пределах первой половины I в. до н.э.

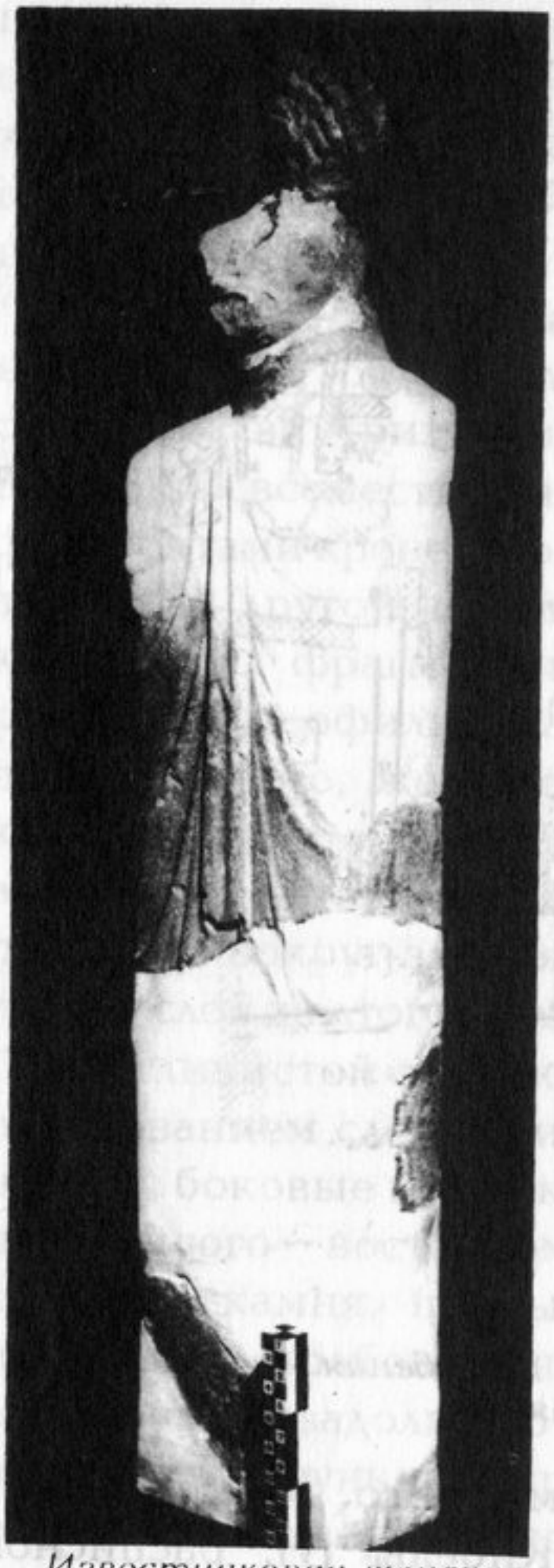
Горизонт Д — подразделяется на четыре основных уровня. $Д^1$ — представляет собой слой желтого суглинка, локализованный, в основном, внутри и вокруг здания Н и «Восточного» дома (кладки 8,12,13). Повсеместно насыщен мелкими камнями, многочисленными фрагментами кровельной черепицы, в меньшей степени — обломками амфор и другой посуды. Кроме того, в нем отмечено большое количество фрагментов штукатурки с полихромной фресковой росписью (профилированные карнизы, расписанные овами, участки поля красного, желтого и зеленого цветов, пояс с изображением красной волны по белому полю). При этом основная их масса залегала вдоль кладки 23, к востоку от нее, а мелкие фрагменты были рассеяны вокруг здания Н. В пределах основного помещения этого здания слой желтого суглинка оказался также насыщен «пластинками» белой глинистой обмазки. Внутреннее устройство мегарона Н перед образованием слоя горизонта $Д^1$: двухступенчатый столик – очаг по центру, боковые грани которого окрашены в черный цвет, скамья – полка в юго – восточном углу (кладка 21), сложенная из мелкого и среднего камня, покрытая глинистой обмазкой и многослойной побелкой, столбовые ямы (38,39,44,45,43,40,41(?)). Все они были засыпаны незадолго до разрушения здания и только две первые продолжали функционировать в качестве хозяйственных. Внутреннее устройство северного помещения «Восточного» дома: глинобитный столик – очаг по центру, в юго – восточном углу — яма (9) для пифоса, фрагменты которого найдены здесь же.

Помимо этих сооружений, в едином комплексе функционировали кладки 24,45,50,51,61 и 64 (рис. 1,Д). Все они выполнены из крупных и средних известняковых камней на глинистом растворе, в трехслойной двухпанцирной технике. В пределах двух упомянутых зданий были обнаружены скопления выразительных находок (в мегароне —разбитые керамические алтарики, украшенные налепами,

А – Е – горизонты.
1 – очаги. 2 – хозяйственные ямы. 3 – детские погребения. 4 – столбовые и прочие ямки. 5 – землянки.

росписью и позолотой, фрагмент мраморного гекатейона с танцовщицами, терракотовые статуэтки Кибелы (?); расписной биконический кувшин, свинцовая гиря, терракота Афродиты и Эрота, буролаковый канфар, фрагменты лепных шаровидных курильниц — в «Восточном» доме, раскопки, в основном, 1959 г.). Датирующие находки из слоя $Д^1$ — клейма на ручках родосских амфор V хронологической группы, а также амисский тетрахалк 111 — 105 гг. до н.э. (тип: голова Ареса, меч в ножнах и портупея). Горизонты $Д^2$ — $Д^4$ дифференцированы, главным образом, по сочетанию конкретных строительных остатков в относительной

Известняковая женская герма из мегарона Н.

хронологии. Внутри здания Н он отмечен примерно 22 — я глинобитными поверх — ностями пола; во время накопления двенадцати последних здесь функци — онировал уже упомянутый очаг, соору — женный на месте более раннего и поверх глинобитного пола, отмеченного слоем гари пожара 2. В северо — восточном углу этого помещения сохранился глино — битный жертвенник, вокруг которого располагались три ямки, заполненные костями овец и коз. К северу от двухступенчатого очага была открыта яма 42, в которой оказалась целая синопская амфора с отверстием в ножке и следами винного осадка на стенках.

Строительные остатки и другие объекты горизонта $Д^4$: кладка 45, ямы 23, 29, 30, 40. Яма 6 у кладки 20 по форме напоминает детскую могилу, но в ней костей не найдено, тогда как в северной части оказался раздавленный лепной кувшин с налепами. Особо следует выделить бассейн из каменных обра — ботанных плит со сливом в восточной стенке, расположенный в северо — западной части раскопа. На плитах его дна сохранились знаковые изображения красной и черной краской. Горизонт $Д^3$ отмечен кладками 50 и 51 — северными оградами комплекса, кладкой 61 и «Восточным» домом (кладки 8,12,13), который замыкал двор перед мегароном с востока. В кладке 8 использованы бракованные и целые обработанные квадры. Горизонт $Д^2$, в свою очередь, отмечен кладками 24 и 18. Сопровождающий их слой золистого суглинка — гумуса так четко разделяется не везде и содержит практически синхронный,

многочисленный и разнообразный керамический материал: фраг-менты черепицы, амфор различных центров, гончарной посуды, мегарских чашек, отдельные предметы из металлов и кости. Обращают на себя внимание находки терракот, а также многочисленные граффитти. Повсеместно, в огромном количестве встречены измельченные и разрубленные кости домашних животных: лошадей, коров, овец, коз, свиней и т.д. Особенно много их оказалось к востоку от восточного дверного проема здания Н и в заполнении более ранних землянок 3 и 4.

Датирующий материал горизонтов $Д^2$—$Д^4$: более 50 клейм на ручках родосских амфор, большинство из которых принадлежит к V хронологической группе, а также отдельные формы импортных буро-, черно- и краснолаковых канфаров, блюд, пелик и т.д.

Горизонт Е. $Е^1$ — слой и прослойки гари, угля, горелой глины — пожар 1.

Зафиксирован на всех участках раскопа, но локальными зонами. Объектами этого горизонта являются: мегарон Н, землянки 3,4,5, дом с полуподвалом (раскопанный в 1945—1948 гг.), наземная постройка к востоку от землянки 5 (кладки 57,58,59,60) и помещение (кладки 62,63), с востока примыкающее к фундаментальной кладке 65, расположенной в западной части раскопа. Четкий слой гари пожара 1 зафиксирован на самом нижнем глинобитном полу здания Н. Но, судя по всему, после катастрофы помещение было тщательно вычищено и поэтому почти никаких находок не сохранилось. На поверхности пола помещения в западной части раскопа Б найдены многочисленные фрагменты родосских амфор, лепной светильник и большой горшок с налепами, обломки других лепных сосудов, железный нож. Слой пожара на глинобитном полу постройки в северо-восточной части раскопа содержал многочисленные фрагменты небольшого родосского амфориска, гончарного кухонного горшка, родосской амфоры, лепное пирамидальное грузило и пряслице.

Представляют интерес и два самостоятельных скопления слоя Е: под кладкой 45 и к востоку от дома с полуподвалом. Первое содержало фрагменты четырех — пяти родосских и одной самосской

амфор, чернолакового блюда, голову большой терракотовой фигуры Деметры – Коры со следами краски. Во втором было зафиксировано скопление обгоревшего зерна.

Датирующий материал из этого слоя — 10 ручек родосских амфор с клеймами V—III хронологических групп. Горизонт E^2 представляет собой тонкие линзы суглинка под слоем пожара 1, накопившиеся, очевидно, за время недолгого существования перечисленных объектов. Он зафиксирован в заполнении землянки 5, к западу от кладки 23, к западу от землянки 4.

К этому горизонту можно уверенно отнести возникновение всех объектов, погибших в пожаре 1, среди которых главное место занимает мегарон Н площадью около 225 м². Его стены, судя по сохранившимся участкам, были сложены из крупных и средних камней на глинистом растворе; ширина основания составила 1,3 м; на высоте 1 м стены сужались до ширины 1 м. Снаружи и изнутри стены покрывала глиняная обмазка и побелка. Во время расчистки траншеи выборки северной части кладки 23 — западной стены здания Н — на самом ее дне были найдены три фрагмента известнякового блока. На двух из них сохранилась роспись из чередующихся красных и желтых ромбов с черной обводкой.Внутри основного помещения удалось выявить следы очага – столика по центру и единственную ямку напротив бокового входа с остатками обугленного бруса. Постройки, расположенные к западу и востоку от этого здания, также имели глинобитные полы и очаги – столики. Среди малочисленных находок горизонта E^2 ручка родосской амфоры с клеймом эпонима Аристогейта, фрагменты чернолаковой пелики с витыми ручками. Кроме того, следует отметить два фрагмента краснофигурного килика из землянки 5.

Мегарону Н в рамках периода Е2 предшествуют остатки наземного сооружения с многослойным глинобитным полом, ориентированного с севера на юг с небольшим отклонением. По центру его заметны следы открытого кострища; стены были каменно – сырцовыми, с белой глинистой обмазкой. Размеры постройки: длина около 15 м, ширина 6 м. Прослежено два входа: центральный южный и боковой восточный. К югу от остатков этого здания, под самым ранним полом

здания Н, зафиксирован слой золистого суглинка, очевидно с ним связанный. Среди единичных находок отсюда — ручка родосской амфоры с клеймом эпонима Аристогейта. Заканчивая краткое описание горизонта Е, остается только добавить, что он залегал на материковом предскальном грунте и наскальной корке.

Таким образом, горизонты Е и Д, на основании находок многочисленных клейм на ручках родосских амфор V хроно-логической группы, могут быть датированы в пределах второй половины II в. до н.э., хотя в них присутствует и более ранний керамический материал. Целый ряд признаков (неординарность построек, их размеры, черепичные крыши, фресковая роспись, богатые вещественные наборы, находки скульптуры и многое другое) позволили определить дворцовый характер открытого комплекса сооружений горизонтов Е — Д (в совокупности с синхронными архитектурными остатками, раскопанными в 1945—1950 гг.) и присвоить ему термин «Южный дворец Неаполя скифского».

В 1993 г. в северной части городища (в 225 м к северу от раскопа Д) группой Индианского университета под руководством доктора Вольфа В.Рудольфа был заложен разведочный шурф 10х2 м с целью выяснения характера, мощности и последовательности культурных напластований этой части городища.

Полученный керамический материал крайне невыразителен, поэтому датировки открытых здесь объектов даны на основании сопоставления с результатами раскопок других участков Неаполя скифского. Слой мощностью до 1,8 м представлял собой однородный золистый гумус, в восточной части разделенный несколькими глинобитными поверхностями. К концу II—III вв.н.э. могут быть отнесены остатки наземной постройки под дерновым слоем, I—II вв.н.э. предварительно датированы две хозяйственные ямы и слой гумуса до глубины 1—0,6 м; II—I вв. до н.э., очевидно, датируются остатки крепиды (?) и глинобитные поверхности.

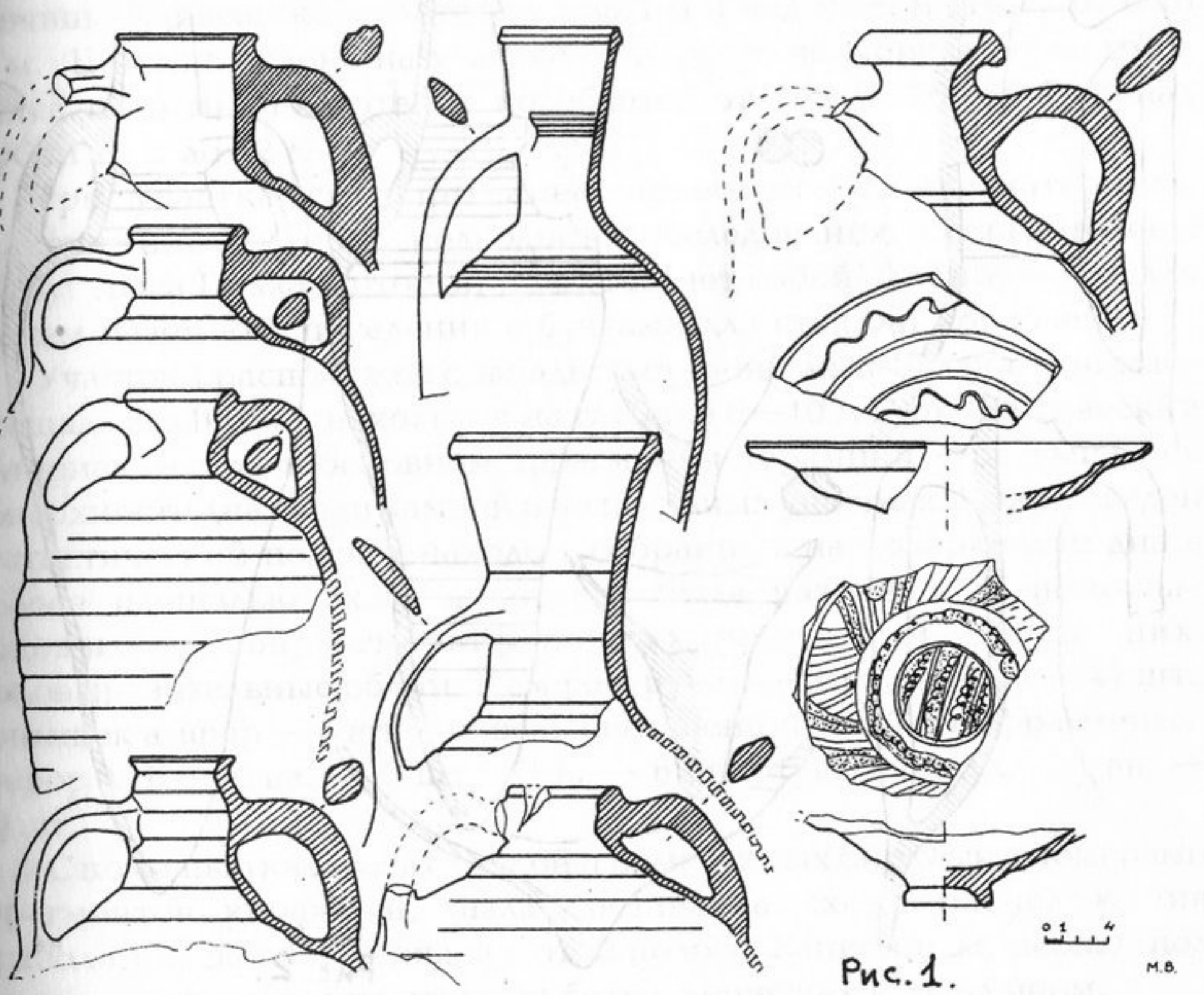
С.М.Зеленко

ПОДВОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ШЕЛЬФА У МЫСА ПЛАКА

Район Южного берега Крыма от горы Аю – Даг до горы Кастель —местность довольно известная как в географическом, так и в историческом плане. Упоминания о ней, хотя краткие и разрозненные, встречаются в письменных источниках. Среди них: «Перипл Понта Эвксинского» Арриана Флавия (II в.), «Житие Иоанна Готского» (описывающее события VIII в.), описание Черноморского побережья нубийским географом Идриси (XI в.), генуэзские документы XIV—XV вв. Начиная с конца XVIII в., описание района дали такие известные исследователи Крыма, как П.И.Кеппен., П.С.Паллас, А.Л.Бертье – Делагард и другие. В наше время здесь проводили археологические разведки О.И.Домбровский, Л.В.Фирсов, Е.А.Паршина, И.А.Баранов, В.Л.Мыц. В 1984—1987 гг. велись стационарные раскопки, под руководством Е.А.Паршиной, связанные со строительством санатория «Фрунзенское» в Партените. Результаты этих разведок и раскопок указывают на важную роль этого района в жизни Таврики и обращают внимание на его малоизученность в археологическом отношении.

В 1993 г. экспедиция КГУ им. Т.Шевченко продолжила подводную разведку шельфа в районе мыса Плака, начатую в 1991—1992 гг. Актуальность этих исследований обусловлена прежде всего тем, что в 70—80-е гг. были проведены — без предварительного археологического обследования — работы по укреплению берега (постройка волнорезов и бетонной набережной, насыпка галечных пляжей).

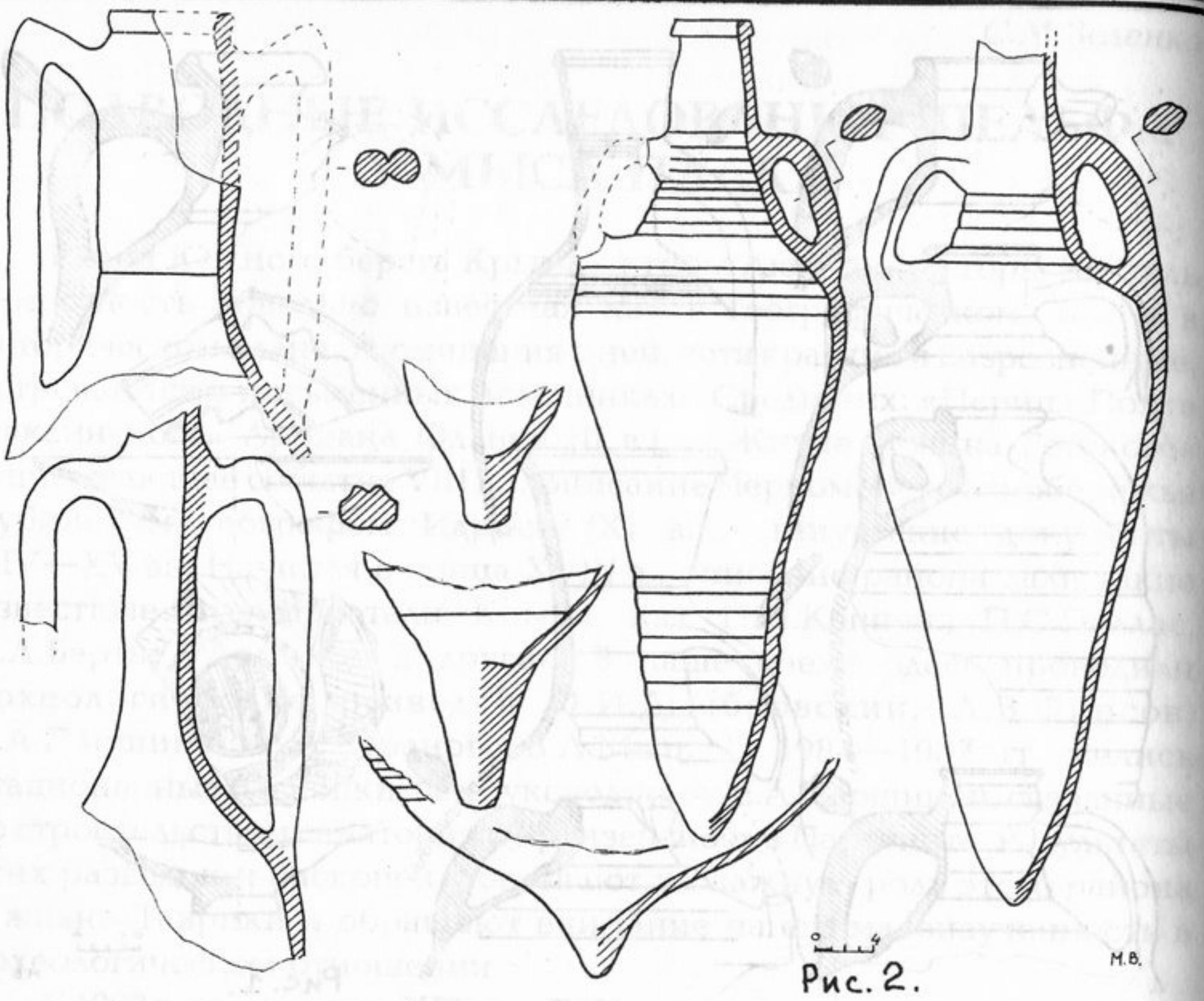
Вместе с тем из нарративных свидетельств известно, что в Партените было два порта. А повышение уровня Черного моря, согласно современным расчетам, колебаний уровня моря /Федорова, 1982; Шилика, 1984/ не исключает возможности нахождения их остатков, а также прибрежных строений на глубине 5—15 м. Можно также установить места древних кораблекрушений, находки на которых

Археологические находки.

позволяют расширить наши познания о торговле и экономике древнего мира.

За три сезона экспедиционных работ составлена карта береговой полосы длиной 2 км и шириной 150 м (от мыса Плака до мыса Партенит и бухты Панаир на мысе Аю – Даг). При обследовании подводной части береговой полосы применялся полосовой поиск с визуальным осмотром дна вдоль ходовых тросов. Подводная часть береговой черты мыса Плака осмотрена полностью. А на участке берега, начиная от первого волнореза, западнее мыса Плака, и от

Археологические находки.

мыса Партенит, были осмотрены полосы дна в сторону моря шириной 5 м и длиной 150 м с фиксацией глубин и характера дна. Расстояние между полосами — 70 м. Привязку координатной сетки проводили к точкам на бетонной набережной с волнорезами. Следует отметить наличие течения вдоль берега с востока на запад, особенно сильное в районе пляжей дома отдыха «Айвазовское». Подводная часть исследуемой береговой полосы представляет собой каменный склон, состоящий из валунов различной величины и переходящий в песчаное ровное дно.

Ширина склона — 80 м вдоль берега урочища Карасан и 15 м непосредственно под мысом Плака. Перепад глубин на склоне у

урочища Карасан колеблется от 2 до 1 м и под мысом Плака от 6 до 12 м. Ширина склона на участке от первого волнореза возле мыса Плака и до мыса Партенит колеблется от 100 до 200 м. Перепад глубин от 2 до 12 м.

Три участка со скоплением археологического материала, обнаруженные в ходе подводного обследования, сосредоточены вокруг мыса Плака, который представляет собой удобное место для на нем наземного поселения с бухтами для стоянки кораблей.

Участок 1 расположен с западной стороны мыса Плака, занимает площадь 30х100 м и находится на глубине 6—10 м. Археологический материал — это, в основном, фрагменты керамики —рассыпан на поверхности дна среди камней и на песчаных участках. Был проведен статистический подсчет находок, собранных на поверхности дна в полосе площадью 3х30 м, которая была размечена с помощью ходовых тросов, отмаркированных через 1 м. Среди них: маловыразительные обломки амфор: ручек — 6 шт.; стенок — 47 шт.; донышек амфор — 6 шт.; кровельная черепица — 22 шт.; фрагменты: амфор VIII—IX вв. — 6 шт.; XI в. — 6 шт.; кувшинов IX—XI вв. — 50 шт.

С помощью квадрата с сеткой и помеченных бирками с номерами фрагментов керамики, была составлена схема расположения археологического материала в этой полосе. Записи и зарисовки под водой велись на пластмассовых белых дощечках карандашом.

Был также проведен визуально, без подъема, подсчет разброса по площади всего участка только узкогорлых кувшинов с ленточной в сечении ручкой IX—XI вв. — наиболее многочисленного типа амфор, который встречался на поверхности дна. Их оказалось 60 шт. Все горлышки кувшинов имеют остатки смолы в месте запечатывания пробкой. В одном случае обнаружено запечатанное горлышко кувшина. Пробка изготовлена из сосновой коры с заливкой смолой по краю пробки.

В.Н.Зинько

ОХРАННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В г. КЕРЧИ

Охранно – археологическая экспедиция КГИКЗ проводила раскопки и доследования археологических комплексов на следующих объектах: 1) курганно – грунтовый некрополь Нимфея; 2) поселение Героевка – 2; 3) античное городище Пантикапей и его северный некрополь; 4) поселение Осовины – 1.

В районе ул. Рубежной (п. Эльтиген) при вспашке под огородные участки плугом была сдвинута известняковая плита погребального сооружения. На этом месте был заложен раскоп 3 х 2,5 м, ориентированный сторонами по сторонам света. После снятия гумусного перепаханного слоя, на глубине 0,32—0,40 м от современной дневной поверхности, открыто перекрытие плитовой могилы. Оно состояло из трех прямоугольных тщательно обработанных известняковых плит толщиной 0,26—0,28 м. Центральная плита была задета плугом и провалилась во внутрь погребального сооружения, которое более чем на половину было заполнено серо – коричневым суглинком. Погребальное сооружение было ориентировано запад – восток с небольшим отклонением к югу и состояло из тщательно обработанных известняковых блоков, поставленных на ребро и хорошо подогнанных друг к другу. Внутренние размеры: 2,21х1,20 м, при высоте 1,25 м. Пол был вымощен длинными прямоугольными плитами, средние размеры которых 1,20 х 0,40 м. Погребение было ограблено, судя по находке клиновидного железного зубила, в XIX — начале XX вв. В заполнении могилы в потревоженном состоянии найдены отдельные кости не менее 22 скелетов и большое количество мелких предметов. В первую очередь следует отметить золотую серьгу и фрагменты трилистников из золотой фольги. Здесь также найдены: бусины из фаянса, стекла, гешира, египетской пасты; стеклянные бальзамарии I — II вв.н.э.; бронзовая пряжка; фрагментированный бронзовый браслет. Судя по находкам эти погребения можно датировать I — II вв.н.э.

В рамках программы, осуществляемой совместно с Государственным Эрмитажем с целью изучения сельской округи Нимфея, проводились исследования поселения Героевка – 2. Объект находится в 1,7 км к югу от окраины пос. Эльтиген на высоком береговом плато, которое подвергается интенсивной абразии. В 1993 г. был исследован новый участок площадью 350 м^2, а также проводились доследования на раскопках 1 и 2, площадью по 100 м^2 каждый. В результате раскопок выявлены два хронологических периода: первый — IV в. до н.э. и второй — IV—VIII вв.н.э. К первому периоду относятся 2 землянки, расположенные в южной части исследованных площадей. К северу от них под небольшой насыпью было раскопано трупосожжение в двух хиосских амфорах первой половины IV в. до н.э., которые были установлены в яме, сделанной в материковой глине. В заполнении землянок встречено большое количество чернолаковых килико̀в, канфаров, тарелок, которые также датируются первой половиной IV в. до н.э. Здесь же найдены фрагменты терракот, свинцовая гиря, фрагменты светильников. Землянка 1 имела своеобразный спуск в виде ступенек, вырубленных в материковом суглинке вдоль восточной длинной стороны сооружения.

В северной части раскопанного участка на краю берегового оврага производились доследования остатков строительного комплекса позднеантичного времени, состоящего из нескольких разнофункциональных помещений и двора. Главные стены постройки, толщиной 0,70 — 0,90 м, были глинобитные, иногда с облицовкой из каменных плит.

При раскопках восточной части этого здания, которое располагалось на северном склоне оврага, была выявлена большая каменная печь.

На южном склоне оврага были обнаружены хозяйственные постройки, предназначенные для хранения и переработки зерна. В центральной части этого хозяйственного комплекса располагался квадратный материковый останец, предназначенный для сушки зерна. Вокруг него находились хозяйственные ямы. В юго – восточной части комплекса открыты две печи, сооруженные из поставленных на ребро и тщательно обмазанных известняковых плит. Рядом с

печью найдены два лепных горшка, в одном из которых сохранились остатки зерен. Здесь же обнаружены два известняковых жернова. Все строительные остатки были перекрыты мощным слоем золы, обожженного сырца с большим количеством камней. Вероятно, причиной гибели всей усадьбы явился сильный пожар.

К югу от этого жилищно — хозяйственного комплекса, в насыпи вышеупомянутого небольшого кургана, исследована плитовая могила,ориентированная восток — запад. В могиле, кроме костяка, никаких находок не было, лишь в засыпи встречены отдельные фрагменты средневековой керамики. Погребение предположительно можно датировать раннесредневековым временем.

В центре современного г. Керчи, на горе Митридат, на двух участках были проведены безотлагательные охранные исследования разрушаемого культурного слоя античного городища Пантикапей и на одном участке исследовалась часть его северного некрополя.

На месте сноса старых строений в районе ул. 23 Мая, на небольшой террасе северного склона Митридата, возле грабительской ямы был заложен шурф 2 х 2 м, глубиной 2,10 м. Свита культурных напластований на этом участке античного городища выглядела следующим образом: сверху залегал слой строительного мусора конца XIX — первой половины XX в., мощность которого достигала 0,70 м, его подстилал зеленовато — серый глинистый слой, мощностью до 0,25 м, который, судя по находкам керамики, можно датировать III —началом II вв. до н.э. Ниже располагался горелый слой с включениями серо — зеленой глины и небольших известняковых камней, мощностью 0,25 — 0,35 м. Судя по фрагментам чернолаковых сосудов, его можно датировать концом IV в. до н.э. Весь нижний стратиграфический уровень был представлен мощным (до 0,85 м) серо — зеленым глинистым слоем с небольшими прослойками из мелких известняковых камней. Керамические материалы из этого слоя представлены, в основном, фрагментами амфор (Гераклея, Хиос, Пепарет, Синопа и др.) и чернолаковой посудой; находки красно — и сероглиняной керамики незначительны. Комплекс чернолаковой керамики состоял из сосудов различных форм: килики, канфары, аски, леканы, рыбные блюда, фрагменты краснофигурной

пелики. Все эти фрагменты датируются в пределах первой половины IV в. до н.э. Особо следует отметить фрагментированный толстостенный килик 400 г. до н.э., который по стилю можно отнести к кругу мастера чаши из Иены.

В нижнем горизонте серо – зеленого глинистого слоя, непосредственно на материковой глине, выявлены остатки алтаря (?), представлявшего из себя квадратную конструкцию из лежащих плашмя тщательно обработанных известняковых камней (0,70 х 0,20 х 0,15 м) с зольным заполнением внутри.

На ул. 2 – я Митридатская (юго – восточный склон г. Митридат), при реконструкции жилого дома 58, была произведена выборка старого фундамента. При обследовании выяснилось, что он был впущен в культурные слои античной эпохи. С целью исследования стратиграфии слоев на этом участке античного городища был заложен шурф 2 х 1,5 м. На глубине 3,46 м от современной дневной поверхности была выявлена материковая глина. Выше располагались 17 слоев и прослоек, которые датируются IV — III вв. до н.э. Каких – либо строительных остатков в шурфе не выявлено. Нижние слои слабо насыщены керамикой, в основном это фрагменты амфор и красноглиняная керамика. По находкам синопских клейм эти слои можно датировать рубежом IV — III вв. до н.э.

Выше расположены два мощных слоя (до 0,60 м каждый), состоящие из большого количества амфорных фрагментов, чернолаковой керамики, красноглиняных кастрюль. Судя по структуре слоя и находкам, можно предположить, что формирование обоих слоев связано с функционированием культового зольника. Найдено много миниатюрных культовых красноглиняных кувшинчиков. Комплекс чернолаковой керамики включал целые и фраг – ментированные канфары, тарелочки, светильники, рыбные блюда, которые датируются второй половиной IV в. до н.э. На целом ряде сосудов выявлены графитти. Из этого же слоя происходит фрагментированный поддон (выс. около 0,40 м) краснофигурного лебеса, на котором изображены четыре девушки в длинных одеяниях перед алтарем. Стилистические особенности рисунка, строгость и четкость его, использование накладной позолоты, несут несомненные

элементы сходства с вазами Мидия конца V в. до н.э. Здесь же был найден фрагмент краснофигурного кратера с изображением квадриги с Никой. Среди большого количества терракот выделяется протома Деметры и статуэтки Аполлона.

Слои, расположенные выше, менее насыщены чернолаковой керамикой; судя по находкам, их следует датировать не позднее III в. до н.э.

В районе ул. Некрасова и 2–й Предельнонагорной, на участке в 120 м^2 проводились охранные раскопки на месте строительства служебного здания. Этот район северного склона горы Митридат занимает некрополь первых веков н.э. Однако на исследованном участке погребальные комплексы не выявлены.

Экспедицией были продолжены раскопки античного поселения Осовины – 1, которое расположено у мыса Варзовка, в 1,4 км к Ю—ЮВ от с. Осовины. Раскопы общей площадью 207 м^2 были заложены к С—В и Ю от ранее изученных площадей. На северо–восточных участках, расположенных непосредственно по краю второй террасы поселения, были исследованы 3 раннесредневековых погребения и остатки двухкамерной каменной постройки, расположенные на зольнике II в. до н.э. — первых веков н.э. Здание А (9 х 4 м) строится в III в.н.э. и после нескольких перестроек используется и в период раннего средневековья. На последнем этапе помещение А, судя по находкам, служило для хранения зерна, а в помещении А – 1, в котором были найдены известняковые жернова, производилась его переработка. Керамический материал из этого комплекса представлен, в основном, фрагментами амфор с мелким зональным рифлением, лепными сосудами и светильниками.

На других участках продолжалось исследование юго – восточной части здания 2. Расчищены помещения 12 и 13, которые функционировали в I — II вв.н.э.

С юго – западной стороны к зданию 2 примыкал большой хозяйственный двор, который вдоль юго – западной стены здания был вымощен большими известняковыми плитами. Здесь же раскопаны остатки каменной лестницы, которая прямо со двора вела в помещения, расположенные на втором этаже. Среди находок следует особо отметить

находки терракот I — II вв.н.э. и гипсовой фишки с трехстрочной надписью.

М.И.Золотарев, С.В.Дьячков

РАСКОПКИ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДАНИЯ В ПОРТОВОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА

Совместная экспедиция Харьковского государственного университета, ХГИАЗ, КФ ИА НАН Украины продолжила исследования в Портовом районе Херсонеса. Основные усилия были направлены на раскопки большого общественного здания так называемой «казармы», расположенного у XVI куртины оборонительных стен, вблизи городских ворот IV — III вв. до н.э. Общая исследованная площадь составила более 320 м².

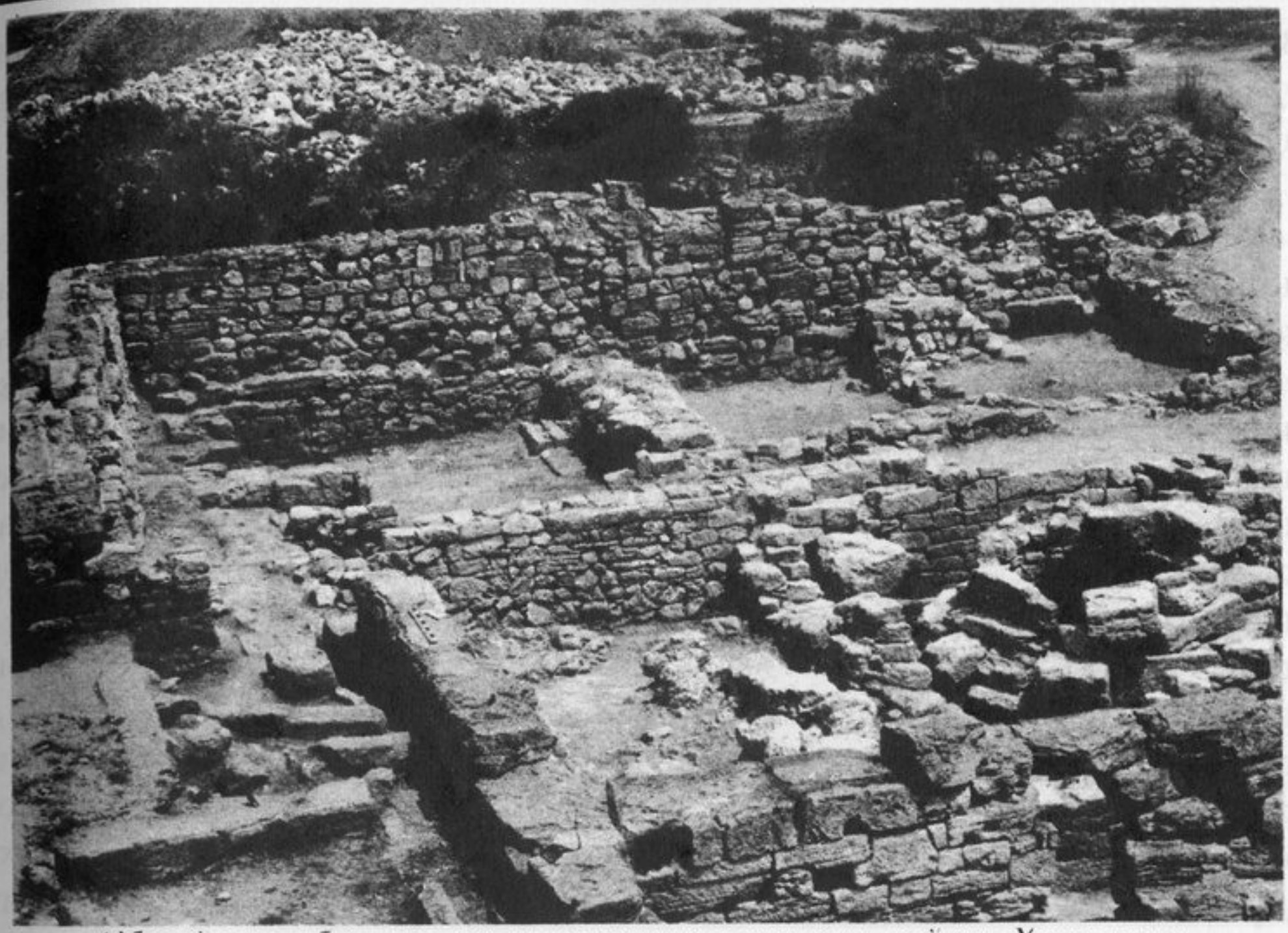
Работы на северо–восточном участке проводились на месте помещений 35, 37, 38 расположенной здесь средневековой усадьбы XIII — XIV вв. В результате работ в помещении 35 подтвердилось высказанное ранее предположение, что северо–восточная стена казармы подверглась частичной перекладке, после чего она послужила фундаментом для стены средневековой усадьбы VII. Северо–западная ее стена возводилась непосредственно на материковой скале. Однако, в ходе строительства средневековых усадеб VII и VIII кладка античного времени была частично разобрана и сохранилась фрагментарно. Раскопки на месте помещения 35 и зачистка скалы выявили остатки стен коридора, дверного проема и ступеней лестницы. В месте установки двери сохранились подтесы скалы для установки откосов и косяков. Устроенный у западного угла помещения 35 вход вел в коридор одного из подвалов казармы. Сохранились верхние камни юго–восточной и юго–западной стен южного угла помещения 35. Эти стены были сложены из тесаных известняковых блоков прямоугольной формы. Размеры блоков — от 0,5 х 1,25 до 0,5 х 1,5 м. Открытые кладки предположительно принадлежат первому строительному периоду комплекса.

В западном углу помещения 37 обнаружена каменная лестница из трех ступеней, сооруженная из хорошо тесанных и плотно подогнанных известняковых блоков. Она вплотную примыкает к скале и юго-западной стене. Функциональное назначение помещения 37, вероятно, то же, что и помещения 35. В помещении 38 строительных остатков античного времени не обнаружено.

В процессе раскопок был удален полностью слой 1 (глубина 1,2—1,4 м). Он представлял мусорную нивелировочную засыпь, насыщенную большим числом разномерного бутового камня, обломками строительной и тарной керамики, фрагментами столовой посуды эллинистического, римского и раннесредневекового времени. В ней найдены многочисленные фрагменты различных вариантов светлоглиняных амфор с рифлением типа «набегающей волны», амфор с гребенчатым рифлением, красноглиняных круглодонных амфор с белым ангобом, датирующихся в пределах не позднее первой половины VII в. Среди прочих находок в слое следует выделить фрагменты различных типов амфор римского времени. На отдельных обломках сосудов сохранились граффити и надписи красной краской. Особый интерес вызывает серия практически целых светильников I—II и II—III вв. и крайне редкая для Херсонеса бронзовая фибула (брошь), выполненная в форме шестнадцатилучевой звезды, орнаментированной полихромной выемчатой эмалью.

Раскопки в центре казармы были сосредоточены на месте расположения средневековой усадьбы VIII. В северо-западной части участка у второй продольной улицы выявлено резкое повышение материковой скалы. Довольно резкое падение уровня скалы прослеживается к юго-востоку. Сохранившиеся здесь археологические слои были большей мощности, чем в северо-западной части улицы. Но археологический материал, найденный по всей площади участка, совершенно однороден. Это крайне измельченные обломки керамических сосудов, которые весьма обобщенно датируются не позднее первой половиной VII в.

Наибольший интерес представляли исследования наружной части грушевидной цистерны 92. Выяснено, что для ее сооружения в материке была выкопана глубокая яма. Стенки ямы были выложены

Общий вид общественного здания в портовом районе Херсонеса.

из больших тесаных известняковых плит на глине. При этом внутренняя поверхность цистерны была гладкой, а внешняя напоминала уступчаты ступени круглой в плане лестницы. Цистерна как бы впущена во внутрь вырубленного в скале прямоугольного помещения. Скала была облицована плоско лежачими известняковыми блоками, стоящими на цоколях, выполненных их плохо тесанных прямоугольных блоков. Камни лицевой поверхности кладки, обращенной во внутрь помещения. очень тщательно обработаны, а приложенная к скале их тыльная сторона оставалась совершенно необработанной инструментом — попросту рваной. Не исключено,что помещение было предназначено для сохранения цистерны. Немногочисленные мелкие обломки керамики, найденные в глиняной засыпи вокруг цистерны и швах между блоками, позволяют датировать сооружение цистерны не позднее середины IV в. до н.э.

Время возведения помещения вокруг цистерны определить пока не удается. Ясно только, что, как и цистерна, оно уже существовало не позднее середины IV в. до н.э.

Раскопки в так называемой «Галерее» примыкающей с юго–запада к центру казармы, показали, что здесь наблюдается такое же понижение материковой скалы к юго–востоку, как и в центральной части казармы, с той лишь разницей, что это падение скалы здесь еще резче. Стены галереи аккуратно сложены из хорошо тесанных и плотно подогнанных известняковых блоков, положенных в первом нижнем ряду непосредственно на скалу. Но техника кладки двух противоположных стен галереи совершенно различна. Оба фасада юго–западной стены сложены из хорошо тесанных блоков извест–няка, а блоки северо–восточной стены тщательно отесаны и подог–наны только в обращенном во внутрь галереи юго–восточном фасаде. Тыльная их часть оставалась в форме рваного камня, приложенного к скале. Пространство между этой стеной галереи и юго–восточной стеной подвала вокруг цистерны заполнено разномерным бутовым камнем на глине. Техника сооружения этих двух облицовочных фасадов и забутовки между ними дают возможность предположить, что нами открыта неизвестная ранее линия оборонительной стены Херсонеса. Хронологически точно определить время ее сооружения пока не удается, но к середине IV в. до н.э. эта линия оборонительной стены уже не существовала.

Археологический материал, происходящий из слоев галереи, четко разделяется на два хронологических уровня. Судя по датировкам находок, нижние слои, непосредственно залегающие на скале, относятся к эллинистическому времени, а перекрывающие их слои принадлежат к первым векам нашей эры. Среди найденного хорошо известного и надежно датирующегося традиционного стандартного набора амфорной и столовой керамики можно выделить лишь целый клейменный херсонесский мерный сосуд и целиком сохранившуюся верхнюю часть небольшого краснолакового кувшинчика, который был украшен рельефными изображениями животных, птиц, рыб, мифологических персонажей и растительных орнаментов, выполненных в форме.

Цистерна № 92.

Итак, раскопки на участке «казарма» дают возможность судить в самых общих чертах о хронологии памятника и его строительной истории. Предварительно можно говорить о том, что здание было сооружено, очевидно, еще в первой половине IV в. до н.э. В таком первоначальном виде с небольшими ремонтами и локальными перепланировками комплекс просуществовал до рубежа нашей эры. В первые века нашей эры произошла первая крупная общая перестройка здания, не потерявшего своего функционального значения вплоть до раннего средневековья.

Основным итогом работ в этом районе Херсонеса, открывающим новые перспективы в изучении оборонительного зодчества античного Херсонеса, является обнаружение доселе совершенно неизвестного нового участка оборонительной стены, принадлежащего, вероятно, ранней линии обороны города.

М.И.Золотарев, С.В.Ушаков

ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА

Еще в 70—80-е гг. прошлого века Одесское общество истории и древностей проводило исследования городских кварталов, примыкавших к главной улице в северо-восточном районе Херсонеса. Эти работы продолжили в 1888 г. К.К.Косцюшко-Валюжинич. Однако два квартала района остались недокопанными. К ним относится и квартал XCVI, исследование которого осуществляет с 1991 г. экспедиция ХГИАЗ и КФ ИА НАН Украины.

Работы были сосредоточены в центре квартала, в юго-западной части большого внутриквартального двора и трех помещениях (8, 14, 15), примыкавших к нему. Было завершено также исследование заполнения колодца в помещении 12. Общая площадь раскопанного участка составила около 200 м^2.

Строительные остатки представлены, в основном, обычными для средневекового Херсонеса кладками X — XII вв., сложенными из бутового, иногда слегка обработанного камня, на грязевом растворе. Они — двухпанцирные, с прослеживающейся порядовкой, сохранившейся высотой до 2—2,7 м (в помещении 8). Стены построек первых веков нашей эры сохранились на один—два камня в высоту.

Мощность культурного слоя составила от 0,2 до 0,5 м во дворе и 2,5—2,7 м в помещении 8. После удаления дернового слоя во дворе был исследован слой засыпи: грунт пепельно-серого цвета, насыщенный отдельными фрагментами средневековой кровельной черепицы, амфорной тары и поливной посуды, перемешанных с мелким камнем. Он был совершенно однороден и залегал на скале.

В помещении 14 сохранились остатки наскального слоя с материалами второй половины V — первой половины IV в. до н.э. Здесь найдены фрагменты амфор Хиоса, Гераклеи Понтийской, чернолаковой посуды, ионийской полосатой керамики.

Помещение 15 располагалось в северо-западной части внутриквартального двора и с трех сторон было ограничено

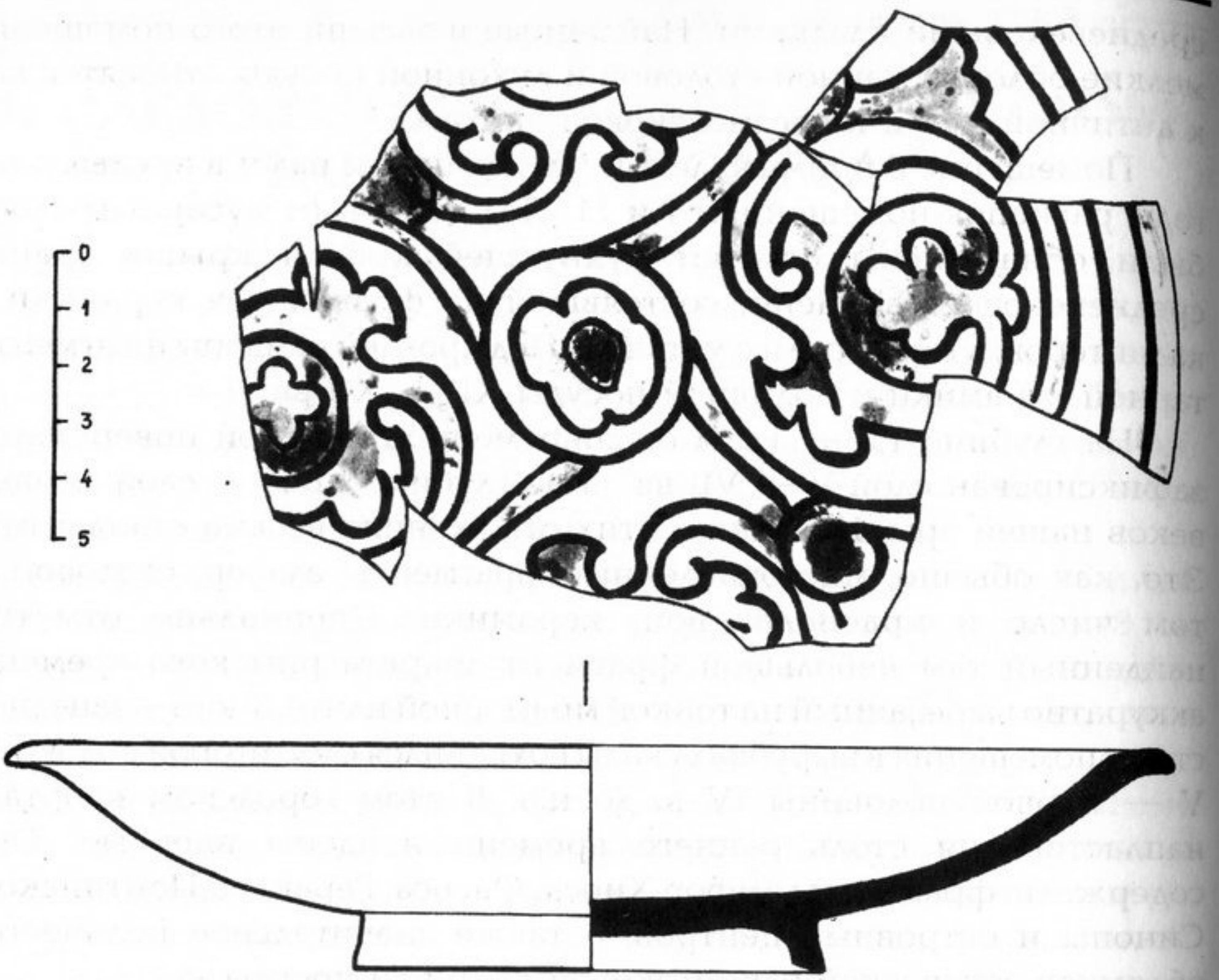
средневековыми кладками. Найденные в засыпи этого помещения мелкие обломки тарной столовой и кухонной посуды относятся как к античной, так и к средневековой эпохам.

Помещение 8 примыкало к исследованным нами в предыдущие годы раскопок помещениям 7 и 11. Под дерновым мусорным слоем были обнаружены остатки рухнувшей кровли крыши здания средневекового времени, состоявшей из фрагментов керамики и калиптеров, в том числе и с метками. Под кровлей найдены фрагменты тарной керамики и поливной посуды XII — XII вв.

На глубине 1,3 — 1,5 м от современной дневной поверхности зафиксирован слой V — VII вв., а на глубине 1,8 м — слой первых веков нашей эры. Находки в этих отложениях весьма стандартны. Это, как обычно, многочисленные фрагменты амфор, столовой, в том числе и краснолаковой, керамики. Специально отметим найденный там небольшой фрагмент декрета римского времени, аккуратно вырезанный на тонкой мраморной плите. У юго — западной стены помещения в вырубках скалы сохранился слой второй половины V — первой половины IV в. до н.э. В этом городском квартале напластования столь раннего времени найдены впервые. Они содержали: фрагменты амфор Хиоса, Фасоса, Гераклеи Понтийской, Синопы и островных центров, а также значительное количество обломков аттической чернолаковой столовой посуды.

В южном углу помещения 8 была открыта горловина цистерны, вероятно, грушевидной формы, служащей для сбора дождевой воды; в 1993 г. было удалено только около 0,8 м ее засыпи. Материал из заполнения относится к позднеантичному времени с очень незначительной помесью фрагментов раннесредневекового времени. В верхней части засыпи цистерны найдена мраморная плита размерами 25,8 х 17,4 х 7,4 см. На длинном торце плиты вырезана трехстрочная древнегреческая надпись — посвящение трем восточным богам: Серапису, Исиде и Анубису. Текст сохранился полностью и по палеографическим особенностям шрифта относится к середине III в. до н.э.

Это первое столь раннее свидетельство о культах восточных божеств в Херсонесе.

Поливная полихромная тарелка X–XI вв. из цистерны.

Интересный и обильный материал дало исследование засыпи колодца в помещении 12.

Начало этих работ было предпринято еще в прошлом полевом сезоне. В 1993 г. колодец был исследован до отметки 10,8 м и дальнейшие его раскопки пришлось прекратить из – за интенсивного поступления грунтовой воды. Конфигурация дна сооружения неизвестна, однако мы полагаем, что она имела, скорее всего, конусовидную форму. Судя по скорости заполнения колодца водой можно предположить, что он исследован почти на всю его глубину.

В засыпи колодца найден очень представительный средневековый материал. Это многие десятки сотен обломков керамики, из которых

подавляющее большинство принадлежит трем — четырем типам кувшинов с высоким раструбовидным горлом, плоским дном и ленточными ручками (более 80% от всего количества находок). Среди остальных находок отметим обломки черепиц, стенок пифосов и амфор, на некоторых из которых сохранились граффити, фрагменты поливных чаш, изделия из металлов, бронзовые монеты. Столовая поливная керамика представлена белоглиняными сосудами, покрытыми желтой или зеленоватой прозрачной глазурью. На донцах некоторых блюд помещены штампованные изображения животных, птиц, растений и т.п. Судя по датировкам находок из засыпи цистерны, она была засыпана в X—XI вв.

Из общего ряда находок из цистерны выделяется розовоглиняная поливная полихромная тарелка на низком кольцевом поддоне, украшенная изнутри растительным орнаментом. Она собрана и склеена из фрагментов по старым сколам. Находки подобной керамики в Херсонесе достаточно редки и насчитывают за многие годы раскопок всего несколько десятков фрагментов. Датируется подобная керамика X—XI вв.

Исследования в XCVI квартале, проводящиеся с целью музеефикации открытых раскопками археологических объектов, будут в будущем продолжены.

Л.А.Ковалевская

РАБОТЫ НА ЗЕМЕЛЬНОМ НАДЕЛЕ 341 И ЛИНИИ ВОДОПРОВОДА В САРАНДИНАКИНОЙ БАЛКЕ

Гераклейским отрядом Севастопольской археологической экспедиции ХГИАЗ исследовались постройка на земельном наделе 341 и древний водопровод. Первый объект расположен на господствующей высоте северного склона Верхне – Юхариной балки, к югу от поселка Кальфа, на территории севастопольского городского кладбища.

Еще академик Паллас в конце XVIII в. отмечал большое количество остатков древних сооружений южнее балаклавской дороги. В 1927 г. археологические памятники вдоль северного склона Верхне–Юхариной балки вошли в зону разведок Севастопольского музея краеведения под руководством П.П.Бабенчикова и К.Э.Гриневича. В 1937 г. Н.М.Янышевым древние сооружения данного района были подробно описаны и нанесены на карту Гераклейского полуострова. Эти работы были затем продолжены в 1949—1955 гг. С.Ф.Стржелецким и в 1973—1975 гг. Г.М.Николаенко. О чрезвычайной насыщенности памятниками археологии данного района свидетельствуют также и охранные разведки, проведенные автором в 1989 г., в результате которых выявлено и паспортизировано 9 археологических объектов типа построек.

На одной из таких построек на наделе 341 в связи с расширением территории городского кладбища в 1987 г. были начаты систематические раскопки. Постройка удовлетворительной сохранности и занимает приблизительную площадь около 60 х 60 м.

В результате пятилетней работы выявлено центральное сооружение типа башни размерами по внешнему периметру 10,00 х 11,30 м, укрепленной со всех сторон дополнительным противотаранным поясом толщиной 1,30 — 1,60 м. Внутреннее ее пространство разделено на два помещения; в южном углу в 1989 г. обнаружен и исследован колодец. На юго – запад от башни расположен обширный вымощенный крупными плитами двор; в свою очередь с юго – восточной и юго – западной его сторон находятся хозяйственные помещения, в одном из которых (помещение 1) выявлены остатки круглого в плане сооружения.

Описываемый комплекс является многослойным археологическим памятником, жизнь которого длилась в течение трех исторических периодов: эллинистический, римский и средневековый.

Для определения точной даты основания постройки требуется дополнительная информация, пока же самыми ранними находками являются фрагменты херсонесских амфор второй половины III в. до н.э. и пантикапейская монета IV в. до н.э. Верхнюю хронологическую границу жизнедеятельности сооружения определяют херсонесская

монета XI—XII вв. и керамический материал XII—XIII вв. В 1993 г. площадь раскопа была доведена до 825 м². В помещении 5 башни под слоем с содержанием незначительного количества мелких угольков и маловыразительных фрагментов керамики были выявлены 6 гнезд, вырубленных в скале, для установки пифосов. Фрагменты еще одного херсонесского пифоса обнаружены под остатками вымостки, сохранившейся у северо – восточной стены башни. По – видимому, в помещении размещалось 8 пифосов, установленных по четыре в два ряда, а, следовательно, оно имело в ранний период функционирования башни исключительно хозяйственное назначение.

Данный горизонт выявлен в результате доследования помещения 1 и помещения 9, расположенных на северо – восточном участке раскопа. В последнем из них обнаружена придонная часть поваленного набок херсонесского пифоса. Он был разбит и засыпан грунтом, при капитальной перепланировке постройки в ранний период. Иная судьба постигла аналогичный сосуд местного производства у северо – восточной стены помещения 1. Он был почти полностью утоплен в материк до самого венца на глубину 1,40—1,50 м. Функционировал он, по – видимому, не одно столетие, о чем свидетельствуют следы ремонта; внутри его позднее был помещен гераклейский пифос меньших размеров, в заполнении которого наряду с фрагментами чернолаковых сосудов встречены фрагменты столовой посуды II—III вв.н.э.

На юго – западном участке раскоп был расширен, снят дерновый слой и раскрыта юго – восточная часть исследуемого ранее помещения 4. Выявлено угловое южное прямоугольное в плане помещение, размерами по внутреннему контуру 6,50 х 4,00 м и с юго – запада ограничено внешней стеной постройки, выявленной на высоту 1 – го ряда кладки. На поверхности блоков внешнего слоя стены по краю имеются риски, что свидетельствует о строительстве стены в ранний период существования комплекса. Вход в помещение 4 прослеживается с северо – восточной стены, со стороны двора. В результате снятия слоя мощностью 0,15 — 0,20 м в северо – западной части помещения 4 открыта вымостка из плоских средних размеров известняковых плит, в восточном углу помещения — скала.

На поверхности плит вымостки в равномерно перекрывающем ее слое отчетливо прослеживаются следы пожара. Нижний горизонт характеризуется керамическим материалом II — III вв.н.э., встречаются и более ранние фрагменты и отдельные находки средневекового материала.

Помещение 11 (размеры по внутреннему периметру 4,70 х 4,00 м) отличалось плохой сохранностью: его юго — западная стена разобрана почти до основания. По всей его площади хорошо прослеживается слой II—III вв.н.э., представляющий собой зольник толщиной 0,15 —0,20 м. В его заполнении обнаружено значительное количество фрагментов черепицы, амфор, столовой посуды II—III вв.н.э. со следами копоти на поверхности. При снятии зольника был открыт глинобитный пол, местами разрушенный пожаром. В восточном углу, по полу находились горло и фрагменты верхней части боспорской амфоры. В центре помещения 11 выявлены очертания придонной части херсонесского пифоса, остатки которого были засыпаны и покрыты глиняной обмазкой пола.

На северо — западном участке, где после снятия дернового слоя и каменного завала, выявлены продолжение юго — западной внешней стены постройки и вымостки двора. На юго — запад от башни просматриваются контуры прямоугольного в плане помещения 10 размерами по внутреннему периметру 5,10 х 3,70 м. Вход расположен в северо — восточной стене со стороны двора. Внимание привлекает юго — западная стена помещения, сложенная из крупных хорошо обработанных блоков, конструктивно напоминающих кладку раннего периода башни. Сразу по каменным завалам выявлен зольный слой II—III вв.н.э., толщиной 0,15 — 0,25 м, в заполнении которого встречены многочисленные фрагменты строительной керамики (некоторые экземпляры почти полностью поддаются реконструкции). Многочисленные фрагменты амфор и краснолаковой посуды, найденный светильник — прямой аналог находке в помещении 1, время пожара в котором относится к середине III в. до н.э. Интересна находка фрагментов придонной части пифоса с реберчатой внешней поверхностью. Все находки со следами сильного горения на поверхности.

На западном склоне Сарандинакиной балки произведены раскопки и обмеры крупной пещеры, состоящей из двух камер, причем большая из них более позднего периода была разделена кладкой на две части. В стенах пещеры имеются ниши для бытовых и иных целей. Обнаруженный материал весьма незначителен и мало выразителен.

В заполнении выбранного грунта найдены фрагменты керамических водопроводных труб, средневековой черепицы. По-видимому, пещера являлась бытовым и, не исключено, какое-то время культовым сооружением. Она функционировала вплоть до нашего времени: на поверхности скалы внутри большой камеры обнаружены две монеты 1936 г.

На север по западному же склону балки заложено 2 шурфа с целью выявления направления трассы древнего водопровода, обнаруженного в срезе борта траншеи под теплотрассу. В шурфе 1 выявлены 12 м водовода, состоящего из керамических труб с гладкой внешней поверхностью. На двух трубах имеются контрольные отверстия. В результате работ удалось проследить нитки водовода по склону балки на протяжении 3,5 км.

Проведенные исследования настоящего полевого сезона дали важный результат в плане изучения археологической ситуации пограничных земель аграрной округи Херсонеса Таврического.

В.Ю.Коен

РАСКОПКИ В ГРОТЕ СКАЛИСТЫЙ

С середины 80-х гг. возобновились исследования памятников позднего и финального палеолита Крыма. Они ориентированы на естественнонаучное обоснование хроностратиграфии и палео-экологической обстановки в регионе. Наибольший интерес представляют многослойные пещерные памятники Сюрень 1 и грот Скалистый, где представлены основные этапы генезиса доголоценового позднего палеолита в Крыму.

Грот Скалистый расположен в юго – западной части полуострова на правом берегу р. Бодрак в черте с. Скалистое. В 1988—1989 гг. в центральной части грота был заложен раскоп — 9 м² (Ю.Г.Колосов). Он выявил 6 культурных слоев, занимавших изолированное стратиграфическое положение. В 1992 г. был проведен сбор палинологических образцов и предварительная геологическая оценка возраста отложений /Н.П.Герасименко, В.Ю.Коен/. По существующей периодизационной схеме комплексы слоев I — III относятся к трем этапам шан – кобинской культуры и датируются в пределах конца XI — второй половины IX тыс. до н.э. /Коен, 1991/. Материалы из слоев IV—IX немногочисленны. Их связь с поздним палеолитом определяется стратиграфическим положением — под древнейшим комплексом шан – кобинской культуры.

Раскопки 1993 г. проведены с целью решения следующих задач:

— расширение площади раскопа 1988—1989 гг. и получения единого разреза отложений с последующей их литологической, геоморфологической и культурно – исторической оценкой;

— изучение характера распространения культурных горизонтов, особенностей пространственной организации материала;

— получение образцов для абсолютного датирования.

Раскоп 9 м² был заложен в сторону склона, общая площадь которого по мере фиксации распространения древних жилых поверхностей достигла 28 м².

В раскопе 1993 г. были изучены I — III культурные слои. Комплексы IV—IX известны из шурфа 1989 г. Они приурочены к пачке комковато – пылеватых отложений. Скальному основанию предшествует более чем двухметровая стерильная толща. Общая мощность разреза —5,4 м.

Первый культурный слой был частично разрушен при выравнивании площадки грота трактором. Распространение материалов в пределах раскопа не отражает реальной структуры. Фауна отсутствует. Находки залегают на участке 9 м² в щебнистых отложениях. В составе комплекса — нуклеусы и отходы их обработки. Материал залегает наклонно в пределах распространения щебнистого слоя.

Центральная часть поселения II культурного слоя находилась на площадке под навесом, где в 1988 году зафиксированы остатки двух очагов. В нынешнем раскопе была вскрыта южная периферия этого поселения. Мощность II слоя на участках склона возрастает. Распространение материала зафиксировано в пределах двух горизонтов находок. Верхний горизонт связан со щебнистыми желто – коричневыми отложениями. Нижний — с кровлей обвала. Находки 1 горизонта зафиксированы на площади 9 м². Основное количество материала зафиксировано в южных участках раскопа, где они образовывали сравнительно однородное скопление. Материалы 2 горизонта имеют большую площадь распространения /24 м²/. Основное количество находок связано с участком 16 м² в пределах верхнего горизонта обвала. Кремневый комплекс включает нуклеусы, продукты их расщепления. Орудия немногочисленны. Обращает внимание скопление нуклеусов в центральной части раскопа на участке 1х0,66 м. Разница в глубинах залегания составляет 0,1 м. Нуклеусы типологически разнообразны и составляют основные стандарты индустрии II культурного слоя. Показательно, что в пределах данного участка количество сколов незначительно. Очевидно, ядрища были положены в углубление как запас исходных форм для расщепления. Среди органических остатков в слое представлены только раковины земляных улиток.

Третий культурный слой представлял собой сочетание четырех жилых поверхностей. Три верхних культурных горизонта связаны с линзами кострищ и заполнениями жилищ. Горизонты жилищ отличаются от линз кострищ большими размерами, наличием четко фиксируемых уплотненных полов, смешанным гумусно – золистым заполнением.

Верхний III/1 горизонт залегал в виде кострища под обвалом в пределах площадки грота и в виде периферии очага в нижней толще обвала на контакте площадки и склона. Скопление состояло из мелких неопределяемых костей животных, плотной концентрации кремня, обожженного камня, угольков и крупной гальки – наковальни. В целом, комплекс связан со скоплением пищевых и производственных отбросов.

Второй горизонт третьего культурного слоя залегал под группой обожженных камней, зафиксированных в стенке раскопа 1988 г. и планиметрически в раскопе 1993 г. Здесь второй горизонт представлен крайним южным участком гумусно – золистого заполнения жилища /около 1,5 м^2/, включая фрагмент очажной линзы /около 0,5 м2/ остатками древней дневной поверхности за пределами золистой структуры. В пределах жилища и на участках квадратов, непосредственно прилегающих к нему, найдены фаунистические остатки. В двух случаях они образуют анатомические группы. Это концентрация ребер, плечевого сустава и двух пястных костей сайги /левая и правая/. В структуру слоя входят также пятна желтой и красной охры и мелкие древесные угольки. Очевидно, южная граница зольного пятна фиксирует край распространения древней площадки грота, которая, следовательно, была шире современной на 1,5—2 м. Находки в пределах древней дневной поверхности распространяются равномерно, хотя можно выделить ряд микроскоплений, в том числе скопление пищевых отбросов и охры около очага. Значительную часть материала составляют нуклеусы и отходы их обработки. Отмечается большое количество первичных сколов.

Практически в каждом микроскоплении представлены гальки – наковальни. Количество орудий невелико.

Слой III/3 представляет собой наиболее четкую пространственную структуру грота Скалистый. Материалы связаны с гумусно – золистым заполнением жилища. В раскопе 1993 г. была прослежена его южная и восточная границы. Протяженность линзы в разрезе составляет около 5,6 м. Линза имеет тонкие края (0,05 м) и максимальную мощность в центре (0,22 м). В пределах площадки навеса третий горизонт залегает сравнительно горизонтально. На участке склона наблюдается значительное падение его уровня. Линза заполнения окрашена неравномерно.

Наибольшая интенсивность прослеживается в центральной части. Показательно, что угли залегают в слое в виде небольших скоплений правильных очертаний /до 0,2 м/, напоминающих остатки обгоревшей древесины. В слое доминируют нуклеусы и отходы их обработки.

Много первичных сколов и крупных пластин, связанных с начальными этапами расщепления. Орудия немногочисленны.

Пол жилища в слое III/3 представлял собой плотноспрессованную /утоптанную/ гумусно – золистую массу. В процессе расчистки пола, на участке, прилегающем к раскопу 1988—1989 гг., была обнаружена ямка, впущенная с уровня пола жилища (0,7x0,8x0,25 м). Очевидно, что большая ее часть выходит за пределы раскопанного участка. Стенки ямки — крутые и пологие, заполнение представляет собой гумусно – золистую массу. Верхний горизонт содержал камни, которые частично перекрывали ямку. В заполнении найдены кости животных, гальки – наковальни, угольки, куски желтой охры, кремневые изделия /нуклеусы и сколы/. Особый интерес к этому объекту привлекает находка обломанной в древности головки бедренной кости человека. По определению И.Д.Потехиной, кость принадлежит подростку. Не исключено, что яма является частью захоронения изолированных костей человека, сходное с известным погребением из шан – кобинского слоя Замиль – Кобы 1 /Крайнов, 1938/.

Слой III/4 залегал под полом жилища в пылеватых белесо – желтых отложениях. На этом уровне, в пределах границы распространения материалов жилища, обнаружено пятно прокаленной почвы, фиксирующее под очага. Пятно имело овально – вытянутую форму /1,2x0,8 м/.

По структуре прослойка аналогична горизонту прокаленной почвы в раскопе 1988—1989 гг.

В пределах пода очага среди кремневых изделий и костей животных найдена прямоугольная галька со следами росписи красной краской, расположенными на торцевой и боковой сторонах. Тыльная поверхность гальки заполирована. Объект требует дальнейшего изучения.

Раскопки 1993 г. показали, что южная периферия различных жилых горизонтов III слоя находилась на участке древнего склона перед навесом. Это пространство было занято, главным образом, мастерскими по расщеплению кремня. Известно, что на палеолитических поселениях наблюдается вариабельность кремневых

комплексов в зависимости от функционального назначения того или иного участка. Комплексы южной периферии поселений III слоя характеризуются незначительным количеством орудий, их типологическим однообразием, преобладанием нуклеусов и сколов их обработки. Среди ядрищ — большинство первичные или в начальной стадии использования. На участках мастерских происходила первичная обработка сырья и отбор заготовок. Вторичная обработка связана с участками использования орудий — центральной частью поселения в пределах жилищного пространства. Только здесь концентрация кремня сопровождается фауной, а индустрия имеет сложившийся технико-морфологический облик. Характерной чертой индустрий центральных участков поселения является типологическое разнообразие кремневых комплексов.

Таким образом, основной итог раскопок 1993 г. в гроте Скалистый заключается в изучении планиграфии склоновых участков поселений трех слоев шан-кобинской культуры и уточнении стратиграфии памятника.

Учитывая целостный характер культурных остатков в гроте Скалистый, хорошую степень их сохранности, дальнейшие исследования памятника представляют интерес для комплексной характеристики культурно-исторических процессов финала ледниковья в Крыму.

Ю.Г.Колосов, Ю.В.Кухарчук,
С.Н.Рыжов

РАБОТЫ У СКАЛЫ АК-КАЯ

В 1993 г. ИА и КФ ИА НАН Украины в рамках совместной темы «Хронология и эволюция палеолита Крыма» проводили исследования в Юго-Западном и Восточном Крыму. Работы осуществлялись отдельными группами специалистов-палеолитоведов. Помимо археологических раскопок палеолитических памятников, в числе первоочередных задач стояли: 1) подготовка зачисток на ряде

месторождений; 2) определение с помощью датчиков уровней радиации в культурных слоях; 3) отбор образцов зубов ископаемых животных для датировки по С – 14.

В Восточном регионе исследованиями такого рода предполагалось охватить три памятника — Заскальная V, Заскальная VI и Сары – Кая I. Однако из – за трудностей с транспортом и горючим работы пришлось ограничить раскопками стоянки Заскальная V.

Многослойная мустьерская стоянка Заскальная V расположена на правом склоне балки Красной, клином разрезающей западный уступ массива Ак – Кая в окрестностях с. Белая Скала и Вишенное Белогорского района. В древности площадь стоянки перекрывалась навесом грота, козырек которого три раза разрушался во время землетрясений. Остатки навеса хорошо фиксируются в виде блоков над первым и вторым культурными слоями. В настоящее время местонахождение находится под открытым небом, у основания 15 – метрового скалистого уступа балки.

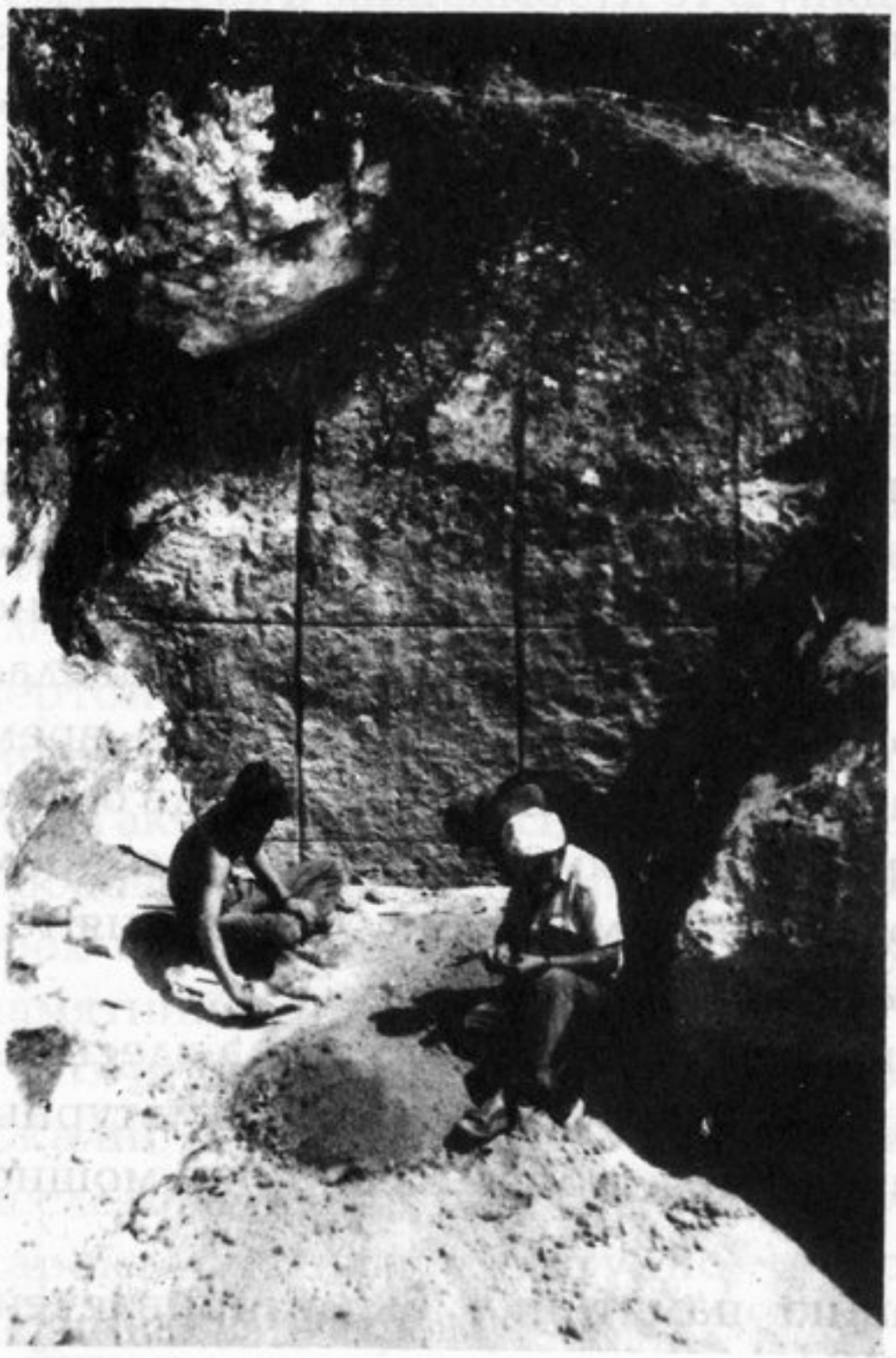
Стоянка периодически раскапывалась с 1969 г., когда здесь был заложен первый шурф. Всего за год удалось проследить 8 культурных слоев раннепалеолитического времени, которые залегают в мощной толще детритусового песка.

В этом году к исследованию памятника были привлечены специалисты из Англии и США для датировки отложений и содержащихся в них культурных слоев новейшими естествен – нонаучными методами.

С целью обновления стратиграфического разреза на восточной стенке раскопа была поставлена зачистка. В 1985 г. раскоп в этом месте на площади около 9 м^2 был доведен до III культурного слоя, затем перекрыт клеенкой и засыпан землей.

Таким образом, до уровня III слоя восточная стенка исследовалась зачисткой, а далее углубление производилось метровой траншеей по линии квадратов 17 – АБВ. Кроме того, с самой поверхности была раскопана половина квадрата 17 – Г, ранее перекрывавшегося блоком рухнувшего навеса.

Часть глыбы в этом году была удалена, благодаря чему стала возможной прирезка к раскопу нового участка.

Подготовка стратиграфического разреза на восточной стенке стоянки Заскальная V.

Из-за лимита времени и исключительной насыщенности культурных слоев материалом зачистка восточной стенки и прилегающий к ней участок (квадраты 17-А, 17-Б, 17-В и половина квадрата 17-Г) были доведены лишь до нижней границы IV слоя, после чего траншея и нижняя часть восточной стенки были законсервированы.

Стратиграфия отложений и четко просматривающихся в них культурных слоев в целом соответствует стратиграфии, прослеженной на восточной стенке раскопа в прежние годы раскопок стоянки. Несколько мощнее в новом разрезе оказалась лишь гумусная прослойка, в которой хорошо обнажаются заходящие в верхнюю часть детритусовой толщи известняковые блоки обрушившегося навеса.

Отсчет велся от абсолютной нулевой отметки прежних лет, сохранившейся на скальном уступе. **0,5 — 1,0 м.** Гумус. Цвет от темно-серого до черного. Структура комковатая с включением известняковой дресвы и мелких раковин нуммулитов. Этот почвенный слой густо пронизан корнями растений. **1,00 — 1,50 м.** Темно-желтый суглинок, насыщенный известняковой щебенкой. Нижняя граница имеет вид ломаной линии из-за клиньев, заходящих в ниже лежащий горизонт. **1,50 — 4,05 м.** Известняковый детритусовый песок — продукт разрушения нуммулитовых известняков. Цвет

светло – желтый. Местами прослеживаются темно – серые пятна карбонатных стяжений разнообразных форм.

На глубине 1,80 — 1,95 м в этой детритусовой толще залегает I культурный слой. В квадратах 17 – А, 17 – Б и 17 – В слой исследовался зачисткой, поэтому основную массу материала дал квадрат 17 – Г. Всего добыто 163 кремневых изделия, из них 6 орудий, 78 отщепов, 10 обломков и 51 осколок. Большинство орудий и сколов не превышают 5 см, что свидетельствует о микроиндустрии.

На глубине 2,45 — 2,50 м тонкой прослойкой мощностью 3—5 см залегает I – а культурный слой. Как и в предыдущие годы раскопок, он дал единичные находки, связанные с квадратом 17 – Г. Это 1 орудие, 4 отщепа, 3 обломка и 12 осколков. Размеры изделий не превышают 5 см.

С уровнем 2,90 — 3,20 м связаны находки II культурного слоя. Его мощность колеблется в пределах 30 – 35 см. Помимо кремневых находок, II слой дал значительное количество костных остатков, в том числе обожженных. Кремневая коллекция насчитывает 1677 изделий: 120 орудий, 23 нуклеуса, 765 отщепов, 117 пластин, 75 обломков и 577 осколков. Индустрия носит макролитоидный характер.

Ниже II слоя прослеживается маломощная стерильная прослойка, утолщающаяся ближе к скальному уступу — в квадратах 17 – А и 17 – Б. В этих квадратах в верхней части стерильной прослойки (на уровне 3,20 — 3,30 м) четко обозначилась полоса бурого прослоя, встречавшегося участками и в раскопах прежних лет. Возможно, он относится к погребенной почве брерупского интерстадиала.

Ниже стерильной прослойки, на глубине 3,30 — 3,70 м, идет III культурный слой. Он вскрывался на площади всех четырех квадратов, поэтому дал значительно большую коллекцию изделий. Меньше всего находок получено из квадрата 17 – А, прилегающего к скальному уступу. Это связано с тем, что с уровня III слоя стенка скалы начинает полого нарастать к югу. Помимо кремневых артефактов, в этом слое имеется много костных остатков, часто обожженных. Каменный инвентарь насчитывает 2558 изделий и состоит из 196 орудий, 47 нуклеусов, 1510 отщепов, 202 пластин, 141 обломка и 462 осколков. Орудия характеризуются крупными и средними размерами.

IV культурный слой — последний из вскрытых раскопом этого года — располагается на уровне 3,80 — 4,05 м. Не исключено, что он вскрыт не полностью, так как в раскопах прежних лет его мощность у восточной стенки иногда достигала 50 см. От вышележащего III слоя его отделяет небольшая относительно стерильная прослойка, утолщающаяся с приближением к скале, в квадрате 17 — Б. Квадрат 17 — А на этом уровне практически исчезает из — за выпуклости скального уступа. Слой насыщен крупными и мелкими костями животных, среди которых очень много обожженных, отчего его окраска приобрела темно — коричневый оттенок. Основную массу находок дали квадраты 17 — В и 17 — Г.

Кремневая коллекция насчитывает 1462 изделия, в том числе 113 орудий, 26 нуклеусов, 867 отщепов, 141 пластину, 96 обломков и 219 осколков. Орудия, как правило, имеют размеры до 5 см.

Кроме кремневых орудий, во II, III и IV культурных слоях встречены костяные ретушеры.

Подготовленный на восточной стенке стратиграфический разрез был обследован Ф.Эллсворт — Джансом /Англия/, Д.Ринком /США, М.Оттом /Бельгия/.

В.А.Колотухин

РАБОТЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Черноморская экспедиция КФ ИА НАН Украины проводила раскопки двух объектов Крыма в означенном районе, на берегу озера Длинное, у г. Красноперекопска. Осуществлена подчистка отдельных участков размытого берега, на которых обнажился культурный слой с контурами полуземлянок и хозяйственных ям. Единичные находки —мелкие фрагменты гончарной и стеклянной посуды, кусочки железа —свидетельствуют о принадлежности этих объектов к поселению позднесредневекового или нового времени. В одном слое с поздними материалами встречаются отдельные мелкие обломки лепной позднесрубной керамики. Участков с

отчетливо выраженным культурным слоем финальной бронзы не выявлено.

На поселении эпохи поздней бронзы Бай – Кият у с. Владимировка Черноморского района продолжены работы на раскопе 1, начатые в 1991 г. Раскрытая площадь составляет 475 м^2 или 19 квадратов 5х5 м каждый, четыре из которых остались недоследованными.

По характеру культурных остатков и их сохранности раскоп можно разделить на два участка — северный и южный. Северный, прибрежный участок (квадраты 51—58) застраивался более интенсивно — здесь фиксируются два горизонта с остатками каменных построек эпохи поздней бронзы. Мощность слоя до 1,5 м. Помещения нижнего горизонта впущены с уровня стерильного песка (0,7 — 1,0 м от современной поверхности) до погребенной почвы или подстилающего ее щебенистого суглинка, помещения второго горизонта — в культурный слой первого. В результате последующей выборки камня от построек сохранились отдельные обрывки кладок и их развалы. Как показали раскопки 1991—1992 гг., аналогичное состояние культурных отложений характерно для всей прибрежной части поселения.

На южном участке, к востоку от помещения II, раскрытого в 1991—1992 гг., прирезано 11 квадратов (36—40, 43, 43 – А, 44, 47, 47 – А,-48). В 25 м к северо – востоку от последнего в квадратах 47, 47 – А, 48 выявлена постройка, ориентированная по оси ССВ—ЮЮЗ с коридором в ЮЗ углу; длина помещения 7,7 м, ширина более 5 м; восточная стенка, уходящая в борт раскопа, осталась нераскрытой. Данное помещение в целом аналогично помещению II: стенки в нижней части состоят из рваных плит, установленных на ребро, в верхней —из двух – трех рядов более мелких плиток, уложенных плашмя. Высота стенок 0,5—0,7 м, они впущены в стерильный песок, перекрывающий погребенную почву, на глубину 0,2—0,3 м. В отличие от помещения II, где полом служил материковый щебенистый суглинок, здесь пол песчаный, т.е. расположен выше уровня погребенной почвы на 0,3 м. Следы глиняной обмазки пола отмечались на отдельных участках, его уровень фиксируется по развалу камня и очагу. К СЗ углу помещения примыкают развалы полуразрушенной,

возможно, хозяйственной постройки площадью 25 м², к ее северной стенке пристроен каменный ящик размером 1,3х0,9 м, второй ящик размером 1,0х0,9 м примыкает к северной стенке «основного» помещения. Ящики служили, по-видимому, кладовыми. Толщина культурного слоя между помещениями на южном участке раскопа составляет 0,2—0,3 м, на основной площади он здесь не раскрыт и вопрос о синхронности построек остается пока открытым.

Находки представлены исключительно сильно фрагментированной лепной керамикой. В основном это обломки грубых сковород и горшков, в том числе с валиками, а также единичные фрагменты кубков и сосудов типа чаш.

Постройки поселения Бай-Кият (планировка, строительные приемы) аналогичны сооружениям поселения Вороновка II в Буго-Днестровском междуречье /Ванчугов, 1990, с. 30 сл./. Совпадения даже в таких мелких деталях, как оформление коридоров, сооружение дополнительных стенок внутри помещений, ящиков — «кладовых» и др. могут свидетельствовать в данном случае не просто о культурных контактах или даже культурном единстве племен, населявших обширные пространства степного Причерноморья, а о непосредственных связях или миграциях отдельных племенных групп.

В заключение хотелось бы отметить, что без изучения узловых памятников финальной бронзы, каким представляется поселение Бай-Кият, невозможно решить проблему формирования этнокультурных общностей начала железного века. К сожалению, скромные объемы финансирования (2 млн.крб.) обусловили незначительные объемы выполненных работ.

С.Г.Колтухов, В.А.Колотухин,
А.Е.Кислый

О РАБОТАХ СЕВЕРО-КРЫМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В 1993 г. раскопки курганов проводились на землях Степного Крыма, отходящих под орошение в соответствии с планами строительства III очереди Северо–Крымского канала. Объем финансирования составлял 12 млн. карб., что не отвечало даже самым минимальным потребностям экспедиции, так как заказчик (Объединенная дирекция по строительству Северо–Крымского канала) в целях экономии распределяемых ею государственных средств, отказалась проиндексировать сумму договора. Тем не менее, ценой огромных усилий полевые исследования были выполнены в полном объеме. Экспедиция работала тремя отрядами, руководимыми С.Г.Колтуховым, В.А.Колотухиным, А.Е.Кислым. Всего, за период с мая по сентябрь, в равнинной части Крымского полуострова был раскопан 21 курган, изучено 108 погребений эпохи бронзы — раннего железного века.

Объекты исследования могут быть районированы следующим образом. В Северо–Крымской низменности раскопано 2 кургана, на Тарханкутской возвышенной равнине — 19 курганов. Курганы низменной равнины можно рассматривать как типично присивашские. Для них характерны основные и впускные погребения позднеямной культуры, большое количество катакомбных захоронений и меньшее число погребений эпохи поздней бронзы и раннего железного века.

Курган у с. Буревестник Нижнегорского района. Распахан, диаметр 30 м, высота 0,7 м. Насыпь сооружена в один прием над основным погребением ямной культуры. Всего под ней обнаружено 8 погребений эпохи бронзы, относящихся к ямной, катакомбной, многоваликовой и срубной культурам. Интересно катакомбное погребение № 8, совершенное в бобовидной погребальной камере. Костяк лежал в вытянутом положении на спине головой на СВ. Во

входном колодце могилы обнаружен череп и кости правой руки человека — очевидно жертвы.

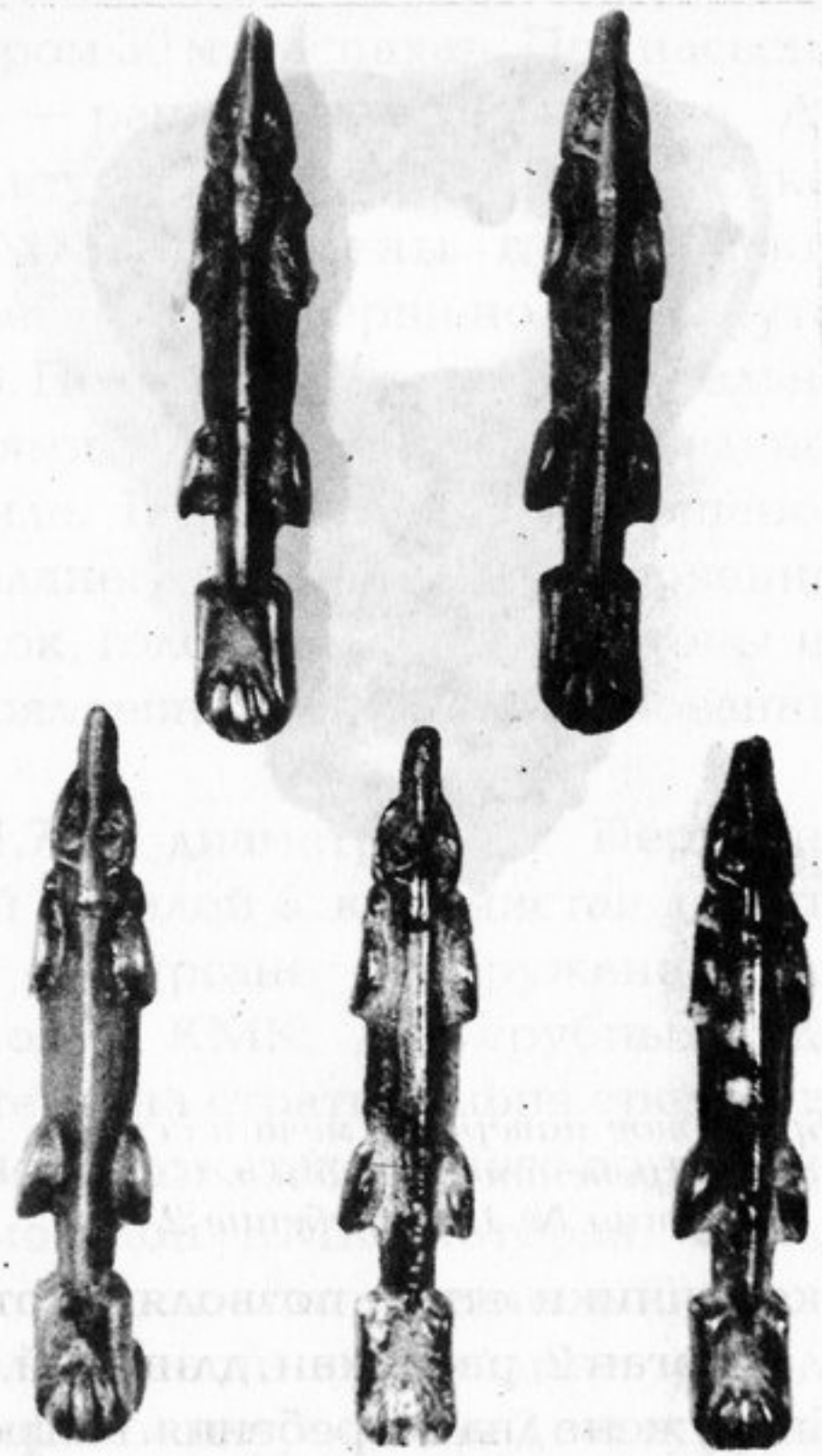
Курган у с. Кропоткино Раздольненского р—на. Распахан, диаметр 45 м, высота 2 м. Насыпан в два приема. Первичная насыпь возведена над основной ямной могилой 1, досыпка сооружена после совершения погребения в ямной могиле 9. Всего в кургане обнаружено 12 погребений. Пять из них относятся к ямной культуре, шесть к катакомбной, одно, разграбленное, может принадлежать ранним кочевникам. Очевидно, с ним связана обильная тризна: многочисленные кости животных, обнаруженные в центральной части насыпи над могилой и обломки лепных и гончарных сосудов на кромлехе к СЗ от центра кургана. К сожалению, в самой могиле, представлявшей собой прямоугольную яму с подбоем, ориен—тированным с востока на запад, найден лишь обломок железной сабли. Наибольший интерес представляет катакомбное погребение № 12, обнаруженное в СВ поле насыпи. Захоронение взрослого и ребенка было совершено в овальной погребальной камере длиной 2,4 м и шириной 1,5 м. Костяки ориентированы на ЮВ. Захоронение ребенка было совершено у СВ стенки погребальной камеры с наклоном на левый бок. Левая рука выпрямлена, правая чуть согнута в локте, ноги слабо подогнуты в коленных и тазобедренных суставах. Взрослый человек был похоронен в ЮЗ части катакомбы на спине, ноги едва подогнуты в коленях, руки выпрямлены вдоль туловища. На черепе ребенка и на тазу взрослого пятна красной охры. У СВ стенки могилы, «в головах» у ребенка были поставлены два лепных орнаментированных горшка. Один из них типичен для позднекатакомбных древностей Крыма, другой, покрытый шнуровым орнаментом из поясков и фестонов, представляется импортным изделием, изготовленным в традициях донецкой катакомбной культуры.

Курганы Тарханкутской возвышенности в массе моложе присивашских. Основные захоронения ямного времени единичны. Чаше всего, курганы возводили над могилами катакомбного и скифского времени, много реже над могилами КМК и срубной культуры. При этом сосредоточение скифских курганных могильников

наблюдается вдоль оз. Донузлав и по направлению от верховьев озера к райцентру Черноморское. Севернее этой зоны скифские захоронения не столь часты.

Курганы у с. Славное Раздольненского р-на находились на северной границе Тарханкутской возвышенной равнины, в 8 км к ЮЗ от Бокальского озера.

Курган 1, распахан, диаметр 40 м, высота 1,5 м. Обнаружено 8 погребений эпохи бронзы — раннего железного века. Пять из них относятся к катакомбной культуре, одно к КМК, одно срубное и одно скифское. Первичная насыпь сооружена над катакомбным погребением 2. Захоронение взрослого человека совершено в овальной погребальной камере с круглым входным колодцем. Тело взрослого человека было положено вытянуто на спине головой на С. Глазницы заполнены глиной, на внешней поверхности заполнения прочерчены линии, имитирующие смеженные веки, нижняя часть носа вылеплена из глины. В затылочной части черепа — крупное круглое отверстие. Теменная и лицевая части покрыты красной охрой. В могиле обнаружены 14 кремневых наконечников стрел, остатки большого лука, терочник, выпрямители стрел, точильные камни, костяные украшения, кремневый наконечник дротика. Очевидно, следом за погребением 2 было совершено катакомбное погребение 8, обнаруженное в восточном поле древнейшей насыпи. В северо-восточной части погребальной камеры

Литые бронзовые украшения упряжи коня из скифского погребения V в.до н.э. Славное, курган № 1, погребение № 2.

Бронзовое навершие меча из скифского погребения V в. до н.э. Славное, курган № 1, погребение 2.

у входного колодца обнаружена груда человеческих костей густо покрытых красной охрой, отдельные части скелета сохраняли анатомический порядок. Глазницы были залеплены комьями глины, на внешней поверхности которых прочерчены линии, изображающие сомкнутые веки. В заполнении круглого входного колодца катакомбы найдены кости быка и овцы. Необходимо отметить, что захоронения с масками в Крыму обнаружены впервые. Скифское погребение 1 ограблено в древности. Однако в ногах костяка сохранился панцирь и оплечья из железных пластин. Отдельные бронзовые наконечники стрел позволяют отнести могилу к V—IV вв. до н.э.

Курган 2, распахан, длинный, высотой 0,5 м, диаметром 34 х 28 м. Обнаружено два погребения. Погребение 1 основное, типично срубное, находилось в ЮВ поле. Захоронение взрослого человека было совершено в каменном ящике. Тело уложено в скорченном положении на левом боку головой на СВ. За черепом стоял лепной сосуд баночной формы.

Погребение 2, скифское, обнаружено в центре кургана. Погребение воина совершено в небольшой катакомбе с перпендикулярно расположенными камерой и дромосом. Тело было уложено в вытянутом положении на спине головой на СЗ. Слева от костяка лежали часть туши лошади и железный нож. У колена левой ноги — бронзовые наконечники стрел. Справа от костяка находились железный наконечник и вток массивного копья и миниатюрный бронзовый либрис с рукоятью длиной 25 см. На тазу и костях левой ноги располагался меч длиной 65 см с бабочковидным перекрестием и волютовидным навершием.

Курган 3, высотой 0,5 м, диаметром 30 м, распахан. Под насыпью обнаружено 5 могил эпохи бронзы — раннего железного века. Две из них относятся к катакомбной культуре, две к КМК, одна скифская. Интересно, что погребения КМК совершены в различных погребальных традициях. Так, погребение 3 совершено в вытянутом положении на спине головой на ЮЗ. Под тазом обнаружена овальная костяная пряжка с двумя отверстиями. Захоронение произведено в узкой и длинной подбойной могиле. Погребение 1 совершено в небольшой катакомбе, овальной в плане. Костяк лежал в скорченном положении с наклоном на левый бок, головой на ЮЮВ. Стопы ног подтянуты к тазу. У правого плеча стоял лепной неорнаментированный горшок.

Курган 4, распахан, высота 1,7 м, диаметр 40 м. Первичная насыпь возведена над катакомбной могилой 5, каменистая досыпка относится к срубному времени. В кургане обнаружено шесть погребений. Одно катакомбное, одно КМК, два срубных, одно скифское, одно не датируется. Интересна стратиграфия трех могил эпохи бронзы. Входной колодец основного катакомбного погребения № 5 был перекрыт подбойной могилой КМК, которая, в свою очередь, была нарушена впускным срубным погребением. При этом срубная могила оказалась расположенной во входном колодце основной катакомбы. Впускное скифское погребение 2 заслуживает особого описания. Оно располагалось в центре кургана, в насыпи на глубине 1,5 м. Контур погребального сооружения не прослежен. Западная часть могилы разрушена грабительским перекопом и шурфом, выкопанным топографами для установки репера. В перекопе найден обломок железного наконечника копья, в шурфе обломки «эгинской» амфоры. Судя по непотревоженным костям и предметам в восточной части могилы, погребение воина было совершено вытянуто на спине головой на запад, под костяком обнаружена подстилка из камки. К югу от костяка, за пределами подстилки и на 5 см выше костей лежали бронзовые украшения конской упряжи: изделие в виде лунницы и 6 фигурок осетровых рыб. Образ рыбы не характерен для собственно скифского звериного стиля. Однако В.А.Кутайсов обратил наше внимание на монеты Керкинитиды, для

которых характерно изображение осетровых уже в V в. до н.э. Возможно, нумизматические находки указывают на путь, по которому изображения осетровых рыб приходят в греко – скифский звериный стиль. Наиболее близкой аналогией нашим находкам являются изображения осетров на налобниках из конских могил кургана Солоха, датируемые в пределах первой половины IV в. до н.э. На ногах костяка, по диагонали от таза к левому колену, был положен железный меч длиной 70 см. Перекрестие бабочковидное, навершие бронзовое, волюты завершаются головками орлов или грифонов. В целом погребение может быть отнесено ко второй четверти V в. до н.э. Интересно сосредоточение скифских захоронений V — IV вв. до н.э. в курганах близ Бокальской косы, в районе, где могла находиться древняя Тамирака.

Четыре кургана раскопаны на землях совхоза "Кировский" Черноморского района. Они расположены на гребне Тарханкутской возвышенности, в 5—7 км к северу от верховий оз. Донузлав. Три из них входили в состав курганной группы, вытянутой цепочкой с запада на восток, один был смещен на 3 км к югу и находился на отроге, ведущем к берегу Донузлава.

Курган 1, распахан, высота 0,8 м, диаметр 40 м. Обнаружено 4 погребения; 2 катакомбных, 1 срубное и 1 скифское, в катакомбе, разрушенное грабителями. Интересно, что первичная насыпь, возведенная над основным катакомбным погребением, была перекрыта прослойкой глины. Досыпка кургана совершена в скифское время, очевидно в IV в. до н.э.

Курган 2, распахан, высотой 0,8 м, диаметром 36 м. Содержал одно погребение КМК, находившееся в ЮВ поле насыпи. Захоронение взрослого человека совершено в небольшой прямоугольной могильной яме с наклоненными внутрь стенками. Костяк лежал в скорченном положении на правом боку головой на СВ. Ноги подогнуты в коленях, правая рука выпрямлена, левая чуть согнута в локте, ее кисть на тазе. У стенки могилы перед костяком был найден дисковидный терочник.

Курган 4, распахан, высотой 0,5 м диаметром 36 м. Обнаружено два погребения, основное катакомбное и впускное скифское,

последнее полностью разграблено. Основное захоронение совершено в катакомбной могиле с овальной камерой и круглым входным колодцем. Костяк взрослого человека лежал вытянуто, на спине, головой на СЗЗ. На черепе пятна охры. Кисть правой руки в лепной орнаментированной миске. Слева от костяка стояла еще одна миска без орнамента.

Курган 3 расположен в стороне от основной группы. Распахан, высота 1,0 м, диаметр 38 м. Обнаружено четыре погребения: основное ямное, два катакомбных, одно эпохи бронзы.

Курганы у с. Красноярское находились в верховьях оз. Донузлав, в 3—4 км к северу от него. Располагались двумя компактными группами: западная из 7 курганов, восточная — из 4. Курганы были расположены цепочками по отрогам Тарханкутской возвышенности, спускающимися с севера к берегу Донузлава. В процессе раскопок курганы западной группы получили № 1—7, восточной — 8—11.

Курган 1, распахан, высотой 0,8 м, диаметром 23 м. В центре насыпи обнаружены плиты от полностью разрушенного распашкой каменного ящика IV—III вв. до н.э. В верхнем слое насыпи найдены остатки тризны — фрагменты античных амфор.

Курган 2 распахан, высота 1,3 м, диаметр 18 м. Насыпь опоясана кромлехом, сооруженным в скифское время. Обнаружено 6 погребений: ямное, катакомбное, КМК, два срубных, одно скифское. Захоронение скифского времени совершено в каменной гробнице ладьевидной формы, перекрытой известняковыми плитами. Нижняя часть кладки стен выполнена из уплощенных плит, поставленных на ребро, верхняя из мелких плитчатых обломков, уложенных в постелистой системе. Погребение взрослого человека было совершено в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗ. Инвентарь — железный нож и бронзовые наконечники стрел позволяют отнести могилу к IV—III вв. до н.э.

Курган 3 распахан. Высота 0,5 м, диаметр 14 м, насыпь укреплена каменной наброской. В центре кургана находилось скифское захоронение в каменном ящике, размером 2,2х1,2 м. Стенки могилы были сооружены из плит различного размера. Перекрытие уничтожено при ограблении. Дно вымощено известняковой плиткой.

В заполнении обнаружены обломки человеческих костей, фрагменты железного ножа, стеклянная бусина.

Курган 4, распахан. Высота 1 м, диаметр 28 м. Насыпь была укреплена каменной наброской. Обнаружено 11 погребений — 4 катакомбных, 4 срубных, 1 скифское, 2 могилы не датируются. Основным в кургане было катакомбное погребение в бобовидной камере. Захоронение взрослого человека было совершено в скорченном положении на правом боку, головой на юг. Остальные катакомбные захоронения совершены в вытянутом положении, что совпадает с многократно прослеженным развитием катакомбного обряда от более древнего к более позднему. Срубные погребения совершены как в каменном ящике, так и в грунтовых могилах. Известно, что на территории Северо – Западного Крыма погребения КМК также встречаются и в каменных ящиках и в грунтовых могилах, что заставляет думать о сложных связях и взаимовлиянии двух культур. Скифское погребение было совершено в вытянутом положении, головой на ЮЗЗ, в грунтовой могиле под каменным закладом.

Курган 5, распахан. Высота 0,4 м, диаметр 20 м. Вероятно, под насыпью находилась прямоугольная каменная вымостка размером 5,5 х 3,5 м, ориентированная с севера на юг. Под ней остатки 3 скифских погребений. Лучше всего сохранилось погребение 3, совершенное в овальной могильной яме головой на запад. Инвентарь — бронзовые наконечники стрел IV — III вв. до н.э. Рядом с костями овцы, находившимися в могиле в качестве жертвенной пищи, лежал железный нож.

Курган 6, распахан. Высота 0,5 м, диаметр 19 м. Под насыпью обнаружены остатки круглой каменной площадки, в центре которой находился каменный слеп, возведенный из известняковых, хорошо обработанных плит. К сожалению, он разрушен до основания при выборке камня и последующей распашке. Судя по обломкам эллинистических амфор из насыпи, курган был сооружен в IV — III вв. до н.э.

Курган 7, распахан. Высота 1,0 м, диаметр 30 м. Аналогичен кургану 6. Однако здесь склеп был окружен кромлехом из массивных

известняковых плит. Его ширина 2,5 м, высота 1 м. В насыпи обломки амформ IV — III вв. до н.э.

Курган 8, распахан. Длинный, высота 0,4 м, вытянут с севера на юг, диаметр 26 х 17 м. Насыпь укреплена прямоугольной каменной обкладкой размером 18 х 13 м. Основное погребение катакомбного времени. Единственное впускное, представляет собой грунтовую могилу с захоронением скифского воина, совершенным в вытянутом положении на спине, головой на запад. Инвентарь — амфора, чернолаковый кувшин, стрелы, наконечник копья, железные ножи, шило. Могила датируется IV в. до н.э.

Курган 9, распахан. Высота 1,5 м, диаметр 32 м. Под насыпью два скифских погребения. Кенотаф в грунтовой яме и остатки каменного склепа. Последний находился в центре кургана, его окружала прямоугольная каменная крепида размером 8 х 8 м и кромлех диаметром 19 м, возведенный из плоских плит, поставленных на ребро. Склеп разрушен при выборке камня, однако в нескольких случаях были прослежены остатки его стен, трехслойных в вертикальном поперечном сечении, с панцирями из известняковых плит и забутовкой из мелкого камня. Судя по фрагментам амфор из насыпи, курган может быть отнесен к IV — III вв. до н.э.

Курган 10, распахан. Высота 0,5 м, диаметр 15 м. Под насыпью обнаружены остатки каменного склепа и кромлеха. Скорее всего курган был сооружен в скифское время.

Курган 11, распахан. Высота 2,5 м, диаметр 40 м. Представляет собой сложное погребальное сооружение энеолита — раннего железного века. Обнаружено 27 погребений: 7 ямных, 6 катакомбных, 5 срубных, 6 эпохи бронзы, 1 скифское, 2 не датируются. Древнейшее ямное погребение выполнено в прямоугольной могильной яме размером 2,0 м х 1,5 м, с расширяющимися вниз стенками. Захоронение взрослого человека было совершено в скорченном положении на спине, головой на СВВ. Инвентарь: бронзовый нож, фрагмент каменного топора, ножевидная пластина, кремневый скребок. Погребальное сооружение окружала крепида из прямоугольных хорошо обработанных известняковых плит, поставленных на ребро. Ограда прямоугольная в плане, стенки

прямые или слегка дуговидные, сооружение, в целом, ориентировано сторонами по странам света. Среди катакомбных погребений встречаются ранние со скорченным трупоположением и более поздние с трупоположением в вытянутой позе. Среди срубных могил представляет интерес погребальное сооружение в виде овальной в плане гробницы, стенки которой сложены в постелистой системе из плитчатых обломков известняка. Перекрытие из известняковых плит. Подобное каменное сооружение нами встречено впервые. Можно предположить, что здесь повторены форма, размеры и пропорции небольших подвальных грунтовых могил срубного времени, хорошо известных в крымской степи. Захоронение скифского воина совершено в более длинной, но аналогичной по конструкции могиле. Некрупный человек был похоронен в вытянутом положении на спине, головой на запад. Слева от костяка находилось скопление бронзовых наконечников стрел IV — III вв. до н.э., справа у плеча лежали железные наконечники двух дротиков.

Раскопки курганов близ с. Красноярское указывают на то, что в верховьях оз. Донузлав, где в эпоху бронзы существовали лишь небольшие группы курганов, в IV — III вв. до н.э. появились обширные курганные могильники, принадлежавшие рядовому скифскому населению. Очевидно, значительная часть степного населения Крымской Скифии в IV — первых десятилетиях III вв. до н.э. тяготела к северо – западному побережью полуострова, занятому греческими поселенцами.

Считаем своим профессиональным долгом поделиться с коллегами и сотрудниками государственных органов охраны памятников еще одним чрезвычайным наблюдением. Изучение картографических материалов, предпринятое сотрудниками экспедиции в 1993 г., показало, что высота курганов, расположенных на пахотных землях Степного Крыма, за последние 20—30 лет уменьшилась на 50—70 см. Если не будет предпринято экстренных мер, большая часть крымских курганов будет уничтожена в обозримом будущем.

М.Г.Крамаровский

ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО СОЛХАТА

Золотоордынская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа вела работы на двух объектах средневекового городища: безымянном мавзолее и так называемом «қараван – сарае».

Мавзолей обнаружен на холме Кемаль – ата в северо – западном секторе городища в 1991 г. Здание сохранилось на уровне нижних кладок и состояло из двух помещений: южного размером 9,0 х 5,0 м и северного размером 10,7 х 10,7 м; общая площадь сооружения по внешнему контуру около 159,5 м^2 (соответственно, полезная площадь южного помещения 18 м^2 (4,0х4,5), северного —около 36 м^2 (6,0х5,9 м). Помещение на уровне пола центрального зала (сев. компартимент) разделяла глухая перемычка толщиной 2,5 м; толщина стен около 2,5 м характерна для всего северного помещения, в то время, когда стены южного имели разную толщину: западная — 2,35 м, восточная — 2,15 м, южная — 1,1 м. Стены сооружены из крупных блоков известняка методом панцирной кладки на известковом растворе (за исключением южной стены).

Под полом северного зала мавзолея (отметка — 2,56/2,68 м от 0) расчищена погребальная камера 4,5 х 4,5 м с отметкой пола —3,4/ 3,43 м от 0; ее дно выстлано плоским кирпичом. Вход в погребальную камеру осуществлялся через специальный проем в восточной стене северного помещения; учитывая толщину стен и выкладку камней на уровне материка, предшествующую входу, можно считать, что в погребальную камеру вел коридор длиной в 4,8 м и шириной 1,25 м.

На полу погребальной камеры обнаружено множество костных остатков погребенных, располагавшихся крайне неравномерно на площади более 20 м^2; всего здесь обнаружено не менее 14 костяков, ни один из них не сохранился в анатомическом порядке. Часть костных остатков расчищена в коридоре восточного прохода. Места скопления остатков выделялись пятнами органического тлена с остатками гробовищ (куски дерева, фрагменты алебастровой обмазки,

гвозди). В геометрическом центре камеры обнаружен хорошо отесанный блок известняка размером 0,8 х 0,2 х 0,2 м, ориентированный по оси С—Ю. Только в заполнении северного помещения найдены фрагменты поливных изразцов с полихромной росписью под глазурью и легким рельефом. Эта группа изразцов выполнена в кашине и находит аналогии в золотоордынском материале Поволжья XIII— XIV вв. Фрагменты изразцов с бирюзовой поливой и наполнителем из хорошо обожженной красной глины обнаружены по всему раскопу и за его пределами, что, вероятно, указывает на их исполнение в декоре экстерьера, предположительно, купола мавзолея.

Строительство мавзолея велось в три этапа. К первому относится закладка фундаментов и возведение основных стен; на втором этапе между восточным и западным пилонами была встроена южная стена, замкнувшая пространство южного компартимента (стена сложена на глине без перевязки с пилонами и промазана известковым раствором снаружи). На третьем этапе к «ложной» стенке южного «помещения» приставлено парадное крыльцо с площадкой в 3 м^2, к которому вело пять ступеней.

Для датировки мавзолея помимо стратиграфических наблюдений, изразцов XIII—XIV вв. важны монетные находки — три золотоордынских пула. Наиболее важна монета, обнаруженная на полу коридора, ведущего в погребальную камеру: она чеканена в городе Крым, без даты, но по типу относится к монетам 2—й половины XIV в. (определение М.Б.Северовой). Можно предположить, что мавзолей построен около середины XIV в. и в 1346/47 гг., когда в городе свирепствовала чумная пандемия, мавзолей стал последним прибежищем для наиболее почтенных граждан мусульманской общины.

Сопоставим по плану мавзолей, исследованный нами в 1991—1993 гг., с памятником, обнаруженным экспедицией в 1978 г. и раскопанным в 1985 г. (Крамаровский, 1987, С. 131, 132). Мавзолей датируется монетами Баязда I и Тохтамыша временем начала XV в. Обращает на себя внимание находка замкового камня из арочной конструкции, вероятно, принадлежавшая портальной части мавзолея. В прямоугольном картуше размером 22 х 11,5 м на лицевой стороне

камня высечена двухстрочная надпись: «Махмуд ибн Осман аль–Ирбили» (чтение А.А.Иванова). Не исключено, что Махмуд ибн Осман — строитель (в значении «ме'мар» или «бенна», т.е. «архитектор–практик») этого сооружения.

Оба памятника принадлежат одному типу однокупольных мавзолеев, упрощенно повторяющих структуру среднеазиатских позднесредневековых усыпальниц. Сравнение солхатских мавзолеев с мавзолеем XV в. дочери Тохтамыша на Чуфут–Кале показывает, что за пределы Восточного Крыма золотоордынская традиция строительства однокупольных мавзолеев не перешагнула: чуфут–калинское дюрбе повторяет тип малоазийских.

В 1993 г. нами продолжены работы на объекте XII у южной стены «караван–сарая». В сезонах 1991—1992 гг. здесь открыта стекольная мастерская. Общая площадь раскопа более 120 м^2; площадь мастерской — около 25 м^2. Ее основу составили два горна. Горн 1 — сохранилась только топочная камера — сложен из двух рядов крупных блоков известняка со следами прокала. Блоки хорошо пригнаны между собой. Цокольная часть горна врыта в предматерик; размеры цоколя 1,6—2,15 х 2,20х2,40 м; толщина кладки 0,4 м. Южное крыло пода сильно пережжено и разрушено при строительстве южной стены «караван–сарая». Внутренний диаметр топочной камеры 1,05 м. Внешний — 1,47 м. Горн сохранился на высоту 0,8 м. Устье топочной камеры ориентировано на ЮЮЗ в сторону припечной ямы, впущенной в материк. Ее края укреплены камнями и отмечены следами золы. Печь 2 отличается прежде всего степенью сохранности. Сооруженная выше печи 1, она сильно пострадала при возведении фундамента южной стены «караван–сарая». По сути, сохранился лишь цоколь печи. Вместе с тем, кроме ряда поставленных на ребро крупных камней, отделявших ее от припечной ямы и чуть приподнявших под, в конструкции печи 2 совсем не использованы хорошо оттесанные или просто крупные камни. Контуры внутреннего объема и утолщенная задняя стенка печи сложены из мелких камней и скреплены раствором глины. Под не имел явно выраженной обмазки, обнаруживая себя как прокал постепенно светлеющего слоя глины. Кладка сохранившейся части печи дошла в виде 2—3

рядов камней на высоту 30—42 см; длина печи — 2,30 м; ширина — 1,5 м; диаметр пода — 1,10 м.

Границы мастерской отмечены столбовыми ямками; навес перекрывал площадь над центральным участком размером 4,6 х 4,8 м.

Монеты, найденные при расчистке горна 1 и припечной ямы, сохранились плохо, но уцелевшие относятся ко времени первой половины правления хана Узбека (20—е гг. XIV в.).

В сезоне 1990 г. на участке, примыкающем к центральной части мастерской, обнаружено четыре пифоса, поставленных в ряд с запада на восток с интервалом в 20—40 см. Параллельно к ним располагался второй ряд из двух сосудов в трех метрах к западу. Еще один пифос найден рядом с печью 2. За этим пифосом в сезоне 1992 г. последовало еще 2. Сосуды вкопаны в темный гумусный слой и присыпаны слоем глины до уровня венчиков. Эта подсыпка помогает восстановить границы мастерской. Третий ряд сосудов мастерской представлен тремя пифосами и амфорой.

Среди находок с пола мастерской выделяются фрагменты ошлакованного стекла. Особенно много таких фрагментов в центральной и северо—западной частях мастерской. В этом же слое найдены костяные поделки и шахматная пешка. Из керамических находок припольного слоя отметим фрагмент поливного сосуда с изображением птицы, два донца с греческими монограммами, фрагменты кашинной керамики.

У западной стенки мастерской обнаружена одна из самых богатых по заполнению культурными остатками яма. Здесь, кроме 7 монет (не определены), обнаружены крышка медного сосуда, фрагменты зеркала, пряжка, обломки стекла, 2 кухонных круглодонных сосуда, сфероконус, светильник. Предварительно комплекс хозяйственной ямы может быть датирован серединой XIV в. Обращает на себя внимание нетривиальная находка подвески из смальты (?) с изображением филина, которое дано невысоким рельефом и напоминает птицу стеклянного медальона из Солдайи, обнаруженного при раскопках дома XIV—XV вв. /Фронджуло, 1974, с. 144, рис. 7/.

В.А.Кутайсов, В.И.Павленков

РАСКОПКИ КЕРКИНИТИДЫ

Западно–Крымская экспедиция ИА АН Украины продолжала археологические исследования античного города Керкинитида в Евпатории.Раскопки проводились в северо–западном углу всхолмления, которым обозначен в современном ландшафте древний памятник. Их окончательная цель — раскрытие соответствующего оборонительного узла укрепления, выяснение стратиграфии и хронологии культурных напластований этой никогда ранее не изучаемой части городища. Работы были затруднены тем, что они выполнялись на территории действующего санатория им. В.И.Ленина (бывшей «Приморской санатории» Н.Д.Лосева), а конфигурация и размеры раскопа — 6,0 х 5,5 м — были изначально заданы существующими ныне парковыми насаждениями и сооружениями. Его западная часть (на площади 15 м^2) была доведена до уровня грунтовых вод и несколько ниже последних, то есть до глубины чуть более 4 м от современной поверхности; северный угол — 1,20 м, восточный — 0,50—0,60 м.

Как выяснилось в ходе работ, нашими исследованиями мы затронули отложения, расположенные за пределами первоначальных крепостных сооружений Керкинитиды. Причем тут на отметке минус 3,82 м, как и в юго–восточном районе памятника, был открыт слой стерильного морского песка, подстилающего свиту культурных наслоений античного города /Кутайсов, 1988/. Этот песчаный пласт имел слабый наклон к северо–западу, где он опускался ниже водоносного горизонта. Он, по всей видимости, представлял собой обращенный в противоположную от уреза моря сторону край берегового бара.

На данном участке прибрежного вала, как, впрочем, и на других, на протяжении 60—70 лет V в.до н.э. стали накапливаться различные продукты повседневной жизнедеятельности населения апойкии. Иначе говоря, сразу за крепостными стенами возникла городская свалка, приобретающая со временем вид холмистой насыпи, общей

мощностью от 1,10 до 1,40—1,50 м, с понижающимися по сторонам краями. Она преимущественно состояла из чередующихся темных (с различными оттенками) отложений древесных углей и золы, светло-желтых прослоек суглинка (переотложенный продукт разрушения сырцовых стен), серой по цвету супеси и песка. Все это содержало в себе большое количество битой посуды, костей животных, фрагменты саманной обмазки печей и очагов и прочего бытового мусора. В отдельных местах наслоения были расчленены линзами абсолютно чистого песка; в одном случае последняя достигала 0,60 м толщины. Во всем массиве данного зольника нами выделено 6—7 основных слоев, которые отчетливо просматриваются во всех полученных нами стратиграфических разрезах.

Нижний слой зольника 7 относится ко времени не позднее второй четверти—середины V в.до н.э.; слои 6—5 — ко второй—третьей четвертям, 4 — последней четверти V столетия, и, наконец, слои 1—2 — к рубежу V—IV вв.до н.э. Для определения его верхней границы принципиальное значение имеет тот факт, что в самых поздних наслоениях свалки полностью отсутствовали ранние гераклейские клейма и характерные для начала IV в.до н.э. формы аттической посуды, которыми буквально в изобилии и насыщены соответствующие отложения Керкинитиды (правда, отдельные находки гераклейской нештампованной тары тут отмечены, что не позволяет отодвигать время прекращения функционирования свалки далее самого конца V столетия).

В данной мусорной куче был обнаружен традиционный для раннеклассической эпохи материал: хиосские позднепухлогорлые амфоры и сосуды с прямым горлом, лесбосские, протофасосские, самосские амфоры; ионийская «полосатая» и аттическая посуда. Тут встречена и лепная керамика скифских и кизил—кобинских типов. Особый интерес представляет находка на границе зольника и подстилающего его песка верхней части аттического килика с чернофигурной росписью в виде фриза, состоящего из двух рядов листьев плюща. По своим аналогам наш образец, вероятно, относится приблизительно к 550 г. до н.э., то есть ко времени очень близкому основанию апойкии. Отметим также обнаруженную в слое 6 медную

литую монету – рыбку Керкинитиды /Кутайсов, 1991/, а на его поверхности головную часть ольвийского дельфинчика.

Так называемый зольник, по всей видимости, появился тут сразу после возведения наиболее ранних крепостных сооружений Керкинитиды, которые по стратиграфическим наблюдениям на противоположной юго – восточной окраине памятника, относились нами к самому концу первой трети V в.до н.э., где – то в пределах 470—460 гг. до н.э. / Кутайсов, 1990; 1992/. Судя по профилю раскапываемого мусорного всхолмления, совсем рядом, видимо, находится какой – то проем в крепостной стене: ворота или вылазная калитка (?).

Свалка существовала, как уже сказано, до рубежа V—IV вв.до н.э., когда ее поверхность была снивелирована почти до горизонтального уровня. Это могло произойти уже после того, как вся эта территория оказалась в городской черте, где накопление отходов, как известно, не практиковалось. Следовательно, вторая линия обороны Керкинитиды была вынесена на описываемом участке немного юго – западней раскопа 1993 г. Такая ситуация удивительным образом совпадает с теми наблюдениями, которые были сделаны на юго – восточной стороне городища в процессе раскопок 1980—1987 гг., что само по себе может говорить о правильности предложенной одним из авторов схемы про – странственного развития Керкинитиды; коррективы же в подобных построениях не только неизбежны, но и крайне необходимы.

На выровненной поверхности зольника была возведена какая – то постройка, о существовании которой свидетельствует так называемое раскрытое на протяжении 2,7 м песчаное основание. Оно представляет собой траншею, шириной 0,45 м и глубиной 0,20 м, заполненную чистым песком и ориентированную в полном соответствии с планировочной сетью городской застройки эллинского памятника. От наземной части кладки не сохранилось ни одного камня. Как было установлено в предыдущие годы изучения городища, такие заменяющие каменные фундаменты приспособления получили особенно широкое распространение на рубеже именно V—IV вв. до н.э. Не будет большим преувеличением предположить, что раскрытое

нами песчаное основание было, скорее всего, параллельно близлежащей западной крепостной стене второй хронологической линии обороны города.

В южном углу раскопа была зачищена нижняя часть колоколовидной хозяйственной ямы, сохранившейся к моменту наших работ на глубину не более 0,65—0,70 м. Она была заполнена в нижней части золой, в остальной — сырцовым развалом вперемешку с золой. В ней была найдена ручка книдской амфоры с прямоугольным клеймом магистрата Аристоклея и эмблемой «кадуцей». Остальная амфорная коллекция представлена обломками широко распространенной во второй половине II в.до н.э. синопской тары с коническими слабо крученными ножками и слегка приплюснутыми венчиками, а также фрагментами родосских сосудов. За исключением небольшого слоя, перекрывающего яму, вышележащие наслоения (до 2 м толщины) являлись балластом текущего столетия, который нам пришлось разбирать вручную.

В 1970 г. на расстоянии 70—90 м к северо — западу от раскопа, в траншее вдоль Дувановской улицы (бывшей Свердлова), был собран значительный керамический материал IV—III вв. до н.э., хранящийся ныне в Евпаторийском краеведческом музее. А еще несколько далее в том же направлении, на расстоянии 30—50 м по Санаторской улице, в 1985 г. экспедицией были раскрыты строительные остатки V—III вв.до н.э.

Вероятно, близлежащая к крепостным стенам территория была активно использована не только в хозяйственных целях, но и на определенном от них расстоянии имела наземную застройку, характер которой еще предстоит выяснить.

Таким образом, несмотря на самые скромные масштабы наших работ, они показали перспективность дальнейшего изучения этой части памятника и вполне реальную возможность открытия здесь в процессе дальнейших раскопок наиболее важных для понимания всей системы обороны Керкинитиды фортификационных элементов.

В.А.Кутайсов, В.Б.Уженцев

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЛОС ЛИМЕНА

Черноморский отряд Западно – Крымской экспедиции КФ ИА НАН Украины продолжал изучение античного города Калос Лимена, расположенного в пгт. Черноморское. Работы шестого по счету полевого сезона затронули в основном, юго – западный угол памятника, где раскапывались руины фортификационных сооружений и плотной жилой застройки эллинистической цитадели. Ее площадь, считая выдвинутые в напольную сторону башни, превышала 3000 м^2.

В процессе исследований полностью докопано одно из помещений (20), входившее в блок так называемых «казарм», пристроенных к внутреннему панцирю северной куртины цитадели. Вскрыто несколько уровней полов, насчитывающих по 6 — 11 глинистых подмазок, разделенных микропрослойками темной золы. У юго – восточного угла выявлен дверной проем, от которого с улицы внутрь комнаты вела грубо выполненная лестница из четырех ступеней, сложенная из необработанных известняковых плит высотой по 0,2 м. Ее устройство было вызвано постоянным повышением уровня проезжей части улицы 1 относительно поверхностей самого помещения, привратившегося со временем в полуподвал.

Как показали стратиграфические наблюдения, при строительстве северной стены углового укрепления оказались прорезанными до уровня скалы напластования IV — III вв. до н.э., а сложенные, за исключением южной внешней ограды, в иррегулярной постелистой технике кладки «казарм» перекрыли засыпь траншеи под фундамент куртины.

При расширении раскопа в северном направлении, за территорией цитадели, удалось раскрыть плохо сохранившуюся полуземлянку 14 овальной в плане формы. Она достигала диаметра 2,3 — 2,7 м, при глубине котлована 0,6 м. По ее внутреннему периметру располагалась лежанка – приступка, укрепленная с

внешней стороны поставленными на ребро плоскими известняковыми плитами. В золистой засыпи, над глинистым полом постройки, встречены материалы конца II — I вв. до н.э.

Наиболее масштабными были работы на участке, расположенном в нескольких метрах к югу от современного маяка. В отчетном сезоне (втором по счету в этой части крепости) проводилось исследование отдельных узловых участков и поверхностей крупной башни 4 размерами 10,2 х 9,8 м, прикрывавшей юго — восточный угол цитадели, а также изучались примыкающие к ней куртины и синхронные им культурные напластования как внутри населенного пункта, так и за его пределами. На данном объекте получены материалы, которые изменили наши представления о хронологии и градостроительной истории Калос Лимена.

Так, впервые за несколько лет раскрыты остатки строений, предшествовавших оборонительным стенам Прекрасной Гавани. Пока не ясно, принадлежат ли они отдельно стоявшей усадьбе, открытому поселению или небольшому форту, подобному исследованному на Панском 1. В пользу последнего, казалось бы, говорят вторично использованные рустованные блоки, встреченные в постройках середины — последней трети IV в. до н.э. Предварительно сам ранний комплекс, планировка которого пока не поддается восстановлению, датирован первой половиной IV в. до н.э., хотя в перекрывших его слоях в переотложенном состоянии попадаются единичные керамические находки конца V в. до н.э., представленные обломками лесбосских и протофасосских амфор.

Наиболее полно раскопано лишь одно, относящееся к постройке, помещение (9), квадратное в плане, площадью около 25 м^2 со сложенным из плоских плит очагом в центре. Аналогичные комнаты по материалам раскопок Керкинитиды были нами интерпретированы как ойкосы /Кутайсов, 1990/. Ограничивающие его стены сложены в иррегулярной постелистой технике из разнокалиберного бута с применением отдельных поставленных орфостатно плит. Внутренние фасады кладок имели мергелевую обмазку. По внешнему периметру названной комнаты располагалось еще несколько помещений, пока не исследованных, а к северу от нее частично раскрыт прямоугольный

котлован (подвал или цистерна) шириной 2,5 — 2,7 м и длиной около 5 м. Он целиком вырублен в скальном массиве на глубину свыше 2,6 м. В середине IV в. до н.э. описываемый комплекс оказался сильно перестроенным. В отдельных случаях можно говорить об изменении функционального назначения отдельных помещений. Обращают на себя внимание многочисленные монеты Херсонеса, происходящие с верхних полов строения и представленные мелкими номиналами середины IV в. до н.э. типа: букраний — рыбы, палица; голова льва — шестилучевая звезда. Там же обнаружена средняя часть крупной протомы Коры — Персефоны, или Деметры. Не связана ли упомянутая выше перестройка здания с подчинением данного населенного пункта Херсонесу (если изначально он не был связан с дорийской колонизацией)?

Судя по материалам из слоя разложившегося сырца с каменными завалами над позднейшими поверхностями этого объекта, он был полностью снивелирован в последней трети IV в. до н.э. Из находок в верхней части слоя разрушения можно выделить херсонесское клеймо астинома Гераклея, а также монету того же центра типа "Дева" в квадриге — коленопреклоненный воин. В прошлом полевом сезоне в описываемом горизонте было обнаружено херсонесское клеймо астинома Ксанфа, той же хронологической подгруппы, что и упомянутое ранее (Гр. 1Б по В.И.Кацу).

Окончательное разрушение здания, вне всякого сомнения, связано со строительством южной куртины Прекрасной Гавани.

Причем необходимо отметить несколько различную ориентировку осей оборонительных сооружений и жилой застройки Калос Лимена и предшествовавшего ему жилищно — хозяйственного комплекса.

Удалось выяснить характер нижней кладки городской стены, толщиной до 1,10 — 1,20 м. Ее внешний панцирь состоял из фундамента, сложенного из разнокалиберного бута. Его перекрывал цоколь высотой 15 — 25 см, выступавший на 10 — 15 см за основную линию куртины. Над ним залегал ряд блоков из хорошо выквадрованного известняка, высотой 0,3 — 0,325 м, длиной до 0,4 — 0,7 м и шириной до 0,3 — 0,5 м. Остальные верхние ряды имели

разную высоту и были сложены из разнокалиберных обработанных камней, уложенных по большей части в регулярной (но не везде соблюдаемой) постелистой технике. Внутренний панцирь выложен из подтесанных плит, многие из которых установлены орфостатно, тип кладки иррегулярный. На расстоянии 7 м к западу от вылазной калитки у башни 4, в северном фасе куртины, хорошо фиксируется заложенная ниша или потерна шириной 1,2 м.

К внешнему панцирю оборонительной стены примыкало небольшое строение шириной 2,5 м, при толщине его стен, сложенных из подработанного с лицевой стороны бута на глине, около 0,45 — 0,5 м. В этом году полностью раскрыто лишь одно входившее в него помещение (6) прямоугольной формы, площадью 7,5 м². С его верхнего пола, частично мощенного битой керамикой, а также с примыкающей с юга к его внешней стене золистой поверхности и из перекрывшего их слоя сырца получен материал второй половины III в. до н.э. Наиболее поздними находками являются родосские клейма третьей хронологической группы. Руины описываемого помещения перекрыл противотаранный пояс куртины, сложенный из разнокалиберных камней и блоков. Он достигал в основании ширины 0,85 — 0,9 м и ступенчато сужался кверху (четвертый ряд уже первого на 15 — 25 см). Максимальная сохранившаяся высота пояса —1,6 м. С синхронной ему золистой прослойки происходит родосское клеймо, датируемое 220—180 гг. до н.э. Вероятно, утолщение оборонительной стены до 2,0 — 2,15 м на данном участке произошло в последней трети III в. до н.э.

Немного позднее упомянутый отрезок внешних фортификационных сооружений Прекрасного Порта оказался включенным в систему обороны эллинистической цитадели. При возведении угловой башни (4) часть куртины разобрали до уровня первого ряда, а траншейные фундаменты этого самого крупного строения прорезали ранние напластования на глубину 0,5 м и были частично впущены в материк. С нижних полов здания, прокопанных во внутренних помещениях 1—3, получен немногочисленный материал второй половины III — первой трети II вв. до н.э. По всей видимости, строительство этого объекта произошло на рубеже III — II или в

начале II в. до н.э. Наиболее интересными находками являются обломок херсонесской терракоты, изображающий Афродиту в раковине с Эротом, держащим ей зеркало, а также крупное известняковое ядро от баллисты. Еще один небольшой снаряд от камнемета встречен в слоях последней четверти III в. до н.э. к востоку от башни.

Во второй четверти II в. до н.э. описываемое угловое сооружение, занимавшее доминирующее положение в цитадели, оказалось обнесенным по внешнему периметру сужающимся кверху коническим противотаранным поясом. Его рустованные блоки скреплялись между собой пиронами типа «ласточкин хвост». Данный пояс достигал в основании толщины 1,8 — 2,0 м, при реконструируемой высоте 2,5 м (максимальная сохранившаяся высота, считая траншейный фундамент — 1,85 — 1,9 м). Его восточная грань у самого юго — восточного угла на высоте 0,8 м над синхронной ему поверхностью, прорезанной хозяйственными ямами, была частично повреждена. Нельзя исключать того, что перед нами следы использования осадной техники (скорее всего тарана) во время осады Прекрасного Порта войсками Диофанта или чуть ранее скифами.

В нескольких метрах южнее башни 4 исследовалась землянка 13 круглой в плане формы диаметром 3 м, впущенная в напластования зольника II — I вв. до н.э. на глубину 0,95 м. По её внутреннему периметру располагалась лежанка шириной 0,4—0,45 м, при высоте в среднем 0,3 м, укрепленная с внешней стороны плоскими известняковыми плитами. Борта землянки, так же как и ступенька — приступка, имели обмазку из слоя чистой глины толщиной до нескольких сантиметров. В золистом заполнении строения найден немногочисленный материал, позволяющий датировать его I в. до н.э.

Как показывают керамические находки и стратиграфические наблюдения, около второй половины I в. до н.э. — первой половины I в.н.э. перед башней 4 и южной городской стеной с напольной стороны был вырыт ров. Его ширина вверху достигала 2,5 м, а по дну — 0,8 м. В верхней части он имел обкладку из разнокалиберного постелистого бута. Нельзя не отметить, что ров аналогичной ширины

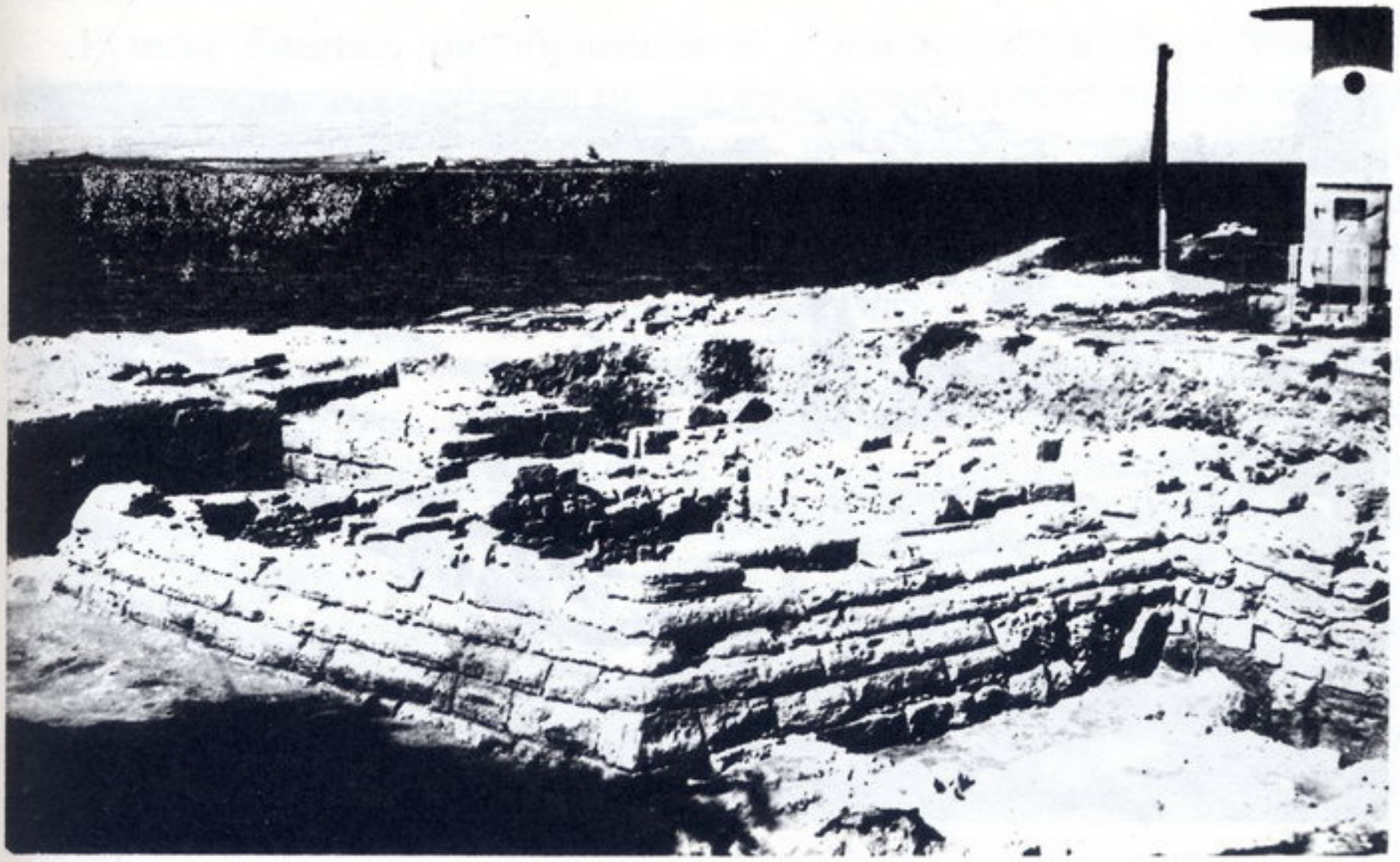
и глубиной около 1,5 м раскрыт перед северной куртиной цитадели. Вполне возможно, что он был вырыт одновременно с упомянутым выше, внешним, следы которого фиксируются и с восточной стороны городища.

В I в.н.э. (скорее всего второй половине столетия) башня 4, остатки которой возвышались над окружающей местностью на значительную высоту, оказалась по внешнему периметру укреплена дополнительным, вторым по счету, не считая самих стен строения, поясом. Он сложен из крупных камней и блоков, выломанных из эллинистических зданий. По существу, башня с тремя поясами стен превратилась в мощный бастион, размерами 13 х 18 м. В забутовке его внешних кладок обнаружены многочисленные обломки узкогорлых светлоглиняных амфор варианта «А», фрагменты широкогорлых тарных сосудов аналогичной глины, с двуствольными и гребнеобразными ручками. Встречены профильные части розовоглиняных светлоангобированных амфор с воронковидными горлами и небольшими коническими ножками.

Одновременно с сооружением «бастиона», в 5 м восточнее него возводится еще одно здание, выдвинутое в напольную сторону на 8 м. Пока раскрыта лишь его западная стена, в кладке которой использовались крупные камни, уложенные на грязевом растворе в иррегулярной технике. Толщина этой ограды в отдельных местах достигает 1,1 — 1,25 м. Вполне возможно, что она принадлежит к еще одному объекту оборонительного назначения.

Изнутри к руинам греческой крепостной стены и «бастиону» примыкали жилые строения, из которых раскрыто лишь одно хозяйственное помещение — II. В его глинистом полу был вырыт погреб (прямоугольный котлован) глубиной свыше 1 м и площадью 5 м^2. Его нижняя часть заглублена в скальный грунт на 0,25 —0,3 м. Вероятно, он перекрывался настилом из бревен и использовался для длительного хранения продуктов.

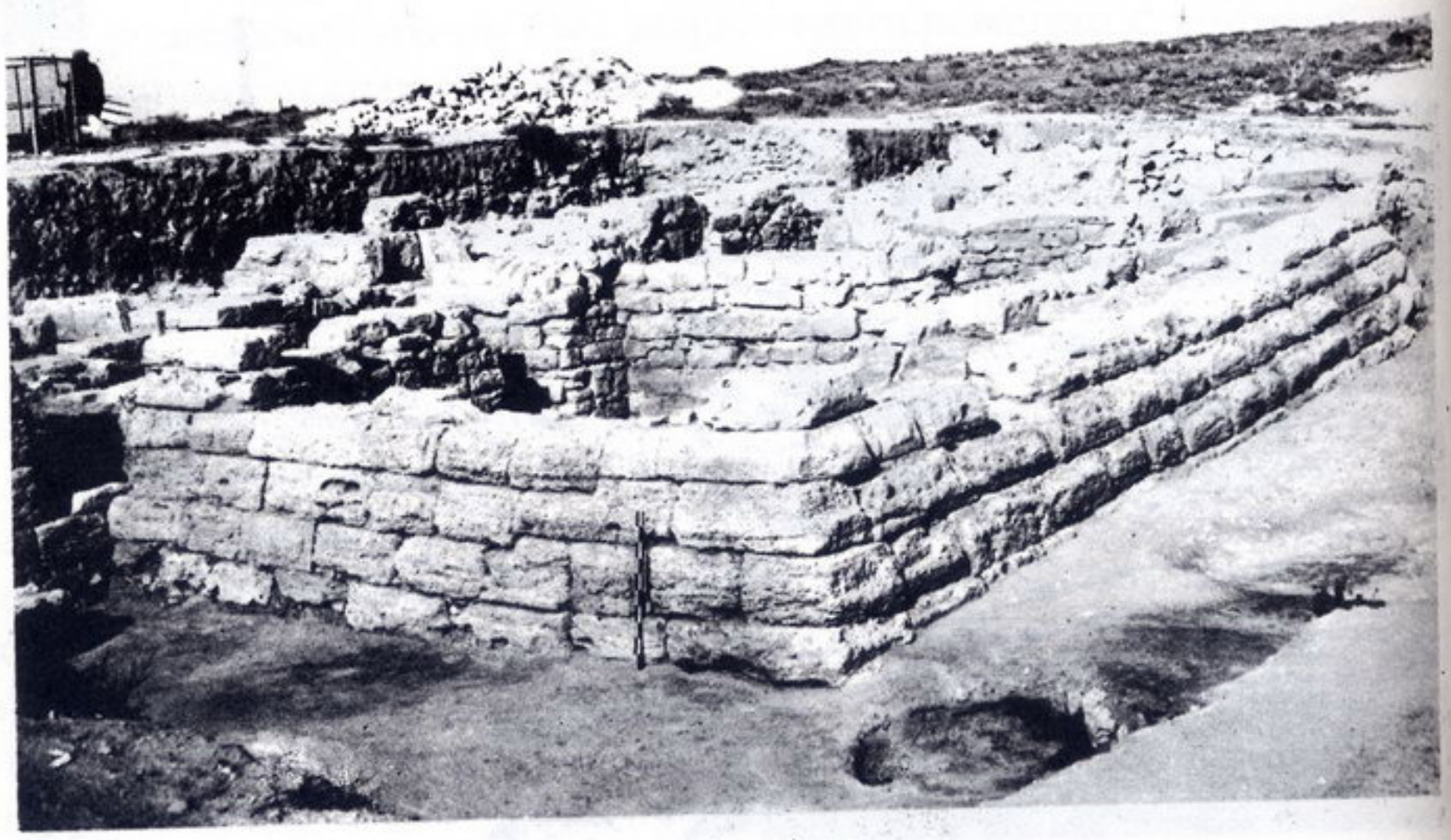
В засыпи этой кладовой, а также с синхронной ей поверхности самого помещения происходит материал I в.н.э. Слой гари и угля над верхним полом строения говорит о том, что оно погибло во время военного нападения на городище.

Южная башня Калос Лимена. Вид с ю—в.

В верхнем, сильно перемешанном слое, над руинами скифских построек попадаются немногочисленные обломки горшков, украшенных волнистым орнаментом, а также фрагменты амфор VIII—IX вв.н.э.

В северо—восточном углу цитадели, в месте предполагаемого стыка северной и восточной куртин был заложен еще один небольшой раскоп площадью 60 м^2. В нем на 1/3 удалось раскрыть, как и ожидалось, квадратное в плане основание башни (5). Ее реконструируемые размеры около 10,25 х 10,25 м. Она выступала на расстояние 7,25 — 7,3 м в сторону города. Стены сооружения, внешние панцири которого состояли из уложенных постелисто прямоугольных блоков достигали толщины 1,0 — 1,2 м. Отдельные камни скреплялись между собой пиронами типа «ласточкин хвост», применялась пропитка швов между квадрами, а также разметка верхних частей плит, что облегчало установку следующих рядов стен. Внутренние фасы, так же как и перегородки внутри самого строения, состояли, в основном, из постелистых, подработанных с

Южная башня Калос Лимена.

лицевой стороны камней, среди которых часто попадаются вторично использованные или бракованные блоки. По всей площади раскрыто одно — южное помещение башни, прямоугольное в плане, размерами 1,8 — 5,8 м. Оно имело только один выход — в западной стене, шириной 0,85 м.

С исследованных в этом году скифских глинистых поверхностей получен материал второй половины II в. до н.э., позволяющий предположить, что сооружение оказалось разрушенным почти сразу после Диофантовых войн, в конце упомянутого столетия. Слой разложившегося сырца по его внешнему периметру говорит о том, что, по крайней мере, верхний ярус строения состоял из сырцовых кирпичей. С прослоек, примыкающих с юга к башне 4, на уровне цокольного ряда получен материал второй половины III в. до н.э., а в засыпи траншеи под ее фундаментом обнаружено клеймо с и пского астинома Эсхриона Артемидорова (ок. 280 — 220 гг. до н.э. по Н.Ф.Федосееву).

Руины башни, разобранной к I в.н.э. почти до основания, перекрыла позднескифская постройка, стены которой толщиной до 0,6 м состояли по большей части из квадров, выломанных из перегородок описанного выше эллинистического строения. К западу от этого здания было вырыто несколько хозяйственных ям колоколовидной формы, в засыпи которых встречен материал I — первой половины II вв.н.э. Керамика того же времени происходит и с верхних полов жилища, а также из перекрывшего их слоя каменного завала с ракушками виноградных улиток. Наиболее интересными находками являются фрагменты кубков, покрытых желто – зеленой поливой.

Наряду с работами на городище, проводились также охранные раскопки на территории курганного некрополя, расположенного в 150 м восточнее крепостных стен Прекрасной Гавани, где исследовались небольшой курган и грунтовая могила, в межкурганном пространстве.

Объект 1 — курган, насыпь которого достигает в диаметре 3 — 4 м, при высоте около 0,35 — 0,5 м. Его центральное погребение было повреждено при проведении грабительских раскопок на могильнике осенью 1993 г. Могильная яма прямоугольной в плане формы, ориентирована по линии ВВС – ЗЗЮ, размерами 1,35 х 2,3 м, при глубине от современной поверхности 1,2 м. Ее нижняя часть вырублена в мергеле.

Перекрытие состояло из плоских известняковых плит, большая часть из которых оказалась выворочена грабителями.

В засыпи наряду с человеческими костями обнаружены обломок бронзового браслета, лепная чашечка, а также железный топорик (?).

Объект 2 — вырубленная, как и предыдущая, могила в материковом суглинке и мергеле достигает размеров 2,5 х 1,10 м. Она прямоугольной формы, ориентирована по линии восток — запад с небольшими отклонениями. Из плит перекрытия лишь одна, центральная, сохранилась in situ. Ее края выступали на 0,3 — 0,5 м за борта ямы. По углам могилы, на уровне ее дна, зафиксированы четыре ямки диаметром по 0,3 и глубиной по 0,15 м (вероятно они

использовались для установки ножек гроба). Из засыпи, состоящей из суглинка со щебнем, происходят кости, по крайней мере трех погребенных (двух взрослых и ребенка). Там же обнаружены бронзовое зеркало без ручки, колокольчик, бронзовая и костяная накладки на шкатулку, двухсторонний костяной гребень, украшенный орнаментом из кружков, бусы, бисер. Над дном найдена золотая цепочка с застежкой в виде головы бычка. Среди обломков керамики следует выделить фрагменты сероглиняного кувшинчика, краснолакового малоазийского кубка, буролаковой тарелки, а также желудевидную ножку светлоглиняной амфоры. В совокупности материал может быть датирован в пределах II — I вв. до н.э. Вполне возможно, что в данном погребальном комплексе было несколько разновременных захоронений.

С.Б.Ланцов

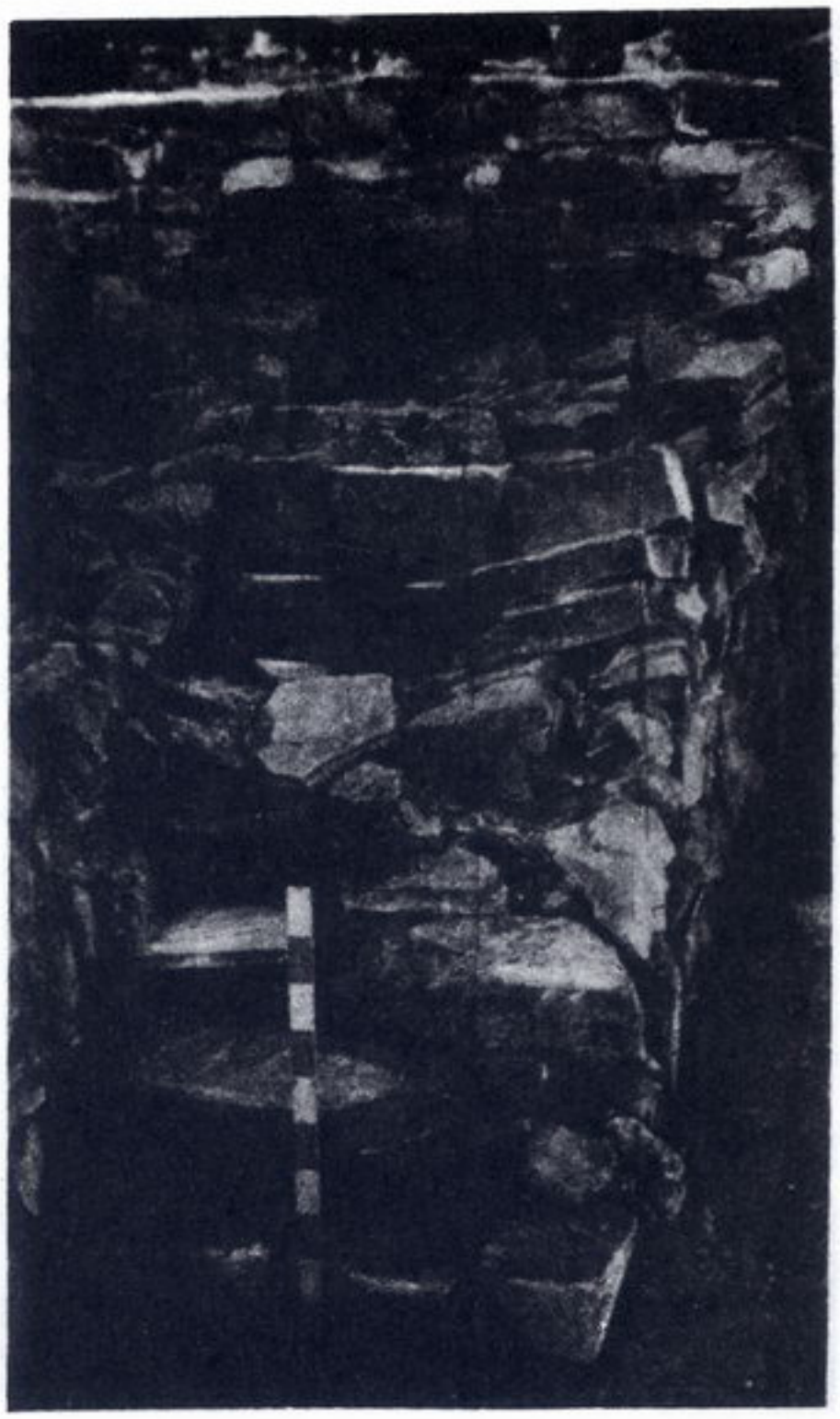
ИЗУЧЕНИЕ КУТЛАКСКОГО УКРЕПЛЕНИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

КФ ИА НАН Украины продолжил раскопки небольшой боспорской крепости (92,5 тыс.м^2), расположенной на прибрежном обрыве западного отрога горы Караул – Оба, у Кутлакской бухты, отстоящей на 4 км к юго – востоку от с. Веселое и на 4 км к западу от пгт. Новый Свет зоны г. Судака.

Крепость была обнаружена в 1982 г. и обследована в 1983 г. И.А.Барановым. В 1984 г. памятник изучался Е.А.Паршиной (1986, с. 288—289), с 1991 г. — Судакской экспедицией КФ ИА АН Украины. Усилия коллектива нацелены на опережающее, по отношению к полноте исследования комплексов, раскрытие планировочной сети.

За предшествующие сезоны была почти полностью оконтурена фортификационная система пятиугольной конфигурации с прямоугольными башнями по углам, ориентированная по длинной оси —север—юг и обращенная вершиной тупого угла к востоку. Входы в укрепление находились в восточном и юго – западном углах.

Внутри форта, вдоль длинных западной и северо—восточной куртин, располагались прямоугольные однорядные многокамерные постройки из изолированных между собой помещений почти стандартных размеров. Данные сооружения интерпретированы как воинские казармы. Неизученной оставалась центральная часть однослойного памятника, а также территория у северо—восточной длинной и северной короткой куртин.

Каменная лестница, ведущая на боевой ход северо—восточной куртины. Вид с юго—запада.

Основные работы 1993 г. проводились на участке, примыкающем к внутреннему фасаду северо—восточной куртины и тыльной стене восточной башни, где на площади 180 м² /30 м /с—ю/ х 6,00 м /з—в/ обнаружены строительные остатки дома 3, лестницы, ведущей на боевой ход стены, и часть площади перед восточными воротами. Толщина культурного слоя из сплошного сланцевого завала (с гумусом вверху и коричневой глиной внизу) составляла от 1 до 3 м. Находок в нем очень мало, поскольку раскопки не были доведены до уровня древней дневной поверхности, где обычно располагается материал. Слабая насыщенность им слоя обусловлена его формированием в результате единовременного разрушения крепости оставляющим ее гарнизоном. Немногочисленные фрагменты керамики относятся к широкогорлым светлоглиняным и красноглиняным амфорам с двухствольными ручками и краснолаковым сосудам I в. до н.э. — I в.н.э.

Казарма № 2 у восточной куртины крепости. Общий вид с севера до начала работ 1993 г.

Дом 3 пристроен к северо-восточной куртине и расположен вдоль нее почти во всю ее длину. Постройка, по-видимому, однокамерная, прямоугольная в плане, размерами 16,97 х 4,60 (4,45) м. Оштукатуренные красноглиняным раствором сланцевые стены, толщиной от 0,58 до 0,70 м, раскрыты на высоту от 0,40 до 2,00 м. Полы пока не расчищены. В фасадной юго-западной стене зафиксированы три дверных проема шириной от 0,80 до 1,15 м. Недоследованность постройки пока не позволяет установить ее назначение.

Продольно наружному фасаду юго-восточной боковой стены дома 3 расположена каменная лестница, примыкающая перпендикулярно к северо-восточной куртине. Длина лестницы 3,67 м, высота 1,60 м, ширина от 1,30 м внизу до 1,45 м вверху. Она сложена на глине, в основном, из колотого по слою сланца, преимущественно уложенного плашмя. Из 10 древних ступеней сохранилось 9, шириной от 0,23 до 0,40 м, высотой от 0,17 до 0,31 м. Они вели на боевой ход, находящийся на высоте 1,96 м от основания лестницы. Исходя из этого, высота куртины с парапетом в данном месте могла быть около 4 м относительно внутрикрепостной поверхности. Однако стены на других участках фортификационной системы, в зависимости от рельефа местности, очевидно, достигали 6 м. Лестница же была возведена на естественной возвышенности, по-видимому, для того, чтобы сократить затраты

труда и стройматериала, а также облегчить и ускорить подъем на оборонительную стену.

Помимо упомянутых работ были продолжены начатые в предыдущие годы расчистки трех башен восточной линии обороны и завершены раскопки восточной казармы, площадью 24 х 4,7 м (Баранов, Ланцов, 1993, с. 7—8). В ней доследовано северное помещение, размерами 4,35—4,27 м (с—ю) х 3,95—3,82 м (з—в), сохранившееся на высоту 1,15 — 1,80 м. Дверной проем, шириной 1,05 — 1,08 м, располагался в середине западной стены. К северу от него к кладке примыкает закрытая, прямоугольная в плане печь из сланцевых плит на глине. Она состоит из заглубленного в глинобитный пол столика, площадью 0,81 м (с—ю) х 0,65 м (в—з), высотой до 0,31 м и расположенной на нем топочной камеры, площадью 0,73 м (с—ю) х 0,41 м (з—в), высотой до 0,40 м, покрытой изнутри слоем прокаленной глины, толщиной до 0,08 м. Сверху топка была перекрыта сланцевой плитой, а с востока закрывалась несохранившейся заслонкой.

К настоящему времени на памятнике раскрыто около 70% его планировки; получены важные материалы для создания целостной объемной реконструкции крепости и проекта ее реставрации, для дальнейшего изучения истории Боспора, античного военно-инженерного дела и интерьеров древних построек.

Э.Э.Маркс, Ю.Э.Демиденко,
В.И.Усик

РАСКОПКИ В СТАРОСЕЛЬЕ

Стоянка Староселье (балка Канлы-Дере, г. Бахчисарай) стала хорошо известна в научных кругах после раскопок А.А.Формозова в 1952—1956 гг. /Формозов, 1958/. Однако до настоящего времени нет полной ясности по вопросам стратиграфии, количества культурных слоев и возраста среднего палеолита Староселья. При этом, в

среднем палеолите Крыма многими исследователями (см. Гладилин, 1976, с. 97—98; 1985, с. 37—38, с. 51; Чабай, 1992; Колосов, Степанчук, Чабай, 1993, с. 133—155) признается выделение так называемой староселькой группы памятников (Староселье; Кабази II, культурные слои I и III; Кабази V, культурные слои I — III; стоянка ГАБО), и в этой ситуации информативность по эпонимному памятнику (Староселье) уступает имеющимся данным по другим стоянкам. Поэтому в рамках программы по исследованию средне-палеолитических местонахождений Крыма (руководители Э.Э.Маркс и В.П.Чабай) были начаты новые раскопки Староселья (3—20 сентября отчетного года).

Раскопки велись на участке, примыкающем к южной стенке раскопа А.А.Формозова. Для удобства работы на стоянке отечественных и зарубежных специалистов была продублирована буквенная нумерация квадратов по порядку русского и английского алфавитов: А/А, Б/В, В/С, Г/Д, Д/Е, Е/F, Ж/G, З/Н, И/I, К/J, Л/К, М/L, Н/М, О/№, П/О, Р/Р. Раскапывались квадраты Д/Е — Е/F — Ж/G — 18—21 и З/Р — И/I —К/J — Л/К — 22—23 (см. план раскопа — Формозов, 1958, с. 26).

Условным 0 для всех нивелировочных отметок служила 12-метровая отметка А.А.Формозова.

Стратиграфию четвертичных отложений и средне-палеолитических культурных слоев, раскопанных в 1993 г., демонстрирует разрез стенки раскопа по линии квадратов Д/Е — Е/F — Ж/G — 21/22. Приводим описание именно этого профиля, т.к. только на этом восточном участке раскопа вскрыта часть отложений до культурных слоев 3 и 3а включительно.

а/ гумус и гумусированный суглинок темно — коричневого цвета с нарастающей количественно книзу известняковой щебенкой. Разграничить гумус и гумусированный суглинок не представляется возможным, из — за чего они в разрезе объединены. Мощность — 0,40 —0,80 м.

В смешанном состоянии, без выделения какого — либо культурного слоя, вместе обнаружены: керамика XVIII в. (определение В.Л.Мыца и В.П.Чабая), гильзы от патронов времени Великой Отечественной

войны, редкие среднепалеолитические кремневые изделия и разновременные фаунистические остатки. Средне – палеолитические находки здесь условно обозначены как культурный слой 0;

в/ красновато – палевый суглинок с небольшим количеством известняковой щебенки. Низ этого стратиграфического горизонта четко маркируется крупными плитами известняка (обвал козырька навеса?). Мощность — 0,10 — 0,30 м. Среднепалеолитический культурный слой 1;

с/ красновато – коричневый суглинок с незначительными включениями мелкого гравия и фрагментов известняка. Этот стратиграфический горизонт залегает над крупными плитами известняка (верхний уровень еще одного обвала козырька навеса?). Мощность — 0,15 —0,45 м. Среднепалеолитический культурный слой 2;

d/ суглинок, близкий по своей структуре суглинку вышележащего стратиграфического горизонта С, но по цвету более красноватого оттенка. Мощность — 0,05 — 0,30 м. В археологическом отношении стерилен;

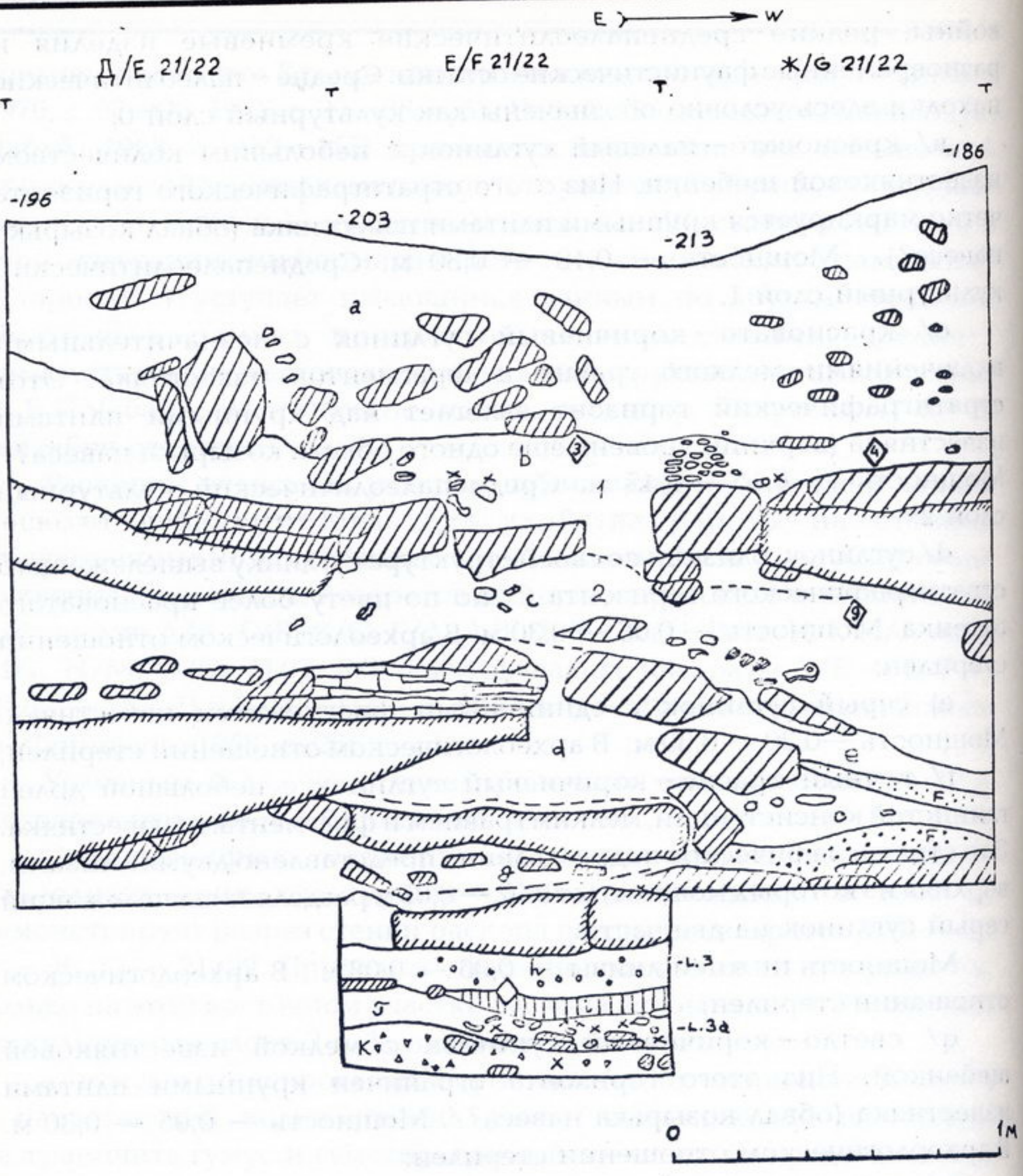
e) серый суглинок с единичными фрагментами известняка. Мощность —0,20 — 0,30 м. В археологическом отношении стерилен;

f/ темный красно – коричневый суглинок с небольшой долей глинистой консистенции, мелким гравием и фрагментами известняка. Это стратиграфическое подразделение представлено двумя линзами, верхняя из которых мощностью 0,02 — 0,05 м разделяет вышележащий серый суглинок на две части.

Мощность нижней линзы — 0,06 — 0,08 м. В археологическом отношении стерилен;

q/ светло – коричневый суглинок с мелкой известняковой щебенкой. Низ этого горизонта ограничен крупными плитами известняка (обвал козырька навеса?/. Мощность — 0,05 — 0,30 м. В археологическом отношении стерилен;

h/ яркого цвета красно – коричневый суглинок с глинистым компонентом, с мелкого разреза фрагментами известняка и большим количеством ракушек. Мощность — 0,08 – 0,12 м. Средне – палеолитический культурный слой 3;

Стратиграфия четвертичных отложений и средне–палеолитических культурных слоев, раскопанных в 1993 г.

i/ красно – коричневая глина без известняковых фрагментов и щебня, но с большим содержанием ракушек. Мощность — 0,02 — 0,06 м. В археологическом отношении стерилен;

j/ красновато – палевый суглинок с немногочисленными фрагментами известняка. Мощность — 0,08 — 0,12 м. Среднепалеолитический культурный слой 3;

к/ красно – желтый суглинок с глинистым компонентом и немногочисленными мелкими фрагментами известняка. Мощность — 0,08 — 0,12 м. Обнаружены единичные среднепалеолитические кремневые изделия и кости животных. Скорее всего, эти находки не маркируют новый культурный слой, а являются результатом вертикального перемещения вниз вышележащего культурного слоя 3а стратиграфического горизонта j.

Скальное дно не достигнуто. Здесь необходимо внести еще некоторые дополнения, т.к. на западном участке раскопа /квадраты З/Н—И/І—К/J—Л/К — 22—23/ в верней пачке седиментов существует ряд стратиграфических горизонтов, отсутствующих в вышеописанном профиле. А именно прерывистый горизонт неконсолидированной брекчии под гумусированным слоем; суглинок, разделяющий культурные слои 1 и 2; прослойка мелкого гравия, подстилающая культурный слой 2; карбонатный слой белого цвета над культурным слоем 3. В археологическом отношении на западном участке также есть свои особенности — двугоризонтность /?/ культурного слоя 1 и наличие культурного слоя 2а в упоминавшемся карбонатном слое белого цвета. Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о сложной стратиграфии Староселья и его многослойности в отношении количества культурных слоев.

По раскопанной площади среднепалеолитические культурные слои стоянки варьируются между собой из – за того, что квадраты по линиям 19 и 22 частично разрушены естественными эрозионными процессами, а по линии 18 были частично раскопаны А.А.Формозовым. Различаются культурные слои Староселья и по количеству кремневых изделий. Их статистика такова: т.н. культурный слой 0 — 109 экз. (3 орудия); культурный слой 1 — 2923 экз. (102 орудия); культурный слой 2 — 50 экз. (5 орудий); культурный слой 2а — 32 экз. (8 орудий);

культурные слои 3 и 3а — 167 экз. (16 орудий). В культурных слоях 1, 2а, 3 и 3а в той или иной мере представлены следующие специфические типы орудий старосельского круга индустрий: двусторонние остроконечники с плосковыпуклым профилем, скребла дорсальные прямоугольной и трапециевидной форм, скребла с тыльным и базальным утончением. Эти типы изделий с вторичной обработкой согласуются с находками А.А.Формозова /Формозов, 1958, рис. 45,1—2,4; 56,2—3; Колосов, Степанчук, Чабай, 1993, рис. 66/, а также со старосельскими индустриальными комплексами Кабази II и V, стоянки ГАБО /Колосов, Степанчук, Чабай, 1993, с. 133—145, 185—189/. Условно выделенный культурный слой 0 находится в неинситном положении в гумусированных отложениях и, очевидно, является результатом вертикального перемещения вверх находок ниже лежащего культурного слоя 1. Следовательно, раскопками 1993 г. реально выявлено пять среднепалеолитических культурных слоев. В ходе раскопок собраны также многочисленные фаунистические остатки, среди которых преобладают кости копытных, и микрофауна —остатки мелких грызунов и птиц (особенно в культурном слое 2). В качестве планиграфических структур культурных слоев следует упомянуть наличие очажного пятна в культурном слое 1 (квадрат И/I—22) и очажного пятна в культурном слое 3а (квадрат E/F—20).

В целях определения возраста культурных слоев Староселья в зарубежных лабораториях (США, Канада, Англия) Э.Э.Марксом, Дж.Ринком и Ф.Оллсворт – Джонсом были отобраны образцы для их датирования методами 234U/230Th, Tl, ESR и C14; и еще дополнительно для более точного контролирующего датирования методами Tl и ESR в седименты сроком на 1 год помещены специальные дозиметры.

Среди послепалеолитических находок отдельного внимания заслуживают обнаруженные остатки погребения ребенка в гумусированных отложениях стратиграфически над средне–палеолитическим культурным слоем 1 (квадраты И/I—К/J — 22). Хотя сопровождающий инвентарь в погребении и не обнаружен, но находки керамики XVIII в. на восточном участке нового раскопа и былое существование татарского кладбища XVIII в. в устье балки

Канлы – Дере в 100 м от стоянки /Формозов, 1958, с. 23/ позволяют предполагать, что данное погребение может относиться к XVIII в.

А.А.Масленников

О РАБОТАХ ВОСТОЧНО-КРЫМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В истекший сезон Восточно – Крымская экспедиция ИА РАН продолжала исследование античных памятников в районе Крымского Приазовья.

На поселении Генеральское – западное (IV — III вв. до н.э.) проводилось исследование чрезвычайно насыщенных материалом и вместе тем интенсивно разрушаемых останцов культурного слоя. На площади в 100 м^2 раскопано заполнение передового рва поселения, открыты частично слои мощного сброса керамического боя и мусорные слои, образовавшиеся в течение нескольких периодов жизни поселения. Мощность слоя достигает местами 2 м. Найдено чрезвычайно большое число обломков разнотипных амфор, простой, чернолаковой и лепной посуды, фрагментов черепиц. Отметим несколько фрагментов терракотовых статуэток и часть формы для их изготовления, каменные ядра различного веса, наконечники стрел, граффити и около трех сотен различных амфорных и черепичных клейм.

Невдалеке, в урочище «Салачик», продолжены раскопки грунтового могильника, который, по видимому, функционировал в течение довольно длительного времени, обслуживая несколько разновременных поселений. На площади около 650 м^2 открыто более 30, в основном грунтовых, реже плитовых могил, а также остатки нескольких тризн и разрушенных захоронений. В целом гробницы относятся к периоду от V — IV вв. до н.э., до, вероятно, раннего средневековья и весьма значительно отличаются по обряду, конструкции и погребальному инвентарю. Отметим отдельные находки V в. до н.э. — два погребения с терракотовыми статуэтками,

богатую тризну с обломками предметов позднеэллинистического времени и довольно мощную кольцевую выкладку (ограду?, крепиду?) в одном из участков некрополя. На большом поселении первых веков Генеральское — восточное начаты работы по исследованию оборонительных сооружений. На достаточно большой площади (не менее 250 м^2) открыты массивные развалины части предвратных укреплений, сооруженные из крупных необработанных известняковых глыб. По — видимому, это основание своего рода боевой платформы, высотой около 3 м, которая с учетом близлежащего рва и естественного уклона рельефа местности делала стоявшие на этой платформе стены и, возможно, башню еще более неприступными. Сам район проезда сохранился плохо, но, вероятно, это был довольно длинный (до 10 м) коридор шириной не более 5 м между двумя бастионами. Немногочисленные находки позволяют заключить, что данное сооружение было построено не ранее конца I в. до н.э. Стратиграфическая траншея, проложенная через вышеописанный бастион, ров, вал и прилегающее непосредственно к ним пространство, выявила наличие довольно мощного культурного слоя (до 2 м) с находками античного времени рядом с укрепленной частью поселения (предградье?).

В ходе продолженных раскопок на поселении Чокракский мыс (IV — I вв. до н.э.) обнаружены остатки нескольких стен помещений, по крайней мере, двух строительных периодов (середина IV в. до н.э. и I в. до н.э.), которые располагались к западу от центрального здания данного комплекса. Общий характер планировочного решения ввиду недостаточности вскрытой площади (175 м^2) остался пока невыясненным. Скорее всего, это были разнообразные жилые и хозяйственные постройки, объединенные в один блок строений. В I в. до н.э. их с юга ограждала мощная оборонительная стена толщиной до 3 м, большей частью, однако, разобранная в позднейшее время. Отметим несколько различных по размерам, но однотипных хозяйственных ям античного времени и два, вероятно, раннесреднековых подбойных захоронения в них. Находок в целом немного. Упомянем несколько амфорных клейм, фрагмент терракотовой статуэтки. На небольшой площади были также выявлены

остатки оборонительного рва поселения, относящиеся ко времени первого строительного периода (середина IV в. до н.э.). При глубине не более 1,3 м он имел в разрезе трапециевидную форму и ширину у дна около 2 м и у верхней части — до 4 м. Стенки его, особенно внутренняя — контрэскарп, довольно круты. К I в. до н.э. ров был полностью засыпан, а несколько южнее его вырыт новый, вероятно, больших размеров.

В окрестностях Генеральской бухты проведено дополнительное обследование, в результате которого выявлены следы небольшой усадьбы эллинистического времени и древний колодец, также функционировавший по крайней мере в IV— I вв. до н.э. или даже несколько позднее. Судя по находкам, он был заброшен не ранее IV — VI вв.н.э. Колодец был исследован до глубины 8,5 м.

Все находки истекшего сезона переданы в фонды Керченского музея – заповедника. По окончании работ раскопы были полностью или частично засыпаны.

Е.А.Молев, Н.В.Молева

РАСКОПКИ КИТЕЯ

В июле — августе 1993 г. Китейская экспедиция провела 23 – й сезон раскопок одноименного городища. Работы велись на четырех раскопах общей площадью около 150 м^2, которые за период между полевыми сезонами были сильно повреждены грабителями. Кроме того, большой участок центрального зольного холма обрушился в море из – за абразии берега.

В юго – западной части городища раскоп 1 перекрыл участок, исследованный в 1957 г. отрядом Боспорской экспедиции под руководством Н.С.Беловой. Здесь открыты часть крепостной стены и прямоугольной башни, не обозначенной на ранних планах Китея. Характер их кладок близок аналогичным позднеэллинистическим сооружениям на раскопах III и IV. Материал, найденный здесь, подтверждает эту дату.

Под крепостной стеной раскрыты остатки полукруглой кладки более раннего сооружения. Высота сохранившейся его части около 2 м. Найденные у его основания четыре слипшиеся пантикапейские монеты /Анохин, № 111/ позволяют датировать постройку второй половиной IV в. до н.э. Что представляло собой это сооружение, пока не совсем ясно, но, судя по его форме, оно, скорее всего, имело общественный характер.

К востоку от крепостной стены на участке городских кварталов в северной части квадрата 22 выявлено продолжение небольшого зольника, частично раскрытого в предыдущие годы. На этом месте найдены фрагменты терракотовой маски Диониса.

На центральном зольном холме (раскоп II) были продолжены работы на квадрате 12 у подножия холма и заложены новые квадраты 14 и 15 на его вершине, вытянутые в западном направлении. На первом из них обнаружено основание полукруглой кладки культового здания, рядом с которым найдено погребение собаки. Слой на квадрате перемешан из – за ям II — III вв.н.э. Среди находок абсолютно преобладают фрагменты амфор (78%). Основная масса материала датируется I в. до н.э. — I в.н.э., хотя есть отдельные находки IV в. до н.э. и IV в.н.э.

На новых квадратах слой еще более перемешан из – за построенного здесь в годы Отечественной войны румынского дота. Прослежен слой римского времени. Открытые в нем кладки не относятся к античному времени. Как и на соседних квадратах, слой представляет собой в верхней части светло – серый рыхлый гумус, переходящий затем в темно – серый зольный суглинок. Среди находок преобладают фрагменты амфор I — II вв.н.э. Из ранних вещей наиболее интересны два фрагмента терракотовых статуэток богинь, сидящих на троне, свидетельствующих о существовании в Китее культов земледелия и плодородия.

На северном участке крепостной стены (раскоп III) разбит новый квадрат к западу от крепостных ворот. В предыдущем сезоне здесь показалась мощная кладка, определенная как восточная стена башни. Задачей сезона было открытие всей башни, что не удалось из – за мощного каменного завала. В результате работ здесь открыты

несколько хорошо обработанных известняковых блоков, как будто составляющих западную стену башни и, возможно, опорную плиту башенной калитки в восточной стене. Вещественные находки здесь единичны и датируются римским временем.

Более сложная картина на восточном участке крепостной стены (раскоп IV). Здесь прослежен значительный строительный комплекс IV — Vвв.н.э., погибший в пожаре. Площадь помещения около 30 м². Внутри его находился очаг, врытые в землю пифос и позднебоспорская амфора, в юго — восточном углу небольшое отгороженное каменными стенками помещение, по — видимому, кладовка. Среди находок огромное количество (несколько сотен) фрагментов позднебоспорской черепицы, большое количество фрагментов амфор (по ножкам их было не менее 15), 5 светильников, из которых два многорожковые, небольшой каменный алтарь, много фрагментов столовой посуды, кусок обгорелой балки и опорного столба, семена не определенных пока растений. Судя по находкам, помещение было построено не ранее I в.н.э. и погибло в результате военного вторжения не позднее середины VI в.н.э.

В.Л.Мыц, С.М.Жук, В.П.Кирилко,
А.В.Лысенко, Т.Н.Смекалова,
С.В.Татарцев, И.Б.Тесленко

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ГОРНОМ КРЫМУ

В 1993 г. Горно — Крымской экспедицией КФ ИА НАН Украины наряду с раскопками прибрежных средневековых укреплений Алустон и Чобан — Куле проводились археологические разведки. Территориально они охватили как южные склоны Главной гряды (Канакская балка, Чатырдагский могильник, окрестности с. Зеленогорье), так и яйлы (Бабуган, Караби). Новым пунктом работ экспедиции стал гончарный центр в урочище Пошалы (северо —

западная часть Канакской балки, в 1,2 км от трассы Алушта — Судак). Он был выявлен А.Л.Якобсоном и М.А.Фронджуло в 1958 г. Одной из задач исследований явилось совершенствование методики магниторазведки. Обследование местности вокруг визуально определимой печи 1 началось с помощью протонного магнитометра методом свободного поиска по произвольным маршрутам без разбивки сети наблюдений. На этом этапе удалось выявить три аномальные зоны, предположительно соответствующие гончарным печам. На выбранных участках была проведена детальная магнитная съемка. В результате выявлены три гончарные печи, не имевшие на современной дневной поверхности внешних признаков. Печь 2 — крупная, одноканальная, с четырьмя парами боковых каналов. Печь 3 — имеет аналогичную структуру; передняя часть обрушена. Печь 4 —разрушена; половина печи сместилась вниз по крутому склону. Остатки еще одной сильно разрушенной печи (5) определены по крупным кускам печины, обнажившимся в срезе грунтовой дороги.

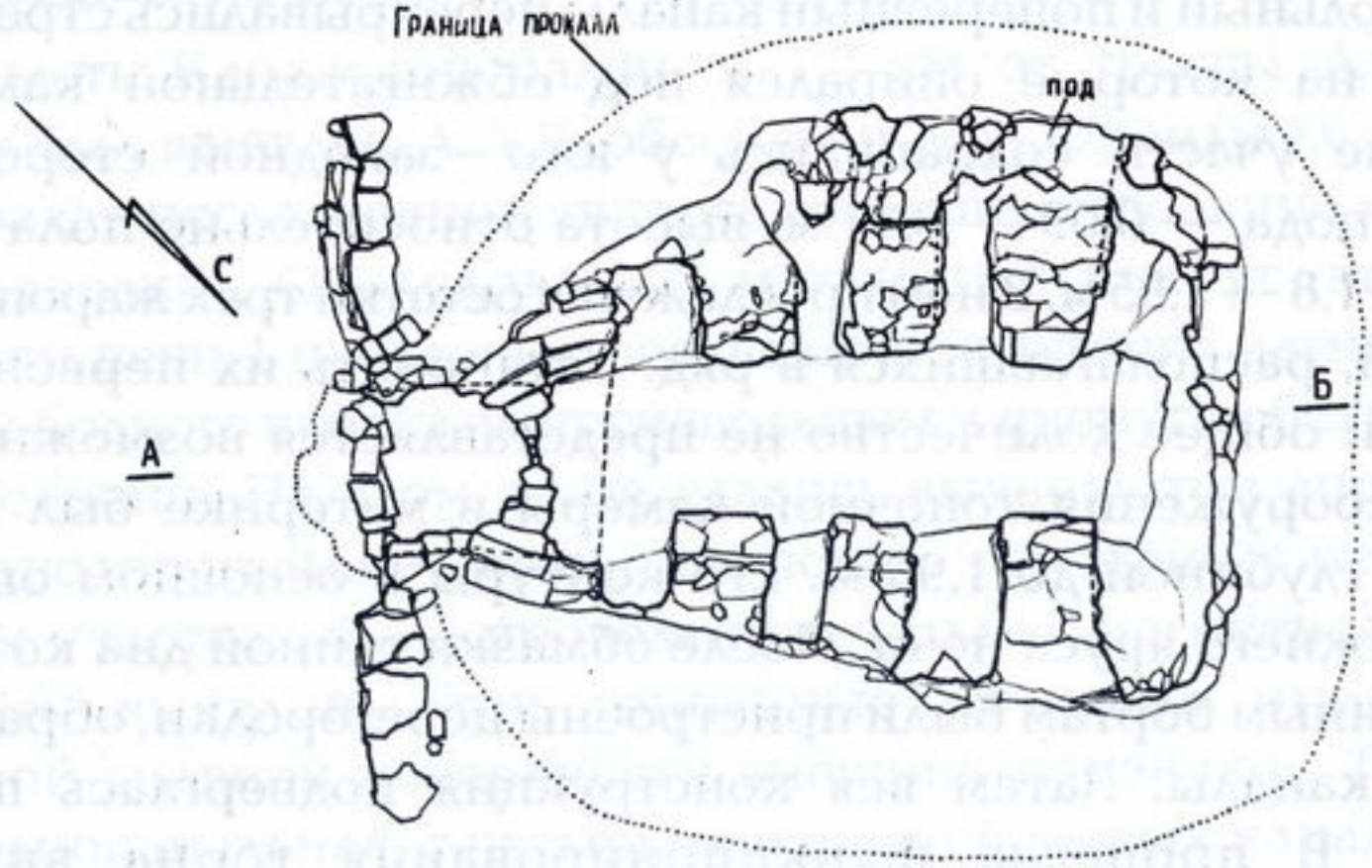
Таким образом, на площади 60х130 м зафиксировано 5 гончарных печей. Для проверки точности прогноза магниторазведки раскопана одна из них — печь 2. Раскопом 5 х 7 м вскрыта одноканальная топочная камера и частично предтопочная яма. Устье печи обращено на юго — восток (магнитный азимут 130°). Ее обжигательная камера не сохранилась. Нижний же ярус имеет в плане трапециевидную форму (размеры: длина — 4,55 м, ширина — 3,13 м). Продольный канал является продолжением собственно топки, перекрытой коробовым сводом из сырцовых кирпичей. От продольного канала (длина — 2,67 м, ширина 0,9 — 0,95 м) ответвляется четыре пары поперечных каналов различной ширины (от 0,25 до ,5 м). Они разделены тремя парами перегородок, сложенных из сырцовых кирпичей. Боковые каналы начинаются от пола топочной камеры, поднимаясь вверх под углом 60—65°. Интересной особенностью исследованной печи является устройство ее второго юго — западного и третьего северо — восточного каналов. В своих верхних частях они разветвляются на два «рукава», переходящих в продухи. Подобное конструктивное решение еще не встречалось на известных в Крыму печах.

Продольный и поперечный каналы перекрывались стрельчатыми сводами, на которые опирался под обжигательной камеры. Его небольшие участи сохранились у юго—западной стороны печи. Толщина пода — 0,09 — 0,11 м, высота относительно пола топочной камеры —1,8 — 1,85 м. В нем прослежены остатки трех жаропроводных отверстий, располагавшихся в ряд. Установить их первоначальные размеры и общее количество не представляется возможным.

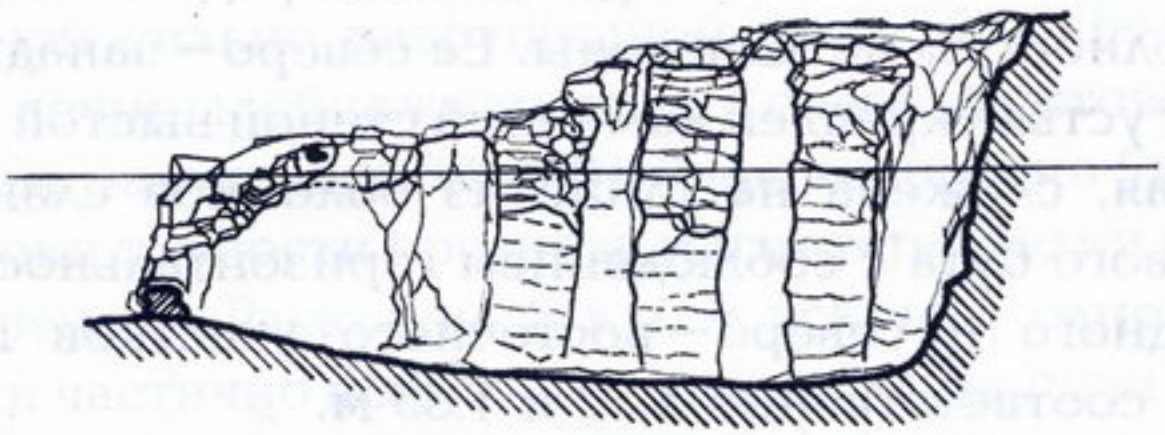
Для сооружения топочной камеры в материке был вырублен котлован глубиной до 1,95 м. Его контуры в основном определили форму нижнего яруса печи. После обмазки глиной дна котлована, к его наклонным бортам были пристроены перегородки, образовавшие боковые каналы. Затем вся конструкция подверглась повторной обмазке. В процессе функционирования горна внутренняя поверхность топочной камеры оплавилась и ошлаковалась.

С юго—востока к печи примыкает предтопочная яма, границы которой полностью не выявлены. Ее северо—западный борт по обе стороны от устья укреплен каменной стеной выстой до 0,85 м. Кладка однослойная, сложена на глине из обломков сланца и околотого песчаникового бута с соблюдением горизонтальности рядов. Длина юго—западного и северо—восточного участков панциря кладки составляет соответственно 1,52 и 1,55 м.

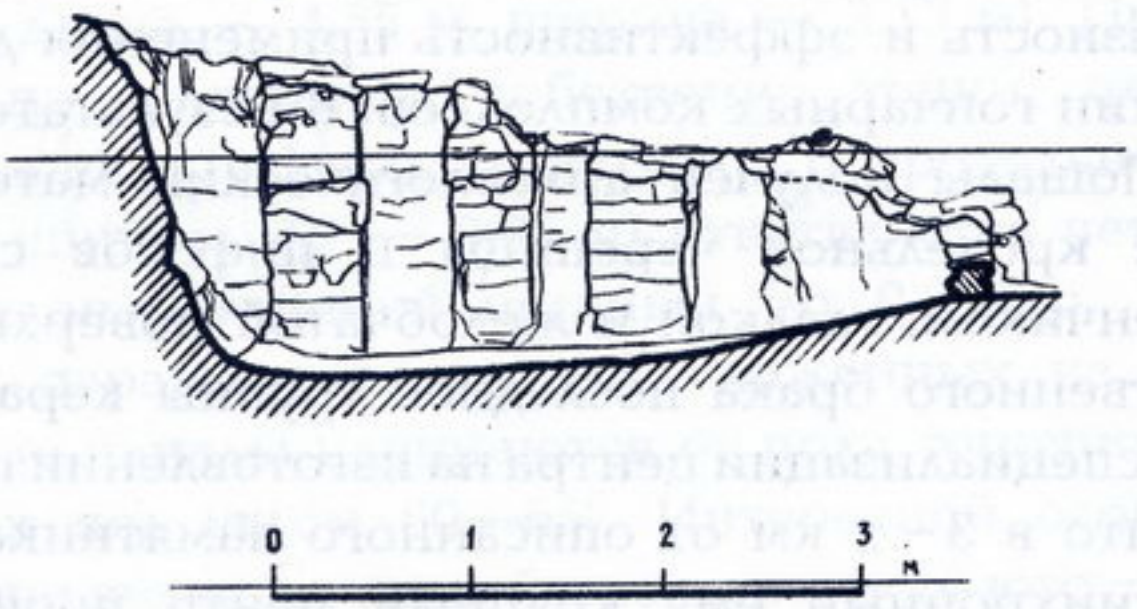
Как видно из описания, раскопки в основном, подтвердили данные магниторазведки, чем еще раз засвидетельствовали целесообразность и эффективность применения данной методики при изучении гончарных комплексов. В результате исследований в урочище Пошалы получен археологический материал IX—X вв.: фрагменты кровельной черепицы и пифосов с треугольным в сечении венчиком, гладкой и желобчатой поверхностью. Находки производственного брака последней группы керамики позволяют говорить о специализации центра на изготовлении пифосов. Следует отметить, что в 3—х км от описанного памятника, на побережье, известен синхронный ему крупный центр производства амфор причерноморского типа. Близкое расположение столь значительных гончарных центров свидетельствует, во—первых, об узкой специализации и высоком уровне производства тарной керамики и,

Разрез А–Б

Разрез Б–А

Гончарная печь в урочище Пошалы. План—разрез.

во – вторых, об интенсивной хозяйственной деятельности населения Канакской балки в период раннего средневековья.

Небольшие по объему раскопки были проведены также на Чатырдагском некрополе второй половины III — первой половины V в.н.э. При проведении магнитной съемки его территории найдены кованые железные гвозди (видимо, от подков), железное кольцо и ряд других предметов, которые трудно датировать и связать с существовавшим здесь могильником. На одном из участков, на которых приборами отмечалась магнитная аномалия, был заложен шурф площадью около 4,5 м^2. Толщина культурного слоя составляла здесь 0,1 — 0,3 м. В нижней части слоя, непосредственно над выходами скалы, на отдельных участках обнаружены редкие обугленные обломки древесины. В юго – западном углу шурфа найден небольшой осколок слегка обожженной кости, а в его северо – восточной части цилиндрическая пастовая бусина с продольными полосами красного и коричневого цветов. Кроме того, по всей площади шурфа были рассеяны мелке фрагменты кальцинированных костей и угольков. Остальные находки представлены, в основном, невыразительными фрагментами стенок коричневоглиняных лепных сосудов с повышенным содержанием в тесте горного песка и красноглиняных амфор. Интересен обломок стенки (толщина 0,8 см) большого лепного сосуда (предположительно урны), лицевая поверхность которого украшена линейным врезным орнаментом и налепным валиком с глубокой косой насечкой. Здесь же, на глубине 0,2 м от современной дневной поверхности, найден железный боевой топор с клиновидным узким лезвием и массивным слегка удлиненным обухом. Топор находился в вертикальном положении острием вверх. Основные его размеры: высота — 14,5 см, ширина — 2,6 — 5,4 см, диаметр отверстия 2,2 —2,4 см.

Судя по всему, на исследованном в 1993 г. на Чатырдагском некрополе участке открыто одно воинское погребение, совершенное по обряду кремации (могила 23 по общей нумерации захоронений). На это указывают находки кальцинированных костей, остатков погребального костра, фрагментов керамики со следами вторичного обжига. Обнаруженный в погребении топор относится к типу

узколезвийных. Наиболее четкие даты дают аналогичные экземпляры боевых топоров из Цебельды (период С2/С3) и Харакса, где они встречены в погребении 7 с сероглиняной черняховской керамикой, погребении 19 с монетами Максимиана (286—305) и Константина I (305—337), а также в погребении 18, в котором помимо монет Гордиана III (238—244), Фофорса (286 и 297 гг.) и Максимиана, были найдены копье, бронзовая ойнохоя, браслеты и фрагмент стеклянного кубка. Наибольшую концентрацию находок узколезвийных топоров дает район междуречья Эльбы и Одера, откуда они, очевидно, проникают с миграционной волной северных племен, носителей вельбарской, пшеворской, любашицкой и др. культур в Юго-Восточную Европу во второй половине III в. и бытуют здесь в III—IV вв.

В ходе археологических разведок на Бабугане были выявлены новые и обследованы уже известные (Сары – Голь) мезо-неолитические местонахождения. Основное внимание уделялось поиску памятников в долине Стратагай, расположенной в центральной части нагорья. По краям и бортам этого обширного понижения выявлены местонахождения Стратагай I—V, датирующиеся эпохами мезолита – неолита, бронзы и средневековья.

В пункте 1, у северо – восточной окраины долины, исследовано погребение под курганом. Курган в плане овальной формы, размерами 2,5 х 4,5 м, сильно оплыл по слону формирующейся балочки. Его высота составляла около 0,3 м. Насыпь, сооруженная внаброску из разномерных камней (известняка) задернована. Пространство между камнями заполнено плотным гумусированным суглинком. Под курганом открыта подпрямоугольная в плане могильная яма со скругленными углами. Ориентирована по линии юго – юго – запад —северо – северо – восток. Ее длина 2,15 м, максимальная ширина – 0,9 м; к северо – восточному краю и ко дну могила слегка сужается. Заполнение могилы состояло из плотного буро – рыжеватого суглинка почти без камней с редкими древесными углями.

Погребенный лежал в вытянутом положении на спине головой на юго – юго – запад. Сохранность костяка очень плохая: все кости за исключением черепа и конечностей, истлели. Кости правой руки

и ноги слегка согнуты, левые вытянуты. Кости левой кисти находились под бедром. Учитывая обряд и степень сохранности костей, погребение предварительно можно отнести к эпохе бронзы. Возможно, косвенным подтверждением предложенной датировки являются обнаруженные поблизости от кургана фрагменты лепной керамики катакомбной (?) культуры.

Археологические исследования на Караби – Яйле проводились в районе карстовой полости им. А.А.Крубера. Она расположена в центральной части плато, в 1,3 — 1,5 км к юго – востоку от метеостанции. На обнажениях в окрестностях небольшой кошары с нежилым строением, больше известным как Домик Крубера, с начала 80 – х гг. велись эпизодические сборы кремневых изделий. В результате проведенных работ выявлены местонахождения «Домик Крубера» I—IV и определены их границы. Собранный здесь многочисленный кремневый материал предварительно датирован неолитом; в пункте II вместе с кремнями этого времени обнаружены мустьерские орудия — остроконечник и скребло. Визуальный осмотр размывов позволил установить наличие нетронутого неолитического культурного слоя (кремни, древесный уголь) на местонахождениях Домик Крубера I и IV.

Небольшие по объему разведки проведены в окрестностях с. Зеленогорье (Алуштинский терсовет). Житель этого села В.Н.Гузь передал в экспедицию несколько каменных орудий, обнаруженных им на виноградных плантациях в 4 – х км от морского побережья. Предварительно находки датированы эпохой бронзы. Осмотр пашни показал наибольшую концентрацию находок в двух обширных «пятнах» на левом и правом склонах долины р. Сахы – Узень. Всего обнаружено более 25 кремневых изделий, фрагменты двух диабазовых мотыг, 10 песчаниковых и сланцевых терочников, пест. Для установления площади, даты и типа памятника необходимы дальнейшие обстоятельные исследования.

В.Л.Мыц, В.П.Кирилко,
А.В.Лысенко, С.В.Татарцев,
И.Б.Тесленко

ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО УКРЕПЛЕНИЯ ЧОБАН-КУЛЕ

В 1992—1993 гг. одним из объектов работ Горно – Крымской экспедиции КФ ИА НАНУ являлось средневековое укрепление Чобан – Куле, которое расположено в 5 км к западу от с. Морское (б. Капсихор). До настоящего времени памятник оставался слабо изученным. Еще в 1794 г. укрепление осмотрел П.С.Паллас. Сделав достаточно точное описание крепости, ученый считал его древним греческим замком. Кроме руин большой башни с арочным сводом, он отмечает развалины оборонительной стены, еще одну башню, а за пределами крепости несколько гробниц. В 1821 г. на Чобан – Куле побывал К.Келер, который называет крепость генуэзской постройкой. Сопровождавший Келера архитектор Е.Паскаль сделал зарисовки вида башни, ее план и план самой крепости. П.И.Кеппен датировал укрепление послеюстиниановским временем и в «Крымском сборнике» опубликовал его схематический план. Н.Мурзакевич наоборот, считал, что крепость можно причислить к постройке императора Юстиниана I. В 1889 г. руины замка обследовал А.Л.Бертье – Делагард. Им была выполнена съемка городища и реконструкция башни, которая, по его мнению, была двухэтажной с открытой боевой площадкой наверху. Н.И.Репников полагал, что на этом месте (в позднеантичное время) должно было находиться римское укрепление, входившее в Таврический лимес. В 1936 г. обследование Чобан – Куле проводилось экспедицией Института антропологии АН СССР. В дальнейшем памятник довольно часто посещался различными исследователями (Т.М.Тихановой, А.Л.Якобсоном, О.И.Домбровским и др.). Но все они ограничивались визуальным обследованием и самыми общими замечаниями, которые зачастую носили чрезмерно отвлеченный характер. А.Л.Якобсон и М.А.Фронджуло, например, считали, что рядом с башней находился

«дворец». С.А.Секеринский датировал замок XIV—XV вв. и, используя материалы письменных источников, связывал его строительство с деятельностью генуэзцев — братьев Гуаско. В 1952—1954 гг. В.П.Бабенчиков и А.Л.Якобсон проводили в районе Чобан—Куле раскопки гончарного центра VIII—IX вв., но эти работы не касались укрепления. Поэтому целью раскопок 1992—1993 гг. было: 1) установить время строительства памятника; 2) определить характер его застройки; 3) выявить основные элементы обороны и исторической топографии объекта. Полученные материалы должны послужить основой для разработки проекта реставрации и консервации крепости. Укрепление располагалось на каменистом холме, вытянувшемся с востока на запад. Восточный и северный склоны относительно пологие, а западный и южный обрывистые и спускаются прямо к морю. Общая площадь, вскрытая раскопками за два полевых сезона, превышает 270 м^2. На данном этапе исследования получены интересные результаты, связанные, главным образом, с датировкой и исторической топографией памятника. Крепость состояла из укрепленного ядра с донжоном и примыкающего к нему с востока огражденного стеной «хозяйственного двора». За пределами крепости (на восточном склоне), на искусственных террасах, располагалось средневековое поселение и церковь. Крепостная площадка с донжоном, ограниченная с юго — запада скальными обрывами, возвышается над уровнем моря на 85 м. Донжон — наиболее монументальное строение среди фортификационных сооружений укрепления. Он представляет собой эллипсоидную в плане башню размерами 12,75 х 14 м. Стены сохранились на высоту 8—9 м. Их толщина колеблется в пределах от 1,8 (со стороны моря) до 3,45 м (с напольной стороны). В кладке донжона хорошо сохранились деревянные брусы сантрачной системы. Цокольный этаж строения разделен перегородкой на два объема — резервуар для воды и, как показали раскопки 1992 г., хозяйственное помещение, которые перекрывались коробовыми сводами.

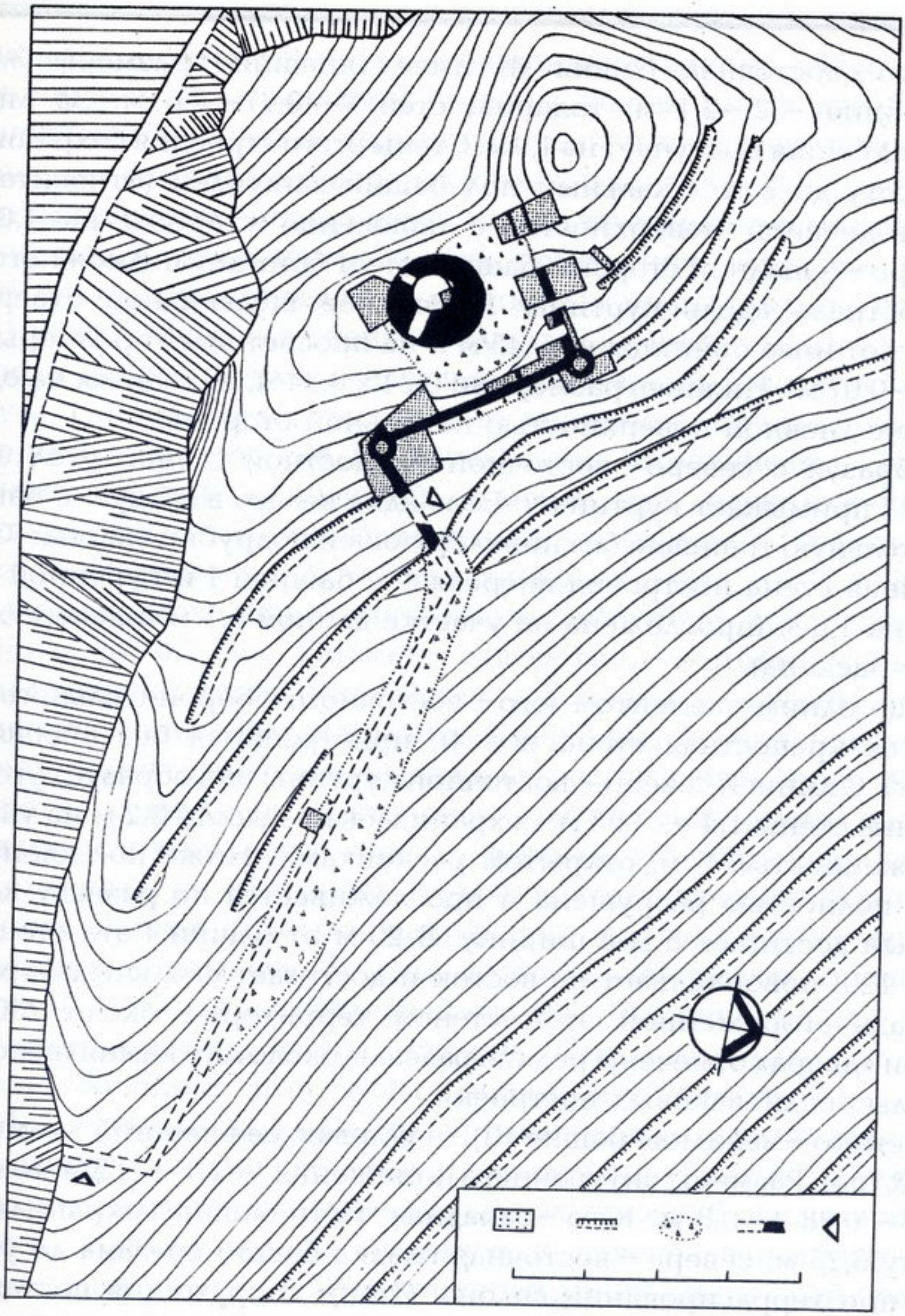
Согласно намеченной программе в 1992 г., на Чобан—Куле раскопки велись в 6 пунктах: 1) исследовался участок к востоку от донжона — это место, где А.Л.Якобсон и М.А.Фронджуло помещали «дворец»; 2) подвальное помещение в цокольном этаже донжона

(расчищено частично); 3—4) две круглые башни, фланкирующие восточную линию обороны крепости, и примыкающие к ним куртины; 5) один из шурфов был заложен с внутренней стороны стены, ограждавшей «хозяйственный двор»; 6) за пределами крепости раскопан одноапсидный храм XIV—XV вв. В 1993 г. все усилия были сконцентрированы на изучении северной линии обороны.

До начала исследований вся территория замка (за исключением отдельных выходов кладок) была либо затянута дерном, либо перекрыта каменным завалом, образовавшимся вследствие современного разрушения стен донжона. Слой дерна и завала подстилали многочисленные прослойки делювия глинистых сланцев, различавшихся по цвету, содержанию глинистых включений, размерам фракций сланцевого щебня, соотношению крупных и пылевидных частиц. Мощность культурного слоя на разных участках составляла 0,25 — 6 м. Практически во всех прослойках наблюдается присутствие известковой крошки. Изредка также встречался и разномерный бут. Однако отложений, которые можно было бы соотнести с разрушением крепостных стен при штурме замка, в слоях не отмечено. В толще культурных отложений не прослеживался и сколько — нибудь выраженный жилой горизонт. На разных глубинах в делювии отмечены отдельные кострища или зольные пятна, но стратиграфическое положение большинства из них не позволяет связывать их со временем жизни укрепления.

Верхняя крепостная площадка размерами 27 х 20 м была, видимо, со всех сторон замкнута крепостными стенами.

Лучше других сохранилась северо — восточная куртина (кл. I), отстоящая от донжона на 8 м. Ее длина по фасаду составляет 25,6 м, тыла —26,7 м. Толщина стены 1,25 — 1,3 м (у основания увеличивается до 1,5 м). Куртина сохранилась на высоту до 3,7 м. При ее возведении склон возвышенности на этом участке был вертикально срезан, а на образовавшуюся площадку, вплотную к откосу, была поставлена крепостная стена. Вследствие этого превышение уровня дневной поверхности с внутренней стороны над напольной стороной составляет 2,7 — 3,5 м. По краям эта куртина завершается двумя круглыми башнями (I и II).

Исследования средневекового укрепления Чобан–Куле. Условные обозначения: 1 – Раскопанные участки. 2 – Искусственные террасы под лесопосадки. 3 – Развалы камня. 4 – Сохранившиеся и разрушившиеся участки стен. 5 – Предполагаемые входы в крепость.

Юго – восточная башня (I) имеет внешние размеры 3,7 м, внутренние —2—2,1 м; толщина стен — 0,77—0,8 м. За линию куртины башня выступает на 1,9 м. Стены этого строения сохранились на высоту до 3 м. Скальный пол башни заглублен (относительно уровня дневной поверхности) с напольной стороны на 1,03 м. С северо – западной стороны башня имеет бойницу подножного боя для обстрела вдоль куртины 1. Верхнее щелевидное отверстие отстоит от низа бойницы на 0,45 м и на просвет имеет размеры 0,27 х 0,05—0,07 м. Нижнее, размерами 0,24 х 0,24 м, находится на одном уровне с дневной поверхностью напольной стороны.

Образуя с северо – восточной крепостной стеной угол 94°, к башне I примыкает куртина 2. Ее кладка велась в общую с башней строительную траншею без нивелирующей подрубки склона. Юго-восточная стена построена вперевязь с башней I и куртиной 1. Ее толщина 1,5 м (прослежена на участке длиной 1,1 м и далее уходит в борт раскопа).

Еще одним элементом юго – восточного оборонительного узла является крепостная стена (кл. 4), пристроенная без перевязи к башне I. С линией северо – восточной куртины она образует угол 78°. Толщина стены 1,4 — 1,65 м; сохранилась на высоту 2,2 м на участке протяженностью 6 м, открытом раскопками. Ниже по склону она почти полностью разрушена и прослеживается по развалу камня, который достигает 5 м в ширину. В 20 м от башни I эта стена под углом 120° поворачивает на восток и достигает скальных обрывов. Площадь огороженной этой стеной территории около 2500 м². Внутри «двора» отмечены редкие развалы околотого камня (вероятно, развалы средневековых построек).

Северо – западная башня (II) — угловая; ее внешний диаметр – 3,7 —3,75 м. Размеры внутреннего помещения — 2,1 — 2,2 м, толщина стен — 0,78 — 0,8 м. Юго – западная часть башни сохранилась на высоту 3,25 м; северо – восточная кладка башни срезана до уровня 1,2 м при терасировании склона. Стены сооружения поставлены непосредственно на поверхность скального пола, заглубленного относительно уровня дневной поверхности на 1,2 м. Котлован под башню вырублен в материке точно по внешнему абрису здания. За

линию крепостной стены (кл. 1) башня выступает на 1,95 м. С юго – восточной и юго – западной стороны башня имела две бойницы подножного боя. Плохая сохранность первой, предназначавшейся для фланкирования вдоль северо – восточной куртины, позволяет судить лишь о некоторых ее параметрах, вторая же сохранилась практически полностью. Ее ширина со стороны помещения составляет 1,45 м, в свету она уменьшается до 0,05 м. Откосы камеры сходятся под углом 61°. Низ бойницы, выложенный плоским камнем, находится в 1,21 м от пола башни. Верх камеры перекрыт аркой в виде усеченного конуса, сложенной из тонких плит песчаника. Внутренняя высота камеры составляет 1,08 м. Характерной особенностью бойницы является наличие с внешней стороны двух, расположенных по вертикали на одной оси, прямоугольных отверстий. Их размеры на просвет: верхнего — 0,25 — 0,05 м; нижнего — 0,18 — 0,21 м. Верхнее отверстие щелевидное с внутренним раструбком (от низа камеры отстоит на 0,3 м). Нижнее отверстие — прямоугольное, с параллельными стенками. Между собой они разделены цельным блоком песчаника; таким же камнем перекрыто и верхнее отверстие. Поверх этого архитрава выложена разгрузочная арка. Нижнее отверстие с внутренней стороны было закрыто тремя плоскими камнями, сложенными в стопку. Видимо, эта временная закладка предохраняла от затекания грунта внутрь строения. Описанная бойница башни II была направлена вдоль северо – западной крепостной стены (кл. 3). Она построена вперевязь с башней и куртиной 1, образуя с последней угол 96°. Толщина стены 1,4 — 1,6 м. Она прослежена на протяжении 13 м, а далее уходит в борт раскопа. За линию этой стены башня II выступает на 2,1 м.

Исследование фундамента куртины показало, что кладка велась в строительную траншею, общую с котлованом башни II. Основание стены поставлено на скальное дно глубокой подрубки в материковых сланцах. Кладка велась вплотную к северо – западному борту строительной траншеи. От внутренней линии стены край подрубки отстоит на 1,3 — 3 м. В борту раскопа хорошо прослеживается последовательность образования засыпи траншеи по мере возведения фундамента куртины. Над дном подрубки верх кладки возвышается

на 3,5 — 3,75 м. С внутренней стороны стены лицевая поверхность выражена только у верхнего ряда кладки. Ее верх тщательно снивелирован на один уровень.

Для изучения северо – западной линии обороны был раскопан участок, расположенный по трассе куртины 3 у скальных обрывов (в 18,5 м от башни II). На глубине 2,3 — 3,3 м от современной дневной поверхности достигнуто скальное дно строительной траншеи. Ее ширина по верху — 4,2 — 4,6 м, по дну — 2—2,5 м. Северо – западный борт подрубки относительно вертикален, юго – восточный – наклонный.

На вскрытой площади кладка крепостной стены или какие – либо ее остатки не обнаружены. Видимо, возведение северо – западной линии обороны так и не было завершено.

Тем не менее, полученные данные позволяют судить о первоначально планируемой структуре этого участка обороны. В связи с этим также трудно объяснить, почему в систему обороны, на описываемом рубеже, не была включена стратегически важная высота, находящаяся на 20 м к северо – западу от донжона.

При разборке слоя разрушения донжона (к северо – западу от башни) обнаружены многочисленные обломки красноглиняной плинфы, архитектурные детали из известняка, капсельского ракушечника и песчаника (этот слой достигал 1,8 м). Среди них выделяются фрагменты каменных блоков от наборных кронштейнов (в одном из них застрял наконечник турецкой стрелы), клинчатые камни, отдельные части обрамления надписи (сама надпись, к сожалению, не обнаружена). Набор архитектурных деталей, собранных во время раскопок 1992—1993 гг., позволяет говорить о том, что донжон имел не менее трех наземных этажей с боевой площадкой наверху, огражденной парапетом на каменных кронштейнах с машикули. Внутреннее пространство башни перекрывалось куполом, а междуэтажные перекрытия (за исключением цокольного) были деревянными.

Проведенные на памятнике работы показывают, что строительно-технические характеристики фортификационных сооружений замка сходны. Донжон, крепостные стены и угловые башни сложены из

разномерного бута на известковом растворе. Во всех случаях двухлицевая с внутренней забутовкой кладка велась рядами высотой 0,4 — 0,5 м. Для их выравнивания использовались тонкие плитки песчаника, реже — фрагменты плинфы. Отличительной чертой ограды «хозяйственного двора» (кл. 4,5) является то, что она сложена на глине с добавлением известковой крошки. Изучение крепостных сооружений памятника показывает, что их строительство велось по принципам западноевропейской средневековой фортификации с расчетом на использование огнестрельного оружия.

В результате проведенных в 1993 г. работ получен немногочисленный археологический материал (фрагменты стенок пифосов, поливных чаш и кувшинов, горшков с рельсовидным венчиком, железные втульчатые арбалетные болты и черешковые наконечники стрел, каменные ядра и проч.), располагавшиеся довольно равномерно в делювиальных отложениях. В целом он может быть отнесен к XV в.

Таким образом, двухлетние исследования крепости Чобан—Куле позволили уточнить историческую топографию и организацию обороны укрепления. Раскопками 1993 г. также установлено, что строительство фортификационных сооружений памятника не было завершено. Это вполне согласовывается с данными письменных источников. Например, из письма консула Кафы Антониото ди Кабела к консулу Солдайи Христофоро ди Негро (датировано 17 сентября 1474 г.) мы узнаем, что в это время еще продолжались строительные работы в замке братьев Гуаско. Не противоречат этому и археологические материалы, которые могут быть отнесены ко второй половине — последней четверти XV в.

Г.М.Николаенко

ОХРАННЫЕ РАБОТЫ НА ХОРЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

В отчетном полевом сезоне Гераклейская экспедиция ХИАЗ продолжила охранные раскопки на территории ближней хоры Херсонеса. Исследования проводились на наделах мыса Срединного и Маячного полуострова в связи с интенсивным военным и промышленным строительством в этой зоне.

Полевые работы отчетного сезона были начаты на мысу Срединном, а именно на западном берегу Камышовой бухты на наделе 39 (Николаенко, 1991). Здесь было заложено два раскопа общей площадью 345 м^2. Первый раскоп разбит в 100 м от северного угла надела.

Выбор участка обусловлен присутствием в этом месте большого количества фрагментов керамики эллинистического времени, обнаруженных у нижней кромки берегового клифа в полосе прибоя. На данном участке находилась усадьба надела, уничтоженная впоследствии абразией берега.

Поэтому основной задачей раскопок было выявление возможных строительных остатков.

Работы показали, что вскрытая территория в древности представляла собой часть надела, непосредственно примыкающего к границе усадебного комплекса. От последнего сохранилось лишь пятно культурного слоя диаметром около 3 м, насыщенного фрагментами амфор и гончарной столовой посуды. Из строительных остатков сохранилась стена 1, протянувшаяся от кромки берегового обрыва в глубь мыса, ориентированная своей продольной осью по линии ССВ—ЮЮЗ. Кладка трехслойная, двулицевая, толщиной 0,7—0,95 м, вскрыта на протяжении 7,5 м. Фасады сложены довольно небрежно, в основном, из крупных необработанных камней в 1—2 ряда в высоту (0,4—0,5 м), в иррегулярной системе. Подошва северо – западного участка стены лежала на культурном слое эллинистического времени. Это позволяет предположить, что она возникла после прекращения существования усадьбы.

На расстоянии 20 м к ЮЮВ от стены 1 и в 7,5 м к юго – западу от берегового обрыва расчищена каменная площадка округлой формы размером 11,5 (С—Ю) х 10,5. Она является частью скального материкового монолита, протянувшегося в виде гряды вдоль линии берега и свою внешнюю форму имеет благодаря опоясывающей ее кольцевой траншеи шириной 0,3—0,5 м и глубиной в среднем 0,5 м. Назначение и время ее создания остаются неясными. Возможно, она служила основанием для какого – то наземного сооружения, а траншея была своего рода водоотводом дождевой воды.

Большая часть территории раскопа между стеной 1 и восточным бортом была занята скальной вырубкой, имевшей вид траншеи шириной до 9,5 м и глубиной от 0,23 м на северном и 0,45 м на южном ее участках. Она была заполнена однородным буровато – коричневым суглинком.

Единственным сохранившимся агротехническим сооружением исследованного участка была обнаруженная в восточном секторе раскопа каменная гряда, ориентированная продольной осью по линии СВ—ЮЗ. Ее протяженность составляла 6,25 м, ширина 0,5 м, высота 0,2 — 0,3 м. Она сложена из плотно подогнанных друг к другу необработанных камней среднего размера.

Второй раскоп находился в 142 м к юго – востоку от центра каменной площадки (площадь 25 м^2). На нем был зачищен стык двух оград внутренней размежевки надела. Кладка стен состоит как бы из двух участков. На протяжении около 2,5 м от места стыка панцири сложены аккуратно из необработанных камней с соблюдением вертикальной плоскости и сохранились на высоту 2 — 3 рядов (0,14 — 0,38). Интересно отметить, что в стене № 1 в месте стыка и на конце описываемого участка кладки находились поставленные на ребро плоские плиты примерно одинакового размера (0,44 х 0,30 м). Вторые участки представляли собой хаотичный навал мелкого щебня, в который были вкраплены отдельные крупные камни. Подошва обоих участков находилась на разных уровнях, причем у слоя щебенки она находилась выше.

Заполнение раскопа состояло из однородного коричневого суглинка. Материк представлял собой каменную крошку, на которой

лежали крупные глыбы (выходы материковой скалы). Какой — либо датирующий материал в заполнении раскопа отсутствовал, но по характеру кладки можно предположить, что первый ее участок относится к эллинистическому периоду.

На Маячном полуострове заложены 3 раскопа на одном наделе. Раскоп 1. Состоит из трех участков. Первый (266 м²) захватил своеобразный узел трех взаимосвязанных элементов надела. Один из них — расчищенный на протяжении 4,5 м участок поперечной дороги между наделами с полотном шириной 3,5 — 3,3 м, состоящего из слоя утрамбованного щебня, перемешанного с грунтом, толщиной 0,18 — 0,25 м. Дорога с обеих сторон ограждалась мощными стенами, толщина которых сильно разнилась. У южной она составляла 3,7 м, у северной 2,5 м. Фасады оград сложены аккуратно, с тщательным соблюдением вертикальной плоскости из подобранных камней, в основном, прямоугольной формы. Средняя сохранность высоты фасов 3—5 рядов кладки (0,3 — 0,5 м).

На втором участке раскопа открыт архитектурный комплекс, состоящий из прямоугольного в плане здания, пристроенного к северной ограде дороги рядом с выходом на нее и примыкающего к нему с северо — запада огороженного двора, на которых удалось проследить 2 строительных периода. Первоначально было возведено само здание, размерами 4,7 х 9,4 м, ориентированное углами по сторонам света. Вход в него находился в северо — западной стене, со стороны двора. Оно состоит из двух неравных смежных помещений, соединенных дверным проемом (ширина 0,94 м), заложенным в древности.

Помещение 1 имело размеры 3,7 х 5,0 м. Пол в нем грунтовой, уложенный на материковую скалу. Она представляет собой скопление ямок и впадин, в одной из которых были обнаружены фрагменты чернолакового канфара. По четырем углам помещения в скале вырублены неправильной формы ямы: три из них глубиной 0,2—0,3 м, четвертая — 0,7 м. Заполнены ямы рыхлым коричневым суглинком, с примесью небольшого количества щебня. Глубокая яма вырублена в северном углу помещения. Впоследствии над ямой сооружен каменный ящик из поставленных на ребро больших плоских плит.

Внутреннее пространство его было заполнено плотным серо–коричневым суглинком с большим количеством мелких камней. В заполнении обнаружена монета. Верхний уровень ящика вымощен плоскими камнями и керамикой.

В помещении 2 (1,7 х 3,6 м) у северо–восточной стены, в ее центральной части обнаружено сооружение, сложенное из необработанных плоских камней в виде ящика, размерами 0,6х1,2 м. Его заполнение состояло из серовато–коричневой супеси, в которой была обнаружена донная часть херсонесской амфоры. Сверху ящик частично перекрывался каменными плитами. Под северной стеной ящика на уровне пола найдена бронзовая монета. Пол помещения глинобитный с находом на стены. Его толщина варьировалась от 0,05 м в центральной части до 0,10 — 0,15 м, по углам. Под полом на уровне скалы найдены 2 керамических светильника, 2 монеты, фрагменты гвоздей и железного изделия. Скала под северной половиной постройки и прилегающим к ней с севера участком надела тщательно выровнена. Все стены постройки сложены в одной технике: трехслойная, двулицевая кладка из подобранных плоских камней с сохранением вертикальной плоскости фасада. Кладки между собой соединены в переплет и сохранились на высоту 5—7 рядов камня (1,2 — 1,5 м).

Одновременно с возведением здания у внешних фасов северо–восточной и северо–западной стен постройки в скале были вырублены 5 ям. 4 из них прямоугольной формы, пятая амфорных очертаний. Глубина ям у северо–восточной стены постройки 0,3 —0,4 м, у северо–западной — 0,6 — 0,9 м. Заполнены однородным коричневым суглинком, причем в ямах у северо–восточной стены отсутствует щебень. Находки: отдельные фрагменты амфор херсонесского и синопского производства и монета.

Во второй строительный период возникает ограда двора, полные размеры которого в этом полевом сезоне выявить не удалось. Кладка стены ограды аналогична кладке стен постройки. Ее толщина 0,6 м, к постройке пристроена впритык. Нумизматический и керамический материал позволяет датировать возникновение и существование комплекса серединой — третьей четвертью IV в. до н.э. — нач. III в. до н.э.

На раскопе 1 был открыт и участок самого надела: 2 плантажные стены и пространство между ними. Первая плантажная стена находилась на расстоянии 4,9 м от северного фаса северной ограды дороги и на 2,3 м не доходила до постройки. Она расчищена на протяжении 13,5 м, ее толщина 1,15 — 1,20 м. Кладка стены трехслойная, двулицевая, оба фаса сложены в один камень толщиной. Внутренний слой представляет собой забутовку из щебня вперемешку с землей. Фасы стен сохранились на один ряд камней в высоту 0,16 — 0,2 м. Подошвы фасов лежат на погребенной почве.

Вторая плантажная стена расположена параллельно первой на расстоянии 5 м. Толщина стены 1,10 — 1,15 м, сохранившаяся высота в среднем 0,5 м. Структура стены идентична, система кладки постелистая. Характерной особенностью фасов стены является то, что подошва южного фаса покоится непосредственно на скале, тогда как подошва северного фаса лежит на погребенной почве.

Вдоль северных фасов обеих плантажных стен выявлены вырубленные в скале траншеи шириной 0,9 — 1,2 м и глубиной 0,10 — 0,12 м от уровня скалы, заполненные коричневым суглинком с мергелевой крошкой и щебнем.

Обычно траншеи на виноградниках используются для закладывания в них чубуков с последующим проращиванием корневой системы. Исходя из этого опыта можно предположить, что открытые агротехнические сооружения были предназначены для выращивания виноградных саженцев.

Раскоп II(пл. 145 м^2) разбит в 75 м к С — СВ от раскопа 1, на месте визуального соединения поперечной дороги, открытой в раскопе 1, с дорогой продольной. Он ориентирован по оси СВ—ЮЗ в соответствии с направлением поперечной дороги. В результате расчистки выявлен Т — образный перекресток, вершиной которого является продольная дорога, пересекающая Маячный полуостров с востока на запад.

Поперечная дорога вскрыта на длину 9 м. Ширина проезжей части у перекрестка — 3,35 м. Полотно дороги здесь выровнено вымосткой из плоских камней, уложенных на поверхность материковой скалы. Далее от перекрестка на Ю — З проезжая часть

идет по очень плотному грунту — суглинку со щебенкой. При расчистке поперечной дороги зафиксированы 2 строительных периода: 1 — позднеклассический — ранне-эллинистический —представлен фрагментом чернолакового сосуда аттического производства и обломками ручек синопских амфор. II строительный период относится к раннеримской эпохе. В это время полотно поперечной дороги вымащивается камнями с добавлением щебня и грунта. В слое найдены черепки амфор Синопы и Херсонеса первых веков н.э., а также фрагменты светлоглиняных амфор.

Продольная дорога выявлена на длину 3,0 м. Ширина дороги 5,0 м. Проезжая часть представляет собой поверхность скальной породы —твердого известняка «понтийского колпака», трещины и неровности в котором плотно утрамбованы щебнем. При зачистке проезжей части выявилась интересная деталь. В скале пробита резка, которая продолжает придорожную линию Ю—З ограды поперечной дороги. На поверхности скалы в этом месте видны следы подтески для углового камня. Если бы угловой камень был поставлен на приготовленное для него ложе, то ширина полотна продольной дороги сократилась бы до 4,60 м.

Продольная дорога имеет еще одну особенность: с—в ограда дороги в 2 раза шире юго—западной: 3,42 и 1,60 м соответственно. Эта особенность, которая на Маячном полуострове была отмечена еще Н.М.Печенкиным, выявлена также работами Гераклейской экспедиции на наделах, расположенных на территории между бухтами Омега и Камышовая и центральной части Гераклейского полуострова.

Раскоп III находится в 400 м к северо—западу от раскопа 1, у противоположной ограды того же надела. Здесь открыт участок ограды двора какого—то сооружения, возможно усадьбы, уничтоженной при строительстве военной дороги. Стена сложена в технике, аналогичной стенам ограды двора на раскопе 1. Толщина стены — 1 м, сохранилось 3—5 рядов кладки на высоту 0,6—0,7 м.

В засыпи у северного фасада стены (внутреннее пространство двора усадьбы) найдено значительное количество керамического материала, в основном фрагменты амфор синопского и херсонесского

производства, который относится к последней четверти IV в. — нач. III вв. до н.э. Набор материала характерен для всех усадеб Гераклейского полуострова.

Пространство надела между раскопами I—II и III заполнено плантажными стенами виноградника, уход за которым, вероятно, осуществлялся обитателями усадьбы.

Вместе с тем, постройка у юго-восточной ограды надела (раскоп 1) имела иное функциональное назначение. Сравнение строительных остатков на этом раскопе с аналогичным материалом из других раскопов на хоре Херсонеса делают очевидным факт, что эта постройка не была жилым или хозяйственным комплексом. Особенности планировки и, главное, ямы, вырубленные в углах большого помещения и с внешних сторон северной и западной части постройки, дают возможность предположить ритуальное назначение этого сооружения. Вероятно, это было расположенное на виноградном питомнике придорожное святилище раннеэллинистического периода.

Кроме охранных раскопок на Срединном и Маячном полуостровах, Гераклейская экспедиция в балке Бермана продолжила расчистку раскопанного К.Э.Гриневичем в 1928—1929 гг. многослойного памятника с целью подготовки его к консервации. Расчищены до скалы 4 помещения: центральная башня (пом. 8) и часть винодельческого комплекса эллинистического периода (пом. № 13, 14, 15). Заполнение помещений состояло из переотложенного культурного слоя — отвалов раскопок К.Э.Гриневича и содержало керамический материал эллинистического, римского и средневекового периодов по X в. включительно.

Н.Г.Новиченкова

ДЕСЯТЫЙ ПОЛЕВОЙ СЕЗОН НА ГУРЗУФСКОМ СЕДЛЕ

Археологическая экспедиция Ялтинского объединенного историко-литературного музея продолжала исследования святилища,

расположенного у перевала Гурзуфское Седло, на Главной гряде Крымских гор. Раскопки осуществлялись на южном и юго – восточном участках памятника, где залегали культурные слои, характерные для его периферии. Проведено доследование позднесредневекового культового сооружения, которое интерпретируется как христианский скит. Общая площадь раскопов составила 225 м^2.

На южном участке святилища, возле вершины возвышенности, поверхность скалы в древности не выравнивалась, в отличие от северного ее склона, на котором территория для совершения обрядов жертвоприношений специально подготавливалась путем нивелирования скалы и материковой глины. После удаления дерна и гумуса и зачистки скалы обнажился ее неровный, бугристый рельеф с множеством трещин различной глубины, достигающей в некоторых местах 1 м.

Камни приобрели округлые и гладкие, «зализанные» очертания, видимо, вследствие ветровой эрозии.

Исследование аналогичного участка в 1989 г. привело к выводу, что в древности южная часть территории святилища, то есть вершина, значительно дольше оставалась открытой (еще и после того, как к концу II в.н.э. заросли травой северные ее склоны после прекращения существования ритуального комплекса, пред – назначенного для обрядов сожжения).

Для южных скальных участков не характерно равномерное распространение по всей площади культурного слоя. Керамика и кости образуют здесь небольшие скопления в углублениях и трещинах скалы, куда запал темный натечный грунт. Отдельные античные и средневековые находки представлены фрагментами стеклянных сосудов, бусами из пасты, фаянса, стекла, дерева, сердолика, горного хрусталя. Обнаружены клыки кабана, железные гвозди, кремневые отщепы, глиняное пряслице, ножи, ключ, наконечники стрел, лучковая фибула, оселки, бронзовая чашечка, а также фрагменты керамид от кровли располагавшегося рядом христианского храма и обломки стенок пифоса.

На юго – восточном участке святилища зачищены 3 жертвенные ямки диаметром от 0,28 до 0,4 м, вырытые в материковой глине и

заполненные светло – серой глиной с примесью золы и небольшим количеством зубов животных. На дне двух из них обнаружены мелкие кусочки охры, в одной лежал фрагмент стенки светлоглиняной амфоры. В этой части святилища на площади 15 м^2 исследовался залегающий на материке темный слой с золой и пережженными костями (зольник), имеющий толщину 0,2 м, который частично был поврежден в 1991 г. грабительским перекопом. Обнаруженные в нем находки связаны с функционированием ритуального комплекса конца I в. до н.э. — II в.н.э. В слое находилось множество фрагментов античных стеклянных сосудов. Встречаются стеклянные, в том числе позолоченные, бусы, фрагменты светлоглиняных и оранжевоглиняных амфор, краснолаковых сосудов, железные гвозди, шарнирные детали оковки сундучков. Найдены нож, наконечник стрелы, оплавленная пастовая бусина, бронзовая деформированная от огня монета, антропоморфный амулет (вырезанный из бронзовой пластинки), фрагмент плоской терракоты. В зольнике обнаружено плотное скопление непережженных костей животных, занимающее площадь около 4 м^2.

Помимо нижних челюстей, в нем обнаружено немало черепных крышек с остатками рогов, различных частей черепа, в том числе с глазницами. Наиболее интересными находками с этого участка зольника являются серебряное височное кольцо, украшенное головкой ушастого животного, и денарий Августа (Галлия, г. Лугдунум). В южной части святилища на площади около 17 м^2 также исследовался темный слой с золой и пережженными костями, который содержал не только античные, но и средневековые находки: фрагменты стеклянных сосудов (один из них оплавлен), железные гвозди, стеклянные бусы.

Обнаружены наконечник стрелы, серебряная накладная пластина трапециевидной формы и серебряная генуэзско – крымская монета второй четверти XV в. В зольнике, имевшем толщину 0,1 м, была вырыта ямка диаметром 0,38 м, глубиной 0,22 м, дно которой выдолблено в скале. Она была заполнена темным грунтом с золой и костями, в нижней части перемешанным с мелкими камнями. Сверху плотным слоем ямку перекрывали непережженные челюсти

и трубчатые кости животных. Помимо разновременных фрагментов стеклянной посуды, в ямке лежали следующие предметы: бронзовая трубка – амулетница, бронзовая ручка П – образной формы, фрагменты бронзовой пластины и браслета с окончанием в виде шишечки, часть железного изогнутого стержня, колечко от кольчуги, бронзовая круглая пластина с раздвоенным ушком, соединенная с железной скобой, стеклянный расплав. Нельзя не обратить внимание на разнообразие стекла (всего в ямке обнаружено 45 фрагментов) — от крупных частей позднеэллинистических литых кубков зеленого и желтого оттенков до ручки средневековой лампадки синего цвета.

Помимо этих находок, в ямке лежали осколки слабоокрашенных сосудов античного и средневекового времен, фрагмент полихромного амфориска эпохи Августа, изготовленного в технике глиняного ядра, осколок стеклянного ритуального столика с прокладкой из золотой фольги, фрагмент кубка из глухого голубого стекла. Жертвенная ямка средневекового времени с вторичным использованием античных вотивных вещей — новый для Гурзуфского Седла археологический факт. Этот закрытый комплекс явился подтверждением идеи об устойчивости традиций и религиозной преемственности в местной среде. Можно предположить, что заполнение ямки представляет собой какую-то часть находок средневековых строителей, обнаруженных ими при постройке культового сооружения.

Завершено исследование позднесредневекового культового сооружения турецкого периода, построенного на том месте, где находились храмы конца VII—X вв. и X—XIII вв. Сохранившиеся фрагменты двухпанцирной кладки фундамента северной и южной стен храма X—XIII вв., сложенные на известковом растворе с серым песком, были использованы при возведении этого сооружения и частично стали основанием стен западного его помещения. От храма X—XIII вв. полы не сохранились. Они были полностью уничтожены, срыты. При этом в материке образовались ямы, одна из которых, особенно обширная, имела диаметр около 1 м и глубину 0,6 м. Она оказалась забита глиной, использованной для нивелировки поверхности. Имеются следы вторичного обживания руин храма X—XIII вв. после его разрушения. Выявлены следы кострища в виде

закопченного пятна в центре с отдельными головешками, лежащими в стороне. Затем, видимо, не ранее конца XV в. было построено двухкамерное сооружение, полы которого доследовались.

Западная стена храма предыдущего периода была срублена до подошвы и служила основанием пола западного помещения, а остальная часть пола была подсыпана до этого уровня на толщину 0,15 — 0,2 м с частичным использованием известковой крошки из кладки стен разрушенного храма и сверху имела обмазку из извести с щебнем, в которую были впущены плитки песчаника. Возле южной стены зафиксированы остатки очага. В связи с тем, что помещение изначально строилось как жилое, он был сооружен одновременно с полом и своим основанием впущен в пол. О том, что он использовался, свидетельствует прокаленная печина. На полу были найдены монеты Крымского ханства: Менгли – Гирея (1467—1515 гг.) и Сахиб – Гирея (1538 г.). Восточное помещение с алтарным закруглением служило молельней. К тому времени, когда постройка закончила свое существование, очаг уже не функционировал. Его обкладка до уровня пола была снесена, и поверхность очага использовалась в качестве пола. Это говорит о том, что на последнем этапе существования сооружение не использовалось как жилое.

Н.Г.Новиченкова

РАЗВЕДКА НА ТЕРРИТОРИИ МАССАНДРОВСКОГО ДВОРЦА АЛЕКСАНДРА III

В октябре 1993 г. была проведена археологическая разведка на небольшом участке к юго – западу от Массандровского дворца. До недавнего времени на этой территории находилась госдача, а с мая 1992 г. во дворце разместился музей, входящий в заповедник «Дворцы и парки ЮБК». Значительная часть площади дворцово – паркового ансамбля в его северо – восточной части по – прежнему недоступна для посещения и археологического изучения. Именно

там располагался известный по дореволюционной литературе храм, из-под алтаря которого вытекал родник. Через эту местность в древности проходила дорога, ведущая из восточных районов побережья в Ялтинскую долину.

Судя по подъемным находкам, местность в древности была населена: на обширной территории персикового сада к западу от дворца встречаются мелкие фрагменты керамики. В лесных зарослях на небольшом холмике диаметром 50 м, имеющем с востока крутые и обрывистые склоны и расположенном на расстоянии 250 м к ЮЮЗ от дворца, заметны следы браконьерских перекопов, образовавшихся ориентировочно лет 20—30 назад.

В связи с предполагаемыми в ближайшем будущем земляными работами по благоустройству и перепланировке парка возникла необходимость провести минимальные археологические работы с целью выявления культурного слоя или других древних остатков для организации раскопок в будущем. Потенциальный заказчик предстоящих работ заинтересован в возможности максимальной музеефикации выявляемых в процессе раскопок объектов древней культуры с целью включения их в создаваемый парковый ансамбль.

Участок, на котором проводились исследования, сильно зарос деревьями, мелким кустарником и травой. На поверхности прослеживались края вертикально поставленных каменных плит, характерных для конструкции каменного ящика. Южная плита была наклонена внутрь. Заполнение ящика было частично выбрано грабителями. При зачистке на дне обнаружена еще одна разломанная на 2 части плита северной торцовой части, выдавленная внутрь выросшей сосной. Восточная и западная плиты сохранили свое первоначальное положение. Ящик имел меридиональную ориентировку (А 340°). Его размеры 2,3 х 1,7 м.

В перекопанном грабителями грунте, частично заполнявшем ящик, обнаружено множество раковин виноградных улиток. Находки преимущественно сосредотачивались в юго-восточном углу, где обнаружено множество обломков черепных костей, зубы, часть гранитной гальки, железный стержень (наконечник стрелы — ?), несколько фрагментов стенок сероглиняных сосудов неравномерного

обжига, вылепленных из грубого теста с примесью дресвы. За пределами ящика в грабительском выбросе найдены 8 бронзовых и 7 пастовых мелких бусин, заостренный с обоих концов отрезок бронзовой проволоки, обломок кремня, мелкие фрагменты бронзовых изделий, лепных сосудов и человеческих костей.

На расстоянии 2 м к западу, параллельно ящику,просматривался край заглубленной в землю плиты длиной 2 м (предположительно покровной плиты от каменного ящика), рядом с которой грабителями была вырыта еще одна яма, при зачистке которой обнаружено множество фрагментов античных амфор (с преобладанием синопских), а также лепных и гончарных сосудов, в том числе миски с темным покрытием типа позднего черного лака. Найдены раковины каури, железный гвоздь, обломки керамид и глазурованных сосудов с орнаментом граффито и без него, обломки костей. Подобные же находки встречаются в грабительском отвале между плитой и ящиком. На дне перекопа на глубине 0,5 м от современной дневной поверхности обнажился культурный слой, уходящий в западный борт, представляющий собой бутовый развал, насыщенный фрагментами гончарных и лепных сосудов.

Залегание выходящих на поверхность возвышенности каменных плит позволяет предполагать наличие здесь таврского могильника. Объект, являющийся комплексом археологических памятников античного и средневекового периодов, представляет научный познавательный интерес. Для определения характера выявленного культурного слоя необходимо проведение археологических раскопок.

Е.А.Попова, С.А.Коваленко

РАБОТЫ КРЫМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МГУ

В 1992—1993 гг. экспедиция раскрывала одну из греческих усадеб (3), которая располагалась к юго – востоку от так называемого здания III в. до н.э. (усадьба 1) /Яценко, Турина, 1991/. Упомянутые

авторы обозначили этот комплекс под номером 4, с чем мы не можем согласиться, так как на месте предполагаемой ими усадьбы 3 в указанное время в действительности располагалась площадь с ямами, а строительные остатки относятся к более раннему горизонту.

За последние два года усадьба 3 была открыта практически целиком. Планировка ее оказалась несколько необычной. У северной стены располагались 4 помещения, открытых южной стороной во двор. Пол одного из них (3) был выложен из нескольких параллельных рядов сырцовых кирпичей поверх песчаной подсыпки. Полностью сохранилось 33 кирпича стандартных размеров — 0,47 х 0,45 х 0,80 м, изготовленных из серой глины с песком и соломой в качестве отощителей. Остальные оплыли или были разбиты упавшими со стен камнями.

Рядом с упомянутыми помещениями — навесам у северной стены находилось еще 2 помещения, имевших хозяйственное назначение. В одном из них была яма для пифоса и остатки очага, во втором — каменная ступа, глиняный очаг и много различной посуды. Перед комнатами был двор, частично вымощенный большими каменными плитами.

В вымостке устроена яма, выложенная камнем, на дне которой были остатки серой глины, нарезанной сегментами, вероятно, используемой в производстве описанных выше кирпичей. В западной немощенной части двора стояло большое каменное корыто со сливом. В центре усадьбы находился вытянутый по линии С—Ю дом, состоявший из 5 изолированных помещений с самостоятельными выходами во двор. Одно из них было вымощено, остальные имели глинобитные полы с очагами. Восточная часть двора была вымощена мощными каменными плитами. Оборонительные стены усадьбы были значительно выбраны еще в древности: целиком осталась только северная кладка, а южная, видимо, выбрана полностью. Рассматриваемый комплекс мог занимать площадь около 300 м.

Находки из помещений усадьбы свидетельствуют о ее существовании в III в. до н.э. Это клейма на ручках амфор, чернолаковая посуда. В помещении 11 на полу лежал каменный рельеф с изображением Геракла, относящийся к III в. до н.э. Он выполнен из местного известняка и представляет собой почти

круглую скульптуру. Фоном служит заглаженная плита без бортиков, выступ внизу используется как подставка для ног фигуры. Размер плиты 50 х 35 см. Геракл изображен во весь рост, обнаженным, с обычными атрибутами: правой рукой он держит на плече палицу, через левую руку перекинута шкура льва, которая свисает до пола. На теле кое – где сохранились следы розовой краски. Рельеф сделан, несомненно, греческим мастером, однако некоторая непропорциональность фигуры и меньшая тщательность обработки произведения свидетельствуют о понижении уровня профессионального мастерства греческих художников в Северном Причерноморье. Находка подтверждает широкое распространение культа Геракла у греков Северо – Западного Крыма, связь населения городища именно с Херсонесом, где этот герой был особо почитаем со времени основания полиса и до утверждения христианства. Однако эллинистических памятников в Херсонесе практически нет (там много находок римского времени); тогда как на Чайке это уже вторая находка эллинистического времени.

Усадьба № 3 погибла, видимо, в результате военного набега, так как слой ее разрушения несет следы интенсивного пожара. Кроме того, в помещениях были найдены ядра для метательных орудий и стрелы скифского типа.

В отчетном году были продолжены исследования усадьбы 2, непосредственно примыкающей с юга к так называемому зданию III в. до н.э. К сожалению, из – за плотной более поздней застройки скифского периода не было возможности изучать данный комплекс на широкой площади. Еще ранее была открыта восточная внешняя стена усадьбы с тремя выступающими вдоль нее помещениями (А—Б—В). В 1993 г. было раскрыто четвертое примыкающее к ним вплотную с юга помещение Г. В нем на полу находилось, по всей видимости, культовое сооружение, представлявшее собой большую прямоугольную плиту, поставленную на ребро, от которой отходили две стенки из камней и сырцовых кирпичей. Внутри лежала нижняя часть лепного сосудика. В заполнении и на полу комнаты были найдены амфоры и другие сосуды III в. до н.э. С западной стороны всех четырех вытянутых в ряд помещений располагался покрытый

каменным отесом двор, в который имелся выход из описанной выше комнаты. Найденный тут материал, в основном, относится к III в. до н.э. Среди последнего представляет интерес двухсторонний египетский амулет из синего стекла с изображениями человеческого лица, обрамленного длинными кудрями. В северной части усадьбы 2 были открыты более ранние строительные остатки, относящиеся к IV в. до н.э.

С целью проверки высказанного вскользь предположения А.Н.Карасевым был заложен раскоп вблизи от юго – западной башни эмпория, где, как считал ученый, присутствовали строительные остатки V в. до н.э. /см. АО, 1966/. Нами была доисследована территория к северу от здания с рустованными облицовочными квадрами, которое, по мнению А.Н.Карасева, предшествовало эмпорию. При этом его не смущали ни высокое стратиграфическое положение постройки, ни отсутствие там находок, датируемых даже IV в. до н.э. Весь происходящий оттуда материал относился к III в. до н.э. /Отчет за 1966 г./.

Нами установлено, что раскрытая в 1966 г. и ориентированная с юга на север стена продолжается к северу. Она является одним из элементов внутренней застройки эмпория. В те же годы А.Н.Карасевым раскрывалась покрытая каменным оттесом площадь перед рустованным зданием. Эта вымостка перекрыла упомянутую кладку. Таким образом, можно с большой долей вероятности предполагать, что так называемая ранняя постройка была возведена только в IV в. до н.э., а уже в III в. до н.э. прекратила существование. Затем на ее месте устраивается площадь.

Совершенно аналогичную картину мы наблюдали в восточной части городища.

Отсутствие культурных отложений ранее середины IV в. до н.э. отмечено при исследовании помещений 97 и 98, которые примыкали к упомянутой стене внутренней застройки. Здесь был сделан большой шурф до скального материка. Материал с полов помещений датируется не ранее чем IV в. до н.э. Под стенами застройки эмпория культурный слой практически отсутствует, а его стены стоят на предскальной глине.

В 1992 г. было закончено раскрытие отдельно стоящей изолированной позднескифской усадьбы, расположенной к юго-западу от основного поселения. В ней было открыто помещение, имевшее, бесспорно, культовый характер. В его трех углах располагались очаги, у западной стены лежали черепа двух баранов, а в центре на полу находился глиняный столик со следами горения сверху. Рядом с ним стоял небольшой терракотовый алтарик — миниатюрная копия греческого алтаря на ступенчатом основании — украшенный в верхней части двумя акротериями. Углубление вверху использовалось для сожжения жертвоприношений. Также найдены тут астрагалы с отверстиями. Из заполнения комнаты происходит фрагмент терракотовой статуэтки Афродиты с дельфином у ног.

По керамическому материалу помещение датируется I в. до н.э. — I в.н.э. Среди него выделим типичные для поздних скифов лепные сосуды — миниатюрную плошку и так называемую «мисочку на ножке» с ручками — упорами, возможно, светильник. Данное помещение, в отличие от известных нам домашних жертвенников на городище, является специально устроенным святилищем.

А.Е.Пуздровский, И.И.Лобода

РАСКОПКИ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Альминский отряд Западно-Крымской экспедиции КФ ИА НАН Украины совместно с БГИКЗ продолжили охранные работы на Усть-Альминском позднескифском могильнике (с. Песчаное Бахчисарайского р-на). Как и в предыдущие годы, они были вызваны ставшими уже систематическими грабежами древнего некрополя.

Памятник открыт в 1964 г. /Рутківська, 1967, с. 80—86/. В ходе стационарных раскопок 1968—1983 гг. исследовано 223 могилы, из которых — 19 склепов, 25 подбойных могил, 10 — с заплечиками, 129 — простых грунтовых с каменной забивкой, 10 плитовых, 16

—неопределимы, 14 кенотафов, а также 14 конских могил /Висоцька, Лобода, 1984, с. 61—68; Дашевская, 1991, с. 55/. Общая исследованная площадь — около 2000 м².

В настоящее время есть основания полагать, что могильник занимал территорию не менее 4—5 га. Таким образом, до грабительских раскопок изученная часть составляла 5—7%.

В 1993 г. работы велись на трех участках, где раскопаны 4 склепа, 32 подбойные могилы, 35 грунтовых с каменной засыпью, 8 могил с заплечиками, 7 плитовых, 3 конских захоронения. Кроме того, зачищено более 10 могил, разрушенных грабителями.

Первый раскоп (50 м²) находился в западной части могильника и связан с исследованием склепа 316 и окружающих его могил. Второй раскоп (180 м²) был образован в результате прирезок к участку 1992 г. Третий раскоп (400 м²) располагался на восточной периферии могильника и также граничил с востока и севера с площадями, исследованными в 1992 г.

Склепы содержали многоярусные захоронения с количеством костяков от 15 до 58. Камеры склепов — подпрямоугольной формы размером 3х2,5 м; в одном случае — овальной размером 4,2 х 3,8 м. В камеру вел дромос длиной 2 — 2,5 м со ступенькой, на которую опиралась закладная плита. Своды, там, где это удалось проследить, —коробовые или купольные. В камерах трех склепов совершались захоронения на протяжении I — первой половины II в.н.э. Один склеп можно отнести к более раннему времени: I в. до н.э. — I в.н.э. В погребальном обряде присутствуют символы огня: угольная подсыпка, реальгар, сера, смола. Погребенных часто хоронили в деревянных гробовищах, тлен от которых позволяет проследить их размеры.

Подбойные могилы встречены как обычной конструкции, так и с двумя камерами. Каменные заклады часто состояли из плит разме́ром 1,0 х 0,7 м, глубина входной ямы — 3,0 м от уровня современной дневной поверхности.

Грунтовые могилы представляли собой неглубокую яму с послойной засыпкой камнем, либо вымосткой из более крупных плит. Последняя конструкция, вероятно, является упрощенным

вариантом типа могил с заплечиками. Почвенные условия могильника не всегда позволяют уверенно проследить могилы с заплечиками, особенно если уступы были небольшой ширины. Вполне вероятно, что таких могил могло быть среди раскопанных объектов больше.

Плитовые могилы, как правило, имели несколько крупных камней вдоль стенок и перекрывались такими же плитами. Часто они содержали по нескольку костяков.

Встречены 3 конских захоронения (все разрушены), в одном найдены удила с псалиями – стержнями.

Хронологический диапазон исследованных захоронений охватывает I в. до н.э. — первую половину III в.н.э., большая часть погребений относится к I—II вв.н.э.

Инвентарь представлен обычными для этого времени категориями: краснолаковой и стеклянной посудой, бронзовыми и железными украшениями, предметами туалета и одежды (перстни, кольца, фибулы, пряжки, браслеты, зеркала, пинцеты, шкатулки), орудиями труда (пряслица, иглы, шилья), оружием (мечи, наконечник копья, стрелы). Особенно много встречено амулетов – оберегов: из египетского фаянса, в виде бронзовых антропоморфных фигурок, колец с «шишечками», иногда оформленных в форме додекаэдра, крупных бус с фестончатым орнаментом, колокольчиков и др. Найдено несколько курильниц сарматских типов. На краснолаковой и лепной посуде попадались граффити с именами владельцев, посвящениями греческим богам, «мальтийским» крестом, сарматскими знаками.

Среди перстней есть группа с вырезанными на литиках и щитках античными сюжетами. Такие вещи, возможно, служили их владельцам печатями.

В забутовке одной из могил найдено антропоморфное надгробие сарматского типа, близкое по стилю изображения стелам Заветненского могильника.

Исследования 1993 г. показали перспективность раскопок оставшейся площади некрополя, что возможно при соединении усилий организаций и привлечении большего числа научных сотрудников и научно – вспомогательного персонала, а также при

действенной охране памятника от разграбления, масштабы которого в несколько раз превышают объемы охранных исследований.

А.И.Романчук

РАСКОПКИ В ПОРТОВОМ КВАРТАЛЕ 2 ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА

Экспедиция Уральского университета в 1993 г. продолжила изучение портового квартала 2 Херсонесского городища. В ходе раскопок текущего сезона решались следующие задачи:

1. Выявление линии оборонительной стены, отделявшей порт от жилой застройки, и получение данных для уточнения времени как ее возведения, так и прекращения функционирования.

2. Изучение ранней застройки на участке,примыкающем к оборонительной стене.

3. Исследование поздневизантийской топографии квартала. Фрагмент оборонительной стены на территории квартала был открыт в 1989 г. в процессе изучения поздневизантийской усадьбы, пристроенной к ее внешней (для жилой застройки) стороне. Данная усадьба, как и другие, раскопанные в портовом квартале 2, прекратила свое существование после пожара, который на основании находок золотоордынских монет датирован временем не ранее 60–х гг. XIV в. После пожара участок был снивелирован, и здесь возникло новое жилище. Причины его гибели выявить не удалось. Строительство раннего комплекса ориентировочно было отнесено к XII в.

Аналогичная ситуация обнаружена в ходе раскопок текущего сезона к северо–западу от участка 1989 г.

Линия оборонительной стены прослежена на расстояние в 15 м. Над ней, после выравнивания кладки и подсыпки, была построена усадьба, состоявшая из шести П–образно расположенных помещений вокруг внутреннего двора.

Наиболее ранние находки, которые встречены над чистым песком, относились к VI — первой половине VII вв. Это амфоры с рифлением в

виде набегающей волны и фрагменты поздних вариантов краснолаковых сосудов. Эти материалы датируют время сооружения оборонительной стены, кладка которой заглублена в песок (засыпь песка выбиралась вдоль линии стены на глубину в 0,5 м до интенсивного поступления грунтовых вод; это показывает, что уровень моря во время строительства был ниже).

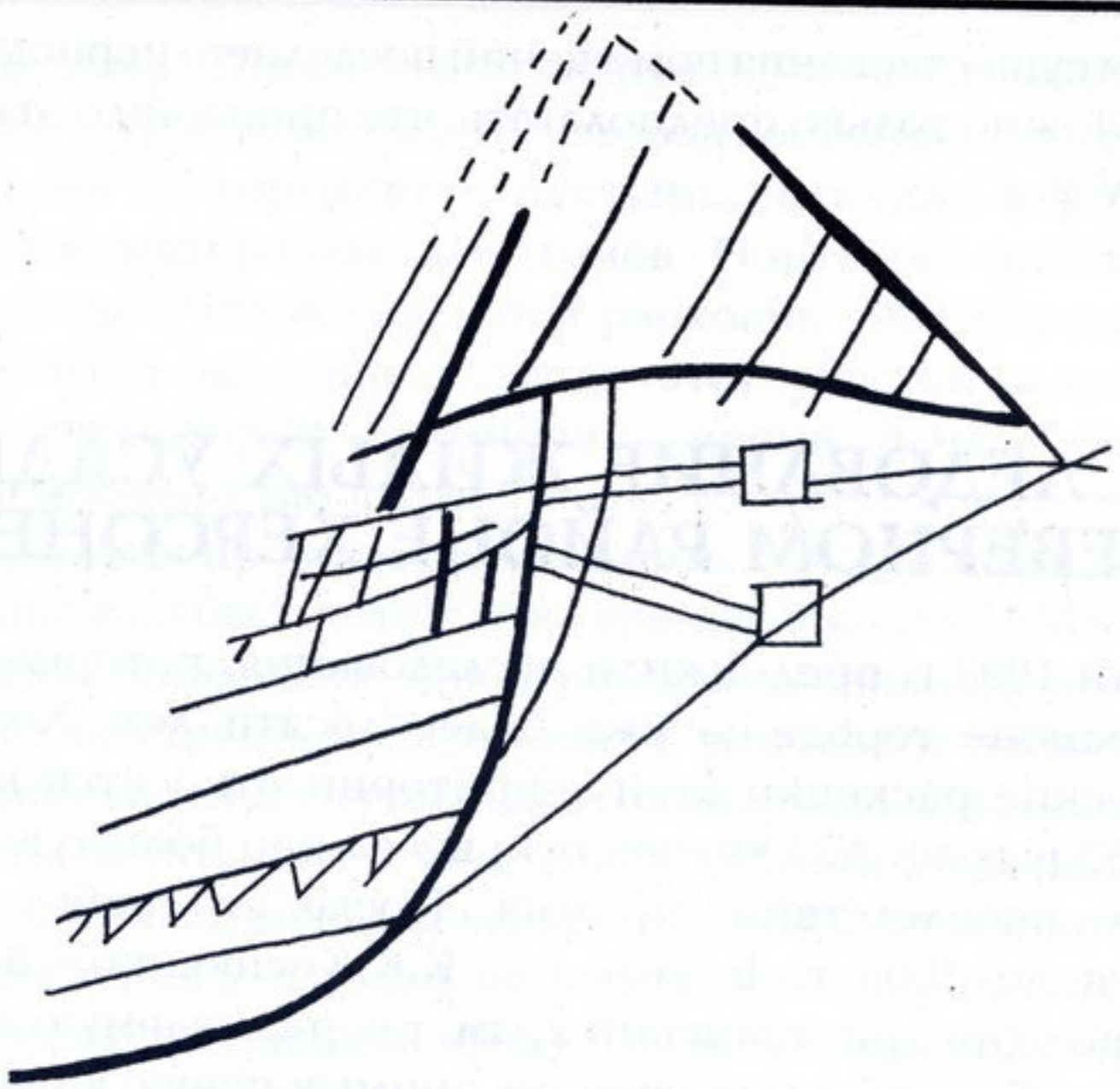
Усадьба, раскапываемая в текущем сезоне (открыта в 1991 г., когда были раскопаны 3 помещения), была построена после нивелировки участка, в ходе которой убраны верхние ряды кладки оборонительной стены до единого уровня. Сказать определенно, в какое время было начато новое строительство, по условиям раскопок настоящего сезона трудно. Наиболее ранний материал, встреченный в нивелировочной засыпи, малочислен, фрагментарен и в равной степени может быть отнесен к XI и XII вв.

Изучавшаяся в 1993 г. усадьба прекратила свое существование после пожара. В отличие от ранее раскапываемых помещений этого комплекса, в помещениях, изучавшихся в текущем сезоне, слоя разрушения (посуда на полу, остатки сгоревших балок, черепица кровли) не сохранилось. Исключение составлял небольшой участок двора, где были вкопаны два пифоса и позднее проложена линия водостока.

В то же время в засыпи из подвального помещения дома встречено значительное количество фрагментов керамики, принадлежавших 4—5 желобчатым амфорам с высоко поднятыми над горлом ручками, 5—6 плоскодонным амфорам с ангобированной внешней поверхностью, которые в целом характерны для слоев пожара конца XIV в.

Глазурованная посуда была представлена мисками и кувшинами, расписанными ангобом и с гравированным орнаментом: монохромных —с геометрическим в виде волнообразных линий, концентрических окружностей и полихромных — с растительно—геометрическими сюжетами, с изображением птиц.

Наибольший интерес среди находок представляют хорошо сохранившиеся бронзовые чашечки весов с деталями коромысла, фляга, покрытая желтовато—зеленой глазурью темного тона.

Изображение судна на фрагменте амфоры. (М 1:1)

Чрезвычайно редкой находкой является обломок плоскодонной амфоры с изображением носа судна. Рисунок отличает наличие у его исполнителя художественных способностей, небрежность же линий объясняется материалом — плотным черепком и несовершенством инструмента — гвоздь, шило или другой острый предмет.

В кладке стен усадьбы прослежены следы перестроек, что свидетельствует о длительном времени ее функционирования. Стены ее, будучи достроенными, частично использовались в ходе последнего строительства, производившегося после пожара. В засыпи, перекрывавшей этот последний период строительства, найдены, в основном, фрагменты поздних амфор, монохромные глазурованные сосуды с гравированным орнаментом и белоглиняная тарелка с росписью кобальтом. Сохранившаяся высота стен комплекса последнего периода строительства не более 0,20 — 0,30 м. Как и во время раскопок участка 1989 г., на вопрос о причинах и времени

прекращения существования помещений последнего периода ответить не удалось. Можно только предполагать, что произошло это в первой половине XV в.

С.Г.Рыжов

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЛЫХ УСАДЕБ В СЕВЕРНОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА

Раскопки 1993 г. продолжили исследования, которые ведутся в Северном районе городища уже более десяти лет. Хотя первые археологические раскопки этой территории относятся к середине XIX в., в 1853 г. граф А.С.Уваров открыл самую большую базилику, получившую впоследствии его имя. После его работ район не исследовался до 1893 г. В этот год К.К.Косцюшко – Валюжинич раскопал еще один христианский храм, так называемую «Северную базилику» и небольшую территорию, примыкавшую к ней, где были открыты средневековые бани IX—X вв. Что же касается жилых районов, то их начали исследовать в 1982 г. в связи с реставрационными работами на указанных памятниках. В результате десятилетних раскопок исследованы 4 жилых квартала, занимающие площадь приблизительно 1 га, выявлено их функциональное назначение, размеры и внутренняя планировка, относящаяся к различным периодам жизни. На основании комплекса археологических материалов (керамика, металл, стекло, монеты и т.п.) установлено время гибели всего района — последняя четверть XIII в. Жилые усадьбы погибли от пожара, причем удалось установить, что начался он в восточном конце района, т.е. у Уваровской базилики. В домах, стоявших рядом с ней, (следует заметить, что в XIII в. на ее месте размещался небольшой храм – часовня) «сохранились» все вещи, находившиеся внутри помещений. Чем дальше к западному концу района, тем меньше слой пожара и почти полное отсутствие вещей, так обильно лежащих в слое горения в домах восточного конца. Не исключено, что жильцы смогли спасти свое добро до того, как огонь

охватил их дома. После этого разрушения здесь уже никогда не проводилось строительство, т.е. город оставил эту территорию, превратив ее в городской пустырь, откуда, вероятно, брал строительные материалы для домов Портового района. Таковы краткие выводы. Что же касается раскопок 1993 г., то они должны были дать ответ на вопрос, когда этот участок вошел в состав городской территории, установить время начала застройки и проследить хронологию слоев.

Исследования проводились в квартале X, где были доследованы 8 помещений усадьбы 2, которую во время раскопок 1986 г. мы условно определили как богадельню. Такой вывод позволили сделать некоторые особенности внутренней планировки усадьбы и найденные в ней вещи. Усадьба занимает западный угол квартала. Она изолирована от других глухими стенами, имеет два внутренних двора, в одном из которых находилась печь для выпечки хлеба, грушевидная цистерна для хранения зерна и колодец. Стены и дно цистерны оштукатурены. На одной из них процарапан крест — оберег; на дне цистерны (она не была засыпана землей, случай довольно редкий для Херсонеса) найдена почти целая поливная тарелка. Что же касается зерна, то его не было, вероятно пожар возник в летние месяцы, когда урожай еще не был убран, а цистерну только подготовили под его засыпку. С восточной стороны от цистерны находится помещение, где стояли 3 пары жерновов для размола зерна. Для установки одной из них использовали обломок мраморной колонны, закопав ее в землю.

В другом дворе, имевшем отдельный вход, располагались часовня и колодец. Под полом часовни устроены могилы — костницы. Все скелеты из этих захоронений имели различные врожденные или приобретенные изменения костяка (сильно искривленный позвоночный столб со сросшимися позвонками, недоразвитые или сросшиеся неправильно кости конечностей). В одной из могил найден перламутровый нательный крестик, а на полу часовни — бронзовый лампадафор. С наружной стороны между апсидой и восточной стеной двора был спрятан небольшой (около 30 шт.) клад монет времени Романа IV. Но не исключено, что монеты попали сюда во время обрушения смежной с часовней стены помещения, где, как

мы предполагаем, размещалась торговая лавка. На это указывает широкий вход с улицы, связывающий помещения с двором, где находилась печь для выпечки хлеба и подвал внутри одного из помещений. Да и само помещение, стоящее как бы отдельно от всего комплекса усадьбы и в то же время соединенное с ней, идеально подходит для торговой лавки, существовавшей при богадельне. Как уже отмечалось выше, комплекс жилых усадеб последнего периода жизни Херсонеса погиб от пожара конца XIII в. Не избежала этой участи и богадельня.

Раскопами 1993 г. вскрыты слои, предшествовавшие застройке последнего периода, т.е. X—XIII вв. Оказалось, что фундаменты домов стоят на аморфной засыпи, характерной для слоев Херсонеса, относящихся к IX—X вв. Исследованиями предыдущих лет и раскопками этого года установлено, что в засыпи почти отсутствует археологический материал, за исключением мелких обломков керамики и монет указанного времени. Исключение составляют земляные «полы», на которых стоят фундаменты зданий. В них встречаются более крупные фрагменты белоглиняной поливной посуды со штампованным орнаментом или же покрытой темно-зеленой пятнистой поливой, а также монеты Василия II или Романа I. Чем вызвано отсутствие крупных обломков керамики, установить пока не удается, но не исключено, что она выбиралась для изготовления строительных растворов — цемянково-известковых, которые необходимы были для крупных построек оборонительных стен, храмов, а также ремонта рыбозасолочных цистерн. Бытует мнение, что, в основном, цистерны засыпаются на рубеже VI—VII вв. Но не исключено (о чем говорят раскопки последних лет), некоторые из них продолжают существовать и в более позднее время, вплоть до гибели района, т.е. XIII в.

Для Херсонеса, прожившего почти 2000 лет, довольно трудно выделить стратиграфические слои более ранних эпох, как эллинизма, так и Рима. Они сохранились небольшими участками или линзами под фундаментами домов.

В основном, это подвалы, цистерны или просто углубления в скале.

В этом году под засыпью двора, где находится печь для выпечки хлеба, открыты остатки подвала римского времени. К сожалению, его размеры установить не удалось, поскольку его перекрывают стены позднесредневековых домов. Подвал заглублен в скалу на глубину 0,7—1 м. От него частично сохранились южная стена и подрубы в скале для «постелей» восточной и северной стен.

Сверху, толщина 0,8 — 1,1 м, подвал перекрывала аморфная засыпь с материалами IX—X вв., а под ней находился глинистый слой толщиной до 1 м, содержавший материал III — IV вв. Он представлен белоглиняными амфорами с узким и высоким горлом, заканчивающимся полукруглым венчиком в виде валика. Ручки, украшенные 2 невысокими валиками, прикреплены ниже венчика. Ножка невысокая коническая (?). Сосуды близки амфорам инкерманского типа или из могильника совхоза «Севастопольский», хотя и имеют некоторые отличия. Судя по обломкам, таких амфор в подвале было 4. Одну амфору удалось собрать полностью. Вместе с нею в подвале найдено горло от круглодонной красноглиняной амфоры. У нее невысокое, узкое горло со слабовыраженным венчиком. Эти амфоры хорошо известны по раскопкам Пантикапея, где они встречаюся в слоях III — IV вв.н.э. /Зеест, 1960, с. 120, табл. XXXIX, 99а/. Кроме амфор, в подвале найдены фрагменты краснолаковых кувшинов, чаш с коническим туловом, светильников и кухонной кружальной посуды —кастрюли, горшки и др. Чаши можно разделить на 3 типа, которые хорошо датируются III — IV вв.н.э. Следует отметить краснолаковый светильник с невысокой петлевидной ручкой, украшенной 2 бороздками. На его щитке изображен в высоком рельефе бык, идущий вправо. Лак густой, бурого цвета, что характерно для III — IV вв.н.э.

Остальной археологический материал, найденный в подвале, не выходит за рамки конца III — начала IV вв., что указывает на время, когда подвал прекратил существование.

Строительные остатки более раннего времени на данном участке не открыты, хотя на скале и найден в небольшом количестве материал конца IV — III вв. до н.э., в виде обломков чернолаковой столовой посуды и амфор.

Подводя итоги раскопкам 1993 г., можно сказать, что эта территория была включена в состав городской и застроена в IV в. до н.э. Тогда же была произведена градостроительная планировка кварталов Северного района, просуществовавшая почти без изменений до конца XIII в. Что же касается внутриквартальной планировки, то от ее первоначального вида не сохранилось, за исключением небольших отрезков стен, почти ничего. Последующие земляные и строительные работы уничтожили не только стены, но и стратиграфию слоев. Некоторые ранние кварталы в позд-несредневековое время претерпели значительные изменения. Так, соседний с X кв. квартал X«а» образовался в результате слияния 2 эллинистических кварталов, когда улица, разделявшая их, была ликвидирована и застроена. Прием для решения территориальной проблемы в Херсонесе не нов. Аналогичную картину мы видим в северо-восточном районе в квартале III.

Исследованием жилых кварталов в Северном районе установлена причина их гибели — пожар, но с каким событием он связан, сказать пока невозможно. Можно было бы связать все со стихийным бедствием, случайным пожаром, но тогда не ясно, почему погибло много людей. Их затем похоронили вместе в одном из кварталов, где расположены две часовни. Погибших было так много, что их хоронили рядом с часовнями, которые скорее всего тоже пострадали от огня, т.к. погибшие в одной из них лежали на слое горения выше уровня пола. Мы пока не связываем это бедствие с нашествием 1299 г., т.к. не найдено ни одной вещи или золотоордынской монеты. Ясно только, что после этого пожара данный участок уже никогда не застраивался, он превратился в пустырь внутри оборонительных стен. Жизнь здесь прекратилась. Жители ушли в Портовую часть, где были возведены новые дома, но это строительство шло уже без учета старой планировки. На данном участке жизнь продолжалась до конца XIV — начала XV в. Но назвать это поселение городом уже можно с большим трудом. Скорее всего это был небольшой поселок рыбаков, постепенно покидавших его по различным причинам.

О.Я.Савеля

РАБОТЫ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Раскопки и разведки Севастопольской экспедиции ХГИАЗ в основном продолжили исследования 1990—1992 гг. в зонах строительства и освоения земель на территории Севастополя. Финансовые проблемы, трудности материально-технического и транспортного обеспечения экспедиции сократили намечавшуюся программу и вынудили отложить на будущее изучение ряда перспективных объектов.

В частности, исследования в полосе строящейся автодороги на Мекензиевых горах ограничились археологическим наблюдением за земляными работами и зачистками обнажения кизил-кобинского культурного слоя в котловане строящегося жилого дома на западном склоне Сахарной головки. Раскопкам на широкой площади здесь воспрепятствовали посадки сосны.

Слой зачищен на протяжении 19 м по нижней кромке склона высоты. Он представлял собой белесый известкованный делювиальный суглинок, слабо насыщенный золой и угольками с примесью фрагментов лепной, частью лощеной, иногда с врезным орнаментом посуды, раковин речных моллюсков, костей мелкого рогатого скота и свиней. Найденная здесь керамика весьма близка материалам зачисток А.К.Тахтая 1944 г. в 80—100 м севернее нашего обреза. Изучение архивных материалов и публикаций приводит к убеждению, что А.К.Тахтай, С.Ф.Стржелецкий, В.В.Борисова (1952) и автор этой заметки вели раскопки и зачистки на территории одного поселения, занимавшего обширное пространство по северному, западному и южному подножьям склонов высоты Сахарная головка. Поселение было открыто Л.Н.Соловьевым в 1924 г.

Неизвестное ранее поселение кизил-кобинской культуры открыто на Гераклейском полуострове над левым, западным склоном Сарандинакиной балки между 5 и 6 км Балаклавского шоссе в зоне индивидуальной жилой застройки. Котлованы для фундаментов

двух жилых домов обрезали три колоколовидные в разрезе хозяйственные ямы, заполненные зольно—мусорной засыпью с обломками лепной посуды, характерной для кизил—кобинской культуры с находками фрагмента хиосской амфоры V — нач. IV вв. до н.э. и чернолаковой керамики начала IV в. до н.э., с фрагментами амфор и чернолаковых сосудов начала IV в. до н.э. Территория поселения перекрыта агротехническими сооружениями античного земельного надела 338 (по нумерации И.Т.Кругликовой). Это второй факт бесспорного археологического проявления контакта туземного населения с эллинами, зафиксированный на размежеванной позднее на земельные наделы части Гераклейского полуострова. Первый отмечен в 1992 г. на территории надела 32 в верховье Камышовой бухты.

Две ямы поселения у Сарандинакиной балки (2 и 3) тяготеют к застройке, от которой остались в скале ямки различного диаметра для установки столбов конструкции и очагов. Засыпь ямы 1 перекрывала парное захоронение мужчины и женщины. Мужчина лежал у стенки ямы на спине головой на восток, руки согнуты к лицу, ноги вытянуты, рядом с черепом лежал скелет собаки. Скелет женщины покоился ближе к центру ямы, на правом боку, головой на восток, руки согнуты в локтях к лицу, положение ног неизвестно. Скелет еще одной собаки лежал в засыпи ямы выше захоронений. Кизил—кобинскому поселению предшествовало поселение катакомбной культурно—исторической общности.

В верховье Юхариной балки продолжались начатые в 1992 г. раскопки трех групп курганов (по 3—4 кургана в каждой). Всего исследованы 4 кургана. 2 кургана — кенотафы первой половины II в. до н.э. Основное погребение в третьем кургане (II группа) совершено в каменном ящике, заваленном сверху камнями. Скелет мужчины в возрасте около 60 лет (jenilis) лежал головой на ЮЗ в скорченном положении на левом боку, кисти рук под левой скулой. У левой руки стоял плохо обожженный лепной сосуд с округло—заостренным дном и слабо отогнутым венчиком. У основания нижней челюсти в области шеи найдена кремневая трапеция длиной 2 см. Скорее всего с этим захоронением следует связывать пятно горения в насыпи

кургана с многочисленными обломками лепных сосудов. В первоначальной насыпи кургана, представлявшей навал камня, совершено другое, сидячее на корточках лицом к востоку, погребение конца II — нач. I тыс. до н.э. На темени похороненного лежал скелет небольшой собаки, у правой скулы — раздавленной —куриное яйцо, а правее — лепной сфероидный сосудик.

Четвертая насыпь в третьей курганной группе оказалась развалом кузницы (?) времени первой русско – турецкой войны (1768—1774 гг.). Разведочные траншеи по остальным насыпям в этой группе вскрыли стены русских времянок второй пол. XVIII в.

Продолжено археологическое изучение территории поселка Кадыковка, слившегося с Балаклавой. Ряд случайных находок разных лет: монет, фрагмента надписи с упоминанием Луция Аррия Акливиада, надгробия кавалериста алы Атекторигианы Юлия Валеса, явились основанием для предположений о том, что на территории Кадыковки размещался римский пост. В 1992 г. на территории проектируемого торгового центра по ул. 40 – летия Октября после сноса старой застройки и закладки котлована обнажились культурные напластования и строительные остатки. Раскопками открыты остатки построек и 12 хозяйственных ям глубиной 1,6 — 2 м с мусорным заполнением XV в. Ямы изрядно побили римское здание, восточный угол которого с 9 помещениями открыт раскопками. Основания стен сложены на грязь из камня, выломанного большей частью на месте, частью глинобитные, оштукатурены известковой штукатуркой. Полы в ряде помещений земляные, в одном вымощены каменными плитами, в двух залиты известковым бетоном. Слой пожара перекрывает завал кровли, в котором найдено около 70 черепиц с клеймами VEMI, VEM, LEXICL и CAI. Численно преобладают клейма VEMI разных штемпелей, неизвестное ранее клеймо CAI представлено единичным экземпляром. В здании найден клад из 57 римских денариев. Последние по выпуску монеты отчеканены при Александре Севере (222—235 гг.). Толщина стен (0,60 — 0,65 м), глубина заложений фундаментов (до 0,70 м), мощный развал камня свидетельствуют, что в раскопанной части здание было одноэтажным. Полы и стены здания носят следы ремонтов и перестроек. Римское здание подстилает

поврежденный нивелировкой слой, содержащий керамику III — I вв. до н.э.

Строительные остатки и подъемный материал первых веков н.э. замечены между ул. Новикова — на западе, Гончарной — на севере и Невским проездом — на юге. Римское поселение, очевидно, размещалось на западном и южном склонах вытянутого в широтном направлении холма, окаймленного с запада и юга ручьем Кади – Су. Восточная граница требует уточнения. На гребне холма, севернее ул. Гончарной, разведкой замечены признаки могильника.

Средневековое христианское кладбище зафиксировано археологическим контролем за земляными работами между ул. Башенная и Кирова в исторической части старой Балаклавы. Примечательно, что у восточной кромки этого неизвестного ранее кладбища, на ул. Башниной, в 1974 г. при земляных работах было разрушено погребение первых веков н.э.

Л.В.Седикова

РАСКОПКИ ВОДОХРАНИЛИЩА В ХЕРСОНЕСЕ

Археологические раскопки проводились, как и в предыдущие годы, внутри главного городского водохранилища Херсонеса. Бассейн – водохранилище примыкает к XIII куртине крепостной ограды Херсонеса и входит в его архитектурный ансамбль.

Памятник находится между большим общественным зданием и термами. Впервые его раскопки проводились экспедицией ГИМа под руководством Н.В.Пятышевой, которая исследовала на всю глубину участок засыпи водоема. По ее мнению, он был засыпан в XIII в.

Раскопками отчетного года было продолжено исследование засыпи водохранилища с целью уточнения датировки и получения нового уникального материала. Бассейн представляет собой прямоугольник со скошенными внутренними углами, размерами 18 x 13,5 м. Стены сложены из тесаных известняковых блоков на

толстом слое известково – цемянкового раствора. Подобным раствором были оштукатурены и стены.

Заполнение бассейна представляет собой 4 – метровую мусорную засыпь, где, кроме грунта, встречаются уголь, зола, песок, множество раковин моллюсков, кости животных и многочисленная керамика. Раскопки ведутся двумя террасами. В отчетном сезоне проводилось изучение нижней части засыпи.

Основным археологическим материалом является керамика. Около 30% ее составляют находки V — нач. VII вв.: это краснолаковая посуда, фрагменты амфор с перехватом, желобчатых круглодонных амфор, с рифлением типа «набегающей волны», сиро – палестинского типа и ряда других.

Основные керамические находки в засыпи представлены фрагментами амфор так называемого причерноморского типа с мелким зональным рифлением. Нами выделены пять типов подобных амфор.

Кроме того, значительную часть находок составляли большие кастрюлеобразные сосуды, орнаментированные линейно – арочным орнаментом. Кухонная посуда — это горшки с 1—2 уплощенными ручками с пальцевым вдавлением в месте крепления к венчику. Очень разнообразна столовая посуда: кувшины «скалистинского типа» в нескольких вариантах, тарелки и миски с округлыми стенками.

Из индивидуальных находок следует выделить следующие: фрагменты ажурных керамических сосудов, часть круглой фляги, резные подставки под светильники, часть светильника в виде птицы с чашей на спине (большой интерес представляет верхняя часть сосуда с волнистым налепом на горле, вместо венчика — керамическая «пробка» с маленьким отверстием и монограммой), фрагмент массивной крышки с маленькой ручкой – ушком, украшенной врезными линиями и полосками белого ангоба, 2 фрагмента чашечки с нависающим бортиком, украшенной бело – коричневым орнаментом, чернолощеный кувшин с бороздчатым туловом, часть штампа для изготовления евхаристических хлебцов. В засыпи также найдены отходы керамического и металлоделательного производства.

Из 9 монетных находок восстанавливается лишь половина. Все монеты ранневизантийского времени. К позднеримскому периоду, видимо, относится фрагмент декрета, вырезанного на мраморной плите.

В целом, археологические исследования подтвердили ранее предложенную нами датировку засыпи водохранилища 1—й половиной IX в.

О.Ю.Соколова

РАБОТЫ НИМФЕЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Нимфейская экспедиция ГЭ продолжала исследования одноименного боспорского города. Основное направление работ было обусловлено наличием грабительских ям и шурфов как на территории городища, так и его некрополя.

В 1992—1993 гг. на Нимфейском некрополе было зафиксировано около 90 грабительских шурфов, из них 5 были вырыты с помощью экскаватора. Все ямы сконцентрированы на двух участках: вдоль западного борта раскопа 1973—1976 гг. и в районе памятника героям Эльтигенского десанта на северном склоне плато (участок «В» — см. отчеты: Н.Л.Грач за 1973—1977 гг.). Все выявленные объекты были тщательно зачищены, обмерены и нанесены на общий план раскопок могильника. Погребения, расчищенные в грабительских ямах, были полностью ограблены. Из находок можно отметить только подставку для антропоморфного надгробия.

В пределах города раскопки велись на двух основных участках: «Г» — в центральной части города и «М» — на южном склоне нимфейского плато. На участке «Г» в результате грабительских раскопок была значительно повреждена южная часть двора с вымосткой из розового мергеля, что и предопределило направление исследований. На площади около 15 м^2 были выявлены стены и вымостки, датируемые концом VI — IV вв. до н.э. В стене

хозяйственной ямы 53 был открыт очаг, представляющий собой перевернутую вниз горлом верхнюю часть лесбосской амфоры. Подобные очаги уже встречались при раскопках Нимфея, в слоях V в. до н.э.

На участке «М» было продолжено изучение строительного комплекса, расположенного в северо – западном углу раскопа. Этот объект представляет собой систему подпорных стен городской террасы на южном склоне плато. При сооружении этих стен была использована скала, близко выходящая к поверхности. Подтесанная скала служила фундаментом для сооружаемых стен, а все неровности ее поверхности были снивелированы при помощи бутового камня и залиты глиняным раствором.

В южной части исследуемого участка был открыт подвал, вырубленный в скале. Его размеры: 2,0 х1,6 м при глубине 3,3 м. В нем обнаружено около 70 амфор, в том числе 8 целых, которые датируются IV — III вв. до н.э. Среди других находок, следует отметить фрагменты чернолаковых чаш IV в. до н.э., головку от терракотовой статуэтки Эрота. В кладке стен, открытых на этом участке, были найдены барабаны колонн, расписная капитель пилястры и другие архитектурные детали от разрушенного здания общественного или культового характера. По – видимому, это элементы декора святилища Афродиты, открытого на этом участке в 80 – е гг. Расширение раскопок к юго – западу, возможно, даст новые материалы для реконструкции внешнего облика этого уникального объекта.

В.Н.Степанчук

РАБОТЫ ГОРНО-КРЫМСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Основные раскопочные работы проводились на средне – палеолитической стоянке им. Г.А.Бонч – Осмоловского (ГАБО). Традиционно был предпринят также поиск новых памятников

каменного века. Финансирование экспедиции смешанное: основная доля получена от КФ ИА НАН Украины, а также от НПК «Археолог» при ИА НАН Украины. Исследования на ГАБО проводились в рамках совместной украинско – американской программы по датированию среднего палеолита Крыма. В работах на ГАБО принимали участие Г.Ф.Барышников и О.Р.Потапова (ЗИН АНР, СПБ).

Раскопки стоянки ГАБО. Памятник, расположенный в черте с. Скалистое Бахчисарайского района, открыт автором в 1988 г. и исследовался на площади 12 м^2 в 1989 г. Первоначально интерпретировался как погребенное скальное убежище. Верхняя часть отложений доставила два выделенных в предварительном плане культурных слоя эпохи мустье. Верхний (I) слой, обильно насыщенный кремневыми и фаунистическими находками, содержал индустрию старосельского типа, в специфической фации, характеризующейся многочисленными выемчатыми и зубчатыми формами. Нижний (II) слой, менее богатый культурными остатками, содержал очаг и индустрию, в общих чертах, близкую обнаруженной в I слое.

Основными исследовательскими задачами сезона были: получение полного профиля отложений стоянки; оконтуривание обитаемой площади; составление коллекций микрофауны из отложений стоянки. Дополнительная техническая задача — подготовка условий для установки датчиков, обеспечивающих ESR – датирование образцов из культуросодержащих отложений.

Полный профиль отложений стоянки, за нехваткой средств, получить не удалось. Прирезкой к старому раскопу и траншеей, общей площадью 6 х 2 м толща отложений была исследована лишь до глубины — 620 от условного ноля. В результате этих работ установлено, в частности, что задняя скальная стенка, верхняя часть которой была вскрыта работами 1989 г., ступенями наклонно опускается по направлению к руслу реки, под углом примерно 45°. Толща вскрытых отложений в предварительном плане может быть описана как состоящая из 4–х пачек. Верхняя представлена крупнообломочным материалом, глыбами известняка, часто с признаками интенсивной водной эрозии и лишена каких–либо

культурных остатков. Вторая пачка представлена светлоокрашенными щебнистыми суглинками, иногда с включением разложившихся крупных обломков известняка. Ее нижняя часть включает прослои темно – палевых суглинков, более оглеенных, почти лишенных щебня. Со второй пачкой седиментов (до 1,5 м мощностью) связаны находки трех горизонтов верхнего и трех горизонтов нижнего культурных слоев. При этом находки нижнего слоя связаны с более темно – окрашенными прослоями суглинков. Следующая пачка образована крупнообломочно – щебнистым (обвальным ?) горизонтом, мощность которого достигает 2 м. В его верхней части найден фрагмент челюсти пещерной гиены, а в средней зафиксирована прослойка светлоокрашенного щебнистого суглинка, содержавшая мелкие кремни и фрагменты костей. Нижняя пачка отложений представлена чередующимися щебнистыми и суглинистыми горизонтами, фиксирующими последовательную смену климатических условий в районе стоянки. Характеристики щебня и включений в суглинистые прослои меняются от горизонта к горизонту. В ряде случаев суглинистые прослои содержали фрагменты костей животных.

Культуросодержащие седименты в прирезке и траншее содержали значительное число расщепленного кремня, определимых и недиагностичных фрагментов костей, некоторые рассеянные древесные угольки. С площади всего лишь около 1,5 м^2 верхний слой доставил несколько тысяч кремней, в том числе до 150 нуклеусов и орудий, среди оторых преобладают скребла различных типов, в т.ч. базально и тыльно утонченные и пр. Фауна обоих слоев представлена, главным образом, остатками гидрунтинового осла (предварительное определение Г.Ф.Барышникова).

Параллельно с выяснением стратиграфии стоянки, на 8 м^2 был доисследован нижний культурный слой. При этом наибольшее количество находок было встречено на уровне нижнего горизонта слоя (II/2).

Это скопление, в основном отходов кремнеобработки, является периферией вскрытого в 1988—1989 гг. участка, насыщенного культурными остатками и связанного с зафиксированным тогда же очагом.

Отложения исследованы шурфом —зачисткой на глубину 3 м. Зафиксировано несколько литологических слоев, в т.ч. горизонт погребенной почвы (?). Обработанные кремни, фауна (в т.ч. фрагменты зуба мамонта), обожженные кости и древесные угольки приурочены к различным литологическим слоям. Различаются материалы мустьерского облика (остроконечник, скребла, нуклеус, сколы) и вышезалегающая индустрия, демонстрирующая сочетание мустьерских (двусторонне обработанное орудие, скребла) и верхнепалеолитических (архаические скребки и резцы) черт.

Несколько новых пунктов палеолитического возраста найдены также в Севастопольском р – не, разведки в котором были проведены автором весной 1993 г. на средства НПК «Археолог». Среди них: следы мустьерской стоянки в черте г. Севастополя (Килен – балка), а также ряд кремнеобрабатывающих мастерских в долине р. Черной.

В.П.Толстиков

РАСКОПКИ ПАНТИКАПЕЯ

В июле — сентябре 1993 г. Боспорская археологическая экспедиция ГМИИ им. А.С.Пушкина продолжила планомерные исследования акрополя Пантикапея. Основной задачей раскопок было продолжение программы изучения западного плато Первого кресла горы Митридат в пределах Центрального — Северного раскопа на площадях 296, 297, 301, 302, 303, 304. Здесь были выявлены и исследованы культурные напластования и связанные с ними строительные остатки с середины VI в. до н.э. до III в.н.э.

Рассмотрим наиболее важные объекты в хронологическом порядке.

Значительный интерес представляет участок культурного слоя, содержавший керамику второй — третьей четверти VI в. до н.э., выявленный на площади 302, непосредственно на поверхности материка. Поверхность этого глинистого материкового грунта оказалась оформлена ступенчатым регулярным подрезом, служившим

основанием для монументальной кладки, идущей в направлении восток — запад. Западный отрезок этой стены, примыкавший к выходу материковой скалы, перекрывал участок горелого слоя, содержавшего фрагменты амфор ранних типов и ионийской керамики. Показательно, что чернофигурная керамика здесь полностью отсутствовала.

Очень интересной оказалась и конструкция рассматриваемой кладки, которую, исходя из особенностей стратиграфии, следует предварительно датировать второй половиной VI — первой четвертью V в. до н.э. Эта стена, имеющая длину около 20 м, оказалась сооружена из нескольких отрезков, выполненных в совершенно различных системах кладки: западный — был сложен из крупных плоских камней в два панциря, средняя часть — из очень крупных наломов известняка в один ряд, промежутки между которыми заполнял мелкий бут, восточный участок стены был образован двухпанцирным отрезком, фасы которого были возведены из мелких, тщательно пригнанных плиток известняка. Есть основания полагать, что эта стена представляла собой северную ограду участка западного плато, на котором находилась круглая в плане постройка — толос и связанный с ним монументальный комплекс 1, остатки которых были открыты в предшествующие годы.

В отчетном сезоне было также продолжено исследование остатков большого монументального здания у северного края плато, входившего в эллинистический период в единую регулярную систему застройки данного участка акрополя Пантикапея. Оно было ориентировано по оси восток — запад и расположено непосредственно к северу от антового храма Афродиты и Диониса, замыкая с севера дворцовый ансамбль. Сильно вытянутые в плане пропорции этого сооружения (10 х 30 м) и предполагаемое наличие колоннады с северной, обращенной к городу стороны дают основания условно именовать его «стоей». Раскопками этого сезона установлено, что «стоя» возведена, как и весь ансамбль, на рубеже IV — III вв. до н.э., в конце III или в первой половине II вв. до н.э. была полностью разрушена, а затем в конце II — начале I вв. до н.э., т.е. в период владычества царя Митридата VI, подверглась капитальной перестройке.

Ко второй половине II — первой половине III вв.н.э. относится подвальное помещение монументального жилого дома, исследование которого было завершено в 1993 г. Раскопки показали, что в интерьере несохранившегося жилого помещения этого дома была применена полихромная роспись по штукатурке, причем это покрытие имело до 15 слоев ремонтов подновлений росписи.

Как и в предшествующие сезоны, Боспорской экспедицией ГМИИ им. А.С.Пушкина проводились работы по консервации и частичной реставрации открытых раскопками строительных объектов.

Находки поступили в Керченский историко – культурный заповедник.

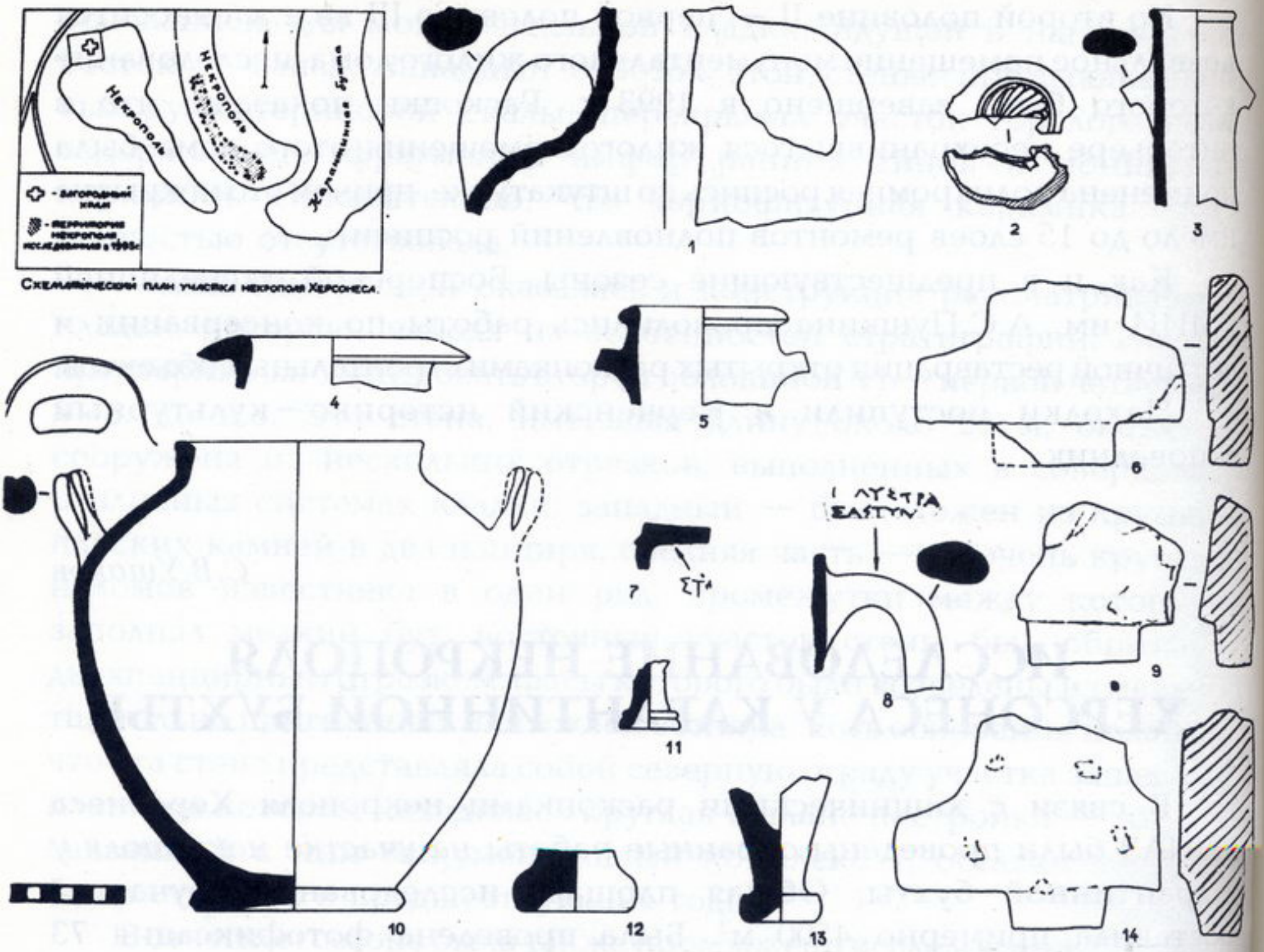
С.В.Ушаков

ИССЛЕДОВАНИЕ НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА У КАРАНТИННОЙ БУХТЫ

В связи с хищническими раскопками некрополя Херсонеса ХГИАЗ были проведены охранные работы на участке некрополя у Карантинной бухты. Общая площадь исследованного участка составила примерно 4500 м². Была проведена фотофиксация 73 погребальных сооружений, зачищено 30 могил, вырубленных в скале, осмотрено 10 и обмерено 7 склепов.

Некрополь у Карантинной бухты исследовался К.К.Косцюшко – Валюжиничем в конце XIX — начале XX в. Однако был раскопан им не полностью — отдельные могилы и многие склепы остались не – изученными.

Могилы, вырубленные в скале, представляли собой почти прямоугольные ямы, слегка сужающиеся к ногам погребенных, длиной 1,8 — 2,2 м, шириной около 0,5 м, глубиной 0,4 — 0,6 м и расположенные на глубине 0,1 — 0,7 м от современной поверхности. Ориентация их, преимущественно с северо – запада на юго – восток, зависела от характера рельефа. Одна из разграбленных могил была перекрыта массивными плитами. Другая (70) имела ширину,

Схематический план участка некрополя Херсонеса.

Раскопки некрополя Херсонеса. Ситуационный план и археологические находки.

значительно большую, чем у всех других — 0,96 м. В скальных бортах ее зафиксированы небольшие, размерами 0,08 х 0,1 х 0,12 м, вырубы, по пять с каждой стороны, возможно служившие основанием для деревянных балок перекрытия.

Были исследованы выбросы из могил и их заполнение. Находки немногочисленны, но разнообразны: фрагменты амфор эллинистического времени, небольшой сосуд — урна , фрагменты чернолаковой керамики, 3 фрагментированных известняковых антропоморфных надгробия. В одной из могил была найдена бронзовая херсоно — византийская монета VI в. Сохранность костяков погребенных очень плохая, наличие их удалось зафиксировать

только в некоторых погребениях. Все склепы на этом участке некрополя были вырублены в толще материковой скалы. Их ориентация также зависела преимущественно от характера рельефа. Камера одного из склепов — неправильной формы, с округлым сводом. Склеп 2 имеет два входа, ведущие в противоположные стороны. Особенности его конструкции выяснить не удалось — он почти весь был заполнен натечной землей. Остальные склепы — с тремя лежанками, вырубленными по трем сторонам погребальных камер. На стенках одного из склепов сохранились следы штукатурки. Почти все склепы до уровня лежанок или выше оказались заполненными натечной землей. На лежанках — следы разложившихся костяков. В склепах найдены мелкие фрагменты керамики, в склепе 6 — фрагментированный светильник первых вв.н.э., в склепе 9 горло амфоры раннесредневекового времени.

Исследованная часть некрополя Херсонеса у Карантинной бухты дает новый материал для изучения его хронологии и топографии, конструкции погребальных сооружений, погребального обряда и погребального инвентаря.

Н.Ф.Федосеев

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ «ГОСПИТАЛЬ»

В прошедшем полевом сезоне были продолжены раскопки поселения «Госпиталь» (г. Керчь). Предыдущие исследования (1989—1991 гг.) выявили 4 полуземлянки как жилого, так и хозяйственного назначений, а также следы наземной усадьбы. Комплекс сточных канав и приемных ям свидетельствует о животноводческом характере поселения.

Была исследована площадь в 132 м^2 между строящейся и существующей дорогой Керчь — Аршинцево.

Охранными раскопками выявлен котлован ямы диаметром около 8 м и глубиной 0,7 м, восточная часть которого прорезала

современная коммуникация. В различных частях раскопа также зафиксированы следы современных прокопов.

Из находок заполнения котлована и слоя вокруг следует отметить: медную пантикапейскую монету с головой сатира на лицевой стороне и протомой грифона на оборотной, миниатюрный чернолаковый лекиф с изображением пальметты, фрагменты протомы и краснофигурной керамики. Особый интерес представляет комплекс амфорной тары и керамических клейм. В целом, весь комплекс датируется 2—3 четвертью IV века до н.э.

А.И.Филатов

РАЗВЕДКИ В УРОЧИЩЕ «ХОЛОДНАЯ БАЛКА»

Отдел учета и охраны памятников при Крымском республиканском краеведческом музее в июле — августе 1993 г. провел разведки и шурфовки на земельных участках, отводившихся птицефабрике «Южная» под садово — огородные товарищества (далее СОТ) в районе сел Фонтаны и Залесье.

Цель разведок и шурфовок состояла в том, чтобы проверить наличие памятников истории и культуры на этих участках, так как предварительный осмотр местности дал подъемный материал: фрагменты лепных и гончарных сосудов на первом участке, на втором выявлены небольшие, до 0,8 м, округлые всхолмления, которые были нарушены вспашкой несколько лет назад.

На участке 1, в северо — западной части балки, на поле 5 почвозащитного севооборота в ходе визуальной разведки и сбора подъемного материала на площади более 5 га, локализован участок площадью около 1 га, на котором была сосредоточена основная масса обнаруженных фрагментов лепной и гончарной керамики. Заложенные тут шурфы показали, что материал находится, в основном, в распаханном 20 — сантиметровом слое, ниже залегает стерильный в археологическом отношении горизонт. Здесь обнаружены

фрагменты различных лепных сосудов, включая несколько стенок, украшенных геометрическим орнаментом. В целом эту керамику можно датировать началом I тыс. до н.э. — I тыс.н.э.

На участке 2, в юго – восточной части балки, на поле 1 кормового севооборота на площади 0,1 га (разрушенный вспашкой) выявлено всхолмление высотой 0,8 — 0,6 м, в окружности до 20 — 25 м.

Шурфы были заложены по линии запад — восток через 3 — 4 м. После снятия дернового слоя в шурфах 1, 2, 4 была вскрыта каменная забутовка из крупного бута, мелкого щебня, кремневых отщепов и морской фауны — белемнитов и морских ежей. В шурфе 3 обнаружено погребение, для полной расчистки его был прирезан квадрат 2х2 м. При снятии дернового слоя в забутовке над могилой был обнаружен железный наконечник стрелы арбалета.

Могила ориентирована на запад, кисть правой руки и ступни ног отсутствуют. Захоронение совершено на спине.

В засыпи могилы у черепа погребенного найден фрагмент лепного тонкостенного сосуда, у кисти правой руки — кремневый отщеп треугольной формы.

Крайне невыразительный материал позволяет предварительно датировать погребение I тыс. до н.э. — I тыс.н.э. Участки вычленены из земельных отводов СОТ.

И.Н. Храпунов, В.П.Власов

РАСКОПКИ КИЗИЛ-КОБИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ШПИЛЬ

Экспедиция Симферопольского университета продолжила изучение поселения кизил – кобинской культуры Шпиль. Оно находится в 1 км к юго – востоку от с. Дружное Симферопольского района и названо по наименованию отрога Долгоруковской яйлы, на склоне которого оно расположено. Данное поселение характеризуется отсутствием культурного слоя и следов каких – либо построек при

большом количестве хозяйственных ям. В позднеримское время на месте поселения возник могильник.

Хозяйственные ямы открыты на площади свыше 5000 м², расположены они без видимого порядка среди могил. Однако наибольшая их концентрация отмечена в западной части раскопа близ карьера. Всего раскопано 97 хозяйственных ям, из них 39 в 1993 г.

Заполнение всех хозяйственных ям открыто на уровне материка: они круглые в плане, бочонковидные, колоколовидные, чашеобразные и цилиндрические в разрезе. Их диаметры на уровне материка — 1 —1,7 м, глубина — 0,3 — 1,3 м.

Заполнение ям состояло из темной гуммированной земли и различных категорий находок. Среди многочисленных фрагментов амфор значительно преобладает продукция Гераклеи Понтийской. Удалось склеить верхние части 6 гераклейских амфор. На горле четырех из них имеются клейма, в одном случае — дипинти, нанесенные красной краской. Еще одна амфора относится к типу фасосских биконических. В 1992 г. найдены и позднехиосские экземпляры.

Лепная керамика представлена единичными целыми сосудами и множеством фрагментов. По группам ее можно разделить на горшки, миски, кубки, чаши и цедилки (дуршлаги). Уникальна находка сохранившего полный профиль миниатюрного сосуда с носиком, который мог использоваться при кормлении грудных детей.

Значительная часть как простой, так и лощеной керамики имела орнаментацию в виде пальцевых вдавлений по внешнему краю венчика, рельефных валиков и выступов различной конфигурации, точечных вдавлений и врезных линий, иногда — с остатками белой пасты.

На некоторых фрагментах перечисленные виды орнамента встречались в различных сочетаниях. Необычен обломок сосуда, имеющий под венчиком три врезные параллельные волнистые горизонтально расположенные линии, а также часть ручки, профилированной продольным желобком и двумя параллельными рядами точечных вдавлений.

Кроме сосудов, найдено 8 керамических пряслиц пяти типов, бронзовый двухлопастный втульчатый наконечник стрелы с шипом, костяная столбовидная застежка с перехватом посередине, подтреугольной формы, ромбическое в сечении кремневое изделие.

В 1992 г. в хозяйственных ямах обнаружены антропо— и зооморфные статуэтки, конусовидные предметы, изделия шаровидной, биконической и удлиненной форм. Все они изготовлены из слабообожженной глины, на некоторых сохранились следы красной краски. Шаровидные, биконические и удлиненные, округлые или овальные в сечении предметы найдены и в 1993 г.

В непосредственной близости от поселения Шпиль находится несколько известных по литературе кизил—кобинских поселений и могильников, а приблизительно в 5 км расположен эпонимный для культуры памятник. Вообще в окрестностях с. Дружное кизил—кобинская керамика встречается повсеместно. С другими кизил—кобинскими памятниками наше поселение сближают конструктивные особенности хозяйственных ям и, главное, форма и орнаментация керамической посуды. Однако имеются отличия. Поселение Шпиль раскопано так широко, как ни одно другое кизил—кобинское поселение. Тем не менее, не обнаружены не только жилые или хозяйственные постройки, но и культурный слой вне хозяйственных ям.

Обломки амфор на кизил—кобинских памятниках находят в редчайших случаях. На поселении Шпиль обнаружено довольно много амфор, причем некоторые из них — с клеймами. Это обстоятельство, с одной стороны, дает материал для изучения связей кизил—кобинцев, которых мы считаем историческими таврами, с греками, а с другой —предоставляет новые возможности для датировки как конкретного поселения, так и разных типов сосудов, встречающихся при раскопках многих памятников. Гераклейские клейма позволяют уверенно отнести время существования поселения к IV в. до н.э. Учитывая находки скифских наконечников стрел, фасосской, позднехиосских амфор, а также тот факт, что клеймить амфоры в Гераклее стали только в IV в. до н.э., датировку поселения следует расширить до V в. до н.э.

Уникальна для кизил—кобинских памятников серия находок изделий из слабообожженной глины, в первую очередь антропоморфных и зооморфных статуэток. Подобных вещей нет ни в Крыму, ни в степном Причерноморье. Аналогии им обнаруживаются в лесостепной Украине (особенно много на Бельском городище), Молдавии, Болгарии и некоторых других регионах. Во всех случаях глиняные фигурки, вероятно, связаны с земледельческими культами.

И.Н.Храпунов, С.А.Мульд,
Э.А.Хайрединова

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЗДНЕРИМСКОГО МОГИЛЬНИКА ДРУЖНОЕ

Могильник расположен в 1 км к юго—востоку от с. Дружное на склоне одного из отрогов Долгоруковской яйлы. Систематическое изучение памятника проводится с 1990 г. экспедицией СГУ. Всего на исследованной площади около 5000 м² было обнаружено 78 погребальных сооружений, из них 19 грунтовых склепов, 32 подбойные могилы и 27 погребений в грунтовых ямах, в тринадцати из которых были захоронены кони. В 1993 г. раскопано 5 грунтовых склепов, 4 подбойные могилы, 7 погребений в грунтовых ямах, в том числе 4 конских.

Все погребальные сооружения вырублены в плотном материковом слое гальки и глины. Земляные склепы однотипны, они Т—образной планировки и состоят из входной ямы, дромоса и погребальной камеры, различия проявляются лишь в размерах и отдельных деталях сооружений. Входные ямы, ориентированные с юго—запада на северо—восток, как правило, имеют прямоугольную в плане форму в верхней части (размеры 2,3—2.8 х 0,65—0,85 м) и трапециевидную — на уровне пола, максимально расширяясь к дромосу (до 1,3 м). Вдоль короткой, противоположной дромосу стенки в трех случаях имелась ступенька, что в предыдущие годы раскопок не отмечалось. Дромос

узкий — 0,6—0,8 м — и короткий — до 0,4 м — с полукруглым сводом высотой 0,6—0,7 м. Вход закрывался одной или несколькими плоскими массивными плитами песчаника и бутовыми камнями. Пол входной ямы и дромоса понижается в сторону погребальной камеры и оканчивается ступенькой высотой 0,15—0,3 м. Пол камеры горизонтальный. В плане она имеет форму неправильной трапеции размером 2,5—2,8 х 2,9—4,1 м.

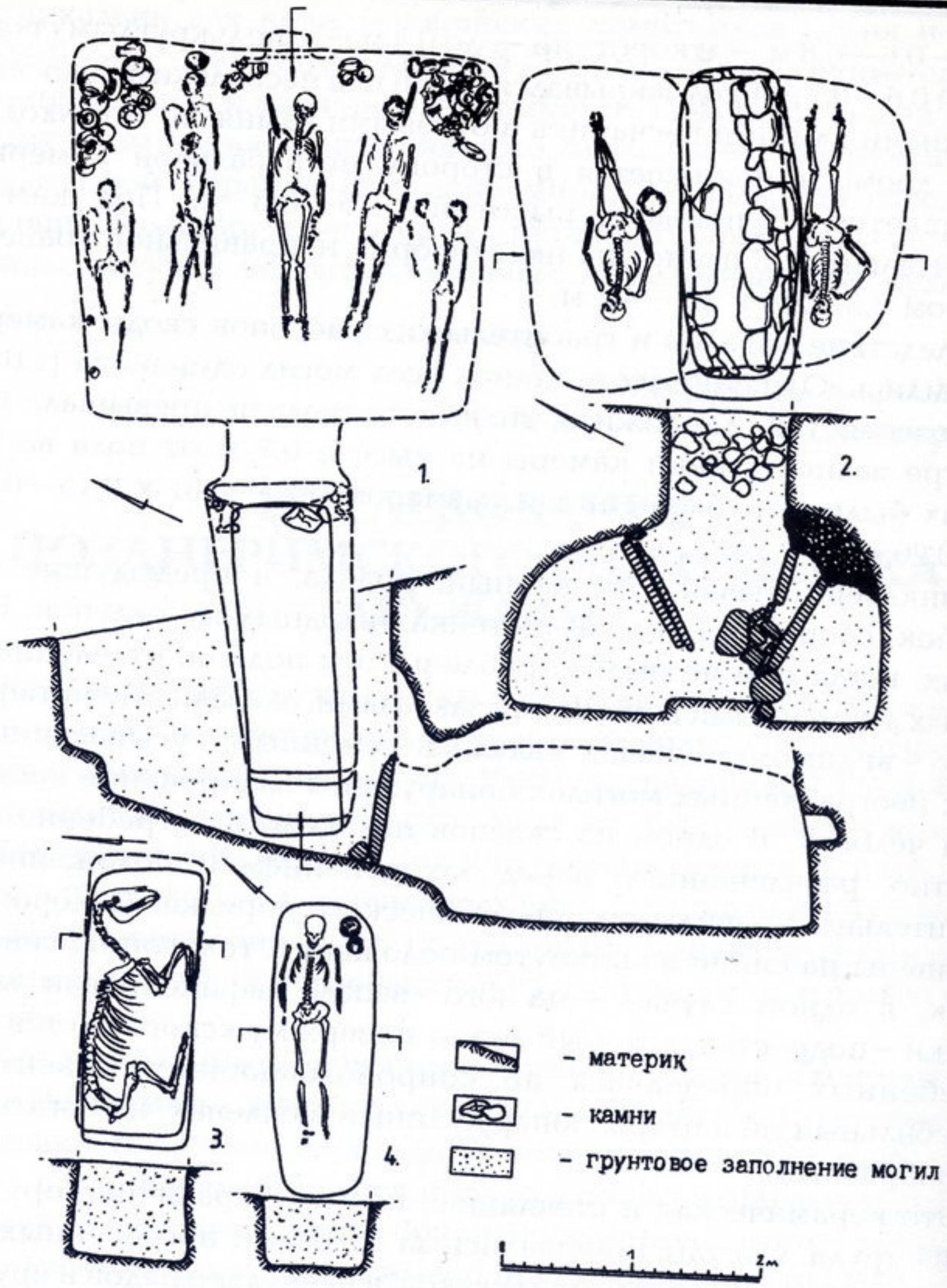
Вследствие обвалов и грабительских раскопов своды камер не сохранились. Однако высота стенок всех могил одинакова (1,05 м), а это позволяет предположить, что высота свода не превышала 1,2 м. В центре задней стенки камеры на высоте 0,7 м от пола во всех могилах были вырублены ниши размером 0,20—0,37 х 0,15—0,25 х 0,13—0,20 м.

Уникален обычай, отмеченный, правда, в предыдущие годы раскопок, сооружать подбои в стенках входных ям склепов. В тех случаях, когда они не были ограблены, эти подбои, отделенные от входных ям мощными каменными закладами, оказались кенотафами.

По-видимому, склепы являлись семейными усыпальницами. В двух неограбленных могилах обнаружены захоронения восьми и шести человек. В одном из склепов находилось погребение коня, вероятно, расчлененного перед захоронением и положенного в относительно правильном анатомическом порядке. Захоронения совершены на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток, в одном случае —на юго-запад. Зафиксирован костяк девочки-подростка, который лежал поверх мужского костяка (пол погребенных определялся по сопровождающему инвентарю). Погребальный инвентарь, обнаруженный в склепах, не богатый, но разнообразный.

Это керамическая и стеклянная посуда, украшения, оружие и орудия труда. Сосуды помещались за головами погребенных — от одного — двух до нескольких десятков, в несколько рядов и ярусов. В двух случаях отмечено положение лепных сосудов у ног. Один стеклянный сосуд стоял в нише.

Часто сосуды содержали напутственную пищу, о чем свидетельствуют находки костей животных, рыб, птиц, а также

Планы и разрезы погребальных сооружений могильника Дружное: 1 – Склеп 66. 2 – Подбойная могила 67. 3,4 – Грунтовые могилы 74, 65.

скорлупы яиц и ядер грецкого ореха. Интересно отметить положение коротких мечей на голове или плече погребенных воинов.

Подбойные могилы, ориентированные с юго – запада на северо – восток, состоят из прямоугольной в плане входной ямы размером 1,35—2,5 х 0,5—0,8 м и вырубленных в ее длинных стенках одного или двух подбоев. Вход в подбой закрывался плоскими плитами из песчаника и бутовым камнем. Входная яма одной из могил сверху была заполнена камнями. Пол подбоя расположен ниже пола входной ямы на 0,15 — 0,3 м. Впервые были отмечены многократные многоярусные (до 3 – х ярусов) захоронения в подбойных могилах. В каждом подбое находилось по три погребенных, в детских — по одному. Все они положены вытянуто на спине, в одном случае отмечены скрещенные в голенях ноги, еще три костяка имели согнутые в локтях и помещенные кистями на таз руки. Преобладает северо – восточная ориентировка костяков, четверо из них ориентированы на юго – запад. Порядок размещения и набор погребального инвентаря в целом такие же, как и в грунтовых склепах.

Простые грунтовые ямы прямоугольных очертаний, размером 1,65—2,25 х 0,6—1,1 м, использовались для захоронения людей или лошадей. Первые обычно совершались на глубине 0,5 — 0,8 м. Костяки расположены вытянуто на спине головой на северо – восток, что совпадает с ориентировкой могильной ямы. Инвентарь крайне беден: по два лепных сосуда, нож в мужском и пряслице в женском погребении. Погребения лошадей обычно, расположены на значительной глубине (до 1,6 м). Могилы ориентированы по линии юго – запад — северо – восток. Костяки лошадей покоились на левом боку с сильно подогнутыми ногами, головой на северо – восток. Иногда головы находились в вертикальном положении вплотную к короткой стенке ямы. Конские захоронения безынвентарны.

Погребальный инвентарь, обнаруженный в 1993 г., насчитывает 445 предметов. Найдено около 150 керамических сосудов. Из них 75% —лепных и 25% — краснолаковых, в заполнениях могил встречались мелкие обломки амфор.

Керамические сосуды из склепа 66.

Среди краснолаковых сосудов преобладают миски, имеются также чашки, блюда и кувшины. Лепная керамика представлена горшками (без ручек, одноручными и двуручными), кружками, кувшинами, мисками. Некоторые сосуды орнаментированы. Наиболее распространенный и специфичный для Дружного вид орнамента —дуговидные рельефные валики, украшающие сосуды у обоих прилепов ручек.

Наряду с керамическими, изредка встречаются стеклянные сосуды. Среди находок 1993 г. наибольший интерес представляют кубок светло – зеленого цвета, разделенный врезными линиями на 3 орнаментальных фриза, каждый из которых заполнен рядом прошлифованных овалов, а также бесцветный прозрачный стакан, стоявший в нише одного из склепов.

Из орудий труда наиболее многочисленны железные черешковые ножи, присутствующие почти во всех погребениях. Особенно их

много (от 6 до 10) в склепах. Женские погребения сопровождались шильями и пряслицами, единична находка бронзовой иглы с ушком. Шилья железные с деревянной рукоятью. Пряслица керамические (в двух случаях сделаны из стенок сосудов). В одном из склепов найден кузнечный набор, состоящий из пары железных щипцов, молотка и двух точильных камней.

Стеклянный кубок из склепа 78.

Вооружение представляют железные обоюдоострые кинжалы и мечи, имеющие по одному вырезу на лезвии в верхней части клинка. Судя по остаткам дерева, они были помещены в ножны. Найдены также наконечники стрел: железные трехлопастные, черешковые сарматского типа и скифский бронзовый, трехлопастный, втульчатый. Из предметов конской упряжи встречены только железные удила с подвижными кольцами на концах.

Почти во всех погребениях присутствуют железные и бронзовые пряжки с подвижным язычком. Многочисленны бронзовые пряжки с утолщенной спереди рамкой, имеющие хоботовидный язычок, ступенчато срезанный сзади. Фибулы найдены только в двух могилах: пара лучковых подвязных со спинкой, украшенной витой проволокой, бронзовая и железная прогнутые подвязные. В большом количестве обнаружены бусы и бисер (в одном из погребений их насчитывалось больше тысячи). Основная масса бус — стеклянные, различных цветов и форм, остальные — из голубого египетского фаянса, гагата, янтаря и сердолика. В двух погребениях найдены янтарные грибовидные подвески.

Из украшений отметим круглые височные подвески, кольца и перстни. Среди последних необычен бронзовый пластинчатый многогранный перстень, украшенный синим полусферическим стеклом. Как единичные, отметим находки бляшек из золотой фольги и фрагмент бронзового браслета, уплощенный конец которого украшен изображением змеиной головы. Из принадлежностей туалета найдены только фрагменты серебряных зеркал: одно с боковым ушком, другое — с петлей в центре, оба имеют рельефный орнамент на обратной стороне.

Одно из погребений сопровождалось парой раковин каури (в одну продето проволочное бронзовое кольцо). В двух могилах найдено по монете, одна из которых чеканена от имени императора Максимиана (286—305 гг.).

Среди находок, сделанных в разные годы при раскопках могильника, имеется группа предметов, позволяющая определить хронологию памятника. Это подвязные лучковые, прогнутые подвязные, «воинские фибулы, зеркала с боковым ушком и зеркала с центральной петелькой, пряжки, амфоры «танаисского» и «инкерманского» типов, стеклянные и краснолаковые сосуды, монеты Гордиана III, Филиппа Араба, Траяна Деция, Максимиана, Лициния. Обращает на себя внимание отсутствие вещей, обычно встречающихся в крымских могильниках V в.н.э., например, двупластинчатых фибул и стеклянных сосудов с каплями синего стекла. В Дружном найдены золотые и серебряные украшения с сердоликовыми вставками того стиля, который А.К.Амброз называл «общепровинциальным, позднеантичным», но нет вещей «гуннского» полихромного стиля. Таким образом, анализ погребального инвентаря позволяет заключить, что могильник Дружное использовался во второй половине III — конца IV в.н.э. (фазы С1В — С2 — С3 европейской хронологической схемы).

Для определения этнической принадлежности людей, оставивших могильник, наиболее существенными источниками следует признать конструкцию погребальных сооружений и типы лепной посуды. И то и другое находят прототипы и прямые аналогии на Северном Кавказе, начиная с I в. до н.э. — I в.н.э. (могильники Нижне-

Джулатский, Подкумский, Чегемский курган – кладбище). То есть с того времени, когда там, судя по письменным источникам, начинается выделение алан из общей массы сарматских племен. Многие изделия принадлежат общесарматским типам и известны на огромных территориях от Урала (а иногда и восточнее) до Центральной Европы. Например, лучковые подвязные фибулы, зеркала, гривны, браслеты, кольца.

В то же время в материалах могильника Дружное нельзя не отметить и северо – западные влияния, проявляющиеся в личных украшениях и деталях костюма. Таковы прогнутые подвязные и «воинские» фибулы, янтарные грибовидные подвески, ведерковидные подвески из серебра и бронзы, многие типы пряжек. Почти все эти предметы считаются «этнографическими признаками» черняховской культуры, часто встречаются в пшеворских и вельбарских могилах.

Могильники, подобные и, частично, одновременные Дружненскому известны в Крыму. Это Нейзац, Перевальное, Лучистое, Озерное III, Инкерманский, Чернореченский. По всей вероятности, они принадлежали аланам, попавшим в Крым вместе с готами. Возможно, могильники со склепами, расположенные, главным образом, на северных склонах Крымских гор, отмечают направление движения аланских, а южнобережные могильники с трупосожжениями (Чатырдаг, Харакс) — готских племен.

Население, оставившее могильник Дружное, не было однородно в социальном и имущественном отношении. Об этом свидетельствует южный участок могильника, где сосредоточены бедные погребения в подбойных и грунтовых могилах, а склепы отсутствуют.

Перечисленные выше крымские некрополи позднеримского времени не связаны с какими – либо поселениями. Также обстоит дело и с могильником в Дружном. Если не пытаться объяснить это обстоятельство археологической случайностью, то решение может быть двояким. Либо поселения находились ниже могильников в ныне распаханных и плотно заселенных долинах (кстати, до сих пор у осетин кладбище располагается обязательно на склоне горы или холма выше деревни), либо люди, оставившие могильник, вели подвижный образ жизни и не имели долговременных построек.

В.А.Хршановский

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ КИТЕЯ

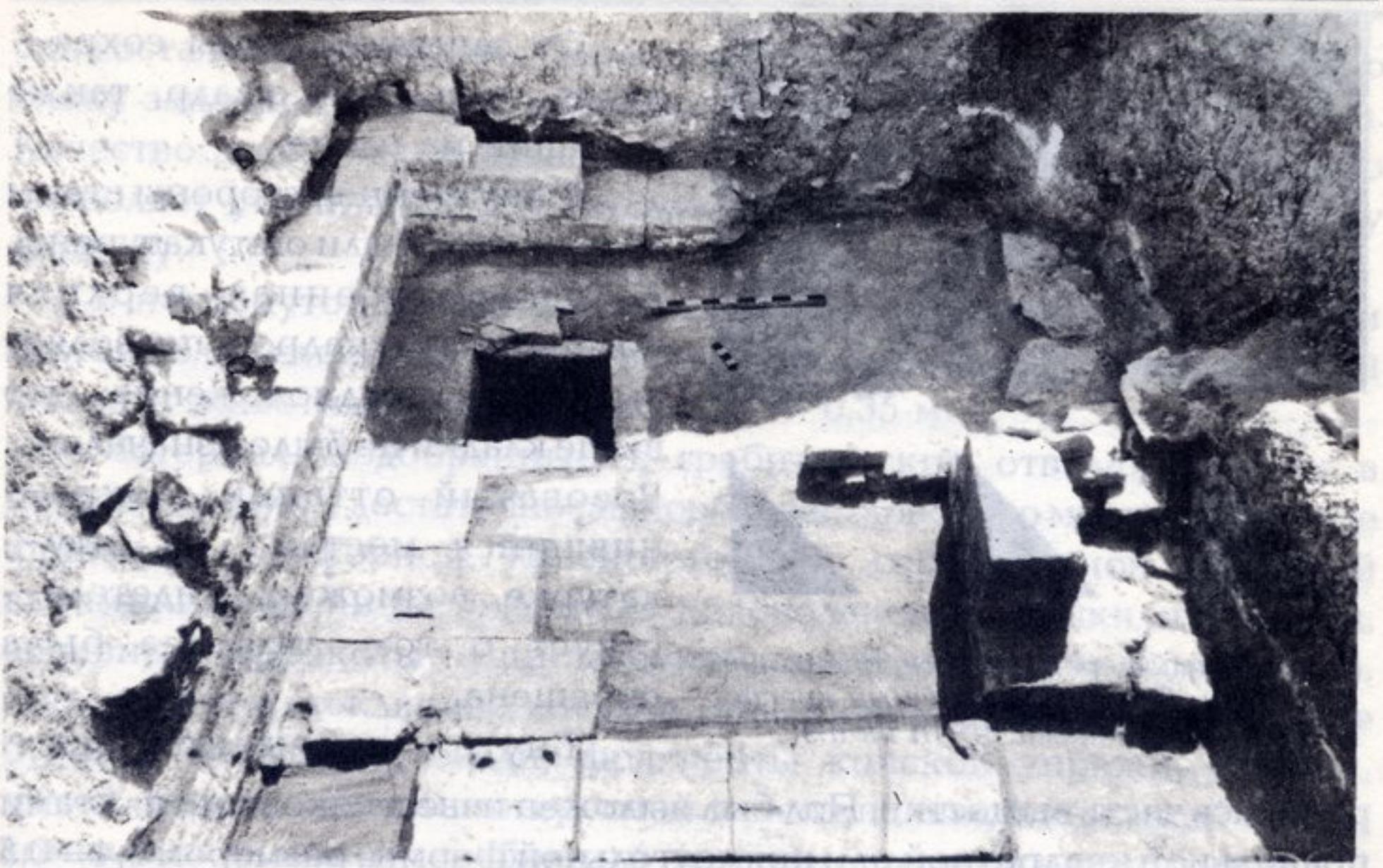
В июле 1993 г. отряд Государственного музея истории религии (Санкт–Петербург) провел пятый полевой сезон на некрополе Китея. План работы пришлось корректировать на месте ввиду множества (более 30) свежих грабительских шурфов и раскопов. В основном работа свелась к доследованию разрушенных и разграбленных памятников, над которыми и были заложены новые раскопы (XXIV, XXV, XXVI). Помимо этого — правда, в значительно уменьшенном объеме — было осуществлено и запланированное расширение к западу старых раскопов XVIII, XIX и XX.

Раскоп XXIV был заложен над небольшим разграбленным склепом. Он был ориентирован по оси юго–запад — северо–восток и обращен входом к закатному солнцу. Склеп состоял из прямоугольной, слегка сужающейся к западу камеры (2,3 х 1,6 м) и, насколько можно судить из–за разрушений, короткого (1 — 1,2 м) дромоса. Стены камеры были образованы плитами известняка, размером от 0,3 х 0,7 м до 1,4 х 1 м, толщиной 0,15 — 0,2 м, поставленными на ребро.

Свод, разрушенный грабителями, судя по всему, был перекрыт такой же — но облегченной — плитой (обломки ее были обнаружены рядом со склепом). В дромосе, перед порогом, отделяющим его от камеры, лежала плита (0,6 х 1 м, толщиной 0,2 м), образующая ступеньку.В северо–восточном углу камеры, ниже уровня пола была обнаружена детская (впускная?) могила.

В грабительских отвалах и — при доследовании — в грунте заполнения камеры и дромоса было обнаружено значительное количество фрагментов амфорной и кружальной, в том числе краснолаковой, керамики, лепнина, фрагменты стекла, бронзовых и железных изделий (меча?), куски мела, несколько бусин из стекла, янтаря, сердолика, гагата и фрагменты витой бронзовой гривны.

Склеп бесспорно датируется римским временем, скорее всего, II в.н.э.

Раскоп XXV. Строительный комплекс. Вид с севера.

В прибрежной зоне, к западу от западной оборонительной стены городища Китея, в непосредственной близости от раскопа XXIII 1992 г. над грабительским шурфом был заложен раскоп XXV. Здесь на глубине около 3 м от современной дневной поверхности были обнаружены остатки строительного комплекса, площадь 20 м^2. Он имеет форму правильного прямоугольника (5 х 4 м), вытянутого с юго – запада на северо – восток. С восточной стороны по всей длине сохранилась прекрасная кладка (высотой 0,7 м) из известняковых квадров 0,4 х 0,4 м) длиной до 1,5 м, положенных на мощные плиты (0,3 х 0,6 м), достигающие такой же длины. С южной стороны кладка сохранилась лишь частично — на 2,5 м от юго – восточного угла комплекса. Прием, использованный при строительстве восточной стены, отчетливо прослеживается и здесь: известняковая плита плашмя в основании и насухо, со смещением к ее внутренней грани, проложенный блок. Можно предполагать, что комплекс имеет к югу продолжение.

Серебряный перстень с сердоликовой вставкой. Гемма: Т-образный крест с двумя рыбками. II–III вв н.э.

От западной стены сохранился лишь один квадр, также лежащий на плите.

С внутренней стороны стены сооружения были оштукатурены. А оштукатуренная верхняя поверхность квадров позволяет высказать предположение, что выше кладки не было изначально. Розоватый оттенок, сохранившийся местами на штукатурке, возможно свидетельствует о том, что она была окрашена.

Внутри помещения сохранилась часть вымостки. Пол был выложен известняковыми плитами правильной квадратной или прямоугольной формы, размером 0,4—0,5 х 0,5—0,7 м, толщиной 0,1 — 0,12 м. Все боковые грани у плит оказались стесаны книзу (придавая им в сечении вид трапеции), вероятно для более жесткого сцепления. На многих плитах, как лежащих in situ, так и извлеченных на поверхность грабителями, имелись лунки — иногда сдвоенные —диаметром 0,05 — 0,08 м и такой же глубины. Очень похожие углубления на вымостке пола уже дважды встречались на некрополе Илурата (катакомба 19 и склеп 52). М.М.Кублановым было высказано предположение, что они предназначались для малых жертвенных воскурений или возлияний.

В южной половине постройки, ближе к восточной стене, была обнаружена квадратная (0,7 х 0,7 м) в плане яма, глубиной 0,6 —0,7 м. Стенки ямы были облицованы известняковыми плитами, поставленными на ребро, толщиной 0,15 — 0,20 м и сориентированы параллельно стенам сооружения. Дно также было покрыто разломанной к настоящему времени плитой известняка.

Обращает на себя внимание сохранившаяся часть внутренней перегородки из трех небольших плоских плиточек (длина 0,2 — 0,4 м, ширина 0,1 — 0,2 м), две из которых образуют нижний ряд кладки,

одна осталась от верхнего. Перегородка направлена перпендикулярно блоку западной стены и, вероятно, делила помещение на две части. Качество этой кладки резко контрастирует со всей остальной, что позволяет усомниться в принадлежности к одному строительному периоду.

В нетронутой грабителями части помещения над самым полом был выявлен слой сажи, пепла и перемешанных обожженных костей людей и животных, мощностью 0,25 — 0,35 м.

Материал, подобранный в грабительских отвалах, найден в нетронутом слое, достаточно разнообразен: довольно многочисленные фрагменты амфорной, красноглиняной, сероглиняной и лепной керамики; черепицы; разбитые краснолаковые чашки и тарелки, вотивные терракоты — кисть руки с зажатым шаром (колобком?), нога; обломки стеклянных сосудов, стеклянные, бронзовые и меловые бусины; железные гвозди, фрагменты конской упряжи, пряжек, мечей, ножей. Самой интересной и неожиданной находкой в этом комплексе оказался серебряный перстень с геммой на сердоликовой вставке. Гемма представляла собой Т—образный крест с двумя рыбками под верхней перекладиной — одно из самых ранних свидетельств проникновения на Боспор христианства (или по крайней мере христианской символики) уже во II — III вв.н.э. Именно этим временем датируется перстень, и III в.н.э. вообще можно считать верхней границей функционирования комплекса. Подтверждением этого служит и найденная на самом полу сильно коррозированная бронзовая монета 2—й половины III в.н.э. Что же касается нижней — то по некоторым образцам краснолаковой керамики ею может считаться I в.н.э.

Необходимо отметить однако, что в грунте заполнения над описываемым строением встречались немногочисленные фрагменты чернолаковой керамики, в том числе фрагмент венчика канфара с растительным орнаментом III в. до н.э. и еще одна бронзовая монета, датирующаяся скорее всего IV — III вв. до н.э. Так что вопрос о времени его сооружения нельзя считать окончательно решенным.

Заслуживает упоминания и то, что на донышках двух краснолаковых чашек из грабительских отвалов имелись граффити

«А» и «Н», на наружной стенке третьей — аббревиатура «Ар» и, возможно, еще «К». Эти монограммы уже встречались в китейском зольнике. Они расшифровываются как первые буквы имен богов: Афродиты, Геракла, Артемиды и Коры.

Возможно, назначение этого комплекса прояснится после прирезки к югу, где он, судя по всему, имеет продолжение. Однако уже сейчас представляется бесспорным то, что это необычное погребальное сооружение.

В северной части некрополя (раскоп XXVI) также при доследовании грабительского шурфа на глубине около 2,5 м была раскрыта вырубленная в скале катакомба. Последняя была ориентирована по оси запад — восток. Вырубленный в скальном массиве дромос с двумя ступеньками (длина 1 м, ширина 1,3 м) подводит с востока (с небольшим смещением к югу) к пещеровидной камере подпрямоугольной формы (длина 2,4 м, ширина 2,1 м). Свод рухнул или был проломлен в древности.

В грабительском отвале из дромоса была обнаружена амфорная и кружальная (в том числе чернофигурная, чернолаковая, буролаковая и краснолаковая) фрагментированная керамика, стеклянные бусины, фрагменты железа с остатками дерева, гвозди. В камере при доследовании — также фрагменты чернофигурной керамики, стеклянные, гагатовые и бронзовые бусины, обломки стекла, гвозди и фрагменты железа с древесным тленом. Здесь же была найдена сильно коррозированная бронзовая монета III в. до н.э.

Таким образом, катакомба скорее всего была сооружена в IV — III вв. до н.э., а затем вторично использована в римское время.

В ходе плановых работ в раскопах XVIII, XIX, XX при их расширении и углублении было найдено, исследовано и доследовано после грабителей еще 11 грунтовых могил и 2 могилы с трупосожжением. В тех случаях, когда их можно было датировать — а скудный или же вовсе отсутствующий погребальный инвентарь далеко не всегда позволял это сделать, — они относились к позднеэллинистическому или римскому времени.

В.П.Чабай, С.М.Жук

РАСКОПКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КАБАЗИ-II

Археологические исследования Кабази – II преследовали две цели: отбор образцов и установка датчиков для выяснения уровня остаточной радиации в отложениях стоянки для абсолютного датирования методом ESR, а также выяснение древней топографии стоянки.

Доктором Дж.Ринком (Университет Мак – Мастер, Гамильтон, Канада) было отобрано в качестве образцов 18 зубов гидрунтинового осла (образцы ESR 1—18) и установлено 6 датчиков для выяснения уровня остаточной радиации (1—6). Образцы ESR 1—4, 8—18 происходят из 7Б горизонта II культурного слоя, ESR 5—7 — из 1А горизонта того же слоя. Датчики установлены в отложениях II культурного слоя: 2 и 4 — в 1А горизонт, 5 и 6 — в 7Б горизонт, а также III культурного слоя: 1 и 3 соответственно во 2 и в 3 его горизонты.

Решение второй задачи — выяснение древней топографии стоянки,фактически сводится к ответу на вопрос о типе памятника Кабази – II. Является ли Кабази – II стоянкой открытого типа или же это погребенный грот и, следовательно, каковы его приблизительные размеры, где расположена его задняя стенка и к какому уровню гротообразования он относится? Для решения этого круга вопросов к раскопу 1987—1988 гг. были прирезаны квадраты МНОП—4—8 (всего 20 м^2 — «нижний раскоп»), а на квадратах ЕДГВБАЯ ЮЭЩ—15—10 разбит «верхний раскоп» общей площадью 60 м^2, от которого вверх по склону с интервалом 10 м в створе линий 17—14 поставлено 4 шурфа (№ 2—5) размерами 2 х 3 м каждый (рис. 1, 1, П). Все шурфы вскрыты на глубину 1,2 — 1,5 м и продемонстрировали сходную стратиграфию: 1 — гумус; 2 — гумусированный суглинок; 3 — слой разложившегося известняка — «известковый натек»; 4— желтый мелкозернистый плотный суглинок. Аналогичная

стратиграфия отмечена и в верхнем раскопе. Указанная последовательность отложений полностью соответствует профилю нижнего раскопа, полученному ранее /Колосов, Степанчук, Чабай, 1993/. В 1—3 и на контакте 3 с 4 упомянутых стратиграфических горизонтах обнаружены немногочисленные находки кремней мустьерского времени. Аналогичный материал собран по всей поверхности склона между верхним раскопом и сальным обрывом плато.

В результате данных наблюдений представляется возможным сделать ряд предположений и выводов. Находки в шурфах и сборы подъемного материала на склоне, особенно в его верхней части, указывают на наличие не менее одного яруса погребенных гротов, возможно, непосредственно под скальным обрывом куэсты, примерно на одном уровне с расположенной по соседству Кабази — I /Формозов, 1959/. 4 стратиграфических горизонта, обнаруженные в раскопах и шурфах, являются стратиграфической непрерывностью делювиального характера, образовавшейся после разрушения предполагаемых погребенных скальных убежищ. Причем, это разрушение произошло в плейстоцене. На это указывает делювиальный характер 4 стратиграфического горизонта (желтый суглинок), четвертичный возраст которого не вызывает сомнений. В свою очередь, делювиальное происхождение этого суглинка противоречит высказанному ранее предположению /Колосов, Степанчук, Чабай, 1993/ об инситном положении кремневой индустрии 3 горизонта I культурного слоя. Таким образом, все материалы I культурного слоя Кабази — II переотложены. Их первоначальное залегание следует связывать, вероятно, с еще не обнаруженным погребенным (а может, уже полностью разрушенным) гротом (гротами?), находящимся где-то под скальным обрывом куэсты над нижним и верхними раскопами.

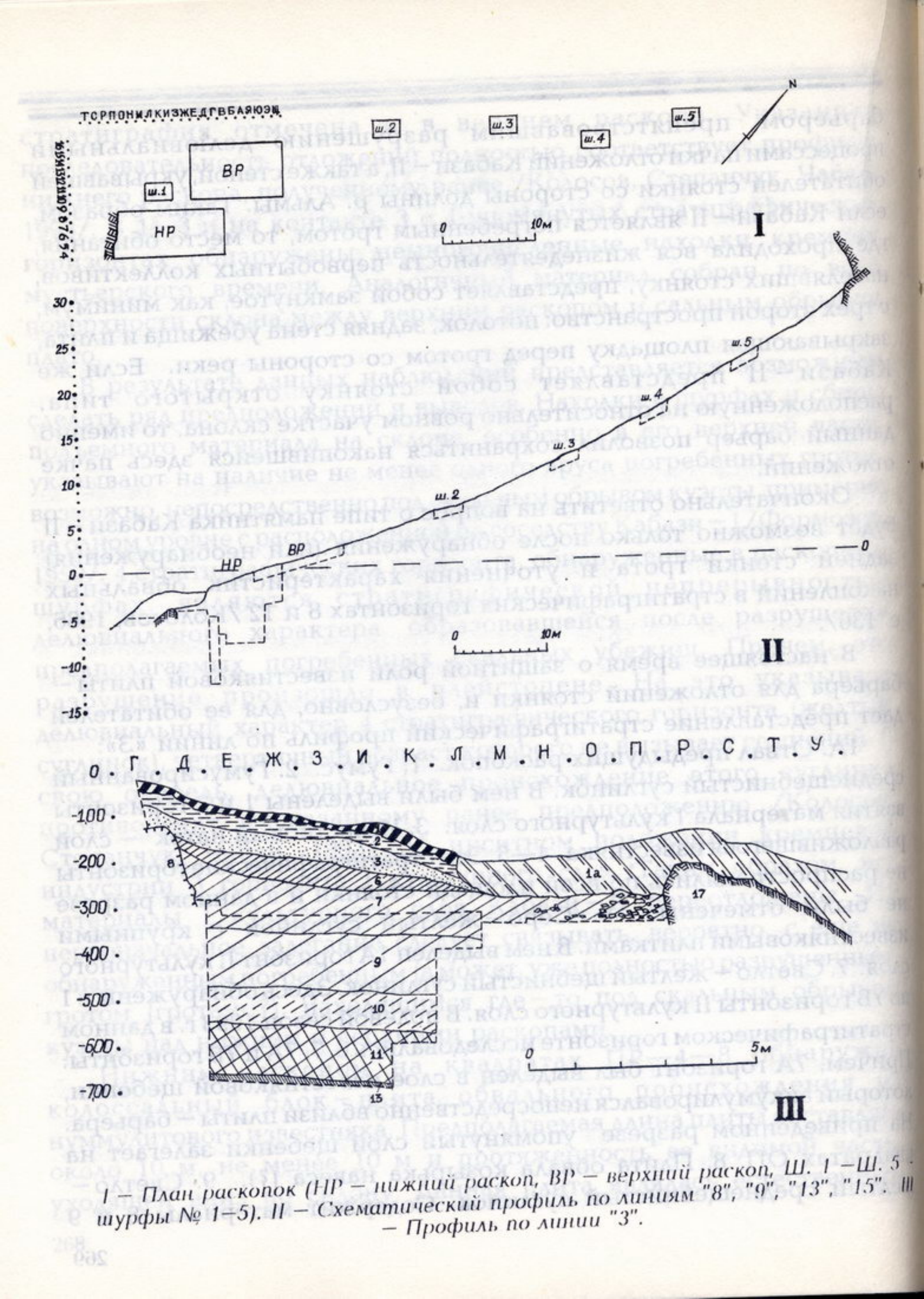
Нижним раскопом на квадратах ПР—4—8 обнаружен колоссальный блок — плита обвального происхождения из нуммулитового известняка. Предполагаемая длина плиты составляет около 10 м, не менее 10 м и протяженность ее видимой части, уходящей вниз по склону. Данная плита являлась естественным

барьером, препятствовавшим разрушению делювиальными процессами пачки отложений Кабази – II, а также стеной, укрывавшей обитателей стоянки со стороны долины р. Альмы. Таким образом, если Кабази – II является погребенным гротом, то место обитания, где проходила вся жизнедеятельность первобытных коллективов, населявших стоянку, представляет собой замкнутое, как минимум, с трех сторон пространство: потолок, задняя стена убежища и плита, закрывающая площадку перед гротом со стороны реки. Если же Кабази – II представляет собой стоянку открытого типа, расположенную на относительно ровном участке склона, то именно данный барьер позволил сохраниться накопившейся здесь пачке отложений.

Окончательно ответить на вопрос о типе памятника Кабази – II будет возможно только после обнаружения (или необнаружения) задней стенки грота и уточнения характеристик обвальных накоплений в стратиграфических горизонтах 8 и 12 /Колосов, 1986, с. 136/.

В настоящее время о защитной роли известняковой плиты – барьера для отложений стоянки и, безусловно, для ее обитателей дает представление стратиграфический профиль по линии «З»:

1А. Отвал предыдущих раскопок. 1. Гумус. 2. Гумусированный среднещебнистый суглинок. В нем были выделены 1 и 2 горизонты взятия материала I культурного слоя. 3. Известковый натек — слой разложившегося известняка. 4—5. Эти стратиграфические горизонты не распространялись по всей площади стоянки и в данном разрезе не были отмечены. 6. Серо – желтый суглинок с крупными известняковыми плитками. В нем выделен 1А горизонт II культурного слоя. 7. Светло – желтый щебнистый суглинок. Здесь обнаружены с 1 по 7Б горизонты II культурного слоя. В полевой сезон 1993 г. в данном стратиграфическом горизонте исследовались 6, 7, 7А и 7Б горизонты. Причем, 7А горизонт был выделен в слое известняковой щебенки, который аккумулировался непосредственно вблизи плиты – барьера. На приведенном разрезе упомянутый слой щебенки залегает на квадратах ОП. 8. Плита обвала козырька навеса (?). 9. Светло – желтый среднещебнистый суглинок. Содержит материалы 8 и 9

I – План раскопок (НР – нижний раскоп, ВР – верхний раскоп, Ш. 1 –Ш. 5 - шурфы № 1–5). II – Схематический профиль по линиям "8", "9", "13", "15". III – Профиль по линии "3".

горизонтов II культурного слоя. 10. Желто – серый суглинок с мелкой известняковой крошкой. 11. Светло – коричневый суглинок. Включает материалы 1—3 горизонтов III культурного слоя. 13. Суглинок цементного цвета. IV культурный слой. 17. Известняковая плита – барьер. Судить с уверенностью о ее происхождении пока не представляется возможным. Не исключено, что еще задолго до отложения IV культурного слоя стоянки она откололась от скального края плато и, сползая вниз по склону, задержалась на его горизонтальном участке, возможно, на высокой террасе р. Альмы. Очевидно то, что она уже находилась на своем нынешнем месте во время отложения 13—7 стратиграфических горизонтов, что во многом и определило их горизонтальный характер залегания. Прекращение процесса накопления седиментов после отложения 5 стратиграфического горизонта и появление делювиальных 1—4 горизонтов можно связывать не только с окончательным разрушением навеса (если он был), но и с высотой плиты.

В археологическом отношении кремневые материалы, обнаруженные в гумусированном суглинке верхнего раскопа, аналогичны индустрии I культурного слоя, добытой в нижнем раскопе в 1986—1987 гг. На нижнем раскопе в 1993 г. исследовались 6, 7, 7А, 7Б горизонты II культурного слоя. На вскрытом участке (квадраты МНОП—4—8) преобладали фаунистические остатки, которые концентрировались, в основном, на квадратах НО—5—6. Вокруг фаунистических остатков полукольцом размещались кремневые орудия и отходы камнеобрабатывающего производства. Возможно, после более тщательного анализа планиграфической ситуации эту часть поселения 6—7Б горизонтов II культурного слоя можно будет интерпретировать как участок разделки туш животных. Типы орудий, нуклеусов и сколов, обнаруженные в 6—7Б горизонтах II культурного слоя, в целом характерны для финальной стадии шайтан – кобинского и начальной кабазийского этапов западнокрымской фации типичного мустье.

О.В.Шаров

О РАСКОПКАХ В РАЙОНЕ ВОКЗАЛЬНОГО ШОССЕ В г. КЕРЧИ

Археологической новостроечной экспедицией КО ИВ НАН Украины (начальник экспедиции — О.В.Шаров) были проведены спасательные раскопки в г. Керчи. Заказчиком выступал КГИАЗ. Работы финансировались Симферопольским управлением железных дорог.

Раскопки велись на территории строительства крупного жилого микрорайона по Вокзальному шоссе. По результатам обследования этой территории сотрудниками КГИАЗ в зоне спасательных работ был зафиксирован один археологический объект: курган диаметром 40 м и высотой 2,8 м (абсолютная отметка 17,43 м), расположенный в 50 м к югу от пер. Флотского.

Местоположение исследуемого участка достаточно интересно: это четырехугольник между Тиритакским валом, рекой Мелек–Чесмен и Вокзальным шоссе. Тиритакский вал четко прослеживается от Золотого кургана, который находится практически напротив исследуемого кургана, до поймы реки Мелек–Чесмен (ныне р. Приморская). К северу от поймы он практически весь срыт. Вокзальное шоссе проходит приблизительно там же, где проходила старая дорога, указанная на картах 1835, 1853 гг. (инв. № 3209, 10798) КГИАЗ. Центральная часть кургана была уничтожена длинной траншеей, ориентированной по линии восток — запад, которая к моменту раскопок использовалась как место для свалки мусора. Вся западная пола насыпи была изрезана хозяйственными ямами. Восточную и северную ее полу прорезал канал водостока бывшего военного аэродром.

Методика раскопок во многом определялась условиями расположения исследуемого объекта, ограниченного с северной, западной и восточной сторон огородами и водосбросовым каналом. Использование землеройной техники в данных условиях было

сопряжено со значительными трудностями: вынос грунта был возможен только к югу от объекта, контуры водосбросового канала ограничивали маневренность техники.

В связи с вышесказанным поверхность кургана была растрассирована на четыре параллельные траншеи, вытянутые по линии север — юг, шириной 3 м, с оставлением бровок шириной 1 — 1,5 м. В целях определения границ насыпи и возможностей маневра техники по линии центральной траншеи был заложен раскоп 1 в юго – восточном секторе насыпи, согласно максимальной насыщенности этого сектора полы степных курганов. Раскоп был разбит тремя квадратами со сторонами 3 и 4 м; центральная бровка оставлена шириной 1,5 м, ширина бровок между квадратами раскопа 1 составляла 0,5 м. В качестве репера была использована точка А—5 в наивысшей части центральной бровки. В границах исследуемого участка по фасам бровок между траншеями удалось почти полностью восстановить планиграфию и стратиграфию насыпи кургана.

При нанесении на общий план границ насыпей была восстановлена планиграфия кургана. Ряд точек в северной и восточной частях кургана нами не прослежен в силу упомянутых причин, поэтому была использована карта топосъемки 1985 г., на которой по горизонталям примерно восстановлены границы восточной полы кургана. Первоначальная насыпь имела в плане неправильную подовальную форму, остаточными размерами 16 х 18 м, в северо – восточной части резко сужалась. Она прослежена от уровня погребенной почвы до высоты 1,6 — 1,7 м. Вторая насыпь имела более плавные очертания, с восточной стороны ее четкие границы не прослежены. Диаметры (остаточные): по линии север — юг 23 м, по линии восток — запад не менее 25 м.

В ходе исследований были выявлены 3 погребальных комплекса.

ПОГРЕБЕНИЕ 1 было выявлено в квадрате 2 раскопа 1 на отметке — 0,4 от репера, по выходу костей. Яма слабо прослеживалась лишь с северной и западной сторон. Погребенный был уложен на спину, головой к западу в вытянутом положении. Костяк средней сохранности, плечевая кость правой руки отсутствует. Лицевая часть черепа, уничтоженная кротовиной, была обращена к югу. Согнутые

в коленях ноги упали в северную сторону. Левая рука была уложена вдоль туловища, фаланги правой лежали на тазе. В заполнении были найдены мелкие фрагменты красноглиняных амфор с рифлением. При разборке грудного отдела были обнаружены еще два фрагмента такой же керамики под ребрами. Другой материал отсутствует. Приблизительный рост погребенного по длинам плечевой и бедренной костей достигал 1,62 — 1,66 м. По челюсти и зубам, погребение можно определить как захоронение мужчины среднего возраста. Керамика датирует комплекс IV — VI вв.н.э.

ПОГРЕБЕНИЕ 2 было обнаружено при зачистке дна траншеи 2, по выходу одного из камней заклада. В восточном профиле траншеи прослеживался слой материкового выкида к югу от камней заклада, перекрытых сверху этим же грунтом. Погребение фиксировалось по уровням расчистки. Была заложена прирезка к востоку от траншеи 2 по линии траншеи 5.

Первый уровень расчистки зафиксировал материковый слой выкида, переотложенный на каменный заклад. В плане он имел неправильную форму, размерами 1,2 х 0,8 м, мощность его достигала 0,2 м. Второй уровень расчистки составлял каменный заклад из крупных и средних плит местного известняка, стыки которых были заложены более мелкими камнями. Две центральных плиты имели размеры 0,5 х 0,6 х 1,1 х 0,2 и 0,5 х 0,8 х 0,15 м.

Третий уровень расчистки выявил пятно могильной ямы подовальной в плане формы после снятия каменного заклада, размерами 0,6 х 0,8 м. Оно слабо отличалось по заполнению, цвет которого был несколько темнее окружающего суглинка.

Четвертый уровень расчистки представлял собой могильную камеру, ориентированную по линии северо — восток — юго — запад, размерами до 1,1 х 0,9 м в центральной части. Стенки были слабо наклоненными, сужали размеры дна до 0,47 х 0,87 м. Заполнение ямы составлял жирный гумус с примесью материковой глины, пронизанный ходами грызунов. Костяк плохой сохранности, зафиксированы только черепная коробка и фрагменты бедренных и берцовых костей. Погребенный, вероятно, был уложен на подстилку, от которой сохранился коричневый тлен. В районе грудной клетки

тлен имел черный оттенок. Кости слабо окрашены розово – красной охрой, череп — интенсивнее. Погребенный лежал на левом боку, в скорченном положении, головой к северо – востоку, лицевой частью черепа к юго – востоку. Скопление фаланг пальцев рук расчищено в районе черепа, к юго – западу от него. Несколько зубов были найдены у северо – восточной границы пятна черного тлена. По ним можно сказать, что захоронен был подросток. Инвентарь отсутствует. По особенностям погребального обряда данный комплекс можно отнести к кругу погребений эпохи поздней бронзы.

ПОГРЕБЕНИЕ 3 было выявлено при зачистке дна центральной части траншеи 1, под слоем современного мусора, частично попадало под центральную бровку кургана.

Материковый выкид, прослеженный в профилях бровок (см. выше), вероятно, относится именно к этому погребению. Могильная яма в плане была подовальной формы, размерами 1,4 х 1,67 м, ориентирована была длинной стороной по линии северо – запад — юго – восток. Пятно погребальной камеры четко выделялось по темному гумусу заполнения, смешанного с материковой глиной и мелкими камнями. Уровень его фиксации 2,8 — 2,88 м от репера. Сверху в заполнении залегал слой заплыва из вышележащей свалки мощностью до 0,2 м.

Заполнение камеры было насыщено большим количеством мелких и мельчайших раковин морских моллюсков. На глубине 3,55 м от репера обнаружена коленная чашечка, которая зафиксировала верхнюю точку костяка. Погребенный был уложен на спину со скорченными ногами, упавшими коленями к югу, головой к юго – востоку, лицевой частью черепа (не сохранилась) к югу.

Руки были уложены вдоль туловища.

На дне ямы был расчищен темно – коричневый тлен от растительной подстилки. Костяк был окрашен малиновой охрой, череп — интенсивнее. Стенки погребальной камеры были почти отвесными, дно залегало на глубине 3692 м от репера, глубина ямы от уровня фиксации составляла 1 м. Северная часть костяка полностью разложилась под воздействием слоя негашеной извести, затекшего в яму из свалки. Возраст и пол погребенного атрибутировать не удалось. По особенностям погребального обряда комплекс можно отнести к древнеямной культуре.

Можно сделать следующие предварительные выводы. Курган был возведен в эпоху ранней бронзы над погребением 3, относящимся к древнеямной культуре в виде подовальной в плане (насколько об этом можно судить) насыпи указанных выше размеров. В этот же, возможно, период или несколько позже, судя по неразличимости керамического материала, из первоначальной и 2—й насыпи, в курган было впущено погребение (уничтоженное ямами свалки и не обнаруженное нами), над которым была возведена вторая насыпь. В эпоху поздней бронзы в край подошвы второй насыпи кургана было впущено погребение 2 с каменным закладом без возведения досыпки. Прозднейшим в кургане, видимо, является погребение 1, впущенное в центральную часть второй насыпи и относящееся к 1—й четверти I тыс. нашей эры.

О древности кургана свидетельствуют как пойменное его расположение, характерное в степях обычно для начального и переходного к среднему этапов древнеямной культуры, так и особенности достаточно архаичного погребального обряда центрального погребения первоначальной насыпи.

В.Ю.Юрочкин, В.А.Петровский

ИССЛЕДОВАНИЯ В РАЙОНЕ ГОРОДИЩА БАКЛА

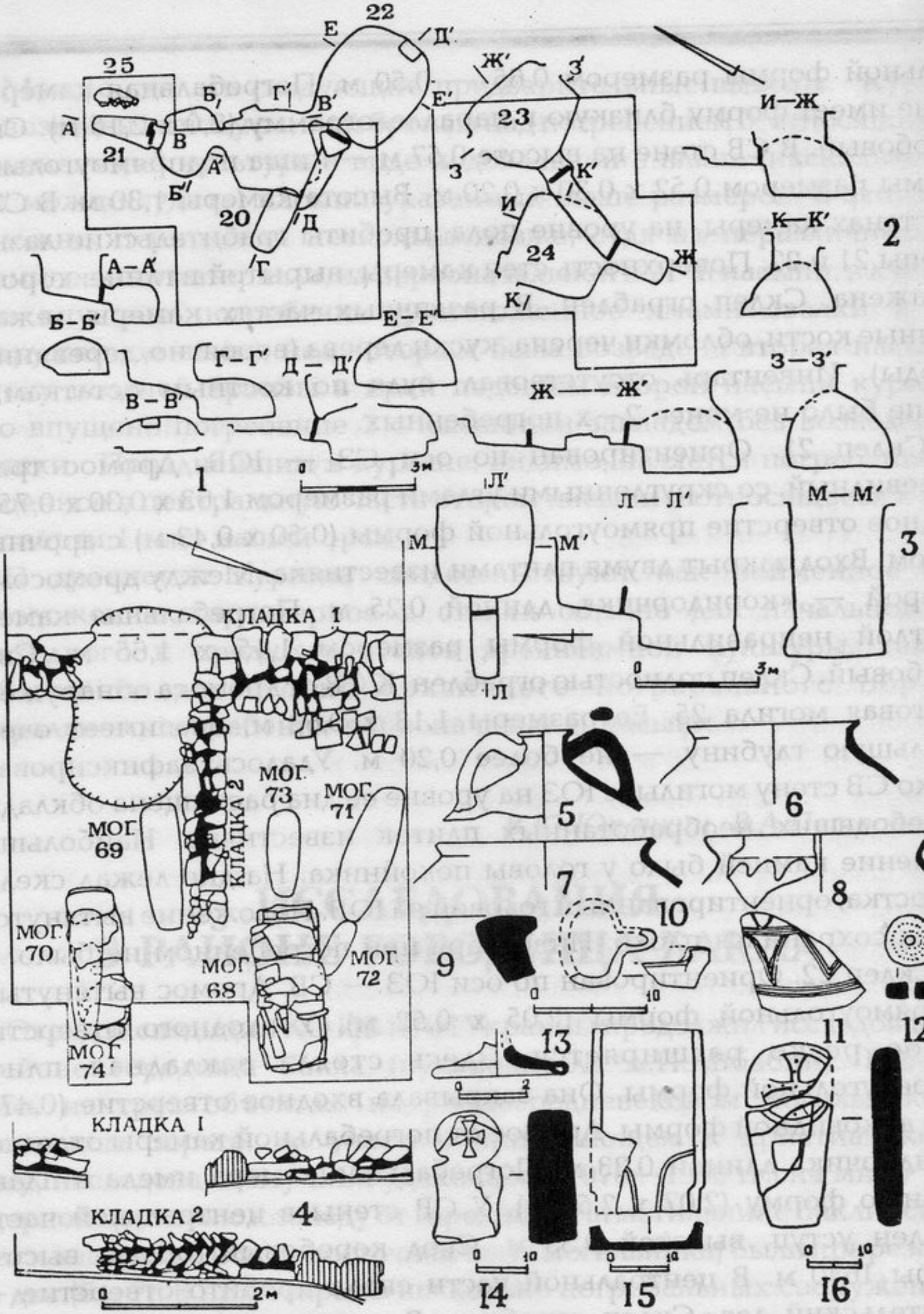
Отряд экспедиции КО ИВ НАН Украины продолжил исследования в районе городища Бакла (руководитель А.И.Айбабин). Работы велись на трех объектах: на раннесредневековом могильнике в Баклинском овраге; на участке, прилегающем к христианскому храму, исследованному В.Е.Рудаковым в 1978—1980 гг., на мысу под пещерной церковью к западу от городища. На могильнике Баклинский овраг к квадрату 5 (юго — восточная часть могильника) были прирезаны еще два (6 и 7). В них открыто несколько погребальных сооружений.

Квадрат 6. Склеп 20. Ориентирован по оси ЮЗ — СВ. Дромос подпрямоугольный со скругленными углами. Входное отверстие

овальной формы размером 0,65 — 0,50 м. Погребальная камера в плане имеет форму близкую к параллелограмму (2,0 х 2,15 м). Свод коробовый. В СВ стене на высоте 0,57 м — ниша подпрямоугольной формы размером 0,52 х 0,30 х 0,20 м. Высота камеры 1,30 м. В СЗ и СВ стенах камеры, на уровне пола, пробиты грабительские лазы в склепы 21 и 22. Поверхность стен камеры, вырытой в глине, хорошо заглажена. Склеп ограблен. В различных частях камеры лежали длинные кости, обломки черепа, куски дерева (вероятно, деревянной колоды). Инвентарь отсутствовал, судя по костным остаткам, в склепе было не менее 2—х погребенных.

Склеп 21. Ориентирован по оси СЗ — ЮВ. Дромос трапециевидный, со скругленными углами размером 1,63 х 0,30 х 0,75 м. Входное отверстие прямоугольной формы (0,50 х 0,43 м) с арочным сводом. Вход закрыт двумя плитами известняка. Между дромосом и камерой — «коридорчик», длиной 0,25 м. Погребальная камера округлой неправильной формы размером 1,15 х 1,65 м. Свод коробовый. Склеп полностью ограблен. К СВ от дромоса обнаружена грунтовая могила 25. Ее размеры 1,13 х 0,62 м, она имеет очень небольшую глубину — не более 0,20 м. Удалось зафиксировать только СВ стену могилы, с ЮЗ на уровне ее дна расчищена обкладка из небольших необработанных плиток известняка. Наибольшее скопление камней было у головы покойника. На дне лежал скелет подростка, ориентированный головой на ЮВ. Положение вытянутое, костяк сохранился плохо. Инвентаря при погребенном не было.

Склеп 22. Ориентирован по оси ЮЗ — СВ. Дромос вытянутый, подпрямоугольной формы (2,05 х 0,52 м). У входного отверстия дромос резко расширяется. Здесь стояла закладная плита четырехугольной формы. Она закрывала входное отверстие (0,47 х ,55 м) арковидной формы. Дромос от погребальной камеры отделяет «коридорчик» длиной 0,23 м. Погребальная камера имела в плане овальную форму (2,07 х 2,52 м). У СВ стены в центральной части оставлен уступ, высотой 0,33 м. Свод коробовый, общая высота камеры 1640 м. В центральной части свода пробито отверстие — грабительский лаз. Склеп ограблен. В различных частях камеры найдены кости двух покойников и обломки дерева. Склеп сделан

1–10 – Находки из склепа 23. 11–15 – находки из склепа 24. 16 – стеклянная бусина из плитовой могилы 68. 17 – стеклянный браслет из могилы 74. 18–19 – известняковые надгробия.

довольно небрежно, на стенах хорошо заметны следы орудий.

Квадрат 7. Склеп 23. Ориентирован по оси ЮЗ — СВ. Дромос прямоугольной формы, длиной 1,65 м, шириной 0,65 м. Пятка обвалилась при обрушении свода склепа 24. Погребальная камера неправильной четырехугольной формы, размером 2,55 х 2,55 м. Свод частично обвалился. Наибольшая высота склепа 1,70 м. Склеп ограблен, разрозненные кости лежали по всему полу. В центральной части найдены два черепа. На одном из них видны следы искусственной деформации. К востоку от черепов расчищены два скопления костей и коричневого тлена. В первом скоплении найдены детали геральдического поясного набора, мелкие бронзовые гвоздики от деревянной шкатулки, железный наконечник стрелы.

Во втором скоплении, к югу от первого, среди костей обнаружены следующие вещи: бронзовые гвозди, 2 фрагмента железного ножа, геральдические бляшки. У восточной стены на боку лежал и кувшин с ойнохоевидным горлом и обломки лепного сосуда с ручкой.

Склеп 24 ориентирован по оси С—Ю. Дромос прямоугольной формы с округленными углами, размером 1,30 х 0,66 м. Входное отверстие в древности было закрыто известняковой плитой. Погребальная камера четырехугольной формы 92,25 х 2,45 м). Свод обрушился, вероятно, он имел коробовую форму. Наибольшая высота камеры в сохранившейся части 1,40 м. В склепе лежали кости 3 — х погребенных, потревоженных грабителями. Погребения 1 и 2 были ориентированы головой на С, а погребение 3 на СВ. В районе черепа погребения 2 обнаружен фрагмент бронзовой проволочной серьги. В районе таза лежали бусы, большинство вещей перемещено при ограблении, обломки от них разбросаны по всей камере. У северной стены обнаружены 3 раздавленных кувшина с ойнохоевидным горлом. Обломки еще одного находились у западной стены склепа. Рядом с кувшинами найдены обломки стеклянного бокала, его же фрагменты лежали на костях погребения 1. Двурогая и щитковидная геральдические бляшки из склепа 23, вероятно, относятся ко второй половине VII в. /Айбабин, 1990, с. 52, рис. 50,40; с. 50, 1—7/. В пределах второй пол. VII—IX вв. могут быть датированы предметы из склепа 24.

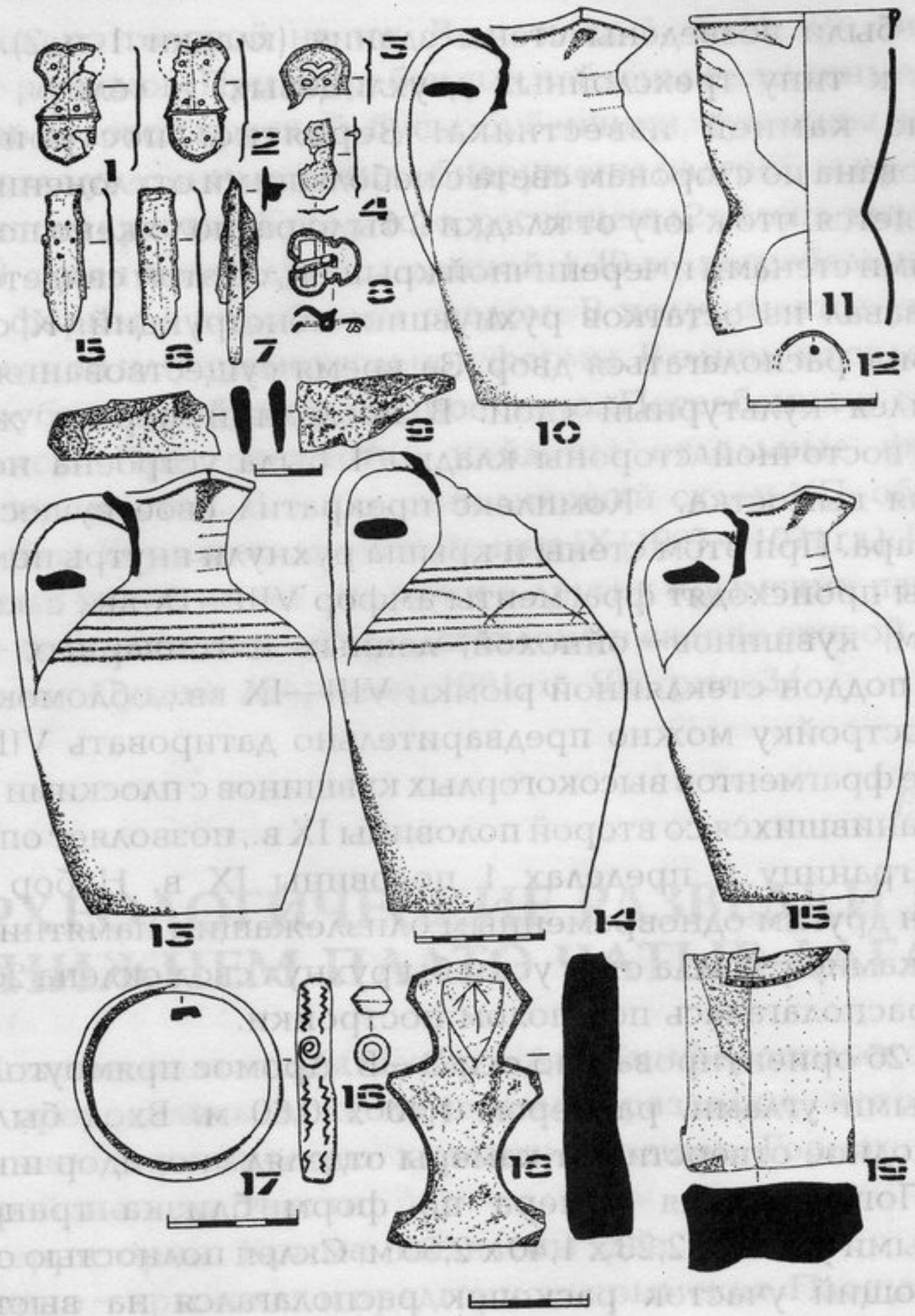
При снятии слоя светло–серого суглинка на квадратах были найдены многочисленные фрагменты лепных сосудов и амфор. Среди них выделяются обломки амфор типа 100 по Зеест (Делакеу) и с рифлением типа «набегающей волны». Они изготавливались во второй половине IV — второй четверти VI вв. /Сазанов, 1989, с. 44, 51; 1992, с. 57/. На квадрате 6, под дерном расчищено упавшее известняковое антропоморфное надгробие.

На сельском поселении у подножия Баклы, в 10 м к ЮВ от южного угла раскопа В.Е.Рудакова /Рудаков, 1984, с. 40—53/ был обнаружен вырытый грабителями шурф. Возле него собраны кости скелетов и череп со следами искусственной деформации. Для изучения погребального сооружения был разбит раскоп размером 5 х 5 м. После снятия дерна выяснилось, что непосредственно под ним находятся развалины каменной постройки. При ее расчистке выявлены грунтовые и плитовая могилы. Они впущены в слой разрушения указанной постройки и относятся к христианскому некрополю, изучавшемуся В.Е.Рудаковым при раскопках храмов в 1978—1980 гг., и когда были исследованы 67 могил. Мы продолжили эту нумерацию. Выделяются 2 уровня могил. К первому уровню относится грунтовая с каменным закладом могила 74. В ней найден стеклянный браслет с росписью золотой краской X—XII вв. /Львова, 1958, с. 316; Щапова, 1963, с. 111—112/. Ко второму уровню относятся простые грунтовые могилы 69—73 и плитовая 68. Погребенные лежали в вытянутом положении, головой на З с некоторыми отклонениями.

В могиле 74 было три слоя погребений, в могилах 69—73 находилось по одному покойнику.

В плитовой могиле 68 перед совершением последнего погребения кости предшествующих были перемещены, а черепа сложены поверх погребенного. Здесь найдена стеклянная биконическая бусина . Восточнее могилы 70 вертикально стояла нижняя часть надгробия. Очевидно, что 1 уровень могил связан с крестообразным храмом XI—XII вв., а 2 — с построенным на его развалинах храмом XIII в.

Раскопки каменной постройки показали, что в древности склон был выровнен, поверхность подмазана желтой глиной. На этой

1 – квадрат 6: планы и разрезы склепов 20–22 и грунтовой могилы 25. 2 – квадрат 7: планы и разрезы склепов 23 и 24. 3 – план и разрезы склепа 26: 4 – раскоп на сельском поселении под Баклой. Планы и фасировки кладок: 5–13, 15 – находки из каменной постройки. 14–16 – известняковые надгробия.

площадке были возведены стены здания (кладки 1 и 2). Кладки относятся к типу трехслойных двухлицевых, в «елку», сложены насухо из камней известняка. Вероятно, постройка была ориентирована по сторонам света с небольшими отклонениями. Нам представляется, что к югу от кладки 2 было расположено помещение с каменными стенами и черепичной крышей, об этом свидетельствует мощный завал из остатков рухнувших конструкций. К северу от кладки 2 мог располагаться двор. За время существования усадьбы тут скопился культурный слой. В последний период жизни на усадьбе у восточной стороны кладки 1 была устроена небольшая черепичная вымостка. Комплекс прекратил свое существование после пожара. При этом стены и крыша рухнули внутрь помещения. Из усадьбы происходят фрагменты амфор VIII—IX вв., с зональным рифлением, кувшинов – ойнохой, лепных и гончарных горшков, пряслице, поддон стеклянной рюмки VIII—IX вв., обломок пифоса. Так что постройку можно предварительно датировать VIII—IX вв. Отсутствие фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, распространившихся со второй половины IX в., позволяет определить верхнюю границу в пределах 1 половины IX в. Набор находок аналогичен другим одновременным близлежащим памятникам. Под тяжестью камней завала стен усадьбы рухнул свод склепа 26, камера которого располагалась под полом постройки.

Склеп 26 ориентирован по оси З—В. Дромос прямоугольный со скругленными углами, размером 1,40 х 0,60 м. Вход был закрыт плитой. Входное отверстие от камеры отделял «коридорчик» (0,40 х 0,60 м). Погребальная камера по форм близка трапеции со скругленными углами, 2,23 х 1,40 х 2,50 м. Склеп полностью ограблен.

Следующий участок раскопок располагался на выступе под скальной часовней к западу от городища.

Здесь найдены 23 могилы, относящиеся к другому христианскому кладбищу. Погребальные сооружения представлены 3 типами: плитовые (1—5, 10, 17—18), вырубленные в скале (13—16), грунтовые с заплечиками, перекрытые плитами (6—9, 11, 12, 19, 21). В большинстве могил обнаружены детские костяки. Погребенные лежали в вытянутом положении головой на запад. В могиле 5 погребение ребенка было

ориентировано головой на юг. В могилах 1, 4, 11, 19 обнаружено несколько костяков. При погребенных найдены стеклянные браслеты с росписью золотой краской, бусы, бубенчики, пуговицы, нательные кресты. Возле указанных могил обнаружены надгробия с рельефным изображением крестов. Кроме того, расчищены 2 склепа, вырубленные в скале. В склеп ведет дромос длиной 1,40 м, погребальная камера овальной формы с коробовым сводом. В полу имеется углубление ваннообразной или прямоугольной формы. В одном из склепов в ЮВ стене вырублено амбразуровидное окно. Погребения в склепах не сохранились. При расчистке найдены отдельные фрагменты человеческих костей. В земле, заполнявшей склеп УП, обнаружена медная монета Херсонеса времен Романа IX (1067—1071 гг.). Инвентарь из открытых могил имеет аналогии в других крымских памятниках. Подобное сочетание вещей представлено в склепе второй половины X—XII вв. из Судака /Баранов, 1991, с. 106, рис. 3/.

В.И.Ядыкин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ НА НИЖНЕМ ПЛАТО ЧАТЫР-ДАГА

На Нижнем плато горы Чатыр – Даг Симферопольского района автором проводились археологические разведки, которые были вызваны малоизученностью карстовых пещер Горного Крыма и данного района в частности.

На территории Крыма выделены две области с развитием карста: горно – крымская и предгорно – крымская. Площадь горно – крымской области составляет 1200 км^2. Зоны, занимаемые яйлами (горными пастбищами), составляют 34 км^2. Область поделена на 16 карстовых районов. Всего выявлено 800 карстовых полостей. Чатырдагский горный массив имеет максимальную плотность закарстования. На нем известно 137 пещер. Среди них такие пещеры, как Мраморная, Бинбаш – Коба (Тысячеголовая), Суук – Коба (Холодная).

Из этого довольно большого количества к собственно пещерам (горизонтальные карстовые полости) относятся 537. К вертикальным формам карста относятся: колодцы (глубина не более 20 м); шахты (глубина более 20 м). Из их числа к наиболее глубоким относятся 26 шахт глубиной свыше 100 м.

Археологическому обследованию подверглись лишь 5 пещер в горно – крымской карстовой области: Кизил – Коба, Енисала (Долгоруковский район), МАН (Демерджинский район). Первые три пещеры обследованы археологическим отрядом Комплексной экспедиции АН УССР в 1960—1961 гг. Разведка 1993 г. преследовала цель максимального выявления карстовых полостей, археологических памятников, составление археологической карты района. В результате исследования выявлены следующие памятники:

1. На левом берегу р. Ангары напротив Перевальненского лесничества находится таврский могильник, частично исследованный В.А.Колотухиным в 1981 г.

2. В 300 м выше на оползневой площадке размером 15 х 30 м видны остатки от двух кромлехов прямоугольной формы (4 х 3 м), сложенных из крупных глыб известняка.

3. Южнее и выше этого могильника на 500 м находится следующий. На лесистом плато размером 100 х 50 м расположена группа из 5 курганов: 4 маленьких кургана диаметром от 3 до 4 м и высотой до 0,5 м, один большой, диаметром 12 м. Насыпь выполнена из камня. В центре — оплывшая яма. На северо – западной стороне его видна стенка от таврского каменного ящика, в 30 м севернее — остатки таврского каменного ящика. На поверхности видны две примыкающие друг к другу под прямым углом каменные стенки.

4. Юго – западнее и выше, непосредственно у подножия горы, расположена группа из 5 курганов диаметром от 3 до 5 м. Насыпи выполнены из камня, в основном, от 5 до 15 см в диаметре. 2 кургана подверглись грабительским раскопкам. В отвале одного из них найден был лишь небольшой фрагмент (1,5 см) сильно обгоревшей кости.

5. В 400 м к юго – востоку от этой группы курганов с южного угла небольшой поляны начинается участок древней скотопрогонной

тропы, серпантином выходящей на маленькое плато одного из северных отрогов Чатыр – Дага. В 50 м от верхней кромки плато на тропе найдены 2 маленьких, сильно окатанных фрагмента толстостенного лепного предположительного таврского сосуда.

6. Западнее первого таврского могильника в 800 м от него на лесистом плато находится группа из 6 курганов: 2 кургана диаметром по 10 м, насыпь одного выполнена из камня и имеет в центре воронкообразную яму. Остальные курганы в диаметре от 3 до 5 м и высотой 0,25 м.

7. Юго – западнее этой группы курганов у кромки этого же плато находится могильник размером 80 х 16 м. Он состоит из двух рядов прямоугольных кромлехов, вытянутых с северо – востока на юго – запад. Довольно четко просматриваются 3 кромлеха в юго – восточном ряду. Первый — размером 5,20 х 3,50 м. Второй имеет с первым общую северо – восточную стенку, размером 7,70 х 7,10 м. Третий имеет со вторым также общую северо – восточную стенку, размерами превосходит его. Размер 9 х 11 м. Кромлехи состоят из крупных известняковых камней размером от 20 до 120 см.

8. Западнее и выше, рядом с небольшой поляной, располагается группа из 4 – х сооруженных из камня курганов диаметром от 3 до 5 м и высотой от 0,25 до 0,75 м.В 200 м к северо – западу начинается скотопрогонная тропа (ныне превращенная в туристическую), выходящая на небольшое плато отрога Чатыр – Дага.

В горах обследована 21 карстовая полость, в 12 не обнаружено никакого археологического материала (4—6,8—10,16—21). Кратко опишем те из полостей, где были обнаружены керамические находки.

ПЕЩЕРА 1. Расположена на восточном склоне северного отрога Чатыр – Дага. Вход обращен на север и частично перекрыт плоской глыбой, сползшей сверху. Длина пещеры 5,5 м. Ширина до 5 м. В заложенном шурфе на глубине 0,5 м обнаружены фрагменты от 2 – х лепных сосудов светло – коричневой глины с насечным орнаментом по горлышку и конусовидным дном, относящиеся к неолиту.

ПЕЩЕРА 2. Расположена на том же склоне. Арочным входом обращена на северо – восток. В единственном зале этой пещеры

(высотой до 3 м, шириной до 10 м) с отверстием в потолке на западной стене имеются глубоко высеченные в мраморовидном известняке знаки. Среди них хорошо видно схематичное изображение человека с поднятой вверх и согнутой в локте левой рукой.

ПЕЩЕРА 3. Расположена на том же склоне, что и пещеры 1, 2. Арочным входом обращена на восток. Здесь проводилась шурфовка сотрудниками Отдела археологии Крыма ИА АН УССР в 1978 г. Выявлены 2 слоя, относящиеся к бронзовому и раннесредневековому векам.

ПЕЩЕРА 7. Находится на плато того же северного отрога Чатыр—Дага. Вход расположен в небольшой карстовой воронке. Восьмиметровый вертикальный спуск приводит на вершину 3—метрового высотой конуса, образовавшегося путем попадания камней через входное отверстие. У основания конус имеет диаметр около 11 м. На его склонах встречено большое количество костей коз, овец, дробленных и целых костей крупных животных, полуистлевший череп от коровы (быка). Здесь же найден фрагмент костяной рукояти (предположительно от ножа) с остатками окислившегося железа. Обнаружены также целые костяки от 4 овец, 5 зайцев в различном состоянии разложения.

В западном направлении находился 10—метровый ход с гурами, наполненными водой, заканчивающийся тупиком.

ПЕЩЕРА 8. Находится в 500 м юго—западнее пещеры 7. Арочный вход высотой в 1 м обращен на запад, когда—то преграждался небольшой стеной, сложенной «насухо» из известкового бута. Сразу за стеной и в ее развале найдены фрагменты гончарной раннесредневековой керамики.

Пещера внушительных размеров — длина 35 м, ширина до 17 м, высота до 13,5 м.

Дно пещеры покрыто толстым слоем гумуса, образовавшегося, вероятно, от содержания здесь отары овец. У восточной стены на высоте 12 м в потолке имеется «Г» — образное 4—метровое отверстие. Встречены кости крупных животных, коз, овец.

ПЕЩЕРА 11. Находится примерно в 800 м юго—западнее пещеры 10 на западном склоне в 100 м от дна глубокой балки. Вход высотой

до 2 м, обращен на юг. Горизонтальный ход имеет протяженность 16 м, ширину 9 м и высоту до 4 м. Справа от входа имеется небольшая камера. Вход в нее преграждала стена, от которой остался один ряд полузасыпанных крупных камней. Культурный слой пещеры потревожен грабительскими шурфами. В центральной части заложены 4 круглых и один прямоугольный шурф длиной 1,5 м, шириной 0,5 м. В стратиграфии круглого шурфа под 20 – сантиметровым гумусированным слоем шел 30 – сантиметровый слой пепла с чередующимися черными прожилками золы, лежащий на оранжеватой супеси с включением мелких костей и незначительного количества угольков. В отвале шурфа у восточной стены найдены фрагменты тулова толстостенного лепного сероглиняного сосуда.

ПЕЩЕРА 12. Находится в 50 м ниже пещеры 11. Арочный вход обращен на юго – запад и заложен современными «любителями» путешествовать, которые оставили посредине проход к нарам с правой стороны от входа. Широкий до 7 м вход постепенно сужается, круто уходя вверх и в глубь массива. В передней части обнаружены фрагменты от раннесредневековых амфор.

В 50 м ниже и южнее на дне балки расположен старый кош с хорошо сохранившейся каменной ограждающей стеной, сложенной «насухо» из известнякового бута.

По дну этой балки проходит скотопрогонная тропа. У входа в нее (примерно 400 м ниже коша) тропа разветвляется и серпантином уходит вверх на левый борт. Через 150 м, рядом с тропой, виден арочный вход пещеры 13.

ПЕЩЕРА 13. Вход, имеющий ширину 14 м и высоту 2,5 м, обращен на северо – восток. Полость горизонтальная длиной 27 м. По всей площади встречено незначительное количество фрагментов лепной груболощеной таврской керамики, несколько фрагментов от костей крупных и мелких животных. Пещера сухая, постепенно сужающаяся в глубине.

ПЕЩЕРА 14. Находится с левой стороны от скотопрогонной тропы в 50 м от пещеры 13. Вход обращен на север и, очевидно, когда – то преграждался стеной, так как имеет компактный развал камней от одной стены до другой. На дне зала 1 в западной части

имеется большое количество дробленых и целых костей крупных животных, овец, коз. Здесь же фрагменты гончарной раннесредневековой керамики. В восточной половине этой части пещеры гончарная керамика отсутствует, как и кости крупных животных.

На поверхности лежали фрагменты лепной груболощеной таврской керамики с незначительным количеством костей мелких животных.

В глубине, в зале 2 сырая пещера. Высота достигает 4,5 метра. В южной сужающейся части имеется несколько гуров, наполненных кристально чистой водой. Дно пещеры здесь покрыто толстым гумусированным слоем, в котором встречаются фрагменты как лепной, так и гончарной керамики, совместно с остеологическим материалом.

Посредине этого зала имеется малоприметный лаз, уходящий наклонно вниз. Через 3 м он продолжается в конгломерате (порода так называемой Таврической серии), подстилающем мраморовидные известняки Чатыр – Дага. Здесь, в небольшой камере, находился коровий череп, затылком обращенный в глубь лаза. Общая протяженность пещеры — 32 м, ширина — до 12 м.

ПЕЩЕРА 15. Находится в 100 м ниже небольшого плато на правом борту Куртаирского ущелья. Имеет 6 залов, общей протяженностью около 200 м.

Входом обращена на запад. В зале 1 найдено незначительное количество костей овец, коз. Высота наклонного потолка до 7,5 м. Дно зала заполнено гумусированным слоем и сухими листьями стоящих рядом со входом деревьев. Небольшой, круто уходящий влево и вниз лаз приводит в зал 2 с заполненным наклонным ходом в северной части. В юго – западной части узкая щель ведет в глубь полости. Среди камней встречаются осколки от костей крупных животных, кости овец, коз.

Здесь найден фрагмент каменного топора со следами вторичного использования и фрагменты лепного тонкостенного сосуда с розоватым оттенком лощения. Остальная часть пещеры до 1980 г. была неизвестна и труднодоступна.

Из обследованных карстовых полостей 12 (1–3, 8, 10–16, 18) относятся к горизонтальным формам карста – пещерам; 9 (4, 7, 9, 17, 19) – к колодцам; 2 (20, 21) – к шахтам. Из вышеизложенного следует, что пещеры чаще всего использовались человеком как жилища, временные убежища (пещеры 1, 3, 11–15), святилища (пещера 16, частично 14), загоны для скота (пещера 8). Колодцы также не обделены вниманием древних людей. Об этом свидетельствуют находки в полостях 4, 7, 19. Очевидно, что в них совершались обряды жертвоприношения. Оставшиеся (5, 6, 9, 17) сравнительно доступны, представляется, что использовались так же, как и предыдущие, но по причинам активного заполнения камнями проверить это весьма сложно. Шахты, как и колодцы, посещались людьми с той же целью – совершать обряд жертвоприношения (шахта № 21). Встречающиеся трудности они преодолевали успешно. Спуск в вертикальную 30-метровую полость (шахта 20) связан с серьезным риском и сложен технически. Однако он был преодолен, чему свидетельствуют находки в боковом ответвлении.

Из-за обилия памятников на северных отрогах Чатыр-Дага не удалось практически исследовать район Нижнего плато. Даже поверхностный осмотр позволяет утвердительно говорить о наличии здесь огромного массива археологических памятников.

А.А. Яневич

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ СТОЯНОК ВИШЕННОЕ I И II

Мезолитической экспедицией КФ ИА НАН Украины в 1993 г. были продолжены охранные раскопки стоянок финального палеолита и мезолита Вишенное I и Вишенное II. Основные работы проводились на последней. Она была открыта и исследована автором в 1984 г. и впоследствии раскапывалась в 1987 г. Стоянка является уникальным для Крыма памятником финального палеолита. На ней зафиксированы 7 культурных слоев с кострищами, местами обработки

кремня, остатками жилищ и другими объектами. Они оставлены при кратковременных сезонных посещениях стоянки общинами охотников и собирателей и являются, благодаря хорошим стратиграфическим и планиграфическим условиям залегания материала, прекрасным источником для социально – экономических реконструкций древнего общества. Своеобразие кремневого инвентаря памятника, нехарактерного ни для одной из известных ранее культур позднего палеолита Крыма, позволяет выделить его в отдельное культурное явление каменного века полуострова — памятники типа Вишенного II /Яневич, 1992/.

Стоянка находится в 1,5 км к юго – востоку от с. Вишенное Белогорского р – на, на древнем мысу первой надпойменной террасы р. Биюк – Карасу. В древности она располагалась на левом берегу реки. В 60 – х гг. через стоянку было проложено новое русло Биюк – Карасу, которое разрезало ее на 2части. Раскопки сезона 1993 г. были вызваны продолжающимся разрушением стоянки: за период с 1987 г. рекой уничтожен культурный слой на площади около 14 м^2.

Раскоп 1993 г. площадью 6 м^2 был заложен к югу от раскопа 1987 г. с продолжением нумерации квадратов: с севера на юг от 23 до 25, с запада на восток — от в до г. По южной стенке раскопа прослежена следующая стратиграфия:

Глубина 1. Желтый плотный суглинок с тонкими (до 0,05 м) 0,00 —1,50 м прослойками мелкого гравия или окатанного мергеля. В верхней части гумусирован. Археологических материалов не содержал

2. Желтый плотный суглинок с тонкими прослойками 1,50 — 2,20 м белоглазки и культурными слоями финального палеолита

3. Красная плотная глина. Материк ниже 2,20 м

В раскопе зафиксированы 4 культурных слоя, являвшихся продолжением культурных слоев раскопов 1984 и 1987 гг.: А, А1, Б и Б2.

Культурный слой А (самый верхний) распространялся по всей площади раскопа. В нем на кв. 25г открыто кострище, слегка углубленное в центре. Несмотря на его нечеткие контуры, в целом, довольно хорошо прослеживалась его почти округлая (0,65 х 0,60 м) в плане форма. Заполнение линзы кострища было неоднородным и

состояло из темного суглинка, неравномерно насыщенного угольками. Суглинок под кострищем обожжен до красного цвета на глубину 0,02 — 0,04 м. Кроме кострища, на том же квадрате была открыта часть уходящего в восточную стенку раскопа углистого пятна размерами 0,70 х 0,40 м и мощностью линзы 0,02 — 0,03 м. Грунт под пятном обожжен не был.

Наиболее интересной находкой из слоя А является обломок мергеля цилиндрической формы, длиной 9,3 и диаметром 4,0 см. На продольных сторонах имеет V — образные сечения канавки глубиной 7 и шириной 12 мм, слегка окрашенные вместе с прилегающими к ним участками охрой. Вся поверхность обломка покрыта насечками глубиной около 1 мм и длиной от 2 до 5 см. Они располагаются преимущественно поперек длинной оси обломка, реже — вдоль. Насечки нанесены параллельно друг другу с интервалом 4 — 7 мм и образуют отдельные группы. Назначение обломка не совсем понятно. Возможно, это выпрямитель древков стрел. Однако насечки и раскраска охрой позволяют предполагать также его использование в ритуальных целях.

Кремневые находки слоя А немногочисленны. Они располагались преимущественно в кв. 23г и 24г., в их числе — отщепы, обломки кремня, грубые пластины и скол оживления площадки нуклеуса.

Культурный слой А1 зафиксирован только в северной части раскопа (кв. 23в и 23г) и представляет собой углистое пятно размерами 1,0 х 0,7 м и мощностью 0,01 м. Оно является южной периферией пятна, раскопанного в 1987 г. в кв. 22в. Его заполнение — темный слабо насыщенный углем суглинок. В пределах пятна выделялись небольшие участки размерами 0,10 — 0,20 м с более интенсивной примесью углей. Суглинок под пятном обожжен не был. Из кремневых изделий к слою А1 принадлежит подокруглый скребок на отщепе, найденный в восточной стенке кв. 23г.

Культурный слой Б прослежен в северо — западной и юго — восточной частях раскопа. В первом случае, в кв. 23в, слой представлен большим углистым пятном размерами 1,0 х 1,3 м. Его северная периферия была раскопана в 1987 г. в кв. 22в, а восточная разрушена рекой. Заполнение пятна — слабо насыщенный углем суглинок

мощностью 0,02 — 0,03 м с отдельными участками более интенсивной примеси углей и большей, до 0,05 м, мощности. Грунт под ним обожжен не был. В кв. 25 г слой фиксировался небольшим, 0,40 х 0,30 м, сегментом углистого пятна, южная периферия которого уходила в стенку раскопа. Мощность линзы пятна — 0,02 —0,03 м. Кремневые изделия в слое не найдены.

Самый нижний культурный слой раскопа 1993 г. — Б2. Находки этого слоя были сосредоточены в южной части раскопа (23в и 23г). Они принадлежали к месту первичного расщепления кремня, так называемому «точку». Основная часть «точка» была раскопана в 1987 г. на кв. 23б. Часть «точка» в раскопе 1993 г. представляла собой скопление кремней размерами 1,40 х 1,00 м и мощностью около 0,05 м. В нем найдено свыше 3 тысяч кремневых изделий. В основном, это — отщепы и обломки. В меньшем количестве представлены пластины, как правило, короткие или обломанные, с плохой огранкой. Очевидно, более качественные изделия были отсюда унесены. Найдено также 75 нуклеусов, преимущественно торцевого типа. Это объясняется характером сырья, использовавшегося на стоянке —плитчатым кремнем. Пластины с нуклеусов этого типа скалывались с узкой стороны плитки. Ударные площадки у них скошенные. Как правило, их — две, реже — одна или три. Есть также несколько челновидных нуклеусов встречного снятия, с двумя скошенными площадками и подтеской тыльной стороны.

Стоянка Вишенное I расположена в 1,4 км к юго – востоку от с. Вишенное. Она, как и Вишенное II, разрезана при прокладке нового русла р. Биюк – Карасу на 2 части. Кроме того, на участке правого берега была снята также верхняя часть отложений вместе с культурными остатками. В результате раскопок 1984 г., проводившихся Крымской мезолитической экспедицией, на этой части памятника были выделены неолитический, позднемезолитический и раннемезолитический культурные слои. Кремневые комплексы мезолитических слоев представляют ранний и поздний этапы кукрекской культуры /Яневич, 1987/.

В отличие от стоянки Вишенное II, в месте расположения Вишенного I, река, маневрируя, размывает не правый, а левый берег.

Для определения разрушаемых рекой культурных слоев и установления полной колонки культурных отложений памятника, в месте размыва левого берега были поставлены 2 шурфа размерами 1 х 2 м. Они были доведены до глубины 2,8 и 3,0 м от поверхности. Стратиграфия в шурфах одинакова:

Сильно гумусированный темно – серый рыхлый 0,00 — 0,20 м суглинок, задернованный в верхней части 2. Гумусированный серый рыхлый суглинок 0,20 — 1,50 м 3. Слегка гумусированный желтоватый суглинок 1,50 — 3,00 м с отдельными небольшими камнями известняка и дикого кремня

В шурфах зафиксировано 3 культурных слоя: скифского времени, бронзы и энеолита. В первом из них обнаружены обломки лепной посуды темно – коричневого цвета с примесью толченого известняка в керамической массе и отдельными фрагментами гончарных красноглиняных сосудов. В культурном слое эпохи поздней бронзы найдено несколько отщепов и обломков кремня, а также фрагменты грубой лепной керамики темно – коричневого цвета. В изломе черепок черный, тесто с примесью толченого известняка и кварца. Материалы энеолитического времени представлены также преимущественно фрагментами лепной посуды коричневого или черного цвета, с хорошо заглаженной поверхностью и небольшой примесью толченой ракушки в тесте. Кремневый инвентарь представлен скребком на отщепе, отщепами и обломками кремня.

В результате проведенных раскопок стоянок Вишенное I и II изучена только часть разрушаемого культурного слоя памятников. Под угрозой размыва рекой по – прежнему находятся культурные отложения на протяжении около 20 м на Вишенном I и 12 м на Вишенном II. В связи с этим необходимо продолжение спасательных работ на стоянках.

Т.Ю.Яшаева

РАСКОПКИ ПЕЩЕРНОГО КОМПЛЕКСА У МЫСА ВИНОГРАДНЫЙ

В июле — августе 1993 г. экспедиция ХГИАЗ проводила раскопки пещерного комплекса, расположенного на юго – западном обрывистом берегу Гераклейского полуострова, вблизи мыса Виноградный. Памятник был впервые обнаружен при исследовании территории, прилегающей к позднесредневековому скиту на мысе Виноградный.

Основной задачей работ было составление общего плана комплекса, определение его характера и времени функционирования.

Общая протяженность комплекса — 22,5 м. Он состоит из 4 – х соединенных между собой помещений. Помещение I (3,0х 18 х1,75 м) полностью вырубленное в скале, находится в северной части комплекса.

Возле северо – восточной стены — пересохшее русло источника, над ним в стене маленькая ниша со слегка закругленным верхом, вероятно для иконы. На полу перед источником, ближе к середине помещения, вырезан четырехконечный крест (27,5 х 20,0 см) с поперечными утолщениями на концах ветвей.

Помещение 2 (5,5 х 4,70 х 2,0 м), смежное с описанным выше, и сообщается с ним дверным проемом, справа от которого ниша; еще две ниши, очевидно, также для икон, вырублены в северо – восточной стене. На юго – западной стороне помещения, открытой к морю, была сложена стена, от которой сохранился первый ряд кладки с дверным проемом и порогом. В центре помещения — искусственно расширенное русло источника, идущего из помещения I.

Помещение 3 — центральное по расположению и самое большое по площади (19,0 х 3,80 х 2,40 м). Судя по сохранившимся подрубкам скалы, оно разделялось по продольной оси на 2 половины. Задняя северо – восточная половина, в свою очередь, распланирована тоже на 3 части. В центральном помещении по всей длине северо – восточной стены вырублена лавка (4,0 х 0,37 м); возле нее в полу глубокое гнездо, вероятно, для установки стола. Возможно, здесь

была трапезная. В северном углу — смежное с ней, маленькое подсобное помещение. С восточной стороны — 2 вырубленные в скале печки.

Юго—западная половина помещения 3 представляет собой выровненную площадку, открытую к морю. На ней зачищены 4 хозяйственные ямы. В одной из них найдено большое количество шлака, каменные формочки для отливки, обломки железных и бронзовых изделий. Две другие сдвоенные ямы, возможно, представляют собой небольшую винодавильню. По краю площадки над обрывом зачищены пазы, гнезда различного диаметра для деревянной ограды.

Помещение 4 является погребальной камерой (3,0 х 4,0 м) с 3 корытообразными костницами (ср. размеры: 2,0 х 1,0 х 0,60 м), в которых выявлено более 40 погребений. Костные останки, неоднократно потревоженные в позднее время, беспорядочно перемещаны с фрагментами керамики, металлических изделий, а также предметов военного времени и современного мусора.

В целом по всему пещерному комплексу археологический материал немногочислен и представлен, в основном, невыразительными фрагментами стенок кухонных и столовых сосудов. Датирующим материалом является поливная керамика, не выходящая за рамки XIII—XIV вв. К этому времени, по всей видимости, и следует относить наш памятник.

Компактное расположение на небольшой площади помещений культового, хозяйственного, жилого, погребального характера, имеющих аналогии в средневековых скальных монастырях не только в самой Таврике, но и за ее пределами, а также территориальная близость позднесредневекового скита на мысе Виноградном, синхронность археологического материала обоих памятников позволяют, на наш взгляд, не только видеть в пещерном комплексе христианский скит, но и тесно связать его с наземными монастырскими постройками на мысе Виноградный.

С.Д.Крыжицкий

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ НА УКРАИНЕ

Понятие «античная археология» охватывает весьма широкий круг задач — от координации, организации и проведения раскопок, исторической интерпретации полученных результатов до консервации, в необходимых случаях реставрации и даже охраны открытых памятников. Для успешного разрешения всех этих задач требуются усилия не только археологов, но и специалистов, работающих в других областях знаний — архитектуры, химии и технологии, инженерно — строительной, охраны памятников и др. Ниже пойдет речь только о том, в чем участие археологов обязательно.

Из всего многообразия задач, которые стоят перед античной археологией, выделю несколько направлений, складывающаяся ситуация в которых вызывает определенную тревогу.

Первое из этих направлений, являющееся, с профессиональной точки зрения, основным для археологов, это, естественно, комплекс задач, связанных с изучением археологических памятников. Это прежде всего: планирование и координация раскопок и кабинетных исследований; дальнейшее совершенствование методики полевых работ и разработка методик обработки археологических материалов; проведение собственно раскопок; разработка источников в аспектах хронологизации и типологии; и, наконец, историческая интерпретация полученных данных.

Второе крупное направление — главное для работников культуры, но от которого никак не могут оставаться в стороне археологи, это консервация и реставрация открытых объектов как архитектурно — строительных остатков, так и движимых памятников материальной

культуры. Здесь также выделяется ряд наиболее существенных задач. Это, в первую очередь: составление научно обоснованных проектов консервации, графических реконструкций, в необходимых случаях реставрации в натуре в морфолого – эстетических аспектах; апробация предлагаемых проектов; оценка степени их достоверности; разработка химико – технологических методик консервации и реставрации и их инженерного обеспечения; осуществление этих проектов в натуре. Две последние задачи реализуются, разумеется, специалистами соответствующего профиля, но при обязательном наблюдении и контроле археологов.

Третье направление – охрана памятников и хранение добытых материалов. Здесь на долю археологов приходятся такие задачи, как то: определение приоритетности и последовательности изучения тех или иных объектов; определение уровня их значимости при решении судьбы памятника; разработка принципов системы мер по обеспечению сохранности объектов.

И, наконец, одна из важнейших проблем – это подготовка кадров профессиональных археологов.

Прежде всего подчеркну, что, хотя археология это в значительной степени источниковедческая наука, и одной из ее важнейших задач является пополнение фонда памятников культуры, тем не менее в настоящее время приоритетные задачи ее развития необходимо определять исходя из результатов исторической интерпретации полученных ранее данных. В связи с этим задачей должно быть не раскопать все, что возможно, а только то, что крайне необходимо для дальнейшего развития науки, и по возможности не трогать то, что еще может сохраняться для будущих поколений (это, конечно, не касается тех объектов, которым в ближайшее время грозит неминуемая гибель).

В связи с этим попутно отмечу, что в интересах сохранности недвижимых памятников следует отказываться от довольно распространенной практики «булавочных уколов», когда на протяжении десятилетий на каком – либо памятнике раскапывается ежегодно несколько десятков квадратных метров отдельного объекта (исключение – охранные раскопки). В результате, поскольку раскопщиком консервация не ведется, памятник систематически

разрушается, и, когда исследование объекта закончено, он имеет уже столько утрат, что его достоверное восстановление невозможно.

Исходя из всего сказанного мне представляется, что в настоящее время наиболее актуальной становится задача углубленного изучения и обобщения данных по сельским округам, создания работ, в которых были бы на современном уровне подведены итоги хотя бы уже накопленных данных. Кроме того, настоятельная необходимость скорейшей подготовки такого рода работ определяется также безудержным разрушением поселений сельских округ в результате современного строительства(особенно дачного) и сельскохозяйственной деятельности. Близкие к этим задачам работы были опубликованы по Боспору И.Т.Кругликовой в 1975 г., по Нижнему Побужью автором, С.Б. Буйским, А.В.Бураковым, В.М. Отрешко в 1989, 1990 гг. Особенно это важно в настоящее время для Тиры – Никония и Херсонеса, где работы, обобщающие данные по всему региону в целом и в рамках всей античной эпохи, отсутствуют, несмотря на большое количество отдельных весьма интересных и глубоких разработок (по Нижнему Поднестровью С.Б.Охотникова и Н.М.Секерской) и, в частности, по Западному Крыму – С.Ф.Стржелецкого, А.Н.Щеглова, С.Б.Ланцова и др. В развитие перспективной проблематики исследования сельских округ представляется целесообразным акцентировать внимание на таких направлениях, как разработка палеодемографических и палеоэкономических моделей как отдельных поселений, так и государств в целом. В связи с этим следует отметить крайнюю недостаточность археологических данных в отношении V в. до н.э., 1 в. до н.э., I в.н.э., конца античной эпохи.

Таким образом, целесообразно тематические археологические работы в ближайшее время сосредоточить, в основном, на гибнущих сельских поселениях. Это, конечно, не означает полного отказа от продолжения раскопок городских центров, но дает основания исходить при этом, главным образом, из задач охранных раскопок и необходимости создания экспозиции. Тем более, что пока, за исключением Ольвии, археологические исследования ни одного из наиболее крупных античных северопричерноморских городов не

обеспечены достаточным потенциалом научных кадров. А небольшие частные исследования на таких крупных объектах, как уже отмечалось, почти ничего, кроме очередных разрушений, не дают.

Второй не менее актуальной научной задачей видится необходимость создания на базе уже накопленных археологических данных, историко – культурных и исторических разработок – обобщающих исследований по истории и истории культуры наиболее крупных античных северопричерноморских государств. В отношении Ольвии такая работа коллективом киевских исследователей в ближайшие год – два завершается. В 1985 г. вышел труд П.О.Корышковского и И.Б.Клеймана по Тире (готовится аналогичная работа и по Боспору). Что же касается Херсонесского государства, то все многочисленные планы создания такой работы так пока и остаются на бумаге. Вплоть до настоящего времени единственным освещающим всю историю античного Херсонеса остается очерк Г.Д.Белова /1948 г./, хотя с тех пор накоплен громадный материал, сделаны десятки интереснейших исследований И.А.Антоновой, О.М.Домбровским, В.И.Кадеевым, В.М.Зубарем, В.А.Кутайсовым и другими. Представляется, что здесь должен проявить инициативу КФ ИА НАН Украины. Разумеется, создание подобной работы отнюдь не означает отказа от исследований конкретных проблем. Речь идет о необходимости создания работ, представляющих интерес не только для узкого круга антиковедов, но и для археологов других специализаций, а также историков и вообще более широкой аудитории читателей как Украины, так и зарубежных.

Осуществление задач, о которых шла речь выше, потребует в первую очередь разработки конкретного перспективного комплексного плана исследований в области античной археологии в Украине и, в частности, в Крыму, в котором были бы зафиксированы наиболее актуальные направления с учетом имеющихся возможностей и намечены пути их дальнейшего развития. Это позволило бы осуществить и более действенную координацию раскопок. Подчеркну, что именно в области координации в настоящее время состояние дел обстоит неважно. Очевидно, работы большого координационного совета при нашем Институте и советов по археологическим

исследованиям по областям в существующих формах их деятельности недостаточно. По – видимому, было бы целесообразно создать при том же большом совете секцию античной археологии, в которой ежегодно рассматривались бы заявки по ней и принимались бы определенные решения в русле единого перспективного плана исследований. При этом, естественно, должны учитываться тематическая направленность, цели работ, объемы финансирования. Такой план должен составляться не наспех – в мае текущего года, а, по крайней мере, в январе – феврале на основе многолетнего перспективного плана.

Следующим, весьма важным моментом, с которым дело обстоит далеко не всегда удовлетворительно, является методика проведения полевых работ.

В связи с этим отмечу, что эволюция полевой методики проходила у нас со значительным отставанием от европейского уровня античной археологии. Практически до 30 – х гг. нынешнего столетия в России был только один археолог, владевший всей суммой современных ему знаний в области полевой методики, – ученик Дёрпфельда – Б.В.Фармаковский.

Начиная с 30 – х гг. положение стало постепенно выправляться. Современные методические принципы ведения раскопок, фиксации строительных остатков, обработки сопровождающего материала стали распространяться среди советских археологов, главным образом Ленинграда, Москвы и Киева. Разработанные ими принципы полевой практики легли в основу работы большинства ныне здравствующих археологов – античников. Постепенно сформировались и школы полевой археологии в Ленинграде, Москве, а в последние десятилетия и в Украине. В принципе, у наиболее подготовленных исследователей методики полевой работы близки, за исключением так называемого «штыкового» метода, искажающего стратиграфическую картину, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Казалось бы, за исключением «штыкового» метода, который к счастью встречается все реже, все обстоит благополучно. К сожалению, на практике картина иная. Хорошие методисты – полевики, такие как А.Н.Щеглов, Я.В.Доманский, В.В.Крапивина, В.А.Кутайсов,

В.М.Отрешко и некоторые другие, — единичны. Большая же часть раскопщиков, судя по полевым отчетам, работает на среднем, а иногда даже и ниже среднего, уровне. В качестве примера последнего можно назвать отчеты, получившие отрицательные рецензии, — Н.М.Николаенко, (раскопки на Гераклейском полуострове микрорайона «Омега» в 1990—1991 гг.) В этом случае имело место проведение раскопок не официальным автором отчета, а вообще не известно кем, не имевшим элементарной полевой подготовки. Такое положение наблюдается, конечно, не только в античной археологии — отрицательные рецензии, из—за низкого методического уровня раскопок, получили отчеты А.О.Добролюбского (раскопки 1991 г. Чуфут—Кале), А.И.Айбабина — раскопки 1991 г. Лучистого и Баклы. Но это не основание, чтобы снижать требования к методическому уровню раскопок античных памятников.

Многолетние наблюдения показывают, что вузы не в состоянии дать достаточно профессиональную полевую подготовку своим выпускникам. Это объясняется, с одной стороны, отсутствием в вузах высокопрофессиональных полевиков, а с другой стороны — ничтожными сроками полевой практики студентов. Ведь не секрет, что подготовка хорошего полевика требует не менее 5—10 полевых сезонов. Кроме того, при этом необходимо учитывать также специфику различных категорий памятников и конкретных геологических условий, в которых они находятся. Самостоятельная работа в поле дилетантов, каковыми являются выпускники вузов, в области методики полевых работ, ведет к тому, что зачастую страдает та часть материалов и данных, которая, если ее наиболее полно и всесторонне не зафиксировать во время раскопок, безвозвратно гибнет.

Это касается прежде всего стратиграфических наблюдений, архитектурно—строительных остатков или их следов, обнаруженных in situ.

В связи с этим необходимо отметить, что архитектурно—строительные остатки, даже если они и не сносятся, в силу различных причин (прямого разрушения, часто непродуманной консервации, перекладок, безграмотной реставрации), теряют, иногда полностью,

научную достоверность. Не говорю уже о мастерстве раскопщика, необходимом для того, чтобы не «зарезать» тот или иной объект.

Отсюда проистекает одна из важнейших задач на ближайшее будущее в античной археологии в Украине. Это подготовка кадров полевых археологов.

Очевидно, в перспективе следовало бы подумать о создании специальной школы археологов – антиковедов, на манер Французской археологической школы в Афинах, с тем, чтобы в ней на протяжении 3–х – 5–и лет проходили круглогодичную подготовку выпускники вузов. За время подготовки студенты могли бы в полной мере освоить полевую методику, сопутствующие, необходимые археологу дисциплины (обмеры, топосъемку, фотографию, принципы консервации и реставрации, а также хранения археологических материалов и др.) и овладеть профессиональными навыками ведения раскопок, научной обработки и исторической интерпретации археологических материалов. Такой метод подготовки специалистов был бы несравненно эффективнее существующей обычной аспирантуры. Не является секретом, что не все кандидаты наук по специальности «археология» владеют в полной мер методикой полевых работ.

Из остальных задач упомянутого первого направления коснусь лишь хронологизации и типологизации источников. В целом, здесь положение относительно благополучное, но тем не менее можно назвать две общие задачи, которые имеет смысл учитывать при планировании. Это, прежде всего, введение машинной обработки для составления банка данных. В области античной археологии такая работа почти не ведется. И, во–вторых, создание сводных обобщающих работ по отдельным категориям археологических материалов. Например, по сероглиняной и красноглиняной посуде, стеклянным сосудам, антропоморфным надгробиям и т.п. У нас накоплено большое количество подобных материалов, которые практически лежат мертвым грузом, поскольку в научный оборот вводится крайне незначительное количество. В этом мы отстаем от европейского уровня. Очевидно, имеет смысл ориентїровать на подобную работу молодых начинающих исследователей. Подготовка

такого корпуса на хорошем научном уровне с разработкой типологии и хронологии вполне может отвечать уровню кандидатской, а то и докторской диссертации.

Особую тревогу вызывает состояние второго основного направления – консервации и реставрации открытых архитектурно-строительных остатков, которые после их раскопок, в подавляющем большинстве, обречены на гибель. В данном случае имеются в виду, разумеется, не Ольвийский и Херсонесский заповедники, где задачи консервации и охраны в какой-то степени решаются, правда, тоже только относительно собственно городищ. Речь идет о поселениях и городищах, которые не входят в них. Это многострадальная Тира, которую беззастенчиво грабят и разрушают кладоискатели – жители Белгорода-Днестровского и приезжие. Это клеры Херсонеса, поселения, городища и могильники Западного Крыма (исключение составляют Керкинитида и Калос Лимен), памятники Керченского полуострова, даже такие, как Нимфей.

В связи с этим, прежде всего, о консервации. Она, как правило, не ведется. А если и ведется, то обычно на примитивном уровне и уже во всяком случае без учета современных рекомендаций и технологий. Объемы этой консервации крайне малы; выбор объектов зачастую случаен – без учета перспективы построения экспозиции. При этом допускаются необоснованные изменения и дополнения памятников. Кроме того, сплошь и рядом новодел ничем не отличается от подлинных частей и ничем от них не отделяется. Между тем в настоящее время наша наука располагает новейшими разработками методик по консервации строительных остатков, которые сейчас применяются в Ольвийском заповеднике. Эти методики позволяют получить неплохие результаты, и их следует распространить и на другие памятники.

Все сказанное более всего относится к реставрации. Как правило, проекты реставрации, если они есть, не имеют настоящих научных обоснований. Яркий пример тому настойчиво предлагавшийся киевскими реставраторами проект реставрации Царского кургана в Керчи. Проекты реставрации, как правило, не обсуждаются с компетентными специалистами. Реставрация находится на уровне

принципов, использовавшихся в XVIII и первой половине XIX в. Имею в виду принципы эмпирический и компиляции. Но сейчас недопустим и синтетический, или принцип целостной реставрации, применявшийся во второй половине XIX в. Использование перечисленных принципов ведет к безвозвратной научной, в общем и культурной, поскольку дает искаженную картину, гибели памятника. К сожалению, несмотря на неоднократные рекомендации проводить научную экспертизу обоснования таких реконструкций, никакой реакции не следовало. Не встречалось мне, в частности, обоснований и по поводу реставрации, которую проводит в Пантикапее в настоящее время В.П.Толстиков. В связи с этим возникает вопрос — не проще ли просто где—то рядом с памятником построить то, что автору больше по душе и не губить окончательно объект.

Хочу подчеркнуть, что одно дело реконструкция графическая. Здесь автор, и только он, расплачивается за степень научной обоснованности реконструкции. Если автор и напутал, придут другие и поправят. В противоположность этому, реставрация в натуре закрепляет ошибки автора на весьма длительное время, если вообще не до конца самого существования памятника. Как показывает мировой опыт, искажения, внесенные такой реставрацией, уже никогда устранить до конца невозможно — только вместе с памятником.

Для исправления существующего положения представляется необходимым следующее: разработка обоснования проекта реставрации должна осуществляться в первую очередь археологом при участии архитектора, инженера и технолога; проект реставрации должен проходить серьезную научную экспертизу с оценкой степени достоверности предложенного проекта, для чего в Украине необходимо создать экспертный совет из археологов и архитекторов, имеющих положительный опыт таких работ.

Среди многочисленных задач охраны памятников коскусь только того, чем должны заниматься и что должны решать археологи. Это, прежде всего, определение приоритетности (значения) памятников и последовательности их изучения. По поводу первого следует сказать, что во многом это делается стихийно и нередко людьми, не

имеющими достаточной научной квалификации. В связи с этим представлялось бы желательным пересмотреть существующие списки памятников, проведя настоящую научную экспертизу и разработав классификационную шкалу, отвечающую научным критериям. Существующие градации, основанные на уровне их адми-нистративной иерархии, не отвечают сути проблемы и уж тем более непригодны тогда, когда речь идет об участи памятников. Наиболее яркий отрицательный пример этому дают действия властей Севастополя, практически почти полностью уничтоживших усадьбы клеров античного Херсонеса. Приоритетность памятника должна зависеть от сугубо его научной иторико – культурной ценности, а не от уровня административного подчинения.

Особо нужно обратить внимание на такой вопрос, как последовательность исследования памятников. В последние несколько лет распространилась, к сожалению, тенденция случайного выбора памятников, когда решение о том, что копать, принимает спонсор, как это чуть не случилось с Кара – Обой. Разумеется, в наше тяжелое время пренебрегать спонсорскими деньгами нельзя. Но любая деятельность в этом направлении должна идти под контролем координационных советов, и определяющую роль в выборе памятников с учетом перспективного планирования разработки научных проблем должны играть археологи.

В заключение нам нужно отметить еще раз существующую разобщенность, в том числе и тематическую, исследователей, работающих на разных памятниках Крыма. Изучение этих объектов в натуре должно контролироваться и обсуждаться не за тысячи километров от места их нахождения, а здесь же – в Крыму, желательно с выездами на место. Координация и контроль за методикой должны быть не формальными, а реальными. Для этого, как уже говорилось, необходимо создать перспективную научную программу изучения памятников античной археологии в Украине, в целом, и в Крыму, в частности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БГИКЗ — Бахчисарайский государственный историко – культурный заповедник

ГЭ — Государственный Эрмитаж Российской Федерации

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской Академии наук

ИА РАН — Институт археологии Российской Академии наук

ИА НАНУ — Институт археологии Национальной Академии наук Украины

КГИКЗ — Керченский государственный историко – культурный заповедник

КГУ — Киевский государственный университет

КМК — Культура многоваликовой керамики

КО ИВ НАНУ — Крымское отделение Института Востоковедения Национальной Академии наук Украины

КФ ИА НАНУ — Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины

МГУ — Московский государственный университет

СГУ — Симферопольский государственный университет

ХГИАЗ — Херсонесский государственный историко – археологический заповедник

АРХЕОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ай – Тодор, мыс 91
Ай – Тодорский могильник 111
Ак – Кая, массив 146
Алустон, крепость 10,14, 15, 193
Алушта, город 10, 12, 15, 194
Альма, река 97, 269
Ангара, река 284
Артек 102
Аршинцево, р – он г. Керчи 249
Аю – Даг, гора 41, 102, 104, 120, 131
Баба – Даг, эрозионный останец 93
Бабуган 93, 198
Бай – Кият 151, 152
Бакла, городище 276, 280, 301
Баклинский овраг 276
Балаклава, город 237, 238
Балаклавское шоссе 235
Бахчисарай, город 52
Белая Скала, село Белогорского района 147
Бельбек, река 93
Бермана балка 214
Беляус, городище 82, 86, 87, 88, 90
Бинбаш – Коба, пещера (Тысячеголовая) 284
Биюк – Карасу, река 290, 292
Бодрак, река 148, 244
Бокальская коса 158
Бокальское озеро 155
Боспор 59, 183
Буревестник, село Нижнегорского района 153
Варзовка, мыс 128
Верхне – Юхарина балка 137. 138
Веселовка, село 186
Виноградный, мыс 294
Вишенное, село Белогорского района 147, 290
Вишенное I и II, стоянки 289, 292, 293
Владимировка, село Черноморского района 151
ГАБО, стоянка 184, 188, 241, 243, 244
Гамам – дере, балка 72, 73
Гаспра, поселок 105, 107, 108, 109
Генеральская бухта 191
Генеральское – Восточное, поселение 190
Генеральное – Западное, поселение 189
Гераклейский п – ов 138, 213, 235, 236, 294, 301
Героевка – 2, поселение 124, 125
«Госпиталь», поселение 249
Громово, село Черноморского района 80
Гурзуфское седло, перевал 214, 215, 217
Длинное озеро 150
Долгоруковская яйла 251, 254
Домик Крубера 199
Донузлав, озеро 155, 158, 159, 166
Дружное, могильник 254, 256, 260, 261
Дружное, село Симферопольского района 251, 253
Евпаторий 65
Евпатория, город 167
Енисала, пещера 284
Залесье, село Бахчисарайского района 90
Залесье, село Симферопольского района 250
Замиль – Коба пещера 145
Западно – Донузлавское городище 86
Заскальная V, стоянка 147, 148
Заскальная VI, стоянка 147
Зеленогорье, село Алуштинского терсовета 193, 199
Знаменское, село Черноморского района 88
Илурат 84, 86
Инкерманский могильник 261
Кабази I, III стоянки 268
Кабази II, стоянка 184, 188, 261, 268

Кабази V, стоянка 97, 98. 184, 188
Кадыковка, поселок 237
Казека, городище 78
Калиновая, балка 97
Караба – Абдерман урочище 24
Караби – Яйла 193, 199,
Калос Лимен 24, 171, 172, 303
Кальфа, поселок 37
Камышовая бухта 208, 213, 236
Канакская балка 193, 194, 197
Канлы – Дере балка 183, 189
Кансихор село 200
Кара – Коба, река 91
Каралез, река 93
Карантинная бухта 247, 249
Карантинный мыс 55, 56
Карасан, урочище 122
Кара – Тобе, городище 64—66, 89
Караул – Оба, гора 180
Кастель, гора 120
Кача, река 96
Качи – Кальон, монастырь 91, 95, 97
Кафа 11, 15, 18
Кемаль – ата, холм 163
Керкинитида 51, 158, 167, 169, 170, 172, 303
Керчь, город 55, 84, 124, 126, 249, 272, 303
Кизил – Коба, пещера 284
Кизильник, урочище 91, 95
Килен, балка 245
Киммерик, городище 74—77
Киркояшская котловина 75
Киркояшское поселение, юго – западное, северо – западное 78
Китей 191, 192, 262, 263
Кончакское поселение 78
Кончек гора 75
Кореиз, поселок 107
Кояшское озеро 74—75
Кояшское поселение, северное 78
Красная, балка 147
Краснокаменка, поселок 102
Красноперекопск город 150
Красносельское (бывш. Купан), село Черноморского района 87
Красноярское, село Черноморского района 87, 159, 162
Кроноткино, село Раздольненского района 154
Крым, город 15, 164
Куле – Бурун, мыс 91, 92, 93, 95, 96
Кульчукское городище, некрополь 80, 82, 93
Куртаирское ущелье 288
Кутлакское укрепление 180
Кызаульский маяк 75
Кыз – Кермен, городище 50
Лимена бухта 37
Лучистое, могильник 261
Лучистое, село, зона Алушты 301
Малиновка, село Бахчисарайского района 97
Мало – Садовое, село Бахчисарайского района 90, 91
МАН, пещера 284
Мангуп 47, 50, 74, 91, 95
Мангупский обвал 91, 93, 94, 95
Марьевка, поселок Ленинского района 75
Массандровский дворец Александра III 218
Машино, село Бахчисарайского района 50
Маячный, мыс 208, 210, 213, 214
Мекензиевы горы 235
Мелек – Чесмен, река (р. Приморская) 272
Митридат, гора 126—128, 245
Мирмекий, городище 55, 56, 60
Морское (б. Кансихор), село, зона Алушты 200
Мраморная, пещера 284
Мучное, село Кировского района 68
Неаполь Скифский 111, 119
Нейзац, могильник 261
Нимфей 124, 240, 241, 303
Новосельское, село Черноморского района 21
Новый Свет, поселок 37, 180
Озерное III, могильник 261
Омега бухта 213, 301
Опук, урочище в Ленинском районе 74, 75, 77, 78, 79
Ореанда, поселок 110

Ореховка – 1, 2 поселения Кировский район 67, 69
Осовины – 1, поселение 124, 128
Панаир, бухта 121
Паиское – 1, поселение 172
Пантикапей 124, 126, 245, 246
Параболический гребень 75
Партенит, мыс 121, 123
Партенит, поселок 40, 120, 121, 123
Перевальное, могильник 261
Перчем, гора 37, 39, 42
Песчаное, село Бахчисарайского района 224
Плака, мыс 120–123
Пошалы, урочище 193, 196
Предущельное, село Бахчисарайского района 6
Прекрасная Гавань Прекрасный Порт 172, 173, 174, 175, 179
Саки, город 60
Салачик, урочище 189
Сарандинакина балка 137, 141, 235, 236
Сары – Голь 198
Сары – Кая – 1, стоянка 147
Сасык, озеро 66
Сахарная головка 235
Сахы – Узень, река 199
Севастополь, город 235, 245
Срединный, мыс 208, 214
Скалистое, село Бахчисарайского района142, 242
Скалистый, грот 142, 144, 146, 148, 244
Славное, село Раздольненского района 155—156
Солхат 163
Софиевка, село Кировского района 68
Староселье, стоянка 183, 184, 187, 188
Стратагай, долина 198
Сугдея, Солдайя, Судак, город 180, 283
Судакская крепость 40—41, 43
Сурб – Хач, монастырь 33, 36
Суук – Коба (Холодная), пещера 284
Сюйренская крепость 41, 91
Сюрень грот 141
Тав – Бодрак I, II, местонахождения 244
Такиль, мыс 74
Тамирака 158
Тарханкутская возвышенность 153—155, 158
Тау – Кипчак 44
Таш – Аирская балка 91, 95, 96
Тепсень, мыс 40
Терновка, село Бахчисарайского района 91
Тешкли – бурун, мыс 70
Тиритакский вал 272
Узунларское озеро 75
Усть – Альминский могильник 224
Феодоро княжество 72
Феодосия, город 17
Фонтаны, село Симферопольского района 50
Фуна крепость 12
Харакс 198, 261
Херсонес 25, 38, 51, 64, 82, 88, 129—132, 134, 135, 137, 208, 214, 222, 227, 230, 238, 247, 248, 249, 298, 299, 303, 305
Холодная Балка, урочище 250
Чайка, городище 222
Чатыр – Даг, гора 283, 285, 286, 288, 289
Чатыр – Дагский могильник 111, 193, 197, 261
Чауда, мыс 75, 78
Чебацкая балка 75, 78, 79
Чебацкое южное поселение 18
Черная, река 245
Черноморское, пгт. 25, 171
Чернореченский могильник 261
Чобан – Куле 193, 200, 201, 203, 207
Чокракский, мыс 190
Чуфут – Кале 52, 165, 301
Шпиль, поселение 251, 253
Шубино – 1, Кировский район 69
Шубино – 2, Кировский район 69
Элькен, озеро 74
Эльтиген, поселок 124
Юхарина балка 236
Ялта, город 102, 110

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....5

Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Лысенко А.В., Мыц В.А., Татарцев С.В., Тесленко И.Б., Семин С.В. (Симферополь, Крым; С.–Петербург, Россия). **Исследования крепости Алустон.....10**

Айбабин А.И. (Симферополь, Крым) **Раскопки у с. Лучистое.....16**

Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. (Симферополь, Крым) **Работы Феодосийской экспедиции.....17**

Анохин В.В. (Симферополь, Крым). **Охранные раскопки курганов в районе с. Новосельское Черноморского района.....21**

Антонова И.А. (Севастополь, Крым). **Раскопки в цитадели Херсонеса.....25**

Бабаян Ф.С. (Ереван, Армения). **Раскопки монастыря «Сурб-Хач».....33**

Баранов И.А. (Симферополь, Крым). **Археологическое изучение Сугдеи-Солдайи.....37**

Баранов И.А., Майко В.В. (Симферополь, Крым). **Раскопки в портовом районе Судакской крепости.....43**

Бармина Н.И. (Екатеринбург, Россия). **Археологические исследования Мангупской базилики.....47**

Белый А.В. (Бахчисарай, Крым). **Работы на городище Кыз-Кермен.....50**

Белый О.Б., Неневоля И.И. (Бахчисарай, Крым). **Охранные раскопки мусульманского могильника в г. Бахчисарае.....52**

Виноградов Ю.А. (С.–Петербург, Россия). **Раскопки городища Мирмекий.....55**

Внуков С.Ю. (Москва, Россия). **Раскопки на Кара-Тобе у г. Саки.....60**

Гаврилов А.В. (Симферополь, Крым). **Разведки в Кировском районе.....67**

Герцен А.Г., Науменко В.Е., Черныш С.А. (Симферополь, Крым). **Археологические исследования на Мангупском плато.....70**

Голенко В.К. (Москва, Россия). **Работы Южно-Боспорской археологической экспедиции..74**

Голенцов А.С. (С.–Петербург, Россия). **Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989—1993 гг. 80**

Горончаровский В.А., Хршановский В.А. (С.–Петербург, Россия). **Раскопки верхнего некрополя Илурата.....84**

Дашевская О.Д. (Москва, Россия). **Работы в Черноморском районе Крыма.....86**

Душевский В.П. (Симферополь, Крым). **Сейсмогравитационные деформации Предгорного Крыма.....90**

Евтушенко А.И. (Симферополь, Крым). **Полевые исследования мустьерской стоянки Кабази-V.....97**

Жук С.М. (Симферополь, Крым). **Археологические разведки и охранные раскопки в окрестностях Ялты**.....102
Зайцев Ю.П. (Симферополь, Крым). **Исследования Южного дворца Неаполя Скифского**.....111
Зеленко С.М. (Киев, Украина). **Подводные исследования шельфа у мыса Плака**.....120
Зинько В.Н. (Керчь, Крым). **Охранные археологические исследования в г. Керчи**.....124
Золотарев М.И. (Севастополь, Крым), Дьячков С.В. (Харьков, Украина). **Раскопки общественного здания в портовом районе Херсонеса**.....129
Золотарев М.И., Ушаков С.В. (Севастополь, Крым). **Исследования в северо-восточном районе Херсонеса**.....134
Ковалевская Л.А. (Севастополь, Крым). **Работы на земельном наделе 341 и линии водопровода в Сарандинакиной балке**.....137
Коен В.Ю. (Киев, Украина). **Раскопки в гроте Скалистый**.....141
Колосов Ю.Г., Кухарчук Ю.В., Рыжов С.Н. (Киев, Украина). **Работы у скалы Ак-Кая**.....146
Колотухин В.А. (Симферополь, Крым). **Работы в Северо-Западном Крыму**.....150
Колтухов С.Г., Колотухин В.А., Кислый А.Е. (Симферополь, Крым). **О работах Северо-Крымской экспедиции**.....153
Крамаровский М.Г. (С.–Петербург, Россия). **Исследование средневекового Солхата**.....163
Кутайсов В.А., Павленков В.И. (Симферополь, Крым). **Раскопки Керкинитиды**.....167
Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. (Симферополь, Крым). **Археологические исследования Калос Лимена**.....171
Ланцов С.Б. (Симферополь, Крым). **Изучение Кутлакского укрепления в Юго-Восточном Крыму**.....180
Маркс Э.Э. (Аласс, США), Демиденко Ю.Э., Усик В.И. (Киев, Украина). **Раскопки в Староселье**.....183
Масленников А.А. (Москва, Россия). **О работах Восточно-Крымской экспедиции**.....189
Молев Е.А., Молева Н.В. (Нижний Новгород, Россия). **Раскопки Китея**.....191
Мыц В.А., Жук С.М., Кирилко В.П., Лысенко А.В., Смекалова Т.Н., Татарцев С.В., Тесленко И.Б. (Симферополь, Крым; С.–Петербург, Россия). **Археологические разведки в Горном Крыму**.....193
Мыц В.А., Кирилко В.П., Лысенко А.В., Татарцев С.В., Тесленко И.Б. (Симферополь, Крым). **Исследования средневекового укрепления Чобан-Куле**.....200
Николаенко Г.М. (Севастополь, Крым). **Охранные работы на хоре Херсонеса Таврического**.....208
Новиченкова Н.Г. (Ялта, Крым). **Десятый полевой сезон на Гурзуфском Седле**.....214
Новиченкова Н.Г. (Ялта, Крым). **Разведка на территории Массандровского дворца Александра III**.....218
Попова Е.А., Коваленко С.А. (Москва, Россия). **Работы Крымской экспедиции МГУ**.....220
Пуздровский А.Е., Лобода И.И. (Симферополь, Бахчисарай, Крым). **Раскопки Усть-Альминского могильника**.....224

Романчук А.И. (Екатеринбург, Россия). **Раскопки в портовом квартале 2 Херсонесского городища**.....227
*Рыжов С.Г. (Севастополь, Крым)***Исследование жилых усадеб в Северном районеХерсонеса**.....230
Савеля О.Я. (Севастополь, Крым). **Работы Севастопольской экспедиции**.....235
Седикова Л.В. (Севастополь, Крым). **Раскопки водохранилища в Херсонесе**.....238
Соколова О.Ю. (С.–Петербург, Россия). **Работы Нимфейской экспедиции**.....240
Степанчук В.Н. (Киев, Украина). **Работы Горно-Крымской палеолитической экспедиции**.....241
Толстиков В.П. (Москва, Россия). **Раскопки Пантикапея**.....245
Ушаков С.В. (Севастополь, Крым). **Исследование некрополя Херсонеса у Карантинной бухты**.....247
Федосеев Н.Ф. (Керчь, Крым). **Исследование поселения «Госпиталь»**.....249
Филатов А.И. (Симферополь, Крым). **Разведки в урочище «Холодная Балка»**.....250
Храпунов И.Н., Власов В.П. (Симферополь, Крым). **Раскопки Кизил-Кобинского поселения Шпиль**.....251
Храпунов И.Н., Мульд С.А., Хайрединова Э.А. (Симферополь, Крым). **Исследование позднеримского могильника Дружное**.....254
Хршановский В. (С.–Петербург, Россия). **Раскопки некрополя Китея**.....262
Чабай В.П., Жук С.М. (Симферополь, Крым). **Раскопки палеолитической стоянки Кабази-II**.....267
Шаров О.В. (С.–Петербург, Россия). **О раскопках в районе Вокзального шоссе в г. Керчи**.....272
Юрочкин В.Ю., Петровский В.А. (Симферополь, Крым). **Исследования в районе городища Бакла**.....276
Ядыкин В.И. (Симферополь, Крым). **Археологические разведки на Нижнем плато Чатыр-Дага**.....283
Яневич А.А. (Киев, Украина). **Охранные раскопки стоянок Вишенное I и II**.....289
Яшаева Т.Ю. (Севастополь, Крым). **Раскопки пещерного комплекса у мыса Виноградный**.....294
МЕТОДИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ
Крыжицкий С.Д. (Киев, Украина). **Основные направления и проблемы развития античной археологии на Украине**.....296
Список сокращений.....307
Археолого-географический указатель.....308

CONTENTS

INTRODUCTION.....5

Adaksina S.B., Kirilko V.P., Lysenko A.V., Mylz V.L., Tatartsev S.V., Teslenko I.B., Seomin S.V. (Simferopol, Crimea; St.Petersburg, Russia). **Research of Aluston Fortress.....10**

Aibabin A.I.(Simferopol, Crimea). **Archaeological Excavations near the Village of Luchistoe.....16**

Aibabina E.A., Bocharov S.G.(Simferopol, Crimea). **Theodosia Expedition.....17**

Anokhin V.V.(Simferopol, Crimea). **Safequard Excavation of Barrows in the region of Novoselskoe, Chernomorski district.....21**

Antonova I.A. (Sevastopol, Crimea). **Excavations in the citadel of Chersonesos.....25**

Babayan F.S. (Erevan, Armenia). **Excavation of the «Surb-Khach» Monastery.....33**

Baranov I.A. (Simferopol, Crimea). **Archaeological Research of Sogdaia-Soldaia.....37**

Baranov I.A., Maiko V.V. (Simferopol, Crimea). **Excavation in the Port District of Sudak Fortress.....43**

Barmina N.I. (Ekaterinburg, Russia). **Archaeological Research of Mangoup Basilica.....47**

Beliy A.V. (Bakhchisarai, Crimea). **Works in Kyz-Kermen Fortified Settlement.....50**

Beliy O.B., Nenevolia I.I. (Bakhchisarai, Crimea). **Safeguard Excavations of the Moslem Cemetery in Bakhchisarai.....52**

Vinogradov Yu.A. (St.Petersburg, Russia). **Excavation of Myrmekion.....55**

Vnukov S.Yu. (Moscow, Russia). **Excavation in Kara-Tobe near Saki.....60**

Gavrilov A.V. (Simferopol, Crimea). **Archaeological Reconnaissance in Kirov District.....67**

Gertzen A.G., Naumenko V.E., Chernysh S.A. (Simferopol, Crimea). **Archaeological Research on Mangoup Plateau.....70**

Golenko V.K. (Moscow, Russia). **Works of South-Bosphorion Archaeological Expedition.....74**

Golentzov A.S. (St.Petersburg, Russia). **Safeguard Excavation of Ancient Kulchuk Fortified Settlement and Cemetery.....80**

Goroncharovskiy V.A., Khrshanovsky V.A. (St.Petersburg, Russia). **Excavations in the Upper Necropolis of Illuraton.....84**

Dashevskaya O.D. (Moscow, Russia). **Works in Chernomorski District of the Crimea.....86**

Dushevski V.P. (Simferopol, Crimea). **Seismogravitational Deformations of Pre-Mountaneous Crimea.....90**

Evtushenko A.I. (Simferopol, Crimea). **Field Research of Mousterian Site Kabazi-V.....97**

Zhuk S.M. (Simferopol, Crimea). **Archaeological Reconnaissance and Safeguard Excavations in the Neighbourhood of Yalta.....102**

Zaitzev Yu.P. (Simferopol, Crimea). **Research of Southern Palace of Neapolis Scythian.....111**

Zelenko S.M. (Kiev, Ukraine). **Under-water Research of the Shelf near the Cape of Plak.....120**

Zinko V.N. (Kerch, Crimea). **Safeguard Archaeological Research in Kerch and its Neighbourhood.....124**

Zolotareov M.I. (Sevastopol, Crimea), Djachkov S.V. (Kharkov, Ukraine). **Excavations of Public Building in the Port District of Chersonesos.....129**

Zolotareov M.I., Ushakov S.V. (Sevastopol, Crimea). **Researches in the North-Eastern District of Chersonesos.....134**

Kovalevskaya L.A. (Sevastopol, Crimea). **Excavations on Land Plot 341 and Running Water in the Sarandinaki Ravine.....137**

Kohen V.Yu. (Kiev, Ukraine). **Excavations in «Skalistoe» Grotto.....141**

Kolosov Yu.G., Kukharchuk Yu.V., Ryzhov S.N. (Kiev, Ukraine). **Works near Ak-Kaya Rock.....146**

Kolotukhin V.A. (Simferopol, Crimea). **Works in the North-Western Crimea.....150**

Koltukhov S.G., Kolotukhin V.A., Kisli A.E. (Simferopol, Crimea). **On Works of the North-Crimean Expedition.....153**

Kramarovski V.G. (St.Petersburg, Russia). **Research in Medieval Solkhat.....163**

Kutaisov V.A., Pavlenkov V.I. (Simferopol, Crimea). **Excavations of Kerkinitis.....167**

Kutaisov V.A., Uzhentzev V.B. (Simferopol, Crimea). **Archaeological Research of Kalos Limen.....171**

Lantzov S.B. (Simferopol, Crimea). **Research of Kutlak Fort in the South-Eastern Crimea.....180**

Marx E.E. (Dallas, USA), Demidenko Yu.E., Usik V.I. (Kiev, Ukraine). **Excavations at Staroselie.....183**

Maslennikov A.A. (Moscow, Russia). **On Works of the Eastern-Crimean Archaeological Expedition.....189**

Molev E.A., Moleva N.V. (Nizhni Novgorod, Russia). **Excavations at Kitei.....191**

Mytz V.L., Zhuk S.M., Kirilko V.P., Lysenko A.V., Smekalova T.N., Tatartzev S.V., Teslenko I.B. (Simferopol, Crimea; St.Petersburg, Russia). **Archaeological Reconnaissance in the Mountaneous Crimea.....193**

Mytz V.L., Kirilko V.P., Lysenko A.V., Tatartzev S.V., Teslenko I.B. (Simferopol, Crimea). **Research of Medieval Choban-Kule Fort.....200**

Nikolayenko G.M. (Sevastopol, Crimea). **Safeguard Works in Chersonesos Taurican Chora.....208**

Novichenkova N.G. (Yalta, Crimea). **The Tenth Field Season in Gurzuf Mountain Pass.....214**

Novichenkova N.G. (Yalta, Crimea). **Archaeological Reconnaissance on the Territory of Massandra Palace of Alexander III.....218**

Popova E.A., Kovalenko S.A. (Moscow, Russia). **Works of Crimean Archaeological Expediion of MSU.....220**

Puzdrovski A.E., Loboda I.I. (Simferopol, Bakhchisarai, Crimea). **Excavations of Ust-Alma Cemetery.....224**

Romanchuk A.I. (Ekaterinburg, Russia). **Excavations in Port District 2 of Chersonesos.....227**

Ryzhov S.G. (Sevastopol, Crimea). **Research of Dwelling Country Estates in the North District of Chersonesos.....230**

Savelya O.Ya. (Sevastopol, Crimea). **Works of Sevastopol Expedition.....235**

Sedikova L.V. (Sevastopol, Crimea). **Excavations of Running Water Supply in Chersonesos.....238**

Sokolova O.Yu. (St.Petersburg, Russia). **Works of Nimphei Expedition.....240**

Stepanchuk V.N. (Kiev, Ukraine). **Works of Mountaneous-Crimean Palaeolithic Expedition.....241**

Tolstikov V.P. (Moscow, Russia). **Excavations at Pantikapaion 245**

Ushakov S.V. (Sevastopol, Crimea). **Research of Chersonesos Necropolis near Karantin Small Bay** 247
Fedoseev N.F. (Kerch, Crimea). **Researches of «Hospital» Settlement** 249
Filatov A.I. (Simferopol, Crimea). **Archaeological Reconnaissance in Natural Boundary «Kholodnaya Balka»** 250
Khrapunov I.N., Vlasov V.P. (Simferopol, Crimea). **Excavations of Kizil-Koba Settlement Shpil** 251
Khrapunov I.N., Moold S.A., Khairedinova E.A. (Simferopol, Crimea). **Researches of Late-Roman Druzhnoe Cemetery** 254
Khrshanovsky V.A. (St.Petersburg, Russia). **Excavations of Kitei Necropolis** 262
Chabai V.P., Zhuk S.M. (Simferopol, Crimea). **Excavations of Early-middlls Palaeolithic site Kabazi II** 267
Sharov O.V. (St.Petersburg, Russia). **On Excavations in the Disrict of Vokzal Highway in Kerch** 272
Yurochkin V.Yu., Petrovski V.A. (Simferopol, Crimea). **Researches in the District of Bakla Fortified Settlement** 276
Yadykin V.I. (Simferopol, Crimea). **Archaeological Reconnaissance in the Low Plateau of Chatyr-Dag** 283
Yanevich A.A. (Kiev, Ukraine). **Safeguard Excavations of the Sites Vishennoe I and Vishennoe II** 289
Yashaeva T.Yu. (Sevastopol, Crimea). **Excavations of Cave Complex near Vinogradni Cape** 294
METHODS AND PERSPECTIVES OF THE DEVELOPMENT OF SCIENCE
Kryzhitzki S.D. (Kiev, Ukraine). **Main Trends and Problems of the Development of Ancient Archaeology in Ukraine** 296
General abbreviations 307
Archaeology-Geographic index 308

С целью унификации научной документации и приведения ее в соответствие с современными требованиями Крымский полевой комитет предлагает составлять отчеты о раскопках по следующей схеме:

1. Титульный лист.
2. Оглавление.
3. Предисловие (отражаются сумма и источники финансирования работ, состав экспедиции и т.д.)
4. Методика раскопок.
5. Общая стратиграфия и периодизация памятника.
6. Описание археолого – архитектурных комплексов памятника в увязке с характеристикой культурных напластований и сопутствующего археологического материала (основной текст отчета).
7. Заключение (помимо основных итогов полевых исследований в нем следует отразить — какие консервационные мероприятия проведены экспедицией).
8. Список иллюстраций.
9. Коллекционная (инвентарная или полевая) опись находок.
10. Опись полевых материалов (перечень полевой документации).
11. Опись полевых чертежей.
12. Опись фотонегативов.
13. Справка о сдаче на хранение археологической коллекции.
14. Иллюстрации (графические и фотографии).

Рекомендуем авторам отчетов при наличии большого количества монет или другой группы находок представлять отдельную их опись, а также характеристику антропологического и остеологического материала.

Государственный комитет Крыма по охране и использованию памятников истории и культуры и Крымский филиал ИА НАН Украины напоминают всем работающим на полуострове исследователям, что предварительные заявки на раскопки в 1995 г. для их всестороннего рассмотрения следует представить до ноября 1994 г.; отчеты о проведенных раскопках необходимо сдавать в Полевой комитет не позднее 1 апреля следующего года.

Крымский филиал института археологии НАН Украины просит всех археологов и представляемые ими учреждения, в том числе по международным программам, скоординировать перспективную тематику своих полевых исследований до конца 1994 г. и планы работ на ближайшие годы на полуострове.

Научное издание

Археологические исследования в Крыму. 1993 год

Сборник научных трудов

Редактор Г. Н. Гржибовская
Технический редактор Н. Д. Крупская
Художественный редактор М. М. Лукьяница
Корректор Л. Г. Стахурская
Верстка Т. И. Конькова

Подписано в печать с оригинал — макета 22.09.94. Формат 70x90/16.
Бумага типографская №1. Гарнитура Балтика. Уч. — изд. л. 14,25.
Тираж 1000 экз. Заказ 246

Издательство «Таврия», 333000, г. Симферополь, ул. Горького.5

Отпечатано с оригинал — макета в типографии издательства «Таврида»,
333700, г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44